

ВИКТОР МУРАВЛЕНКО

Александр
Трапезников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Великих людей рождают великие эпохи. Герой этой книги — В. И. Муравленко принадлежит к славной когорте выдающихся организаторов и созидателей советского времени. Трудно переоценить тот вклад, который он внес в освоение природных богатств Западной Сибири — ее нефтяных и газовых месторождений, в преобразование этого сурового края. Не случайно крупнейшие специалисты нефтегазовой промышленности считают, что и сегодня, спустя тридцать лет после кончины В. И. Муравленко, страна в основном обеспечивается запасами и мощностями, созданными в период работы «Главтюменнефтегаза» и его легендарного руководителя.

Его именем названы город и месторождение в Ямало-Ненецком автономном округе, институт и улицы в Тюмени и Жигулевске, общественный фонд, вершина одного из горных массивов Восточной Сибири, плавучая буровая установка. В этом — дань уважения последователей и потомков человека, отдавшего всю свою жизнь служению своему народу.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Александр Трапезников](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава первая](#)

- -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 - [INFO](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1305

(1105)

Александр Трапезников

ВИКТОР МУРАВЛЕНКО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Издательство выражает признательность
А. Н. Федотову,
Ю. Я. Горожанкину и В. Н. Рафиковой
за помощь в подготовке книги к печати.*

© Трапезников А. А., 2007

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007

ПРОЛОГ

Огромный муравейник, перед которым стоял человек в болотных сапогах и цивильной шляпе, напоминал жилой дом. Или суетливый город. Или даже целое царство. Таежное сибирское царство-государство, где каждый муравей трудился от зари до зари, — и так всю жизнь, в которой все устремления и усилия были направлены на достижение одной общей цели. Тысячи и миллионы маленьких насекомых работали с такой слаженностью и взаимодействием, как ни одно существо в мире. Они достигли того поразительного сотрудничества и дисциплины, до которых далеко людям. Между ними постоянно происходил обмен информацией, они подавали друг другу какие-то жесты, метили тропы, оставляя пахучие, распознаваемые между собой запахи, торопливо сновали туда-сюда, вверх-вниз, почти не останавливаясь ни на секунду.

Человек опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть это природное чудо. Раннее сентябрьское утро выдалось прохладным, моросил мелкий дождик. Но муравьев это не останавливало: надо успеть. Надо еще построить новые пути-дороги, обустроить гнезда, добыть и заготовить впрок пищу, покормить, почистить и перенести в более безопасное место личинки. И, наверное, пустить к этой живой машине на короточках бесстрашных разведчиков — что это? кто? зачем тут? чего ему надо?

Человек улыбался, глядя на серьезно, деловито копошащихся муравьев. Он знал, что обязанности среди них четко распределены. Тут были строители, кормильцы, фуражиры, няньки, воины. Простые рабочие муравьи и царица. Самцы и самки крылатые. Ну конечно, какая же любовь без крыльев? А вот эти —

насторожившиеся и принявшие боевую позу у его ног — эти, разумеется, солдаты, с более массивными головами и челюстями. Они будут охранять входы в муравейник насмерть. Были тут и листорезы, вырезающие целые пластины из упавшей листвы, и носильщики, крепко сложенные и резвые на бегу, тащащие на себе то гусеницу, то мертвую бабочку — один не справится, трое-пятеро помогут, перенесут груз в десятки раз больше собственного веса. Известные силачи! Куда там слону, если уж сравнивать в пропорциях и в подъеме тяжестей. Все есть, любые профессии.

«Нефтяников только нету», — все еще улыбаясь, подумал мужчина. Но они им и не нужны. Нефть нужна людям. А здесь главное, чтобы одни другим не мешали. Мал муравей, а какую пользу лесу приносит! Их на Земле более десяти тысяч видов, по численности едва ли меньше, чем комаров. Но от комара какой прок? Мужчина хлопнул себя по щеке, к которой один уже и присосался. А муравьи — труженики, целители, предсказатели погоды, очищают деревья от гусениц-листоверток, от шелкопряда, от личинок майских жуков. Один муравейник за сезон — с апреля по октябрь — может уничтожить до пяти миллионов вредных насекомых, за сутки — до двадцати тысяч их яиц и личинок. А таких колоний в лесу должно быть на гектар не менее пяти. Золотые слова: тот, кто срубил дерево, — браконьер, а тот, кто разрушил муравейник, — браконьер во сто крат, потому что он оставил без защиты многие сотни деревьев.

Муравьи-разведчики вытягивали к непрошеному гостю усики-антенны, были они от природы близоруки и глухи. Но, видно, инстинктом поняли, что эта человеческая громадина вреда им не нанесет. Царство их прилепилось к южной стороне пня, вот уже они вновь забегали, заползали по пологому склону, исчезая в глубине пирамиды.

— Ну что, друзья-братья, — радушно промолвил человек, — пойду я. Нечего вам мешать, меня самого дела ждут.

Словно подтверждая его слова, где-то из-за ельника, там, где кончалась окраина старого купеческого деревянного городка и начиналась болотистая тайга, коротко просигналила машина. Но человеку не хотелось уходить. Он был в приземистой Тюмени всего вторые сутки, а всё никак не мог надышаться вкуснейшим сибирским воздухом. Даже астма забылась. Было ему чуть больше пятидесяти лет, лицо волевое, с кустистыми бровями и пронзительным взглядом карих глаз. Во всем облике чувствовалась недюжинная сила, энергия, та властная мощь, которая отличает человека решительного и целеустремленного от робкого и путающегося в трех соснах. К истине ведет не только ум, но и стальная воля, умение самоорганизовываться и требовать того же от других. Это как в том же муравейнике, который вверен тебе судьбой. Параллель была слишком очевидна, и мужчина бросил последний взгляд на расположившееся перед ним идеальное муравьиное царство. Неделю назад в Москве был подписан важный приказ. Теперь он делает его самым главным в этом нефтяном и газовом крае. Но думалось сейчас о другом. В конце концов, важнее не кто ты в этой иерархической пирамиде, где каждый занят общим и единым делом, где твое благо — это благо всех, а зачем ты вообще пришел в этот чудесный, но порою не всегда справедливый и разумный мир? Может быть, именно для того, чтобы сделать его более справедливым и разумным? Ведь иначе придут другие и разрушат созданное тобою муравьиное царство.

И еще. Еще одно, возможно, самое главное, что отчетливо осознал этот крепкий, коренастый человек, похожий на полководца перед решающим сражением. Он приехал сюда как на фронт, как на великую битву, в

которой могут быть отдельные неудачи, но которую нельзя проиграть. Слишком велика цена победы и поражения. И хотя с той, последней войны прошло ровно двадцать лет, но теперь именно здесь, в тюменской Сибири, также решается судьба всей страны. Ее будущее. И это станет его главной битвой, его Сталинградом. Только так.

Мужчина взглянул на часы, потом включил висевшую на ремешке в потертom кожаном чехле «Селгу». Радиоприемник похрипел, издал какие-то музыкальные звуки, затем голосом далекого диктора произнес:

— Сегодня восемнадцатое сентября, семь часов пятнадцать минут. Коротко о последних известиях. Соединенные Штаты Америки продолжают свою агрессию против Вьетнама, активные боевые действия идут южнее двадцатой параллели. Продолжает развиваться военный конфликт между Индией и Пакистаном, бои идут за территорию индийского штата Кашмир... Мальдивские острова обрели независимость, выйдя из-под юрисдикции Великобритании... Делегация Индонезии покинула ООН... В Доминиканской Республике не затухает гражданская война... Канада официально утвердила красный кленовый лист в качестве своего национального символа — элемента государственного флага...

Точно такой же лист несколько муравьев тащили сейчас в свое царство, упорно и деловито, не обращая больше внимания на улыбающегося человека. Он выключил «Селгу», сказал сам себе: «Пора».

— Виктор Иванович! — позвал откуда-то из-за деревьев беспокоившийся шофер.

— Иду! — откликнулся Муравленко.

И твердо зашагал по тропе.

Глава первая

1

Чудесным во всех проявлениях утром девятого июля 2006 года два человека хлопотали вокруг мангала в Лосином острове. Место было привычным, отдыхали тут с шашлыками не раз, не слишком далеко удаляясь в лес от Окружной дороги. Да и до дома, в Гальяново, рукой подать. Заповедный Лосиный остров тянулся от окраины Москвы аж до Мытищ. За костер могли и штрафануть, поэтому заранее приготовили древесный уголь. Все остальное было уже промариновано, порезано и даже налито. Оба человека были не только соседями по лестничной клетке, но и, несмотря на значительную разницу в возрасте, приятельствовали. Объединяла их великая и безумная любовь — к футболу. Эта игра, занесенная к нам, должно быть, не иначе как инопланетянами, способна примирить самых лютых врагов, остановить войны и заставить все человечество позабыть о своих насущных делах и прильнуть к телевизионным экранам. А вечером как раз должен был состояться финальный матч чемпионата мира: Италия — Франция. И хотя два «шашлычника» болели за разные команды, это нисколько не мешало им пребывать в праздничном настроении и дружелюбно подшучивать друг над другом.

Старший из них, плотного телосложения, с заметным южно-русским говорком, выглядел моложаво, хотя было ему уже хорошо за шестьдесят. Все его многочисленное семейство — жена, дочери, внуки — было заблаговременно отправлено на подмосковную дачу, чтобы не мешалось и не путалось под ногами во время

футбольного матча. Младший, лет двадцати, был долговязым и худым. Куда делись его подружки в этот долгожданный день — о том история умалчивает. Все-таки футбол — это игра настоящих мужчин, женщины могут отдыхать.

Угли на дне мангала уже покраснели и потрескивали. Юноша начал поворачивать шампуры с мясом, старик — прогонять рыжих муравьев с разложенной на скатерке трапезы.

— Мелкие, а хищники, — проворчал он. — У нас на Самотлоре куда деликатнее к человеку относились.

— Служил там, дядя Коля? — поинтересовался молодой, помахивая над мангалом картонкой.

— Какой служил, работал! — отозвался тот. — Бурильщиком.

— Чего бурил-то? Дырки в карманах у прохожих? — у него было веселое настроение, сам же и засмеялся.

Но дядя Коля, на которого вдруг что-то нахлынуло, был настроен на серьезный лад. Так бывает, когда внезапно повеет каким-то ветерком из прошлого и застигнет тебя врасплох.

— Нефть, — коротко сказал он. И, помолчав немного, добавил: — Вот ту самую нефть и газ, на которые все мы сейчас живем и которые прожираем. Тебе, Лешка, этого не понять, потому как вы только «Клинское» бурить и умеете.

— Где уж нам с вами, динозаврами, тягаться! — ничуть не обиделся молодой. — А вот ответь-ка ты мне, дядя Коля, на такой вопрос. Чего это ты и в жару, и в холод, зимой и летом всегда в галстук ходишь? На рыбалку в мае ездили — и туда эту удавку на шею навязал. Вот и сейчас тоже. Ты, часом, и в баню с ней вместо веника не ходишь, чтобы не перепутали?

Леша, в принципе, подколот в цель: было уже достаточно жарко, да к тому же они сидели не в приемной у министра, а в лесу, но дядя Коля все равно

пребывал в пиджачке и галстукe, хотя и со свободным узлом. Его юный напарник был в соответствующей случаю футболке с модным нынче логотипом «СССР», правда, почему-то на английском языке — «USSR». Можно подумать, что великая некогда страна стала уже завоеванием англосаксов.

— Это талисман мой, — ответил старый бурильщик. — С юности.

— И все один и тот же, так и не меняешь? — подкузьмил Леша.

— Да у меня их шкаф целый, в штабеля спрессованы! Могу и тебе подарить, штук сорок.

— Спасибо, не надо. Нам что полегче.

— Ну да. Блинболку эту с козырьком до носа да серьгу в ухо, а то и в ноздрю, — не остался в долгу дядя Коля.

— Один — один, — кивнул Алексей. — Так почему именно галстук-то? Что за талисман?

— А такой, — ответил старик, поглядывая на шашлык, с которого уже закапал сок. — Первый галстук мне подарил один мудрый человек, там, в Тюмени. Я уже был небольшим начальником в отделе снабжения, а продолжал ходить как простой помбур, в самом расхристанном виде. Считал, что так легче дышится, вольнее. Чуть постарше тебя был. В голове не ветер уже, но еще ветерок. А он — самый большой человек там — остановил меня и, хоть нареканий по моей работе не было, прочел целую шутейную лекцию, «Трактат о галстуках». И знаешь, какой была основная мысль?

— Ну?

— Галстук — дисциплинирует. Вот надел его — и уже помнишь, что несешь ответственность не только за самого себя, но и за людей. За дело. Так говорил Муравленко. А я тот галстук особо храню.

Алексей побрызгал шашлыки водой из пластиковой бутылки. Потом рассеянно спросил:

— А кто такой Муравленко?

Дядя Коля как-то разочарованно крикнул.

— И-эх! Ну как тебе ответить? Сказать, что он был начальником «Главтюменнефтегаза», так ты не поймешь. Поэтому, если проще: он был первым человеком в Сибири по нефти и газу, царь и бог. Считаю, что и во всем СССР. В том самом, которое у тебя теперь на спине намалевано, да еще не по-нашенски.

— Олигарх, что ли? — уточнил Леша.

— Сам ты — олигарх! — расстроился дядя Коля. — Тогда такие по щелям да норам сидели, как тараканы, потом высыпались. И тот же «Главтюменнефтегаз» по кускам растащили. Но это уже после смерти Муравленко. Он бы не допустил. Это был человек с железной волей. Может быть, и предельно жесткий, требовательный, но глубоко порядочный. И простой. Словом, государственный муж. Стратег. Таких больше нет.

Он глубоко вздохнул и поправил галстук, будто соприкоснулся рукой с ушедшим временем.

— Сейчас нет, завтра будут, — утешил его Алексей.

— Видишь вон тот муравейник? — показал в сторону опушки дядя Коля. — Это ведь целая система, которая исправно работает только тогда, когда в ней абсолютный порядок. Законность. Каждый занят своим делом. Своим, но общим. Иначе бардак. Труба в Судный день. Так вот, при Викторе Ивановиче главк работал как часы-хронометр, без перебоя. Потому что он был великим организатором производства. К тому же настоящим профессором в своем деле, главк был как государство в государстве. Ну, вроде Ватикана в Риме.

— А он, значит, папа римский, — пошутил молодой.

— А чего ты смеешься? Если хочешь знать, Муравленко в нефтегазовой промышленности примерно то же, что Королев — в космосе. Ты попробуй нести на себе такую махину! Ведь он приехал в Тюмень, когда

там практически не было никакой нефти, так, была небольшой струйкой.

— А стоило вообще ехать в такую дыру? — Леша не понимал, чего это дядя Коля так возбудился. Даже покраснелся, как угли в мангале. — Давай лучше о победе Италии на чемпионате мира поговорим.

— Во-первых, все равно Франция победит, — ответил тот. — А во-вторых, тебе хоть о чем-нибудь говорят такие названия, как Самотлор, Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Ханты-Мансийск?

— Ну.

— Что — «ну»?

— Ну, города такие. Где-то в Сибири.

— Сибирь велика. Ломоносов говорил, что величие России Сибирью прирастать будет. А мы там эти слова переиначивали: Россия величием Сибири прирастет. А Тюменский край — это пять Франций, чтоб ты знал. Так что, если по справедливости, Тюмень должна пять раз твой итальянский сапог расколошматить.

— Ага, не дожدهшься! Пока у нас тренер не сменится — никогда и нипочем нигде не выиграем.

— Какой тренер? В стране или в футбольной сборной?

Разговор у них как-то совсем запутался: здесь тебе и нефть, и финальный матч, и Апеннины с Францией, и геополитика... Тут как раз и шашлык «созрел». Минут через пять-семь старший товарищ решил продолжить:

— Когда мы приехали — ничего не было. Кроме комарья и гнуса. И сплошные болота. Тайга, тундра. Это тебе не Канада.

— Ты о чем, Александрыч? — спросил Леша, уже успев подзабыть, о чем у них шел разговор. Все его мысли были устремлены к футбольному поединку. Он даже иногда ногой дрыгал, будто забивал мяч.

— О том же. Это был настоящий прорыв в космос. В поистине космические масштабы нефти и газа. Создали

самый крупнейший в мире энергетический комплекс. И практически на пустом месте. На тех же болотах. Когда зимой морозы под минус сорок, а летом — жара плюс тридцать. Когда никаких дорог, никаких коммуникаций, условий для жизни. Это всё потом появилось. Была только вера и голый энтузиазм. Были люди. Особого, скажу тебе, склада. И был Муравленко.

— Да сшибали-то, поди, не плохо?

— Ну а как же? Но кто ехал только за деньгами, тот долго не выдерживал. Не всё можно рублем мерить или вашим долларом. Есть же еще что-то... Какая-то мечта, идея. Цель, в конце концов. Если с юности цель и идея мелкие — пиши пропало. Сейчас в основном время бессовестных, бесцельных, а главные мечты — как бы облапошить кого да стать банкиром, купить себе «Челси» или нефтяную скважину, на худой конец. О девушках и говорить нечего: тут либо модель, либо валютная путина.

— Путана, — поправил Алексей. — Но их теперь действительно как во время путины на треску. Или стерлядь. Но Ленка-то твоя не такая. Она просто честно хочет выйти замуж за миллионера.

Он имел в виду младшую внучку дяди Коли, которой на днях минуло семнадцать. Тот на это среагировал подозрительно:

— Она тебе сама об этом говорила?

— А чего, мы же соседи... — И Леша стал переводить стрелку на прежнюю тему, менее для него опасную. — Вот ты говоришь: Муравленко. А по-моему, командовать этим вашим главком одно удовольствие. Сиди себе в кабинете и приказывай. Этому сюда идти, этому туда ехать.

Дядя Коля даже обиделся после таких слов. Едва шашлыком не подавился. Закашлявшись и побагровев, он сказал:

— Да Виктор Иванович и в кабинете-то не сидел, всюду сам ездил! С его появлением в Тюмени даже сутки стали длиннее на несколько часов. Потому что некогда было отдыхать. Вот я тебе сейчас немного расскажу, как все было. Как начиналось.

— Только без моральных проповедей, ладно? — попросил Леша. — У меня уши не цветник, поливать не надо.

— Хорошо. Только правду. То, что сам знаю, что другие рассказывали. Муравленко приехал в Тюмень в самом начале осени 1965 года. Приехал как на фронт, потому что здесь был самый главный плацдарм борьбы за нефть и газ, именно сюда переместился передний край всей нашей нефтяной промышленности. Это было нечто вроде войсковой операции, да и под началом у Виктора Ивановича оказалась целая армия. Что там армия! Фронт. А кстати, не зря Муравленко так почитал маршала Жукова. Они были даже чем-то похожи, скульптурно. Кряжистые, широкие лбы, что-то монументальное в лицах. А прежде всего — решительность и умение брать ответственность на себя. И не только брать, но и находить выход, самое верное решение. Полководцы, — одно слово.

— Жуков — это который войну выиграл? — безалаберно спросил Леша.

Дядя Коля посмотрел на него тяжелым взглядом. Вздохнул.

— Он самый, Георгий Константинович. Вы, ребята, — чего? В какой стране живете? Скоро и про Суворова ничего помнить не будете.

— Да знаю я, просто уточнил, — несколько смутился Алексей. — А Суворова я недавно читал даже. «Аквариум».

— Это ты предателя читал, — плюнул дядя Коля. — А я тебе про нашего прославленного генералиссимуса толкую, Александра Васильевича Суворова-Рымникского.

— Тоже знаю, через Альпы перешел. И не вернулся. В Куршевеле остался, на весь лыжный сезон.

— Ты, Лешка, у меня дождешься, — дядя Коля пригрозил своему юному собеседнику шампуром. — Проткну и зажарю, угли еще есть. Я ведь бывший бурильщик, а у нас в Сибири лишних слов на ветер не бросают. Так что не гони гониво.

— Молчу-молчу! — засмеялся Алексей. — Ладно, пой дальше. Даже интересно становится. До финального матча еще уйма времени. Можно пока и в прошлое окунуться.

— А кто не знает своего прошлого — у того нет и будущего, — изрек дядя Коля. — Только мы как-то все «окунаемся» в него либо как в прорубь, либо как в крутой кипяток. То леденеем от ужаса, то краснеем от стыда, как сваренные раки. А это наша история. Хорошая ли, плохая — но другой нет. И я тебе так скажу: это живой источник, родник, в который нельзя мусорить. Надо постоянно черпать из него чистую воду, пить ее драгоценными глотками.

— Это ты хорошо сказал, — согласился Алексей. — Но давай за вторую порцию баранины приниматься.

Что и сделали. Горьковато-сочный зеленый лук с домашнего огорода оказался как нельзя кстати. Мясистые помидоры тоже были свои, и ароматная вареная картошечка, и всякая зелень, и баклажка заранее приготовленного хлебного кваса. Приятно было вот так сидеть, трапезничать и разговаривать по душам. То ли дед с внуком, то ли просто два русских человека без возраста, пусть даже и с разным жизненным опытом и взглядами. Ведь еще Федор Михайлович Достоевский сказал, что русские люди — они всеобщие, все-человеки, принять в душу могут любую идею, все понять и всех принять, по-братски. Всех и полюбить. Могут их и обмануть запросто, что всегда и постоянно и делают. Могут и убить в спину. Только повалить их нельзя.

— Вот ты говоришь: сиди и командуй, — продолжил дядя Коля. — А в то время у Муравленко и кабинета-то своего толком не было. Когда он приехал, поселился в гостинице «Заря», она была единственной в городе. А город? Разве ж это «город» по сегодняшним понятиям? Деревянные тротуары сгнили, да и по тем порой по ночам лоси да медведи бродят. Потому в каждом дворе — хаска, а то и волкодав. Сунешься водицы испить — без штанов останешься. Вокруг Тюмени сплошные леса, болота и озера. Но нефть есть, уже разведали.

— Правда медведи? — заинтересовался Леша.

— Да мы сами как медведи были, — отозвался бурильщик. — На второй день после приезда Муравленко гостиница уже превратилась в штаб. А в его номере — буквально столпотворение. Все снуют, все гудят, как в муравейнике. Виктор Иванович приехал не один, а с командой, кто из Башкирии, кто из Сызрани, с Баку были, кажется, и с Сахалина. Он ведь там тоже везде успел поработать. И всюду его уважали, ценили, шли за ним. Верили. И он так же относился к своим ребятам, называл их элитой нефтяной промышленности. В обиду никому и никогда не давал. Потому что сам был — Нефтяником № 1. Так его называли. Именно Нефтяник № 1, с большой буквы.

Алексей, смотревший недавно один голливудский фильм на древнегреческую тему, решил блеснуть и своими знаниями:

— Ну прямо античное войско во главе с Ахиллом, приехавшее осаждать Трои!

— А что? Похоже, — кивнул дядя Коля. — Все они, завербовавшиеся в Сибирь, были как на подбор, в самом расцвете сил. По сорок лет, чуть больше, чуть меньше, у каждого за плечами не одна пробуренная скважина и не одна тысяча тонн добытой нефти. Администраторша в гостинице, наверное, никогда не видела столько решительных и готовых к бою мужиков сразу, в одном

месте. Действительно, как на штурм пришли. За сокровищем в тюменской земле. Но земля в Тюмени — одно название, твердью можно считать только небольшие островки, а так одни несчетные болота. Прибавь к этому, как я тебе уже говорил, комариный гнус, а на севере края, если подняться на полторы тысячи километров вверх, еще и полярная ночь на полгода. А от северного сияния, от его ярких всполохов на тебя вдруг такая глухая тоска нападает... Это один раз хорошо посмотреть, а когда всегда перед глазами? Да еще вечная мерзлота.

— Мамонты не встречались? — деловито спросил Леша.

— Мамонт у тебя на шампуре жарится, — отозвался дядя Коля. — Переворачивай, подгорит... Мамонты! — задумавшись, повторил он. — Для вас, должно быть, вся великая советская эпоха — как один сплошной мамонт из вечной мерзлоты. Что вы о нем знаете? Судите по остаткам костей и бивней. А как он жил, двигался, каким был — представления не имеете. Всё у вас в голове набекрень. Вбили в башку только три принципа. Первый — «всё на продажу». Второй — «обогащайся изо всех сил». И третий — «деньги не пахнут». Нет, парень, не только пахнут, а порою воняют изо всех сил. Поют: «круто ты попал на ти-ви, ты звезда, давай со мной говори...» Фабрика звезд! Да не звездой человек должен быть, не к этому стремиться, не к крутизне вашей, а... к святости, что ли? Душу и совесть очищать от грязи. Потому что тебя будут судить не по кошельку, а только по делам. Есть хорошая русская пословица: у гроба карманов нет. С собой ничего не возмешь: ни яхту, ни кадиллак. Хотя некоторым непарнокопытным в могилу и мобильники кладут, и телевизор. Это чтобы, наверное, с такими же живыми мертвецами базарить да под Петросяна ржать... Я тут недавно заходил в Третьяковскую галерею...

— Ты? — удивился Алексей, даже забыв закрыть рот.

— Я. Во-во. Для тебя это дикость какая-то.

— Ну почему? С бодуна можно.

— А я люблю туда ходить. Там еще сохранились приметы времени. Той, советской эпохи. Пластов, Петров-Водкин.

Леша на последнюю фамилию захихикал. Понимающе закивал головой, дескать, теперь ясно.

— Но я и по другим залам прошелся, — не обращая на него внимания, продолжил бурильщик. — И вот что меня поразило. Стою я перед картиной Репина «Иван Грозный убивает своего сына». А рядом школьники, старшеклассники, с экскурсоводом. И одна великовозрастная девица на полном серьезе спрашивает: «А скажите, Марья Ивановна, как сам царь отнесся к картине художника, где он изображен во время убийства?» У них в чердаках все времена спутались. Пустые чердаки-то. Думала, наверное, что Репин сидел в Грановитой палате и делал эскизы, пока Иван Грозный мочил сына.

Алексей решил вступить за поколение.

— Ну и что? — сказал он. — А зато у вас Интернета не было. И вообще компьютеров.

— Это всемирной паутины, что ли? — откликнулся Александрыч. — Так ее, как говорят на Севере, и даром не надь, и за деньги не надь. Одна липкость.

— Давай-ка ты лучше поближе к Муравленко, — компромиссно посоветовал Алексей. — Оставим Ивана Грозного в покое.

— Лады. Слушай. В тот вечер в штабе, в гостинице «Заря», которая сама по себе стала легендарной, как «Аврора», как крейсер, — а ведь «Заря»-то и «Аврора» одно и то же, как символично! — так вот, там, в простом обшарпанном номере, где был только большой стол, с десяток стульев, а на ужин — огромная жареная нельма и самовар с чаем, — ни грамма спиртного! — Виктор

Иванович сказал то, что не доводилось еще слышать никому. Я, Леша, был там самым молодым из всех, просто жил уже в Тюмени с 1963 года, работал в крохотном объединении «Тюменнефтегаз». Это уже потом, с приходом Муравленко, оно станет могучим главком, муравлиным царством.

— Так что же он сказал? — нетерпеливо спросил Алексей.

— А вот что. Слова его звучали как у библейского пророка. Хотя были просты и бесхитростны. Они словно зажигали нас, как свечи. Такая в них звучала энергия и решительность. Вера. Азарт. А ведь он был таким же усталым, как и мы, неспавшим, хотя, в отличие от большинства из нас, хорошо выбритым. Неряшливость он на дух не переносил.

— Да говори уже, дядя Коля! — взмолился Леша. — Хватит вокруг да около.

«Мужики! — сказал он, — и бурильщик даже встал со своего пенька, а голос приобрел вдруг властность. — Мужики. Я созвал вас, но хочу предупредить. Завтра вы увидите Тюмень при свете дня и, скорее всего, сильно разочаруетесь. Наверное, кое-кто из вас крепко пожалеет, что приехал сюда. Работы — непочатый край. А по сравнению с прежним жительство здесь просто суший ад. Но прошу вас: не делайте скоропалительных выводов. В Тюмени самая большая кладовая всей сибирской нефти, и мы подберем к ней ключи. Такого размаха и перспективы еще никто не знал. Это поистине континентальный масштаб. Вспомните, что о блестящем будущем этого края говорил еще Менделеев, а Губкин прямо указывал: в Сибири есть и нефть, и газ. Это, братцы, просто геологический феномен, его строение еще до конца и не разгадано. Нам еще предстоит это сделать. Разведка показывает, что нас ждут большие открытия.

Словом, дел хватит и нашим праправнукам. Да, пока что здесь — провинция. Тайга, болота, нет дорог. Но провинция — это понятие не точное и уж никак не нравственное. И в самом дальнем уголке страны можно жить по-столичному, а в крупном городе — провинциально прозябать. И вот еще что крепко запомните: есть люди, которые любят дело, но есть и такие, которые любят себя в этом деле. Такие в нашей «провинции» не приживаются. Но я знаю, что вы — из первых. Кто живет ради работы, а работа — это и есть жизнь. Это как песня, в которой от начала до конца сохраняется четкий ритм и ясный мотив. Хорошая песня и живет дольше, ее-то как раз и помнят, она-то и становится народной».

Старый бурильщик, подражая Муравленко, говорил так громко и энергично, что даже щебетавшие в ветвях птицы вдруг замолчали и стали прислушиваться: кто это? кого принесло? что за диво?..

— Дядя Коля, ты сядь, — обеспокоился за старшего напарника Леша.

— Помолчи. Всё в тот вечер в гостиничном номере дышало каким-то ожиданием больших свершений, подвига. Этого не передать. А пока Виктор Иванович говорил, даже половицы под нашими ногами перестали скрипеть. Такая установилась тишина.

Тихо было и на лесной полянке, под бликами июльского солнца, где один человек, пожилой, торжественно стоял, а другой, молодой, сидел на пенечке и поглядывал на него с улыбкой. Но вдруг этому молодому что-то привиделось за спиной стоящего, словно за ним поднялись и тоже застыли очертания каких-то людей, силуэты, сотканые из отбрасываемых на землю теней от листвы и деревьев. Словно чье-то незримое воинство вышло и встало, замерло, как перед битвой. И он тоже посерьезнел, улыбка стерлась с губ.

Наверное, так бывает тогда, когда ты вдруг внезапно ощущаешь всю силу и мощь русского духа, всех воинов и подвижников России, Святой Руси с самых дальних времен — и /Александра Невского, и Дмитрия Донского, и Сергия Радонежского, и Александра Суворова, и Федора Ушакова, и Иоанна Кронштадтского, и Георгия Жукова...

— Муравленко сказал нам, — продолжил старый бурильщик, — что в этом суровом крае будут повсюду города и дороги. Многоэтажные дома, больницы, школы, детские сады. Свои университеты и телевидение. Аэропорты, научные центры, театры. Мы приехали сюда не только брать нефть, но и делать жизнь. Мы построим свой пансионат для нефтяников Сибири на берегу Черного моря, пионерские лагеря для ребятишек — большое дело начинаем, мужики! Даю вам слово: всё здесь будет, не пожалеем, что приехали... Вот так он сказал нам, и слово свое сдержал, — заключил дядя Коля, сам уже улыбаясь, будто и он видел что-то радостное. И, помолчав, добавил:

— То, что он говорил, казалось тогда фантастическим. Но не верить его словам было нельзя. Он, как настоящий лидер, привык ставить перед собой и другими зачастую самые запредельные задачи — и решать их... Кстати, уже едва ли не через год к нам стали приезжать известные артисты, певцы, поэты. Рождественский был, Роберт, Френкель, Шаинский, Кобзон. Молодая тогда и еще никому не известная Алла Пугачева. Это сейчас она примадонна-миллионерша, а тогда была совсем незаметной, скромной девчонкой. Пьеха пела.

— Пел, — механически поправил Алексей. — Стас ведь.

— Какой еще Стас? — возмутился дядя Коля. — Эдита! Не знаю я никакого Стаса.

— А я Френкеля не знаю, — в отместку откликнулся Алексей.

— А вот когда базу отдыха на берегу Черного моря построили, — не слушая его, продолжил бурильщик, — пансионат этот, в Туапсе, то знаешь, что первым делом Муравленко распорядился там установить?

— Что?

— Киоск со свежим пивом! Представляешь?

— Эка невидаль!

— А вот не скажи. Пива-то и в Москве порой днем с огнем было не сыскать. Семидесятые годы. А тут для нефтяников — свежее! «Жигулевское»! Не какое-нибудь нынешнее, заморская кислятина. А настоящее, горьковатое, пенное. А знаешь, как хотелось пива после работы? Нет, не знаешь. Сейчас такого и нету.

— Зато ночью можно купить. Плохо разве?

— Ночью спать надо, — разумно ответил дядя Коля. — Теперь тебе ночью запросто башку оторвут, вместе с пивом. А тогда можно было безбоязненно хоть до утра гулять, с девушкой. А насчет киоска, это я тебе так, к примеру. Чтобы показать, какая у него была забота о нефтяниках. Он их как своих родных детей любил, понимал. Потому что сам из бурильщиков. Во все вникал, во всякую мелочь. Рабочий день начинал с восьми утра, а вставал вообще засветло. До десяти занимался срочными текущими делами. Решал с замами крупные вопросы, согласовывал, выслушивал все доводы и аргументы. Четко проверял выполнение предыдущих поручений или заданий, и не дай тебе бог что-то не выполнить, увильнуть в сторону! После обеда — связь с Москвой, с министерствами, с Госпланом, институтами-разработчиками, заводами-поставщиками. Одновременно вникал в текущие дела всех структур главка, находил, как говорится, «узкие места», прикидывал, как их устранить. А еще просматривал специальную литературу, рефераты, отчеты НИИ.

Жестко контролировал все службы. Да еще и сам преподавал, читал лекции. Обязательными были и контакты с сотрудниками, общественные дела, прием по личным вопросам. До самого позднего вечера работал. И так изо дня в день. Байбаков не зря говорил, что такая работоспособность, такая отдача делу, такой масштаб личности был только еще у одного человека. У Сталина.

Он замолчал, словно этим было все сказано. Больше и добавить нечего.

— А кто такой Байбаков? — вдруг спросил Леша.

Лучше бы не спрашивал, потому что дядю Колю разом передернуло как от электрошока, или ему кто на мозоль наступил.

— Ты вообще-то в какой школе учился? — проговорил он с таким видом, будто если бы сейчас не сидел, то непременно упал.

— А чего? Это председатель земного шара?

— Это бессменный руководитель Госплана СССР. Более тридцати лет. Он и теперь жив и здоровствует, трудится в свои девяносто шесть лет. Другим бы так, кто смолоду баклуши бьет. Кто старик с детства.

Леша почесал затылок, примирительно сказал:

— Ну и дай бог ему еще голы забивать, я только рад буду. Одно не могу понять: откуда ты столько всего про Муравленко знаешь? Словно специально ходил за ним и записывал. Как юный следопыт.

Теперь уже дядя Коля тронул пятерней свой лысину. Ответил не сразу, а чуть помолчав, подумав, как бы не решаясь открыться. Наконец, произнес:

— Я ведь, Леша, не только некоторое, самое лучшее время в моей жизни работал с ним, под его началом, но и потом, уже много позже, встречался, переписывался с его соратниками, друзьями, обменивался воспоминаниями. Это у нас как братство такое, «муравлиное». Больше тебе скажу. Я до сих пор о нем, о его судьбе материалы собираю. Газетные вырезки,

мемуарные записки, старые интервью, исторические документы того времени.

— Зачем это тебе нужно?

Старый бурильщик как-то стыдливо поглядел на него, чуть ли не виновато сказал:

— Хочу... хочу о нем книгу написать. Уже пишу.

— Ты? Книгу? Ну, дядя Коля, даешь! — только и сказал Алексей, откинувшись на теплую травку.

А жизнерадостные птахи уже вновь вовсю щебетали в зеленой листве, и не было им милее этих деревьев, и плодородной земли, и ясного солнечного неба.

2

Страница Сибирской летописи об основании Тюмени:

«В лето 1586 года по государеву, цареву и великого князя Феодора Иоанновича Всея Руси указу приидоша с Руси воеводы Василий Борисов сын Сукин да Ивашка Мясной, с ними же многие русские люди и ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищи, и поставиши на реке Туре град Тюмень. Иже прежде быть город Чимги, и дома себе поставиши и воздвигоша ж церковь во имя живоначальные Троицы в прибежище всем православным крестьянам...»

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона о Сургуте (начало XX века):

«...Улиц немного, они не замощенные и летом порастают травой. Жителей ИЗО, жилых домов 180, все деревянные, каменная церковь, два приходских училища (мужское и женское)... Городу принадлежат четыре лавки. Ремесленников до 20 человек, фабрик, заводов нет, исключая четыре кузницы. Главное занятие жителей — рыболовство, сбор ягод, торговля, скотоводство, заготовка дров для обских пароходов...»

Неизвестный публицист конца XIX века о Тюменском крае:

«Единственное средство сообщения здесь с остальным живым миром — это богатые рыбой реки, по которым в летние месяцы ездят на лодках, а зимой — на лошадях и оленях. Весной и осенью всякое сообщение Тюмени и Сургута с внешним миром временно прекращается, и тогда-то городки эти принимают до крайности гнетущий вид чего-то жалкого, убогого, закинутого в лесную чащобу, на край света. В больнице и Доме общественного призрения нет ни врача, ни фельдшера, нет белья и медикаментов. Есть начальная школа, но нет учителя (зимой учитель приехал, но весной застрелился). Ни аптеки, ни акушерки. Привезли первую лампу, но без керосина. Тоска и безысходность, одним словом... Будущее описанного нами края — это медленное мучительное вымирание».

«Записка Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, 1880 год» (автор — Сергей Порфирьевич Швецов):

«...Дик и неприветлив Тюменский край. В нем всё сурово, печально, угрюмо, хотя грандиозно, величественно: суров климат, угрюма и таинственна молчаливая тайга, неприветливы, необозримы пространства вод. Холодом и унынием веет от этого далекого края, но этот холод — не холод могилы. Повсюду заметны проявления жизни. Дикая, могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства. Только как бы нарочно, для лучшего охранения своих сокровищ, она приняла суровые, неприступные формы... Чтобы победить природу и завладеть этими сокровищами, нужна железная энергия, выносливость, закаленность в борьбе с препятствиями и лишениями».

«Большая чертежная книга Сибири» (Атлас Семена Ульяновича Ремезова, конец XVII века):

«Воздух над нами весел, и в мирности здоров, и человеческому житию потребен. Ни добре горяч, ни студен. Земля хлебобобна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем не скудно. Паче всех частей света исполнена пространством с драгими зверьми бесценными. Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множество и ловитвенно. Руд, злата и серебра, меди, олова и свинцу, булату, стали, красного железа и укладу, и простова, и всяких красок на шелки, и камней цветных много. И от иноземцев скрыто, а сибирякам не ведомо...»

3

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«В Тюмени я оказался на два года раньше Виктора Ивановича Муравленко, но знал о нем уже давно. Во-первых, фигура такого масштаба в нашей среде нефтяников была, несомненно, номером один, а во-вторых, мы ведь с ним земляки, оба с Кубани, даже станицы наши находятся рядышком. Но там-то мы с ним никак не могли пересечься, поскольку он с двенадцатого года рождения, а я — с сорок второго. Хотя со многими моими сверстниками из его родной Незамаевской дружил, а то и дрался. А память о его отце, сельском враче и интеллигенте, Иване Васильевиче, до сих пор хранится с теплотой и благодарностью у земляков.

Когда я задумал писать эту книгу (а не начать ее я не мог — не ради себя, не ради даже великого человека — Муравленко, а ради такого простого, способного, но пока еще бестолкового и непутевого паренька, как мой сосед Лешка, всего его поколения), когда я только ворошил собранные материалы и собственные воспоминания, я вдруг понял и поразился, что в судьбе

Виктора Ивановича есть много мистического, сакрального, оказавшего на всю его жизнь таинственное влияние. Начать с того, что родился он там, где была установлена первая русская буровая, где появилась новая профессия в нефтяном мире — буровик. Есть даже в кубанской степи темный четырехгранный обелиск (рядом с речкой Кудаки), на котором выбита надпись: «Здесь 16 февраля 1866 года из скважины, проведенной А. Н. Новосильцевым ударным способом с металлическими обсадными трубами, забил первый нефтяной фонтан в России». А в день похорон Виктора Ивановича, в июне 1977 года, когда стояла страшная жара, небо вдруг разразилось невиданной грозой, словно плачем...

Любопытно, что и кремлевский приказ о назначении его на самую главную и ответственную должность был подписан 1 сентября — в День нефтяника. Но, думаю, это просто случайность. Вряд ли на самом верху придавали такое уж большое значение символам, хотя кто знает. С годами, с возрастом, я всё сильнее убеждаюсь в том, что и Провидение движет нашей судьбой, если только мы не противимся ему и добровольно не делаем ложный выбор. Ведь человек — существо действительно свободное, и он волен распоряжаться своей жизнью сам: идти по пути легкому или трудному, светлому или темному, истинному или фальшивому, к восхождению или к пропасти. Кому что нравится — одна дорога сулит покой, другая — волнения, где-то ты потеряешь всё, а где-то обретешь славу и бессмертие. Это как в русской сказке про богатыря: налево пойдешь, направо, прямо... Главное, не ошибиться в юности. Идти путем прямым, божеским.

Таким вот былинным богатырем-Святогором, если уж продолжать аналогию, на мой взгляд, и был Виктор Иванович Муравленко. Поскольку не могу найти в его биографии поступков не только дурных или

безнравственных, но даже мелких и мелочных, которые вступали бы в конфликт с честью и совестью, противоречили бы людским законам и морали, самому духу русского человека. Наверное, и в его жизни был «перекресток», на котором приходилось решать: куда идти? что делать дальше? как жить? Каждый задается этими вопросами, особенно в молодости. Но на то и даны тебе разум, душа, сердце и память предков, чтобы не ошибиться, не спутать черное с белым, не поверить сладким голосам и не утрашиться грозных окриков, не пойти в стаде за лже-пророками и слепцами, не промотать впустую талант, а сохранить зажженный в тебе огонь и пронести его через все ветры и непогоды до конца жизни. Ведь этот огонь освещает путь не только тебе, но и другим тоже. Верящим тебе, идущим рядом, следом за тобой.

Да, двадцатый век в России был сложным и противоречивым. Может быть, самым трудным в ее истории. Но и героическим тоже. Этого отрицать нельзя. Оценки будут давать потом, когда рассеется туман и осядет пыль, это — задача наших потомков, я этого делать не стану. Им жить в стране Россия, если она сохранится, если ее, не дай бог, не разорвут на части. А Муравленко был подлинным воплощением того времени, той легендарной эпохи, которая, как Атлантида, погрузилась на дно... И, может быть, через пятьдесят, сто лет другие люди будут вспоминать о нем, как об одном из Атлантов, которые держали на плечах эту великую державу — СССР. Которые стояли под этой тяжестью до конца.

Он родился за несколько дней до начала нового, 1913 года. Я вижу и в этом некое глубинное символическое значение. Ведь что такое 1913 год? В официальных советских учебниках истории и политэкономии именно с этим временем любили сравнивать те или иные достижения в промышленности

и сельском хозяйстве. И конечно же не в пользу царской статистики. Но это не совсем верно, а по существу, неверно совсем. Поскольку теперь-то уж ясно, что период после окончания первой русской революции 1905–1907 годов и до начала Первой мировой войны — это время стабилизации во всех сферах российской жизни: в общественно-политической, экономической, во внутренних и внешних делах. Либеральные шатания закончились, эсеры и террористы поутихли, переключившись поближе к Женевскому озеру или в Лондон, у руля государственной политики встал решительный, умный и дальновидный человек — Петр Аркадьевич Столыпин, один из величайших исторических деятелей России. Это он бросил в Государственной думе крылатую и емкую фразу в ответ на крикливые обвинения пустозвонов-депутатов: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» Именно благодаря ему в России начался духовный и экономический подъем. Проводимые им реформы могли выдвинуть Россию в число самых первых мировых держав.

Вот лишь некоторые факты. В это время был принят закон об обязательном начальном образовании. Император Николай II выступил в Гааге с призывом ко всеобщему разоружению (за шестьдесят лет до подобных советско-американских инициатив!). Вступила в строй первая русская подводная лодка «Дельфин», а адмирал Колчак, тогда еще просто морской капитан-гидролог, отправился изучать Арктику. Был спущен со стапелей первый ледокол. Учрежден первый всероссийский аэроклуб — одновременно с американским. Крупнейшие русские философы — Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Петр Струве, Семен Франк — выпустили свой знаменитый сборник трудов «Вехи». (Их идеи только совсем недавно дошли до нашего времени.) В Санкт-Петербурге, на русско-балтийском вагонном заводе, собрали первый русский серийный

автомобиль «Руссо-Балт». Появились первые отечественные фильмы Протазанова. Принят закон о крестьянском землепользовании, который должен был послужить прорывом в сельском хозяйстве, — тысячи семей потянулись на свободные земли в Сибирь и на Дальний Восток, получая при этом огромнейшие кредиты из ипотечных банков. В культуре можно назвать множество имен людей, достигших мировой славы, — Дягилев, Стравинский, Николай Рерих, Скрябин, Серов и Суриков, Малевич и Лентулов, Куприн, Шмелев, Розанов, Станиславский, Нестеров, Шаляпин, Коровин... Три легендарных молодых моряка — Седов, Брусилов и Русанов — шли к Северному полюсу и открывали Северный морской путь — от Архангельска и Мурманска до Петропавловска-на-Камчатке. (Все трое, к сожалению, погибли.) Построили первый гидросамолет-амфибию, на котором летал Ян Нагурский (пытался, между прочим, отыскать замерзающего во льдах Георгия Седова). А Борис Розинг впервые в мире осуществил передачу по телевизионной системе с электронно-лучевой трубкой (предтеча нынешнего телевидения). Пожалуй, следует еще сказать, что именно в это время Владимир Ильич Ульянов обзавелся новым псевдонимом, под которым вошел в историю: Ленин.

И за год до рождения Виктора Ивановича Муравленко убивают Столыпина. Начинается Первая мировая война, и постепенно Россия скатывается в пропасть. Реформы Столыпина сворачиваются, затем следуют Февральская революция, Октябрьская, расстрел царской семьи, хаос, голод, Гражданская война... Но это уже другая тема и другая история, которая пока еще далека от небольшой станицы Незамаевской в Кубанском крае, где в семье армейского фельдшера (а потом — врача) Ивана Васильевича появился на свет крепенький мальчик.

Это был второй ребенок в семье, первой родилась дочь Тамара. Позднее она стала педагогом-историком и рассказывала, что отец и сын очень походили друг на друга не только чисто внешне, но и каким-то внутренним запалом, характерами. Оба были преданы семье, делу, Отечеству; оба были целеустремленны и решительны, отзывчивы и сердечны; оба буквально горели на работе. Не случайно Иван Васильевич так любил цитировать фразу Горького, что в жизни есть две формы — горение и гниение, а сильные и смелые выбирают первое. Смелость свою он проявил еще на фронтах Первой мировой войны. А силу духа показал тогда, когда в сорок пять лет не постеснялся стать студентом заочного факультета Московского медицинского института. Сельских врачей катастрофически не хватало, вот он и учился и работал одновременно, а еще был организатором и председателем первого в станице товарищества по совместной обработке земли (так называемые ТОЗы были предтечей колхозов). Да и семью надо было содержать. Всем домашним хозяйством ведала его преданная жена Анна Ивановна, хлебосольная казачка, особо славившаяся своими пирогами да наваристым борщом. А маленький Витя с сестрой с юных лет помогали по дому и в огороде; вечерами же еще и расфасовывали лекарства и готовили перевязочные средства. И всё это с охоткой, без лени или капризов, потому что так надо, таким было воспитание — не только словом, но и делом, личным примером. И даже ковыльная степь, быстроводная речка, звенящий воздух родного края, бесхитростная простота станишников с их открытостью — всё это ложилось в воспитание, как кирпичики в фундамент крепкого дома. Когда в любящей семье лад и порядок, тогда она и счастлива по-настоящему. А Россия прочными семейными устоями всегда стояла.

В молодой Советской республике происходили грандиозные перемены. Ломалось не только общественное устройство — само сознание людей, вековой быт, их представления о жизни. Шли поистине тектонические сдвиги, всё рушилось и строилось заново. Победа в Гражданской войне была оплачена дорогой ценой. Политику «военного коммунизма» с продрозверсткой сменил нэп, который должен был обеспечить восстановление разрушенного народного хозяйства. Вводились элементы рынка, допускались даже различные формы собственности, правда в ограниченных дозах. Были намечены первые шаги по привлечению иностранного капитала — через концессии. Проведена денежная реформа, целью которой должен был стать полновесный, конвертируемый рубль (так называемый «золотой червонец»). На прилавках магазинов появились почти забытые товары.

«Время, вперед!» — так можно было бы коротко, двумя словами охарактеризовать те годы (была даже такая книга Валентина Катаева, а позднее и фильм вышел). И это не метафора, а суть происходящих перемен. Прошлое было вычеркнуто или замарано черной краской (подобное же происходило и после другого общественно-политического слома — в 1991–1993 годах; так уж принято на Руси), а на территории бывшей Российской империи образовалось новое невиданное государство — Союз Советских Социалистических Республик (куда вошли собственно Россия, Украина, Белоруссия и республики Закавказья). Но более всего революционный шок сказался на религиозном самосознании народа. Оборванной оказалась многовековая государственная и церковная традиция, служившая неизменной опорой русского бытия при всех его прежних смутах. В крови и пожарищах завершился процесс отмирания прежней

России и определился ее новый геополитический преемник — СССР, где вновь пошла тяжелая, изнурительная и жестокая борьба русского народа за возрождение его духовного и государственного величия. С героическими свершениями и невероятными испытаниями.

В 1924 году, когда умер Ленин и потихоньку начали сворачивать нэп, Виктору Муравленко было 12 лет. На смену шла «железная», а лучше сказать — «стальная» система социалистического распределения и дисциплина, словно оправдывающая псевдоним нового вождя. В длительной партийной борьбе Сталин переиграл Троцкого, а позднее — Каменева, Бухарина, Зиновьева, Рыкова, Пятакова и всех остальных соратников Ленина.

В этом же году в России начались регулярные радиопередачи, а еще раньше знаменитый авиаконструктор Андрей Туполев спроектировал свой первый самолет (общее их количество превысит сотню). Наука в молодом государстве не стояла на месте. Изобретатель Яков Гаккель построил один из первых в мире магнитных тепловозов с электрической передачей, а хирург-окулист Владимир Филатов разработал метод пересадки кожной роговицы глаза. Физиолог Сергей Брюхоненко дал миру первый аппарат искусственного кровообращения (инжектор), с помощью которого он демонстрировал оживление подопытных собак после клинической смерти. Вышел гениальный фильм Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин». Константин Циолковский разрабатывал планы полетов в космос. Открылась Волховская ГЭС, а на очереди был самый амбициозный проект социализма — Днепрогэс. «Электрификация всей страны» из мечтаний превращалась в реальность. Но для новых великих строек, для развития промышленности, для жизни, в

конце концов, требовалось много энергии, нужны были нефть, газ, уголь.

Почему юный шестнадцатилетний Виктор Муравленко, только что окончивший девятилетку на Кубани, выбрал именно эту профессию — буровика? Может быть, еще с детства тревожили его воображение рассказы станишников о первой буровой скважине возле их селения. Возможно, он был охвачен всеобщим энтузиазмом в стране, этим «энергетическим порывом». Или прислушался к совету отца, когда пришел к нему через горные перевалы по крутым каменистым тропам в ингушское село Саясан. Иван Васильевич в это время трудился здесь, в Чечено-Ингушетии, все силы отдавая лечению никогда не знавших медицины горцев. (Самому ему оставалось жить всего три года.)

Избавившись от самодельного, изрезавшего все плечи рюкзака, Виктор показал родителем свеженький аттестат об окончании школы. Когда прошла первая радость встречи, пока мама хлопотала у плиты, выставляя на стол всё новые вкусные блюда, отец сказал:

— Если ты, сынок, еще не выбрал себе дело жизни, то здесь недалеко — на Стерч-Керчи разведчики ищут нефть. Работа самая настоящая, для мужчин. Попробуй, не пожалеешь.

И Виктор Муравленко сделал свой выбор. Раз и навсегда».

Глава вторая

1

Солнце к одиннадцати часам стало припекать вовсю. С Бабаевских прудов доносилось веселое повизгивание малышни и не менее радостный лай собак. Леша уже давно сидел в плавках, он даже пару раз успел сбегать и искупаться. Дяде Коле загорать было ни к чему — кожа его была от природы смуглой и какой-то будто продубленной всякими ветрами и непогодой. Он лишь аккуратно повесил пиджак на березовый сучок и снял обувь. С шашлыками было уже покончено, теперь они пили зеленый чай из термоса. И угощались ароматной дачной клубникой. Вдруг откуда-то из-за деревьев к ним прилетел пятнистый мячик, едва не угодив в скатерть со снедью. Алексей тотчас вскочил, умело побросал его с ноги на ногу и отпасовал обратно хлестким ударом правой.

— Ну ты прямо как Зидан! — с удовольствием произнес дядя Коля.

— Зидан, конечно, хорош, но он уже глубокий старик, Франция обречена, они выдохнутся во втором тайме, — пустился в рассуждения Алексей, но тут почему-то остановился, будто вспомнив о чем-то другом, и спросил: — А как Муравленко относился к футболу? Это очень важно. Я не представляю себе нормального человека, который будет спать во время финального матча.

— Нормально и относился, — ответил старший. — Он вообще любил спортивные репортажи. Когда в Англии в 1966 году проходил чемпионат мира по футболу, мы все слушали радио, болели за наших. И Виктор Иванович

тоже. Жаль, что заняли только четвертое место. Немцы нам подгадили, играли грубо, в кость. А какие были имена — Яшин, Численко, Хурцилава, Воронин, Банишевский! Если бы еще Стрельцов был, зря посадили... А вот тебе такой случай, связанный непосредственно с футболом. У нас в Тюменской области была команда «Нефтяник», играла нс в высшей лиге, но в классе «А». Тоже мастера, словом. Другой «Нефтяник», бакинский, конечно, посильнее был, но и наши были не лыком шиты. Представляли главный топливно-энергетический комплекс страны. Хотя порою и не все складывалось как нужно.

— Не «Челси», короче, — съязвил Леша.

— Зато играли свои, а не те, которые с пальм слезли, — парировал дядя Коля. — Это сейчас у вас в командах одни иностранцы за мячом бегают! Чего проще: закупил легионеров и выпускай на поле, как бизонов. Намедни в «Динамо» на матч вышли все одиннадцать игроков — иностранцев. Да и тренер теперь в сборной будет, говорят, тот еще Гусь голландский. И после этого хотите чего-то в футболе добиться? Открытый чемпионат Мальты, может быть, и выиграете. Вместо того чтобы в России футбол развивать, сделали из него «Макдоналдс» какой-то, сплошной бизнес по гамбургскому счету.

— Ладно, так что там с «Нефтяником»?

— Дело было в 1971 году. Мне потом старший тренер этой команды Слава Медведев рассказывал. А у Муравленко было особое отношение к спорту. Он четко понимал, что Тюмени нужна своя отличная футбольная команда. Молодежи требуются свои местные, а не столичные кумиры, необходима эмоциональная встряска после тяжелейшего труда. Потому что одними высокими заработками молодых в этих краях не удержать. И такая футбольная команда появилась! Можно сказать, что он, Муравленко, ее и создал. Первым делом он пригласил из

Харькова молодого перспективного тренера Медведева. И вот сидит Слава у него в приемной и думает: «Шутка ли, такой государственный деятель, живая легенда, будет с ним сейчас говорить! Господи, спаси и сохрани!» Поджилки трясутся. Сам-то он до этого только заводскую команду тренировал, с сильными мира сего, как говорится, не общался. А из окон приемной виден Центральный стадион, газон зеленый, кто-то мяч гоняет, летний вечерок теплый, а у него самого озноб по всему телу. В голове всё путается, все составленные планы смешались. Наконец, секретарша ему говорит: «Заходите!» Медведев переступает порог кабинета. Перед ним — стол, длинный ряд стульев, на стене — карта Тюменской области с многочисленными флажками-символами. И немолодой, но крепкий мужчина с пронизательным взглядом, хотя глаза уже чуть усталые после трудного рабочего дня.

Муравленко встает, обходит вокруг стола, ласково, но без панибратства кладет руку на плечо тренеру и говорит: «Ну, здравствуйте, Вячеслав Федорович. Рассказывайте о себе, о родителях, о своих ближайших планах, о прежней работе, об увлечениях...» Все просто, все естественно, как старому знакомому, с которым долго не виделся. И у Медведева сразу отлегло от души. Спокойно стало, словно он пришел в родной дом, и он начал говорить, а Виктор Иванович слушал и не перебивал. У него вообще было поразительное умение слушать собеседника. Вот вы, молодые, когда соберетесь в стаю, галдите, как крикливые грачи, каждый о своем талдычит и никто никого не слушает. А надо уметь молчать, нужно дать товарищу выговориться. Уметь слушать — это великая наука познания. А то получается — одни глухие кругом.

— Я же вот тебя слушаю, — резонно заметил Алексей. — И пока что не перебиваю.

— И правильно делаешь. Так вот, пока Медведев рассказывал, телефоны на столе у Муравленко не умолкали. Звонили с Сургута, Урая, Нижневартовска, Куйбышева, теперь это Самара, с Москвы... и все звонки неотложные, по делу. Виктору Ивановичу, конечно, приходилось на них отрываться. Но когда он возвращался к разговором с тренером, четко помнил, на чем была остановлена беседа. Всё держал в голове. Вы теперь всё в компьютере держите, а надо бы в голове. Вот вам электроэнергию отключат, вы без башки и останетесь. На Чубайса надейся, а сам не плошай... А Виктор Иванович, пока слушал Медведева, намеренно ничего не спрашивал про дела футбольные. Ему было важно понять, что это за человек? Можно ли ему доверить команду с таким ответственным названием — «Нефтяник»? Он словно бы изучал его со всех точек зрения. У Муравленко была отличительная черта характера — умение понимать, познавать людей. Поэтому-то в подборе кадров ему не было равных. А тут нужно было создать такую футбольную команду, чтобы она была на уровне тех высоких задач, которые решались в этом нефтяном крае.

Ну, а для самого Медведева это был редкий шанс, своеобразная стартовая площадка — ведь Муравленко абы кого в свой кабинет не приглашал, эту честь надо было еще заслужить, хотя бы своей прошлой деятельностью. Он очень хорошо запомнил слова Виктора Ивановича о том, что футболистам полезно играть в шахматы, чтобы научиться мыслить аналитически, просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Скажу тебе от себя, случись такое вдруг — назначили бы Муравленко главным тренером сборной СССР по футболу, — и быть бы нам уже давно чемпионами мира!.. А тогда, когда беседа закончилась и Слава еще не знал, как определится его судьба, Виктор Иванович вернулся к своему рабочему столу, снял

«прямой» телефон и коротко сказал кому-то: «Думаю, этот молодой человек нас не подведет. Будем назначать».

— Ну а потом? — спросил Леша.

— Команда при Медведеве стала подниматься с конца турнирной таблицы. Ушла из опасной зоны, начала забивать голы, выигрывать один матч за другим. Прочно обосновалась в первой десятке. А Виктор Иванович, между прочим, по окончании сезона сделал футболистам царский подарок — распределил между ведущими игроками несколько автомашин. Потому что он был человеком слова и дела. По труду и вознаграждение. Это называлось: забота о человеке, о чем сейчас начисто забыто, одна трепотня.

— Как с пивным ларьком в Туапсе, — напомнил Леша.

— Именно, — всерьез подтвердил Николай Николаевич. — А что ты хочешь? Он ведь не только свежее пиво предоставил отдыхающим нефтяникам, но и лучшего сочинского повара, мастера-профессионала высочайшего класса, переманил в этот пансионат. Это никакая не мелочь, как можно подумать, а насущная необходимость, именно отцовская забота о людях. Ты знаешь, что до Муравленко на тюменских буровых даже не было нормального питания?

Бурильщик — это вообще такая профессия, что долго не живешь. Постоянное напряжение, климат адский, то гнус, то стресс, да еще и еда порою всухомятку. А Виктор Иванович первым делом организовал на буровых трехразовое питание. Дал «добро» на открытие первой столовой в бригаде Шенбергера. Приехал туда вместе с министром Шашиным. Сняли пробу с борща, остались довольны. Министр спрашивает: «А это сколько же надо поваров, если у нас 1500 буровых бригад? Не накладно ли будет?» — «Нет, — отвечает Виктор Иванович, — не накладно. Здоровье буровиков дороже!»

И он был стопроцентно прав, потому что все затраты окупились сторицей. И заболевания значительно сократились, и вообще смертность уменьшилась... Великий человек, скажу тебе, велик во всем, даже якобы в мелочах. Вот потому-то после смерти его именем и назвали и город, и улицы, и горный перевал, и теплоход.

— Даже город? — удивился Алексей.

— Да, есть теперь в Сибири, в Тюменском крае такой город — Муравленко, — подтвердил дядя Коля. — Бывший поселок в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Ему еще в 1990 году дали статус города. Я жил там одно время. Могу тебе о нем часами рассказывать, потому что полюбил, как родной, будто родился в нем. Есть охота послушать?

— Валяй, — кивнул Леша, взглянув на часы. — Времени у нас до финального матча еще навалом. А я пока позагораю.

Он растянул свое долговязое тело на травке, положил под загривок ладонь и закрыл глаза. Блаженная улыбка заиграла на его лице под бликами солнца. Казалось, что еще надо молодому человеку для счастья? Вот так лежать на теплой земле и ни о чем не думать. Всё само собой прорастет, взойдет и образуется. А еще лучше, если и урожай соберут, к обеду. Только чтобы разбудили вовремя.

Николай Александрович поглядел на него, покачал головой и начал рассказывать:

— Первый фонтан нефти там забил 30 августа 1975 года, тогда-то и образовался этот населенный пункт, рядом с Суторминским нефтяным месторождением — одним из самых крупнейших в Западной Сибири. Но это сейчас в городе есть всё — библиотеки, больницы, школы, три филиала вузов, свой храм, спортивные базы, гостиницы, чего только нет. Даже мэр не просто чиновник, а писатель и доктор наук, Василий Быковский. Из американского города-побратима Клэрмора, что в

штате Оклахома, приезжали и дивились: при таком массовом строительстве, при такой постоянно растущей инфраструктуре вы скоро нас переплюнете. Жители города уже сейчас дают более двадцати миллионов тонн нефти в год. А тогда...

Тогда в поселке не было не только горячей, даже холодной воды в трубах. Кто бы мог подумать, что на этом месте когда-нибудь будут проходить фестивали театрального искусства, играть духовые оркестры, выступать твои любимые рок-группы! А в храме Преображения Господня отец Алексей, выпускник Тобольской духовной семинарии, станет служить молебны, крестить младенцев и венчать молодоженов. А хирург Валентин Гудченко делать сложнейшие операции в городской больнице. А милиция во главе с бравым полковником Зориным охранять закон и порядок. А знатный строитель Юрий Метельский возводить новые жилые дома и дворцы культуры. А Нэля Попова создаст театр «Балаганчик», при ее участии появятся своя студия звукозаписи, музей, народный ансамбль, школа-студия «Ритм», клуб «Лира», а потом ее признают в России «Человеком года», в номинации «Лучший работник культуры-2001». А Анна Хамардюк станет учить детей литературе. Правда, школьная программа у нас теперь какая-то однобокая, куцая, что ли. Я заглянул недавно в учебники. Классиков уже как бы и нет, сократили до неприличия, зато влезли всякие татьяны толстые, Викторы ерофеевы и Тимуры кибировы... Зачем?

— Модно, — коротко отозвался Алексей. — А потом их рожи всегда по телеку мелькают, куда денешься?

— Ну ладно, шелуха сама от зерен отвалится, — продолжил дядя Коля. — Просто скажу тебе, что главное — это, конечно, не горячая вода и не фасад зданий, а люди. Без них, русских, украинцев, белорусов, татар, башкир, мордвы, хантов, ненцев, православных и

мусульман, не было бы вообще никакого города. А сегодня в нем более сорока тысяч человек, и средний возраст — 29 лет. Молодой город-то! На таких-то вот и вся надежда, в них — будущее России. Тебе бы еще хоть краем глаза поглядеть на победительницу конкурса красоты мисс города Муравленко Юлию Насибуллину — вообще бы упал.

— А я и так лежу, — востропнулся Леша. — Когда выезжаем?

— Лежи уж, — сказал дядя Коля. — И слушай. Как я тебе уже говорил, ничего этого не было. В Западной Сибири, на Крайнем Севере — только тайга, тундра, озера, болота, торф. Плодородной земли почти нет. Но зато огромные залежи нефти и газа. Это богатство Господь Бог дал вместо сносного климата. И чтобы работа медом не казалась. Но на землях этих уже давно, много сотен лет назад, жили люди — ненцы, ханты, манси, селькупы, эвены и эвенки — прошу не путать одно с другим. Эти племена, как считают ученые, пришли сюда с Алтая и Саянского нагорья. А до них жили еще более древние азиатские народы, загадочные «сихиртя», люди маленького роста. И было вроде бы даже такое не менее загадочное и легендарное государство Бохай, славившееся знатными мастерами, умевшими плавить руду. Словом, много интересного можно почерпнуть из истории. Занималось тут местное население в основном охотой и рыболовством, собирали ягоды и коренья, жили в чумах — переносных жилищах, которые можно собрать и разобрать за пять-шесть часов, а потом — на оленей и к новому месту, стойбищу. А вообще-то, самые-самые первые поселения людей в Западной Сибири и на Севере относятся еще к эпохе плейстоцена.

— Чего-чего? — вновь востропнулся Алексей. — Ты по-скверному-то не ругайся.

— К эпохе палеолита, позднего древнекаменного века, чтоб тебе понятней было, — терпеливо пояснил Николай Александрович. — Это примерно от 10 до 25 тысяч лет назад. Когда всё Северное полушарие было покрыто льдом, но по долинам самых крупных рек встречались небольшие лесные массивы. Там-то и были первые стоянки древних людей. Они загоняли животных к глубоким оврагам, куда те и падали. А охотникам доставались мясо и шкура мамонтов, лошадей, бизонов. Потом климат немного смягчился, ледники начали таять. Оформилась нынешняя речная система Сибири. Пошла растительность. Стали образовываться болота. Появились и нынешние виды животных. Начался так называемый мезолит, люди приручили первое домашнее животное — собаку, стали пользоваться лодками, луком и стрелами.

— И откуда ты, дядя Коля, всё это знаешь? — подивился, не открывая глаз, Алексей. — Сам, что ли, там промышлял, в мезолите этом?

— Книжки надо читать, — буркнул Николай Александрович. — А не по дискотекам шастать... Дальше. Неолит пропускаем. Это от пяти до семи тысяч лет назад. В эту эпоху начались первые военные столкновения между племенами — из-за промысловых угодий.

— Пропускаем, — согласился Алексей. — Ну его.

— Во втором-третьем веке до нашей эры в Западной Сибири появились первые изделия из железа. Олень стал верным спутником жизни. Шли всякие великие переселения народов, миграции. Венгры, кстати, вышли в Европу с Южного Урала. Гунны тоже отсюда. А само слово Сибирь — это название древней страны, населенной угорскими народами, «сибирами» или «савырами». Потому и всё Северное Зауралье на Руси называли Югрой. А жителей — «белыми уграми». В седьмом веке нашей эры уже упоминался некий Сибур-

хан. А на итальянских картах четырнадцатого века страна и город Сибур помещены на крайнем северо-востоке Золотой Орды. Арабские и персидские географы также называли земли в «стране башкир» Сибирью или Ибирью. Но это всё цветочки иноземные. В русских летописях упоминание о «Сибирской земле» впервые появилось около 1400 года, хотя о хантах, манси и ненцах знали, конечно, гораздо раньше. Новгородцы с Югрой и торговали, и воевали, особенно отличались так называемые ушкуйники — речные пираты, плававшие на быстроходных речных ладьях, ушкуях. Был такой атаман-устюжанин Андрей Мишнев, который доходил до Тюмени и Тобола и грабил местных ханов. Еще до Ермака. Но только в XV веке началось постепенное присоединение югорских земель к Московскому царству.

— О Ермаке кто не знает! — со знанием дела подал голос Леша. Он сейчас слушал историю Сибири, как сказку, нежась под июльским солнцем. Прошрое даже вставало перед ним где-то на окраине поляны, в тени деревьев, мелькали зырянские мечи и доспехи, сновали по Печоре и Оби ушкуйники, шел Ермак Тимофеевич со своей ватагой, затаился Кучум с иртышским войском... Речь Николая Александровича доносилась как бы издалека.

— Среди поморов, жителей Ладоги и москвитов ходили в то время слухи о сказочных богатствах далеких «полунощных стран», где из снежных туч выпадают стаи пушистых белок и молодых оленят и потом расходятся по необъятным просторам. Пришел в Югру монах из Ростова Стефан Храп, стал учить, как сеять хлеб, — они тогда этого не умели. Но больше всего он прославился тем, что создал пермскую азбуку, перевел на коми-зырянский язык Евангелие, открыл школы для детишек, построил на месте разрушенного языческого капища храм. Много раз его хотели убить, но он одолел в словесном поединке главного шамана, а позже стал

первым Пермским епископом. В то время и появился на юге Западной Сибири город Чимги-Тура — нынешняя Тюмень, ставшая главным улусом одного из внуков Чингис-хана. В битве с ним, под Тюменью, кстати, погиб тот самый Тохтамыш, который сжег Москву. Под властью Тюмени одно время находилось всё Нижнее Поволжье и даже Казань.

Однако когда Иван Грозный взял Казань, всё тюменское ханство стало потрескивать по швам. Да и внутри него было беспокойно... Ну а что касается Ермака, то его стремительный и дерзкий поход в Сибирь с малыми силами был явлением просто уникальным в истории. Они разгромили Кучума, заняли его столицу, а вот с хантыйскими князьями по-мудрому заключили мир и союз. Так началось присоединение Сибири к России.

Алексей приподнял голову:

— А теперь одна важная тетенька из Вашингтона говорит, сам слышал по телеку, что у России слишком много территории, пора бы поделиться с другими странами.

— Шиш им! — показал кукиш дядя Коля. — Замучаются пыль глотать вместе с гнусом, — он прибавил еще несколько слов с идиоматическими выражениями, которые американской «тетеньке» явно бы не понравились, поскольку не отличались дипломатической политкорректностью и шли в разрез с практикой «двойных стандартов» всех этих Кондолиз, бжежинских, бушев, блэров, олбрайтов и прочих устроителей «нового мирового порядка». — Однако, с твоего позволения, я продолжу. За Ермаком двинулись путешественники-первопроходцы, миссионеры, промысловики, стали устраивать городки, остроги. Шли по сибирским рекам, но часто лодки приходилось тащить волоком. Появились Сургут и Березов, куда много позже был сослан любимый фаворит Петра I Алексашка Меншиков. Собирали с местного населения

ясак — дань. Но не было такой жестокой колонизации, какую творили испанские конкистадоры в Латинской Америке, или бледнолицые с индейцами в Штатах. Да, порою приходилось и повоевывать, и защищать крепости от нападений, но больше торговали, обменивались необходимыми вещами, орудиями труда. Сами учились у коренных жителей разным навыкам, а также учили их. Это и называется — проникновение культур, мирное сосуществование разных народов, которые исторически объединились в одно государство, в единую великую державу.

В этом велика заслуга таких отчаянных путешественников, как Семён Дежнёв, Василий Поярков, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов, Харитон Лаптев, Степан Крашенинников, Максим Перфильев, Стадухин, Московитин, Копылов — всех не перечислишь! Они шли через всю Сибирь, всё дальше и дальше на Восток, раздвигая границы России. Принимая в подданство ей дауров и дючеров, гольдов и эвенов, ханты и манси, юкагиров и камчадалов, чукчей и якутов, нивхов и гиляков, тунгусов и коряков... Сколько у нас народностей в России? Более сотни. И все сохранили свою культуру, свой язык, обычаи. Все малые народы Сибири, Севера и Дальнего Востока живы, здравствуют, а индейцев в хваленой Америке почти поголовно вырезали. Так кто «империя зла», скажи мне, кто «тюрьма народов»?

— Мальта, — пошутил Алексей. Но дядя Коля так разошелся, что даже не расслышал его ответа, встал и начал расхаживать по поляне, как в аудитории перед студентами (хотя кроме Леши здесь присутствовала лишь стайка воробьев, нахально клевавших остатки трапезы), продолжая громко рассуждать:

— Они не остановились на проливе, разделяющем два материка. Они двинулись еще дальше. Открыли северо-западное побережье Америки, Алеутские

острова, Курилы. Стали обосновываться на Аляске, в северной части Калифорнии, поставили там форт «Росс». Шелехов и Баранов фактически стали правителями этой части Америки. Нет, что ни говори, а надо петь гимны и слагать саги о таких людях, которые бросаются в неведомые земли, плывут в утлых суденышках, пробираются сквозь тайгу, карабкаются на скалы, терпят лишения, голод, жажду, жару, стужу, одиночество, пребывают порою на пороге смерти, но не отступают от поставленной цели — покоряют природу и возвеличивают свою Родину. В этом заключена глубокая тайна жизни, которую можно выразить тремя словами: «Дорогу осилит идущий».

Это исключительные люди, неукротимые, мужественные, самоотверженные, являющие пример величия духа, несгибаемой воли, настоящие русские герои. Они оставляют в истории тот след, по которому уже идут другие, мы, обычные люди, и очень часто этот след просто затапывается. Или, что еще хуже, — подвергается осмеянию. Не знать, не помнить об этих людях просто стыдно... Вот таким, по сути, первопроходцем, покорителем недр Тюменского края был и Виктор Иванович Муравленко.

Николай Александрович остановился, замер, взгляд его задумчиво устремился вдаль, к верхушкам вековых сосен, словно он пытался увидеть среди зеленой листвы нечто очень важное.

— А ты уже много о нем написал в своей книге? — спросил Алексей, подперев вихрастую голову ладонью.

— Мало, — сознался дядя Коля. — Хочется больше. Но всего просто не опишешь. И я ведь не писатель. Я жил там, бурил, строил. Прочувствовал всё на себе. Был вблизи от него, но не в первом и, может быть, даже не во втором, а в третьем ряду... Потом, уже когда Советский Союз рухнул, я только тогда вдруг осознал — какой масштабной личностью был этот человек. Он бы

голову положил, но не допустил этого. Родина для него была превыше всего, а не почет, не деньги, даже не личное счастье. И я сказал себе: надо написать о нем книгу. Ведь никто же не сделает! Всё и так уже быльем поросло.

Нет, воспоминаний о нем много, я их все внимательно прочитал и изучил. Каждый из его соратников что-то написал о Муравленко — и Аржанов, и Великопольский, и Гаркавенко, и Запорожец, и Коломацкий, и Шмаль, и Эрвье, и Щербина, и Чурилов, и Фаин, и Протозанов, и Кузоваткин, и Кореляков, и Межлумов, и конечно же сын Сергей, и... много! Честь им и хвала за это. Есть и две книги о нем, Грозовой и Юрасовой, хотя они мне как-то не очень, скучноваты. А я хочу создать портрет человека времени, эпохи. И не скульптурную фигуру изобразить, а живую. В движении. Потому что таким он и был, беспокойным, горящим, не сидевшим никогда без дела. Я себе даже и представить его не могу в глубокой старости, на пенсии. И хочу показать, сопоставить его труды с днем нынешним. Ведь прошлое и будущее — здесь, в нас, одно без другого не существует. А нам лишь надо понять: что было, что есть и что делать дальше, куда двигаться?

— Лев Николаевич, дашь почитать-то? — с неким уважением спросил Алеша, хотя и нарочно переврал имя.

— Можно, — кивнул дядя Коля, не без некоторой радости. — Вот вернемся домой и покажу. А я тебе пока, если хочешь, стихотворение одно прочитаю, муравленковца, простого газоэлектросварщика, Миши Лаверева, о городе. — И, не дожидаясь согласия, он начал:

*В краю далеком, что зовут Ямалом,
Среди высоких елей и болот,
Где нефть и газ берут свое начало,*

*Там город молодой сейчас растет.
Вокруг него озера голубые
Своею красотой к себе манят,
И, словно кедры, вышки буровые
Вцепиться в землю намертво спешат.
И не беда, что ты еще так молод,
Но ты для многих стал уже родным.
Так будь же счастлив, мой любимый город,
И оставайся вечно молодым. За то...*

Николай Александрович запнулся, наморщил лоб, вспоминая.

— Ага! Сейчас...

*За то, что здесь живу, творю, дерзаю,
Я благодарен Богу и судьбе.
И если вдруг куда-то уезжаю,
То сердце снова тянется к тебе!*

— А там еще припев есть:

*Муравленко, Муравленко!
Нет мне города милей.
Муравленко, Муравленко —
Город юности моей.
Муравленко, Муравленко,
Пусть звучит сейчас везде,
Муравленко, Муравленко,
Моя песня о тебе!*

— Н-да... — сурово изрек Алексей. — Не Пушкин. И даже не Резник.

— Зато от души, искренно, — заступился за автора декламатор. — Не ваши «муси-пуси».

— Я «муси-пуси» и прочую «глюкозу» сам не люблю, это всё попса дешевая. Вот Шевчук, Кинчев — да. Ты только, дядя Коля, стихи больше не читай, ладно? Лучше своими словами, без фонограммы.

— Ну хорошо, — кивнул тот. — Я вижу, ты в поэзии ни бельмеса не разбираешься... А вырос он, Муравленко, на землях лесных самоедов, или, как их еще иначе называют — ненцев.

— Ты сейчас о городе или о человеке?

— О городе, конечно, башка еловая! О Викторе Ивановиче речь еще впереди... Эти земли присоединили к России казаки, когда стали поселяться в Сибири. Постепенно всё это происходило, медленно, не вдруг. Местные князьки и ханы — казымские, сосьвинские, обдорские, сургутские и другие признавали власть Москвы. А на самом Крайнем Севере была еще древняя и загадочная страна Мангазея, «обетованная земля» для всех русских путешественников, промысловиков и царских сборщиков ясака. Богатейшая местность, там теперь город Салехард, бывший Обдорск. Но сама Мангазея исчезла, осталась только в легендах. Почему — неизвестно. Как и Северная Гиперборея, где жили люди-исполины, оставившие следы высочайшей культуры и даже чуть ли не космических сооружений. Эти загадки истории и природы решать вам, молодым, если совсем от «Клинского» не опупеете.

— Далось тебе это «Клинское»! Я его вообще не пью, предпочитаю «Сибирскую корону».

— Вот это правильно, — подумав, согласился Николай Александрович. — Все-таки ближе к нашей теме. А если уж говорить о короне царя в Сибири, то есть о его власти, то всё местное население было взято под его защиту. После этого все остяки, ненцы, ханты, эвенки и другие племена имели возможность обращаться с челобитными непосредственно к царю, прося у него управы на самодурство местных воевод и

начальничков. А воеводам был строгий наказ — «держатъ ласку и береженье», чтобы ни в чем не обидеть и не ожесточить аборигенов. Для этого существовали специальные документы вроде так называемого «Государева жалованного слова», типа указа президента Путина. И вот как его доводили до сведения народа. В какой-нибудь местности, скажем, возле Сургута или на землях нынешнего города Муравленко, в лучшую съезжую избу приглашались племенные князья, старейшины, сотники и другие, как их называли, «лутчие ясачные люди», а встречали их назначенный воевода, подьячий и толмачи-переводчики со стрельцами и казаками. Всё это было празднично и торжественно оформлено, сопровождалось бесплатным угощением и подарками. Зачитывался приказ или грамота, где новокрещенные объявлялись братьями, и провозглашался союз-уговор между великим государем с одной стороны и простым ясачным человеком этого племени — с другой. Однажды, кстати, грамоту эту, «Государево слово», случайно утопил в Оби ехавший из Москвы в Томск некий ротмистр. Дело страшное, можно было и головы лишиться. Ротмистр обратился за помощью к Сургутскому воеводе.

Тот отрядил на место происшествия двух казаков, снабдив их рыболовной сетью. Пять раз казаки закидывали в реку сеть, сами неоднократно ныряли в ледяную воду. И наконец-таки злополучный документ выловили! В Сургуте грамоту бережно высушили, заботливо запечатали местной печатью и отправили вместе с ротмистром дальше, по назначению — в Ачинский острог. Ну а в качестве компенсации за хлопоты и за «прокат» сети воевода конфисковал в свою пользу всю рыбу, попутно выловленную во время этой поисковой операции.

— Молодец, — похвалил Леша.

— Воинские гарнизоны в новых городках были небольшие, — продолжал дядя Коля, — но зато они умели драться! В Кумарском остроге, например, 550 человек выдержало трехнедельную осаду десятитысячной маньчжурско-китайской армии. Простые казаки за свои подвиги сами росли в чинах, становились атаманами и воеводами. Иван Астраханец, один из тех, кто ставил Сургут, в дальнейшем был уже видным тобольским боярином. Иван Галкин основал Якутск, бывший Ленский острожек. Бекетов и Перфильев стали знатными атаманами.

— А как они там вообще жили-то? — спросил Леша, которого исторический экскурс Николая Александровича весьма заинтересовал. — В этих острогах? Без телевизора-то. Что делали?

Ответ не заставил себя ждать. Видно, Чишинов хорошо знал данную тему, основательно изучил, прежде чем начал писать книгу о Муравленко. И правильно: ведь судьбу человека не оторвать от той земли, на которой свершился его звездный час. Он может родиться в ином месте — там его корни, но крона — здесь.

— Служилые люди состояли из стрельцов, казаков, посадских или просто «гулящих» бродяг, были и ссыльные и из местных племен, обрусевшие. Их снабжали оружием и боеприпасами, выдавали годовое жалованье, правда, деньгами редко, чаще — хлебом и солью. Задержки с зарплатой, как видишь, дело далеко не новое, не ельцинское изобретение. Жители городков получали в год пять рублей и 25 копеек. Если тебе интересно, то скажу для сравнения: на эту сумму можно было построить дом и завести хозяйство. В типичном для того времени таком поселении, как Сургут, был воеводский двор, пороховой склад, тюрьма, казенные амбары, наблюдательные угловые башни, съезжая изба-гостиница, деревянные домишки. Какие развлечения? Кабак, карты и зернь, то есть игра в кости. Пища

обычная, что удавалось добыть в тайге, да с собственного огорода. Торговали пушниной, лосиной кожей и рыбой. Жили тут и церковные раскольники в Пустозерске, к примеру, знаменитый поп Аввакум, старообрядец. Его потом там и сожгли, в яме. А земледелие в этих болотистых краях широкого применения не получило. Вот добыча соли стала изрядным промыслом. Известные купцы Строгановы, между прочим, именно на солеварении и поднялись, стали одними из богатейших в России.

— Была бы «машина времени», я бы туда смотал с парой мешков соли! — мечтательно произнес Алексей.

— А на всем протяжении Сибири, от Урала, который называли просто «Камнем», до Дальнего Востока, были заведены станции для перемены лошадей, чтобы шло бесперебойное движение людей и грузов. Их называли «ямы для гоньбы», отсюда пошло и слово — «ямщик». Первые ямщики появились в Соли Вычегодской, Чердыни и Соли Камской. А ты, Леша, со своими мешками, не зная родной истории и сибирских обычаев, быстренько бы очутился в другой яме, рядом с Аввакумом, как явившийся неведомо откуда демон... Что касается коренного населения, то оно вело, как правило, кочевой образ жизни. Всю одежду и обувь делали себе сами, из оленьих шкур, с помощью подручных средств. На рубашки шло полотно из крапивы, а хлеб им заменял корень «сусак», который они ели и летом, и зимой. Надо заметить, что, кроме определенных благ цивилизации, казаки принесли им и такое бедствие, как спиртное и табак, да еще азартные игры. Хотя царские указы и запрещали возить аборигенам вино. Случались и мятежи, восстания. Это когда уж слишком начинали притеснять данью. Государственный чиновник ведь редко по своей натуре не бывает вором, мздоимцем. Всё норовит к себе в карман отщипнуть. Иногда от жадности уже ничего вокруг не видит — ни голода среди

населения, ни всей мерзости запустения. Зато себе одни хоромы за другими выстраивает. Вот народному терпению и приходит конец.

— Как бы сейчас подобного не вышло, — резонно произнес Леша. — Одна эта... коррупция кругом. Верхи еще не умерли от обжорства, а низы почти сдохли от нищеты. Ничего не меняется!

— Тут ты прав, — согласился Николай Александрович. — Есть такая хорошая поговорка: добр царь, да злобен псарь. То есть чиновник, воевода, губернатор. Не все, конечно. Есть и настоящие радетели отчего края. Много доброго оставили сибирские генерал-губернаторы Сперанский, Батеньков, а уже при Советской власти такие руководители, как Щербина, Бахиллов, Лигачев. Да и в наше время есть люди, которые не только о себе думают, — Собянин, Рокецкий, Филиппенко...

И вновь откуда-то из-за деревьев и кустов вылетел веселый пятнистый мяч, словно соскучился по ним, двум людям, — старому и малому, запрыгал по поляне, юркнул под остывший мангал. Алексей тотчас же вскочил на ноги, толкнул мячик стопой, крикнул Николаю Александровичу Чишинову:

— А ну, дядя Коля, давай! Тряхни стариной! Покажи, как играл Стрелец в лучшие годы своей жизни, прерви лекцию!

Бурильщик не смог удержаться, тоже поднялся, побежал, стараясь отнять мяч. Завязался футбольный поединок, Леша ловко обводил старика, демонстрируя завидную технику, почти как молодой Сычев или Аршавин. Он жонглировал коленом, плечом, головой, все время уклоняясь от дяди Коли, поворачиваясь к нему спиной или боком. Но всё же Чишинову удалось выбить у него мяч и запулить им в сторону двух подростков, явившихся за своим резиновым «другом».

— Фигу вам, — довольно сказал он, имея в виду знаменитого португальского футболиста. Потом поглядел на запыхавшегося Лешу: — Курил бы меньше — цены не было. Кстати, Виктор Иванович табак на дух не переносил, а в своем кабинете разрешал курить только в исключительных случаях, и то далеко не всем. А уж если у нас с самого начала зашла речь о спорте, то сделаю небольшое отступление, перерыв в лекции, как ты выражаешься. Так вот. При Муравленко выросло не только целое поколение людей по-настоящему спортивных, физически крепких, но во всех городах и поселках Тюменского края появились самые современные по тем временам спортивные сооружения — бассейны, стадионы, спорткомплексы, хоккейные площадки, корты, даже в детских садах — свои «лягушатники», чего раньше невозможно было даже представить.

С самого начала он собрал у себя работников профсоюзов культуры и спорта, твердо заявил (а всякая его речь была как приказ), что сейчас к нам будут съезжаться тысячи людей со всего Союза. Целые десанты из Москвы, Ленинграда, Харькова, Саратова, Куйбышева, Уфы будут высаживаться в аэропорту, на железнодорожном вокзале, добираться водными путями, а кто и попутками — слесари, водители, столяры, повара, парикмахеры, артисты, спортсмены и в первую очередь нефтяники. Одни приедут разрабатывать таежный регион и добывать нефть и газ, другие наденут рабочую спецовку с эмблемой ударной комсомольской стройки — а строительства тут невпроворот! — третьи станут не только обслуживать их, но и облегчать жизнь, радовать своим профессиональным мастерством. Но пароль у всех будет общий: «Мы — тюменские нефтяники!» Вот так он сказал в своей, как всегда, зажигательной речи. Я был, слушал. Поначалу, говорит, люди различных возрастов и профессий, приехавшие

сюда по зову сердца, будут жить в условиях освоения. То есть в палатках, вагончиках, бараках-временках. Налаживание их быта — это первостепенная задача. Здесь и медицинское обслуживание, и качественное питание, и организация свободного времени, отдыха и спорта.

Николай Александрович отпил зеленого чая, продолжил:

— По его приказу в Сургуте сотни самосвалов стали свозить на заболоченные площадки грунт, щебень, песок, а потом укатывать, озеленять, чтобы выстроить плоскостное спортивное сооружение с футбольным полем, волейбольными и городошными площадками. И сразу же стали проводить на них первые соревнования, а затем и спартакиады. В том же Сургуте Анатолий Тоболов стал зачинателем соревнований среди буровых бригад по волейболу и футболу, потом этот его почин перекинулся на всю область. В Тюмени Борис Мишатин возглавил спортивное общество «Спартак», был директором детско-юношеской спортивной школы «Нефтяник», как тренер воспитал несколько мастеров спорта по конькам, чемпионов Российской Федерации и всего Союза.

В Нижневартовске был такой молодой мастер спорта по классической борьбе — Лазарь Лукин, который приехал к нам из казахского города Петропавловска. Стал он руководить спортобществом «Труд», а когда открыл первый спортивный зал в ДК «Юбилейный», то в течение только одного дня в секцию по борьбе записалось сразу же более двухсот молодых нефтяников! А помимо борьбы появились секции бокса, тяжелой атлетики, лыжных гонок, биатлона, конькобежного спорта — Север все-таки, Сибирь... Лыжня начиналась от самого порога спортзала и уходила к горизонту. Тебя бы вот на недельку в Сибирь, для профилактики снег убирать.

— Спасибо, лучше в Куршевель, — отшутился Леша.

— А побеждать стали на Всесоюзных соревнованиях не профи, а простые наши тюменские парни, кто бурильщик, кто тракторист, как Коля Ефремов из Новоаганской конторы, или два Саши — Королев и Рыков, ставшие мастерами спорта и победителями по городкам, шоферы с автобазы. Василий Лаптев после вахты шел не куда-нибудь, а исключительно на ринг, тоже стал чемпионом и мастером спорта. А сколько людей участвовало в массовых легкоатлетических кроссах, лыжных эстафетах! Где это сейчас? А ведь в них — общий азарт, общая радость, сплочение. Вот оно — полное единение, пока что хотя бы через спорт, а там и через культуру, но главное — через идею, смысл жизни, если хотим единой России, а не болтовни об этом. Первооткрыватели в Тюмени это знали, они были едины — нефтяники, монтажники, транспортники, энергетики, строители дорог и трубопроводов. Они были горды за то, что делают. И им уже не надо было ехать за тридевять земель в поисках счастья, потому что они были дома. Они сами построили свой Дом. Где можно было стать инженером, врачом, учителем или тренером. Вырастить своих детей, не боясь, как теперь, что те попадут в нищету и голод. Где можно было работать и отдыхать. Жить нормальной жизнью. А что еще человеку надо?

— Ну, не знаю, — сказал Леша, почесав затылок. — От «мерса» я бы не отказался.

— И чтобы «по-щучьему велению»? Или отобрать у кого? Иному-то вас и не научили. Забыли что такое настоящий труд, а без него... Вот в Тюмени на заводе «Электрон» до сих пор работает Владимир Федорович Рыков, простым инструктором физкультуры, а ведь он из поколения «муравленковцев», благодаря ему вышли в мастера, и по работе и по спорту, сотни людей, открыли

два зала, секции борьбы, волейбола, футбола. И никакой «мерс» ему не нужен.

А Александр Медведев, не знаю, правда, где он сейчас и чем занимается, и сам был отличным лыжником, и вместе с Олегом Соколовым стал культивировать в Тюмени автоспорт: такие всероссийские чемпионаты устраивал по гонкам на грузовых автомобилях, похлеще чем «Париж — Дакар». А потом еще и дельтапланеризмом занялся. А награды и кубки всем тюменским спортсменам Муравленко вручал лично. Торжественно, потому что искренно, как и все мы, нефтяники, гордился ими. Пароль-то у нас один. Не пароль даже, а печать, как особый знак, навеки, до конца жизни.

Николай Александрович как-то грустно замолчал, потом вдруг неожиданно спросил:

— Тебе сколько сейчас?

— Да почти двадцать. Я ведь на два с половиной года старше твоей Ленки. Забыл? А что? — забеспокоился Леша.

— Так... И всё не определился. То одно место сменишь, то другое. В палатке у какого-то абрека подрабатывал. Теперь вот в охранники записался, хорошо еще не сразу — в бандиты.

— Да времени впереди — навалом!

— Зря так думаешь. Если сразу профессию не выбрал по душе — может, и не по уму даже, а как сердце велит, — то ничего в дальнейшем не выйдет. И время твое как песок уйдет, быстро и безвозвратно. Оглянешься, а жизнь-то уже и прожита. И ничего-то в ней не было. Ни дел великих, ни счастья, а одни маленькие делишки да зависть, да и любовь урывками, потому что мелко всё. Как «Мерседес», о котором мечтаешь. На такой мечте только авария в жизни... А вот Виктор Муравленко младше тебя был на три года, когда

свой выбор сделал. И ушел к нефтяникам на Кертычку. Так-то.

И он вновь замолчал, будто уходил вслед за юным кубанцем по пыльной солнечной дороге.

2

Из личного листка по учету кадров:

«ФИО. Муравленко Виктор Иванович.

Год, число, месяц рождения- 1912, 25 декабря.

Место рождения: ст. Незамаевская, Павловский район, Краснодарский край.

Образование: высшее (окончил в 1936 г. Грозненский нефтяной институт по специальности инженер по бурению нефтяных скважин).

Какими иностранными языками владеете: английским слабо.

Ученая степень, ученое звание: профессор.

Какие имеете научные труды и изобретения: четыре изобретения: «Шланговый метод бурения»; «Буровая установка с газотурбинным приводом»; «Универсальные блоки под буровые установки 5-Д и 3-Д и др.»; «Буровая вышка на воздушной подушке».

Выполняемая работа с начала трудовой деятельности:

1930-1931 гг. — моторист Грознефтеразведки (Чечено-Ингушская АССР, Стерч-Картыган);

1931-1936 гг. — студент Грозненского нефтяного института (г. Грозный);

1936 г. — бурильщик Лок-Батайской конторы бурения (г. Баку);

1936-1937 гг. — курсант военной школы РККА (г. Ленинанкан);

1937-1938 гг. — начальник буровой Сызранской конторы бурения (г. Сызрань, Куйбышевская область);

1938-1940 гг. — директор конторы бурения треста Сызраньнефть (г. Сызрань, Куйбышевская область);

1940-1943 гг. — начальник нефтеразведки (о. Сахалин, пос. Армудан);

1944-1945 гг. — главный инженер треста Дальнефтеразведка (о. Сахалин, г. Оха);

1945-1946 гг. — начальник отдела добычи и бурения Дальнефтекомбината (г. Хабаровск);

1946-1948 гг. — директор конторы бурения треста Ставропольнефть (г. Жигулевск, Куйбышевская область);

1948-1950 гг. — управляющий трестом Ставропольнефть (г. Жигулевск, Куйбышевская область);

1950-1960 гг. — начальник объединения Куйбышевнефть (г. Куйбышев);

1960-1962 гг. — заместитель председателя Куйбышевского совнархоза (г. Куйбышев);

1962-1965 гг. — начальник управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза (г. Куйбышев);

с 1965 года — начальник Главтюменнефтегаза (г. Тюмень).

Пребывание за границей:

1966 г. — Канада (служебная командировка, ознакомление с достижениями в области бурения);

1967 г. — Финляндия (служебная командировка по обмену опытом домостроителей);

1970 г. — Америка (с делегацией нефтяников);

1970 г. — Япония (участие в ЭКСПО-70);

1972 г. — Венесуэла (член парламентской делегации);

1974 г. — Чехословакия (служебная командировка);

1975 г. — Франция (служебная командировка).

Какие имеет правительственные награды:

1. Герой Социалистического Труда с вручением Золотой медали «Серп и Молот» и ордена Ленина — 1966 г.

2. Орден Ленина — 1949 г.

3. Орден Ленина — 1958 г.

4. Орден Ленина — 1976 г.

5. Орден Октябрьской Революции — 1971 г.

6. Медаль «За трудовую доблесть» — 1944 г.

7. Медаль «За трудовую доблесть» — 1953 г.

8. Медаль «За трудовое отличие» — 1951 г.

9. Медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» — 1970 г.

10. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» — 1946 г.

11. Медаль «За освоение целины» — 1962 г.

12. Медаль «XX лет Победы над Германией» — 1970 г.

13. Медаль «XXX лет Победы над Германией» — 1975 г.

14. Лауреат Ленинской премии — 1970 г.

15. Лауреат Государственной премии СССР — 1972 г.

Семейное положение в момент заполнения листка:

Жена — Муравленко Клавдия Захаровна, 1917 г. рождения;

сын — Муравленко Сергей Викторович, 1950 г. рождения.

Домашний адрес: г. Тюмень, ул. Ленина, 65, кв. 29».

(Листок по учету кадров был заполнен в июне 1977 года, за несколько дней до смерти.)

Выдержки из письма в Высшую аттестационную комиссию:

«Своими научными трудами и изобретениями, а также активной инженерной и организаторской деятельностью профессор В. И. Муравленко внес существенный вклад в создание в Западной Сибири крупнейшей нефтегазодобывающей базы страны.

Научные труды и изобретения В. И. Муравленко, выполненные им самостоятельно и в соавторстве с новаторами руководимого им крупного коллектива производственников, носят комплексный характер и имеют первостепенное значение при производстве буровых работ в крайне сложных природно-климатических условиях на заболоченных и обводненных площадях.

В результате широкого внедрения в беспрецедентных условиях Западной Сибири комплекса научно обоснованных решений в области нефтяного и энергетического машиностроения, а также уникальных разработок по сооружению, транспортировке буровых установок и технологии бурения нефтяных и газовых скважин объем буровых работ по «Главтюменьнефтегазу» был увеличен с 310 тысяч в 1966 году до 2 миллиона 300 тысяч метров в 1973 году (почти в восемь раз! — А. Т.) в основном за счет роста производительности труда буровых бригад. Благодаря этому были обеспечены высокие темпы добычи нефти: 2 миллиона 840 тысяч тонн в 1966 году и 116 миллионов тонн в 1974 году (почти в 50 раз, что является феноменальным достижением. — А. Т.). Только прирост нефтедобычи по «Главтюменьнефтегазу» за один 1973 год (24 миллиона тонн) превысил добычу такого крупного нефтяного района, как Баку.

...В связи с перенесенным Муравленко в конце 1973–1974 гг. тяжелым заболеванием и учитывая, что по состоянию здоровья он длительное время будет лишен возможности выступить с публичной защитой, ходатайствуем, в виде исключения, о присуждении В. И. Муравленко ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации в порядке, предусмотренном инструкцией ВАК.

В. Д. Шашин, министр нефтяной промышленности СССР,

С. А. Оруджев, министр газовой промышленности СССР. 1974 год».

Правительственный некролог:

«Нефтяники нашей страны понесли тяжелую утрату. 15 июня 1977 года скоропостижно на 65-м году жизни скончался член КПСС с 1940 года, депутат Верховного Совета СССР, начальник Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Виктор Иванович Муравленко. Ушел из жизни талантливый инженер, крупный организатор нефтедобывающей промышленности... Под его непосредственным руководством Западная Сибирь в короткие сроки превратилась в крупнейший нефтедобывающий район страны. В. И. Муравленко постоянно уделял большое внимание улучшению жизни и быта трудящихся, при его активном участии на севере Тюменской и Томской областей созданы современные благоустроенные города и поселки нефтяников.

Наряду с многогранной производственной деятельностью В. И. Муравленко вел большую партийную и государственную работу, был членом Тюменского обкома партии, делегатом XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС. Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР.

...Светлая память о Викторе Ивановиче Муравленко, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, М. А. Суслов, Г. А. Алиев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, Н. А. Тихонов, Н. К. Байбаков, В. Э. Дымшиц, К. Ф. Катушев, В. Н. Новиков, М. П. Георгадзе, Г. П. Богомяков, Е. К. Лигачев, Н. А. Мальцев, С. А. Оруджев, Б. Е. Щербина, В. С. Федоров,

В. В. Никитин, В. П. Орлов, В. Г. Архипов, В. И. Кремнев, И. П. Ястребов. П. С. Непорожный, А. М. Токарев, А. В. Валеханов, В. Т. Седенко, В. Ю. Филановский-Зенков, Ф. Г. Аржанов, Е. М. Узилов, Е. В. Столяров и другие». (Газета «Правда», 17 июня 1977 года.)

**Из рукописи Николая Александровича Чишинова
«Нефтяник № 1»:**

«Картыган, Кертычка — так называли это грозненское месторождение нефти. Буровые вышки стояли в низине меж гор, железной дороги еще не было, все строительные материалы и технику, которая «не могла идти своим ходом», подвозили самым допотопным способом на арбах и телегах, в которые были запряжены буйволы. А животное это медленное и своенравное, без умелого погонщика остановится или пойдет не туда, куда надо. Может быть, именно тогда Виктор Муравленко впервые подумал о том, что без соответствующих путей сообщения — транспортных артерий никакое дело с места быстро не сдвинется. А может, мысль эта пришла в голову и позже, тогда же было не до того: всё тут удивляло, привлекало юношеское внимание, а то и страшило, особенно, когда довелось очутиться в самом центре буровых, где грохотали станки и кузнечные молоты. Это тебе не кубанская степь с ее звенящей тишиной и раздольем!

И все же чувствовалось во всем этом какое-то новое, свежее, загадочное дыхание неведомой жизни, тот зов, который томил душу. Иной ритм, иные великие замыслы и цели. Главное, чтобы приняли в это рабочее, промасленное братство, где даже пятна мазута на спецовках смотрелись, как знаки отличия, как ордена. Наверное, тогда ему еще не была известна крылатая

фраза Наполеона: «Сперва надо ввязаться в драку, а там видно будет!»

Но именно с таким настроением он и пришел сюда. Поэтому, когда услышал с деревянной вышки веселораздраженный окрик: «Эй, парень, чего приперся? Заблудился, что ли?» — то по-мужски деловито и спокойно ответил: «На работу устраиваться!»

— Ну-ну! — засмеялись бурильщики. — Мало каши ел!

— Это мы еще посмотрим — кто мало, — пробормотал Виктор.

Но и в отделе кадров грозненской нефтеразведконторы на него поглядели с сомнением, прищурились на худенькую фигуру. Дескать, не по твоим силенкам работа. Кадровик повертел школьный аттестат, задумался. Но рабочих не хватало, а парень, судя по всему, упорный, к тому же жилистый, такие иных силачей стоят. И вынес свое решение:

— Пойдешь на седьмую буровую, помощником моториста. Смотри, не подкачай.

Радости Виктора не было предела. А тут еще и новую робу выдали, правда свеженькую, без «знаков отличия», отчего стало немного стыдно перед другими бывалыми работягами. Поэтому он украдкой в первые же часы постарался посадить на нее как можно больше мазутных пятен. Ну а настоящие ордена и медали придут потом...

В СССР только-только была принята программа первой пятилетки: народное хозяйство страны становилось на плановые рельсы. Начинались, готовились масштабные строительства. Всюду бурлила жизнь, страну охватил промышленный бум. В деревнях, правда, пошла другая волна — раскулачивание, которая смывала крепких крестьян-хозяйственников, выносила на поверхность пену...

В этот, 1928 год всех больше всего заботила гибель дирижабля Нобиле, его поиски. Спасали итальянского

генерала-полярника буквально всем миром (великий Амундсен во время розыскной экспедиции так и погиб во льдах), а позывные поймал именно советский радиолобитель из маленького провинциального городка. После этого на помощь терпящим бедствие отправился ледокол «Красин», а наши летчики совершили беспрецедентную операцию по спасению соратников Нобиле. Конечно, Виктор Муравленко с юным пылом следил за этими драматическими событиями, переживал вместе со всей страной. Кто ж знал, что и его судьба в зрелые и лучшие годы также будет связана с вечной мерзлотой, с бескрайним Севером? Только его «дирижабль» достигнет поставленной цели.

Но пока перед ним был новенький «Юнкере» — чудо техники, двигатель для буровой, купленный за валюту в Германии. Виктор за самые короткие сроки сумел овладеть всем его сложным и тонким механизмом и даже «понимать» его ритм, такты движения, оправдывая звание «помощника моториста». Словом, полюбил это редкое и дорогое техническое изделие, поскольку оно, как выражались все вокруг, — сердце буровой. Такой вот стальной «Юнкере», «пламенный мотор», как пелось в советской песне, не дай бог сломаешь! А песня была хорошая. Потому что эти люди действительно были «рождены, чтобы сказку сделать былью, преодолеть пространства и простор...». Они и творили историю страны.

А Виктору уже хотелось чего-то большего, чем просто обслуживать механическую игрушку. («Юнкере» «Юнкерсом», а и советские изобретатели и механики были не лыком шиты: в Москве русский конструктор Валентин Глушко в это время разрабатывал первый в мире электротермический ракетный двигатель, а химик и военный инженер Владимир Ипатьев, бывший царский генерал, начал успешные работы по получению высокооктановых сортов бензина, что в будущем

оказало огромное влияние на нефтепромышленность.) Муравленко тянуло к буровикам. Он понимал, что именно там, на буровой, — главный нерв жизни всего месторождения. Да и бурильщики все — какие-то особенные, статные, мужественные, задорные, как нефтяные боги. В каждую свободную минуту он шел к ним, буквально пропадал на буровых станах. Слушал их объяснения, учился, впитывал, вглядывался, как многочисленные трансмиссии приводят в поступательное движение балансир, а тот, словно колодезный журавль в станице, наклоняется и посылает в скважину долото, подвешенное на канате с яссами внизу. Потом разрубленную породу вынимают «желонкой». Это называлось «бурение ударным способом». Скважина должна была быть обязательно круглой, для этого канат все время вращали вручную особым приспособлением — «гоняли обезьянку», как говорили буровики. Как-то раз доверили вращать винт балансира и Виктору. Он и пристрастился, начал «гонять обезьянку» с горделивой радостью. Однажды неподалеку остановился буровой мастер Ершов.

— Нравится это дело? — спросил он у юноши.

— Очень!

— Да это же вчерашний день бурения! Дедовский способ — бери в руки лом и долби землю, пока не надоест. Раз — ямка, два — еще глубже, и снова — до опупения.

— А как же трансмиссии, балансиры, винты? Это же всё не просто.

— Ну уж! И обезьяну, при желании, научить можно. А надо переходить на новые методы. Ротор. Понимаешь, о чем я говорю? — и Григорий Исаевич пристально посмотрел на Виктора, словно доверяя ему заветную тайну. — Вращательное бурение — вот что нам нужно. Оно даст и скорость, и глубину. За ним будущее. Я вижу, ты парень упорный и смекалистый, давно за тобой

наблюдаю. Быть тебе бурильщиком, быть. Но — учиться надо, и учиться именно на роторщика-вращателя, об ударном способе забудь. Не век же тебе, хлопец, «обезьянку гонять», когда-нибудь сам мастером станешь. А то и повыше, может, самым главным начальником по нефти, характер у тебя тот.

Виктор смутился, провожая Ершова взглядом. Тот уже распекал кого-то за перегретые в трансмиссии подшипники. Без крика и ругани, по-деловому, спокойно, даже по-товарищески: дескать, горелым пахнет, а вы всё бурите, надо проверять подшипники каждые полчаса, носом чуют... Такой он был человек, этот неспешный и скромноватый Григорий Исаевич Ершов, и ведь не скажешь, что в Гражданскую войну сражался с белогвардейцами в составе героического грозненского пролетарского батальона, а после отправлял и сопровождал в Москву первый эшелон с нефтью, да что там — видел и разговаривал с самим Лениным! Настоящий мастер, буровик до мозга костей. И если уж он сам предрек ему такое будущее, то... Виктор всерьез задумался над его словами. Он и сам чувствовал, что знаний ему маловато, нужно учиться. А где?

Потом Григорий Исаевич еще не раз беседовал по душам с Виктором, присматривался к нему, наставлял на путь, делился своими знаниями. Можно сказать, относился как к родному сыну. И юноша платил тем же — искренним уважением. Так и должно быть в жизни: есть учитель и ученик, важно только, чтобы они нашли друг друга.

(Вот так же и мне хотелось бы передать свои мысли и навыки моему соседу Лешке, но, видно, пока не в коня корм, а дальше поглядим. Впрочем, это я потом вычеркну.)

...С 1929 года по стране начал гроыхать каток коллективизации. С еще большей силой подверглась гонениям и Православная Церковь. В городах и селах

оказались закрытыми 80 процентов всех храмов. Удар был нанесен по становому хребту России.

Но одновременно стали зачищать и тех, кто особо и во все времена ненавидел «эту страну». Выслали в Алма-Ату Троцкого — туда ему и дорога. Поскидали с насиженных мест Бухарина, Рыкова, Томского, а заодно и Зиновьева с Каменевым. (Расплата за всё содеянное к ним придет позже.) Но всё это почти никак не сказалось на Грознефтеразведке, где работал Виктор Муравленко. Теперь уже не помощником моториста, а самым что ни на есть мотористом. Об этом появилась и первая запись в трудовой книжке. Правда, после знаменито-зловещего «шахтинского дела» кое-кто из руководящего состава был арестован. Но ни мастеров, ни среднее звено начавшиеся репрессии не затронули. Пока что.

В СССР была учреждена высшая правительственная награда — орден Ленина (их потом у Муравленко будет аж целых четыре) и завершено строительство Мавзолея, постоянной усыпальницы вождя, почему-то в египетском стиле (к слову, одновременно с установлением в столице первого электрического светофора). В 1930 году произошло еще одно, тогда еще малозначительное, событие, о котором Виктор наверняка не знал, потому что оно практически вообще никак не освещалось, да и случилось-то на другом краю света. В далеком Уругвае прошел... первый чемпионат мира по футболу. Выиграли хозяева, победившие в финале сборную Аргентины. Это потом футбол завоеует все страны, а сотни миллионов людей будут переживать, восторгаться и горевать, наблюдая за игрой своих кумиров по телевизору, разработки которого в то время уже шли полным ходом.

А на следующий год, когда в Европе стало уже непогодить и появились первые предгрозовые тучи (президент Германии Гинденбург начал встречаться с Гитлером, а тот в свою очередь заручился поддержкой главного банкира страны Ялмара Шахта), когда

страшное наводнение в Китае унесло жизни почти четырех миллионов человек, когда наконец-то был посажен в тюрьму легендарный чикагский гангстер Аль Капоне, когда всё Поволжье, родную для Муравленко Кубань и ставший не менее родным Северный Кавказ охватил массовый голод, — произошел значительный для Виктора эпизод в его судьбе. Во время одного из душевных разговоров Григорий Исаевич сказал:

— Пора тебе, Виктор, расти дальше. Есть у нас одна путевка в Грозненский нефтяной институт. Хлопец ты толковый, правильный. Будем рекомендовать тебя. У нас на восемь бригад всего два инженера с половиной, а командный состав нужен позарез! Ну, так как?

— Согласен, — почти не задумываясь, ответил Муравленко. — А чего тут думать?

Виктор по праву стал студентом горного факультета. А время было действительно трудным и тревожным. К тому же — голод, который не миновал и Чечено-Ингушскую АССР. Заработков отца еле хватало на прожитие. В окрестностях города было неспокойно, то тут, то там в горных селениях вспыхивали националистические волнения. Они никогда и не затухали, лишь тлели, ожидая своего часа.

А страна мощно наращивала темпы промышленного производства. Впервые было налажено крупнейшее производство синтетического каучука, строились новые заводы и фабрики. Никогда еще не было такого, чтобы Северный морской путь был преодолен за одну навигацию — это сделала полярная экспедиция Отто Шмидта на судне «Сибиряков». Даже на экспорт было отправлено 18 миллионов тонн центнеров зерна (хотя от его недостатка умерло от одного до трех миллионов граждан страны). Но Советское государство шло вперед семимильными шагами, становилось сильной, развитой индустриально-промышленной державой.

В 1931 году, когда Виктор Муравленко стал студентом дневного факультета Грозненского нефтяного института, когда он вместе со всей советской молодежью был охвачен всеобщим энтузиазмом и верил в светлое будущее страны, именно тогда родились и два могильщика СССР — Горбачев и Ельцин, сделавшие всё, чтобы уничтожить великое государство, ввергнуть миллионы его жителей в нищету, в кровавые междоусобные распри, вновь поделить людей на кучку богатеев-олигархов и гигантскую массу неимущих, чьи отцы и деды создавали всё это общенародное богатство.

В этом же году семью Муравленко постигло страшное горе: умер, подхватив тяжелейшее воспаление легких, ее хозяин — Иван Васильевич, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. Трудно было пережить такую утрату. Для Виктора отец был самым любимым и близким человеком, честным и справедливым, настоящим примером в жизни. Мать, Анна Ивановна, совсем сдала, не находила себе места. На похороны распродали кое-какие вещи, в доме стало пусто, наступила пора лишений. Как жить дальше? Что делать, чтобы прокормить сестру, мать?

Многие трудные вопросы терзали душу девятнадцатилетнего Виктора, который сам теперь, как мужчина, становился главой семьи, опорой для близких. А в чем и где найти опору для себя? Муравленко не был глубоко верующим, воцерковленным человеком, время было такое — атеистическое, безбожное. Но он вырос в православной семье, с христианскими, уходящими в глубь веков традициями, был крещен в младенчестве, в доме у мамы всегда стояли в уголке и у изголовья кровати иконки — Богородицы, Николая Угодника, Иоанна Крестителя, Анны Кашинской, других святителей и мучеников.

Вера в русском человеке всегда жива, только может находиться под спудом. Искоренить ее невозможно... В

Грозном, не так уж и далеко от института нефти, находился красивый соборный храм Архистратига Михаила. Каким-то чудом он уцелел во время смутных атеистических преобразований: в Москве храм Христа Спасителя взорвали за одну ночь, а здесь — уцелел. Видно, «недоглядел» Лазарь Каганович с другим ярым безбожником Емельяном Ярославским. (Разрушат собор Архистратига Михаила в иное смутное время — в 1995 году, когда здесь, в Грозном, будут идти ожесточенные бои; причем настоятеля отца Анатолия чеченские боевики похитят и после долгих издевательств и пыток, требуя отречения от веры, убьют. Но в 2006 году храм полностью восстановят.)

И Виктор решил украдкой прийти в церковь. Дохнуло на него от огоньков свеч какой-то светлой теплотой и душевной радостью, надеждой на исцеление и исправление многих бед. Ожили в сознании картины далекого детства, когда мать вела его за руку, а отец шел рядом, когда были его родители молоды и счастливы. В воскресшей памяти сердца он видел не только себя, но и весь древний род Муравленко, предков, их благодатный труд и «умное делание», видел историю России, ее будущее и свою внутреннюю судьбу. И слова не канонической, а простой личной молитвы — за отца, за Отечество — лились из души, как чистейшая вода из родникового источника.

Когда Виктор вернулся домой, он сказал матери и сестре Тамаре:

— А что если нам уехать отсюда? Вернуться на Кубань, в станицу?

— А как же твой институт? — спросила Анна Ивановна.

— Брошу. Сейчас надо вкалывать, а не зубрить.

— Не смей даже думать об этом! — возмутилась Тамара. — Отец бы этого не позволил. Он так гордился,

что ты стал студентом. Так верил, что ты выйдешь в люди...

И она была права. Бросить начатое дело — проще всего. Здесь много ума не надо. А идти до конца, преодолеть все тяготы, достичь цели — вот это «по-муравленковски». И Виктор понял, что если он поступит иначе, то просто предаст память об отце. Сейчас нужно учиться и работать за двоих.

В дальнейшем это стало основным принципом его жизни — работать за двоих и при этом постоянно совершенствовать свои знания и мастерство. Можно сказать, что он и жил за двоих. А на это способны только очень большие люди, которые не дают себе ни минуты отдыха, не щадят себя ради мнимых «прелестей жизни». Это — качество выдающихся лидеров, истинных пассионариев, вождей масс, которые становятся во главе армий, правительств, гигантских преобразований, реформаторами отживших систем, духовными пророками, ведут за собой неорганизованные массы, указывая единственно верный путь к большим и малым победам. Они достигают вершин общественной лестницы не ради личной славы, а во имя всеобщей пользы, во имя Отечества, потому что иначе попросту не могут существовать. Серая, будничная, скучная жизнь не для них. Они приемлют только одну форму существования — «горение».

Виктор перешел на вечерний факультет института, а в дневное время стал работать на кирпичном заводе мотористом — в технике и двигателях он уже разобрался хорошо. Но тянуло на буровые. Как магнитом. В душе он уже был закоренелым нефтяником. Это — как рок. А может быть, действительно, не столько мы выбираем наши дороги, сколько единственная, предназначенная судьбой дорога выбирает нас? Оставим это гадать мудрецам-философам. Так или иначе, но через несколько месяцев Муравленко

появился-таки на буровой, которая — в ногу со временем и прогрессом, как и предсказывал старый мастер Ершов, — была уже роторной!

Прогресс чувствовался повсеместно. Чего стоит только одно строительство Днепрогэса, которое к этому времени было уже завершено. Стране как воздух требовались нефть, газ, топливо. Без этих основополагающих составляющих энергетики любое государство обречено на жалкое прозябание, третьестепенную роль в геополитике. Муравленко понимал это, потому что уже тогда начинал мыслить масштабными категориями. Потому-то он так радостно вместе со всеми приветствовал пуск первого в столице отечественного троллейбуса. Он воспринял это как стратегический шаг, прорыв в деле развития энергетики и транспорта.

Индустриализация во всем — только так можно будет выйти на один уровень с ведущими странами Европы, где набирала невиданную военную мощь Германия с ее «новым порядком», и заокеанской, притаившейся Америкой. Он радовался и покорению альпинистом Евгением Абалаковым пика Коммунизма на Памире, что стало еще одним доказательством победы советского человека над неприступной природой, и полярной научной экспедиции ледокола «Челюскин», и достижениям выдающегося хирурга-офтальмолога Владимира Филатова, и многим другим новостям, которыми пестрили газеты. Читал Виктор всегда много и быстро, чаще специальную техническую литературу, но не обходил вниманием и русскую классику — Толстого, Чехова, Гоголя, любил поэзию Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а когда вышел эпический роман Вячеслава Шишкова «Угрюм-река», то проглотил его залпом. Оставила глубокий след в душе и появившаяся только что книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Но времени на всё не хватало. Поэтому большей частью

он читал ночью, при свете тусклой лампочки, за перегородкой.

Утром шел на буровую, вечером — в институт... Запомнился ему первый подъем на верхотуру по крутой лестнице. Внизу фигурки людей казались совсем крошечными, словно там копошились муравьи. Они облепили трубы, технику, переносили что-то туда-сюда, деловито сновали, подчиняясь не инстинкту, а четким командам и правилам. Буровая вышка раскачивалась и дрожала. Было немного страшно и захватывало дух. Но не столько от высоты, сколько от могущества человеческого ума, создавшего весь этот гигантский муравейник, где каждый выполняет поставленную перед ним задачу. И он, добравшись до раскачивающейся люльки, стоит на самом верху, машет мастеру рукой, а тот поднимает вверх большой палец: дескать, молодец, выйдет из тебя толк, студент!

Работа у Виктора спорилась. Он быстро освоил труд бурильщика, ловко научился захватывать крюком свинченные трубы — «свечу», спускать ее с помощью элеватора вниз. Его вахта задавала в бригаде тон, считалась лучшей. Неслучайно именно она всегда первой выполняла производственные задания. Потому что в ней работал такой «упертый хлопец», как Муравленко. А однажды, когда он шел со службы, на доске объявлений, висевшей перед главной конторой на барачной стене, вдруг увидел — глазам своим не поверил! — выведенную мелом фамилию «Муравленко». Среди лучших бурильщиков, добившихся наивысших показателей в соцсоревновании. Ошибок в таком деле не бывает, но, может, однофамилец? Но на буровой был только один Виктор Муравленко. Радость наполнила душу и сердце, будто солнце выглянуло сквозь пасмурные тучи, бросило сияющие лучи! Это был его первый признанный успех, первая дорогая награда, которая многого стоила. Значит, труд твой не

растворился втуне, замечен и оценен по достоинству. Сколь важно вовремя поощрить работу молодого человека, его порывы, — об этом он будет помнить потом всю жизнь. Даже когда окажется на самом верху, во главе этого сложнейшего живого организма-муравейника, он будет всегда внимательно следить за работой молодых специалистов и поощрять их труд.

После второго курса он вновь перевелся с вечернего отделения на дневное. Но работу на буровой не оставлял, нес вахты и там. А забот прибавилось и в самом институте — он был выбран комсоргом курса. Сейчас это, может быть, звучит довольно устарело, но Муравленко стал душой коллектива. В наше время «душ» таких всё меньше и меньше — одни деловые отношения, выгода, бизнес по принципу «человек человеку — волк».

Виктор был организатором трудовых починов, субботников и празднеств. Студентов нефтяного института называли «трудовым резервом» Грознефти. Шла вторая пятилетка, и их, «нефтяных академиков», бросали из студенческих аудиторий на самые узкие места и горячие участки — на промыслы, буровые, где что-то барахлило и требовало наладки для выполнения плана. Ну а уж когда одерживалась победа, то праздник труда отмечался едва ли не всем городом! Фотографии передовиков вывешивались на домах, в магазинах, в автобусах и пригородных поездах. Их знали в лицо все жители Грозного. Они были не менее популярны, чем самые модные киноартисты, чем Михаил Жаров, Борис Чирков, Леонид Утесов и Борис Бабочкин. А тогда как раз вышли два замечательных фильма — «Чапаев» и «Веселые ребята», на просмотр которых студенты и рабочие ходили по десять-пятнадцать раз.

Торжества с вручением переходящего Красного Знамени устраивались так. На буровую приезжал духовой оркестр, празднично одетые жены и дети

дарили рабочим цветы, звучали не только поздравительные речи, но и шутки, веселье лилось рекой, потому что это была общая, единая на всех радость. А для отстающих бригад в наказание придумывали и такое: к ним притаскивали деревянного буйвола с огромными рогами, чтобы забодал нерадивых, грозненские мальчишки составляли «оркестр» из чайников, ведер и сковородок, шумели и гремели так, что перепонки в ушах лопались, а под улюлюканье и свист вручалось дырявое «знамя» из рогожи. И всё это тоже с азартом и остроумием придумывал Виктор Муравленко.

В 1934 году случилось две трагедии, которые переживала вся страна. В Ленинграде был злодейски убит видный партийный и государственный деятель, «второе лицо в партии» Сергей Киров, а на стратостате «Осоавиахим-1» при попытке достичь мирового рекорда высоты — 22 километра — погибли отважные стратонавты Федосенко, Васенко и Усыскин. С напряженным вниманием все следили и за другой драматической ситуацией, связанной с раздавленным льдами в Чукотском море ледоколом «Челюскин». К счастью, она разрешилась благополучно: все члены экспедиции были спасены нашими летчиками, большинство из которых стали первыми Героями Советского Союза. И тогда же завершилось строительство первой очереди Московского метрополитена длиной почти двенадцать километров.

...А Виктор Муравленко встретил ту единственную, которая стала его любовью и верной женой на всю жизнь. Клава Зинченко была дочерью известного в Грозном мастера-вышкомонтажника. Она тоже училась в институте и работала в бухгалтерии, но, главное, с детства знала запах нефти и нелегкую кочевую жизнь буровиков. Была, как говорил потом сам Муравленко, «нефтяницей от рождения, замешана на нефти». В

институтских стенах он ее часто встречал и раньше, но всё никак не мог «разглядеть». А тут вдруг, когда ехали в набитом до отказа грузовике на уборочную, неожиданно засмотрелся и заслушался.

Клавдия весело и задорно запевала именно ту самую песню, которую любил и он сам, его отец, мать, сестра. Песня эта несла задушевное тепло, возвращала к истокам юности:

*Распрягайте, хлопцы, коней,
Та лягайте спочивать,
А я пийду в сад зеленый,
В сад криниченьку копать!*

Все в грузовике хором подхватывали. Молчал только Виктор, глядя на красивую синеглазую девушку, А та, блеснув в его сторону чудесным взглядом, продолжала петь:

*Копав, копав криниченьку
У вишневому саду!
Чи ни выйде дивчиненька
Рано в ранцы по воду?*

Вопрос этот словно бы адресовался только ему. Ведь она тоже давно и тайно наблюдала за ним, а увидела по-настоящему будто в первый раз. Так любовь и приходит: волшебным озарением, молнией, электрическим ударом тока. Наверное, они не могли не встретиться и не соединить свои судьбы. Видно, действительно, браки заключаются на небесах...

Через несколько дней он сделал ей предложение».

Глава третья

1

К полудню стало невыносимо жарко, пора было уходить. Мангал и все прочие причиндалы собрали, остатки мусора сложили в полиэтиленовый пакет, а пока подчищали за собой, дядя Коля продолжал рассказывать о Тюменском крае, о Сибири, о Муравленко. Ушел снова в далекое прошлое, словно сам был одним из первопроходцев.

— Русских в Югории на протяжении всего восемнадцатого века было мало, намного меньше, чем хантов и манси. В одном Сургуте только человек пятьсот. А воеводы назначались на четыре-шесть лет, не больше, чтобы сильно не заворовывались. При Петре I в городах ввели должности бургомистров, ну это понятно — любил он всё заемное, немецкое, но вот почему при Екатерине Великой этих самых воевод-бургомистров переименовали в комиссаров — убей меня бог, не понимаю! Слово-то уж больно большевистское. Правда, потом они стали городничими и генерал-губернаторами. Ну а сами горожане выбирали себе старост, как в деревнях. Но селиться за чертой города, рядом с местным населением запрещалось, коренные народы составляли свои отдельные волости со своими князьками или старшинами. Русские купцы с начала девятнадцатого века развернули там бурную деятельность, занимались в основном рыболовством. Снаряжали суда для перевозки, ввели новый способ ловли — неводом. Можно сказать, благодаря им и Сибирь стала развиваться. Ввозили туда зерно, сукно, одежду, соль, сахар, всякие

изделия из металла, домашнюю утварь, а скупали и вывозили рыбу, пушнину, шкуры.

— Товарообмен в натуре, — вставил Алексей, соединив в одной фразе марксизм с жаргоном. Ему это столь понравилось, что он добавил: — А малиновые пиджаки они не носили, когда базар гнали?

— Малиновые кафтаны, — ответил дядя Коля. — Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Коренное население и промысловики жили и торговали «в дружестве», за «мягкую рухлядь», то есть за пушнину, была, как теперь сказали бы, фиксированная государственная цена — попробуй обидь! Белка — 1 копейка, горностай — 5, песец, самый ценный — 60. Кстати, и через двести лет после этого Виктор Иванович Муравленко строго следил за тем, чтобы никто из нефтяников местных хантов, манси и ненцев не обижал и чтобы никакого браконьерства не было. У него был главный принцип — не навреди природе. Чтобы сохранить и экологию, и красоту края, и развить его в экономическом отношении. Такое вот соединение основ духовности и прагматизма. А у русских купцов понятие чести, честного слова было в крови, иной раз при заключении сделок никакой бумаги не требовалось, просто дал «слово», а оно уж крепче любой печати. Не то что теперь — хоть сто договоров заключи, а прохиндей все равно лазейку сыщет, чтобы обмануть. А уж государство и так и сяк обворовывают — с той же ценной рыбой, древесиной, да и с нефтью тоже. Особенно постарались в девяностые годы. Всё, что благодаря таким, как Муравленко, создано, — растащили по своим частным лавочкам и закромам.

— Так ведь кто? — заспорил вдруг Алексей. — Не те ли бодрые комсомольские вожаки семидесятых и восьмидесятых годов, которые песнями на БАМ звали? А теперь в банках и на «трубе» сидят.

Конечно, правда в его словах была. Николай Александрович вынужден был согласиться. Возразил он

в другом, пытаюсь объяснить:

— Это всё так. Но в окружении Муравленко, среди его соратников подобных перевертышей практически не было. А те, о которых ты говоришь, всегда были и останутся, по-медицински выражаясь, паразитами. Или рыбами-прилипалами. Они ведь жили не в изолированном пространстве, а мотались за границу, с возделением смотрели, как пухнут и жиреют другие паразиты, западные. И исходили от их запахов слюной, только на людях прикрывались идеологией, как дубиной. У них был другой принцип: нам — всё, другим — закон и обязанности. И они надеялись дружной спаянной колонной «своих» влиться в западный рай. Что для них труд в высшем, глобальном понимании? Ничто. Это — для человекообразных, а они — «элита». Но труд просто обязан, должен вернуть себе в России главный смысл, иначе мы все погибнем... Вот Егор Гайдар, один из первых подобных разрушителей, паразитировавший в журнале «Коммунист», сказал недавно, что СССР был плохой маркетинговой компанией, не соизмерял расходы с доходами, дескать, тогда многие не работали, но получали зарплату. Работали и еще как, вкалывали! И наша промышленность в семидесятые и восьмидесятые годы не была в таком развале, как сейчас, когда он, экономический неуч, взялся рулить. Одна Тюменская область при Муравленко еще с десяток лет после него была экономическим «тягачом» СССР, имела стратегическое значение, выходящее за пределы страны. Всё можно было сохранить и улучшить, но цель у них, паразитов, была одна — сломать. Что и сотворили в считанные месяцы. А Гайдар получил за это свою бочку варенья, которую и сосет, причмокивая, до сих пор. Но праздник в нашем доме еще будет! Потому что все равно источником всех благ, и духовных, и материальных, которые в охотку потребляют паразиты, является человек труда. И он свое слово скажет.

Николай Александрович еще раз осмотрел поляну — не забыли ли чего где? — даже подобрал чей-то чужой окурок; остался доволен и присел напоследок на поваленное дерево в теньке, поставив сумки у ног. Леша остался стоять, его мучил какой-то вопрос, не давал покоя. Наконец, не выдержав, он спросил:

— Неужели Муравленко не оставил после себя никаких богатств?

— Кладов, что ли, как граф Монте-Кристо? — усмехнулся дядя Коля. — Или замков на Лазурном Берегу? Нет, конечно. Миллионы тонн нефти и кубометров газа — вот то богатство, что он нам оставил. Построенные в Западной Сибири города и транспортные магистрали, аэродромы, современную развитую инфраструктуру — вот что. Это гораздо больше, чем всё Рублевское шоссе с его сидельцами. Потому что это тебе не какой-нибудь Абрамович или Березовский. Да, в какой-то степени магнат, по западным меркам, но — государственный, особенный, созидающий Россию. Между прочим, у Сталина после его смерти тоже не обнаружили никаких личных сбережений, только пару сапог и парадную шинель. А он принял страну с крестьянской сохой, а оставил с ядерным щитом, великой державой. Такие вот были люди, прямо хочется сказать словами Лермонтова: «не то, что нынешнее племя...»

Расскажу тебе такой случай. Тюменская квартира у Виктора Ивановича была обычной «трешкой» в нормальном жилом доме — не какой-нибудь отдельный особняк, И вот однажды родные после ремонта стали переставлять мебель. Клавдия Захаровна, жена, спрашивает у него: «Витя, а куда пианино поставим? Может, к той стенке, где ковер?» — «А где у нас ковер?» — спрашивает. Он даже и не знал этого, потому что не нужно было. Другой бы всю квартиру персидскими коврами устлал, а для Виктора Ивановича понятие

«роскошь» не существовало. Он и за ужином-то обходился стаканом кефира и булкой, продолжая просматривать деловые бумаги, звонить на промыслы...

А как-то раз коллеги подарили ему к юбилею цветной телевизор, «Горизонт», кажется, большая редкость в ту пору. Привезли домой, когда его не было. Клавдия Захаровна решила устроить мужу сюрприз, ничего не сказала. Но телевизор вечером включила. Виктор Иванович посмотрел новости — никакой реакции. Ушел в кабинет работать. Видно, что черно-белые новости, что цветные — особой разницы нет. На следующий день — то же самое. И только на третьи сутки, в выходные, когда показывали мультик «Ну, погоди!», как раз перед программой «Время», он вдруг заразительно, как ребенок, засмеялся. «Ой, — кричит, — Клава, смотри, а волк-то и заяц — цветные!»

Вот такое у него было отношение к материальному быту. Но зато когда к нему обращались с какими-то просьбами люди, он всегда старался помочь. Они и тянулись к нему потому, что он действительно, всамделишно, не для видимости интересовался их жизнью. Разговор с приезжавшими к нему на прием буровиками начинал не с производственных, а с бытовых вопросов: «Как там у вас с питанием? Какие условия житья?» И буровики понимали: нет, они не «винтики» для этого высокого начальства!

Конечно, многие этим пользовались, звонили ему домой даже по ночам. А одна женщина устроила как-то раз целый спектакль в его кабинете. Пришла, рыдает, рассказывает о своей беде. А он не мог выносить женских слез. Поверил ее несчастью, обещал помочь. Но вечером, уходя с работы, вдруг увидел, как эта самая женщина хохочет вместе с сослуживцами — от скорби не осталось и следа. Муравленко всё понял: обманула. Утром пришел на работу и сразу же предупредил секретаршу: «Эту — больше не принимать». Она просто

перестала для него существовать. Он мог быть и очень жестким. Особенно, когда его предавали. Таких людей он больше не замечал. Он, конечно, продолжал работать вместе с ними, даже общаться, как с той женщиной, но смотрел уже как бы сквозь них.

А вообще к женщинам он относился с большим уважением. Не случайно многие отделы в главке возглавляли именно женщины. А чтобы они всегда выглядели красиво, даже разрешил в рабочее время делать прически в парикмахерской (она на втором этаже располагалась). Где это было видано в советском учреждении? В социалистическое-то время?

— Да и в капиталистическое тоже не видано, — согласился Леша.

— Он любил, когда женщины приходили на торжества в длинных бальных платьях. И не было случая, чтобы когда-нибудь повысил на кого-то из них голос. Каждый Новый год из Куйбышева в адрес главка приходил вагон с шоколадными дедами морозами. В Тюмени это было в диковинку — и всё шло детям. А женщинам доставлялись редкие французские духи. И всё это тоже делалось благодаря Муравленко.

По праздникам в его кабинете собирались ребяташки из подшефного интерната, устраивали там концерт. А у него была под рукой специальная тумбочка с фломастерами, конфетами, пластилином, со всяким прочим дефицитом. Никто без подарков не уходил. Кого надо было устроить в гематологический центр или на лечение к знаменитому доктору Илизарову в Курган — устраивал. Люди выходили от него окрыленными, с надеждой. И надежда эта превращалась в реальную помощь.

Николай Александрович замолчал, словно добавить к этому нечего. Однако пришлось, поскольку Алексей вдруг спросил:

— Одно не могу понять: пианино-то ему зачем было нужно? Коли всё время в трудах да заботах?

— Ну, во-первых, для сыновей. А во-вторых, он и сам неплохо играл, хотя нигде этому не учился. Был самоучкой, нигде это не афишировал, подбирал мелодии самостоятельно, поскольку у него был природный хороший слух. А после работы, трудового дня — это замечательная разрядка для нервов. Особенно если человек чем-то огорчен или расстроен. Виктор Иванович и на аккордеоне отлично играл. И вообще любил музыку. Классическую. Которая не по ушам бьет, а душу трогает, сердце. Чайковского, Моцарта, Бетховена, Глинку, Мусоргского. Хотя мог послушать и что-нибудь современное, Юрия Антонова, например, «Песняров», «Самоцветы».

— Тоже мне — современность, — скривился Леша. — Нафталин.

— Ну, для того времени, — развел руками дядя Коля. — Просто хочу сказать, что увлечение музыкой было для него делом не случайным. Это лишний раз доказывает, что человеком он был глубоко эмоциональным, с тонкой душевной организацией, любящим красоту во всех ее проявлениях. Словом, был Человеком. И всё тут. А теперь пошли, что ли, домой? По дороге дорасскажу. Хотя тут не только одного дня — года не хватит, чтобы всё передать.

— До финального матча успеем, — отозвался Алексей.

И фраза эта произвольно прозвучала с неким двойным смыслом. Ведь у каждого человека в жизни есть или, по крайней мере, должен быть свой главный финальный матч, а вот сможет ли он в нем победить или хотя бы не опоздать к началу, не опозориться в игре — это вопрос вопросов, дело его личной совести и чести.

На выходе из леса им попалась расхристанная группа подростков, то ли пьяных, то ли обкуренных, то

ли просто одуревших от вседозволенности. Они громко переругивались меж собой, причем из трех слов два были непременно матом, а третье — вездесущий «блин». Алексей инстинктивно втянул голову в плечи, ускорил шаги. Но Николай Николаевич ступал всё так же размеренно, чуть косолапо, как таежный медведь. И во взгляде его появилось что-то столь грозное, стальное, что подростки не решились задирать, прошли мимо, даже язычки прикусили.

— А как Виктор Иванович относился к вину, к выпивке? — спросил немного спустя Леша. — Матом поругивался?

— Нет. Матом он не ругался и других от этого отучивал, — ответил дядя Коля. — Голос вообще редко когда повышал, хотя разговаривал порой жестко и нелицеприятно. Но — уважительно. Даже со своими маленькими детьми. Вот что рассказывал Грайфер, который потом, уже после смерти Муравленко, с 1985 года до самого распада возглавлял «Главтюменнефтегаз». Дело было давно, еще когда Виктор Иванович работал начальником в Куйбышеве и выдвинул его на руководящую должность в «Татнефть». Тому было всего 34 года, а он уже командует. И как? Он не нашел ничего лучшего, как начать с подчиненными сквернословить, а те-то ответить таким же макарон, то есть матом, не могли. Ему казалось, что подобным образом он «укрепляет свой авторитет». Становится ближе к людям, проще, а может быть, круче. Да, конечно, нефтяники — народ простой, зверский холод и житье в бараках им не в диковинку. Но и помыкать ими тоже нельзя. До «батьки», то есть до Муравленко, всё это дошло. Он приехал в Татарию, вошел в кабинет Грайфера и запер дверь изнутри... Полтора часа проводил с Валерием Исааковичем «отеческую» беседу. И отучил его от этой поганой привычки на всю жизнь.

— Как? Выпорол, что ли? — усмехнулся Леша.

— Просто убедил в том, что только очень слабый человек, который не умеет пользоваться аргументами, заменяет их матом и криком. Что это унижает не только подчиненных, но самого тебя, дискредитирует как руководителя. Всё это произвело огромное впечатление на Грайфера, он потом стал одним из главных соратников Муравленко, а его самого считал «высшим существом в нефтяном деле», «буровиком от Бога». И даже выражение такое придумал для всех нас, кто был так или иначе рядом с Виктором Ивановичем, — «птенцы гнезда Муравленковского». Вроде аналогии с «птенцами гнезда Петрова» — это когда Петр I преобразовывал Россию со своими соратниками... У Муравленко их тоже было много, и все как на подбор, ни одного негодяя, мерзавца или предателя. Все — тоже личности. Тот же Грайфер, Аржанов, Крол, Дунаев, Фаин, Кузоваткин, Филановский, сыновья Валерий и Сергей также шли по его стопам.

Не случайно и нефтяные месторождения теперь названы в честь этих выдающихся людей — Абазаровское и Литваковское, Аржановское и Дунаевское, Ефремовское и Кузоваткинское, Лазаревское и Назаргалиевское, Повховское и Сусликовское, Фаинское и Кудринское, — тут дядя Коля споткнулся на слове и уточнил: — В честь другого Кудрина, Виктора Михайловича, не нынешнего министра финансов, в честь этого только какой-нибудь стабилизационный фонд с дырявым днищем назовут, и то *вряд ли...*

А сквернословие, мат — это от ущербности мыслей, когда сказать толком нечего. Такое же загрязнение русского языка, как сточные воды. Вот возьмем нефть, вернее, ее отходы. Один грамм нефтепродуктов, если его пустить в чистую воду, делает непригодным для питья 100 ее литров. А речь человека — это та же проточная вода. Та же природная среда обитания. Я

тебе могу процитировать слова академика Трофимука, сказанные по поводу производства, но, как я считаю, полностью относящиеся и к родному языку: «Существует высшая, социальная эффективность — развивая промышленность для удовлетворения материальных потребностей людей, мы не имеем права подрывать первичную материальную основу жизни общества — природу». Под этой фразой всегда и с полным основанием мог подписаться и Муравленко.

Они пересекли Окружную дорогу, вышли к забетонированному искусственному водоему, возле которого были разбиты клумбы с анютиными глазками и росли декоративные синие ели. До Байкальской улицы, где стоял их дом, рукой подать. Здесь в районе все улицы носили сибирские и дальневосточные названия — Хабаровская, Уральская, Амурская, Камчатская... Тюменской только не было. А должна была бы быть — как и Муравленковская.

— Что касается выпивки, — продолжил дядя Коля, — то сам Виктор Иванович практически не пил. Мог изредка после удачной охоты пропустить рюмочку «для сугрева», или на базе отдыха в Лебяжьем — под шашлычок, или на даче у будущего премьер-министра СССР Николая Рыжкова, с друзьями то есть. Но пьянок на рабочем месте не терпел. Строго наказывал. А мог вообще без штанов оставить.

— Как это? — не понял Алексей.

— А вот как. Нотаций он читать не любил, но мог проучить по-своему, по-муравленковски, с юмором, чтобы надолго запомнилось. Шли они как-то из Нижневартовска в Сургут на катере. Расстояние между городами — 250 километров, за ночь должны были добраться. Местные руководители сели ужинать, ну, естественно, расслабились, преферанс с водочкой и так далее. Виктор Иванович не пил. Надоело ему смотреть на их пьяные рожи, взял да и дал команду экипажу,

когда все его замы по производству повалились спать, собрать их брюки и спрятать. Приходит утром катер в Сургут. Те просыпаются, а штанов-то и нету! Где одежда? А Муравленко им и отвечает: «Да вы же ее сами за борт ночью побросали. Соревновались — кто дальше штаны закинет. А некоторые в них еще и камни заворачивали». Главное — поверили. Нашлись даже такие, кто с редким подхалимажем стал «вспоминать»: «Точно, бросали и камни клали...» Короче, Виктор Иванович так им и не вернул брюк. С пристани в контору уехал один, а тем пришлось женам звонить, чтобы прислали запасные штаны, а то бы так в трусах и остались, на потеху публике. Над этой историей потом много по всей Тюмени смеялись, а в командировках при Муравленко больше никто не пил. А он ведь не только проучил пьяниц, но еще и подхалимов, которых на дух не переносил, выявил.

— Но, — добавил рассказчик, — чего греха таить, на севере и работали, и пили, что надо. Виктор Иванович всегда, после каких-нибудь торжественных мероприятий, интеллигентно так говорил: «Товарищи директора, вы уж как-нибудь там поаккуратней, — имея в виду банкет, — а то я некоторых из вас с утра с трудом узнаю...»

А отдыхали как, Леша! Летом в выходные дни всем коллективом выезжали на природу. Один автобус отправлялся на сбор грибов, другой — куда-нибудь к речке, где ловили рыбу, жарили шашлыки, вместе обедали. Шутки, розыгрыши! Пили чаще всего «мержу» — так называлась высокая бутылка светлого вина.

— Что за сорт? — с видом знатока спросил Алексей. — Французский?

Николай Александрович засмеялся.

— Нет, просто по фамилии Николая Мержи, начальника «Томскнефти». Был он худой, высокий и абсолютный блондин, а кто-то из работяг углядел в этом

сходство с бутылкой. Вот и прилипло название... А однажды к нам на пикник забрел медвежонок. Мать, наверное, браконьеры подстрелили. Ну что с ним делать? Решили ребята подарить его Муравленко. Отвезли в Тюмень. А зачем он Виктору Ивановичу? Отдали медвежонок гастролировавшему цирку. А Муравленко ему, вернее, ей имя придумал: «Машка Самотлориха». И мы все ждали, когда афиша с таким сценическим псевдонимом появится.

— Дождались?

— Нет, видно, не получилось из нее артистки, дали ей «вольную». Конечно, в тайге лучше... Воля! — мечтательно проговорил Николай Александрович, оглядывая каменные дома. — Разве забудешь, Леша, эту природу? Даже непроходимые, комариные, желто-бурые и изумрудно-зеленые болота, от которых по утрам поднимается тяжелый туман, а к вечеру пробирает до костей сырость, — и те снятся. А торф в этих болотах порою залегал на глубине до 10 метров. По всем правилам и стандартам — строить в таких условиях нельзя, а ведь строили! Забудешь разве ту трубу, по которой ходили, боясь свалиться в болото, чтобы добраться до вертолетной площадки? Или когда дождь со снегом и ураганный ветер рвет брезент, едва прикрывающий установку, а из скважины выбрасывается буровой раствор, обливая всех с ног до головы? В пятидесятиградусный мороз ломалась техника, а люди выдерживали!

А когда летишь в вертолете по безбрежному небу на развалюхе «Ми-1», видишь внизу сверкающие среди сплошной зелени блюдца озер, и тебе открывается поразительная волшебная панорама, словно попал в страну грез. Господи, сколько же там этих озер и водоемов! В одном только Ямало-Ненецком крае больше 350 тысяч.

Суровой кажется только первая зима на Севере, потом привыкаешь. Зато летом — раздолье для грибников. А еще — ягоды, кедровые шишки — всё, что угодно. Лечебные травы, коренья, целые россыпи клюквы, черники, голубики, морошки, княженики. На берегах извилистых рек — пестрый ковер разнотравья. А высохшие небольшие озерца устилают кочкарники и мох. Мох всюду. И осока, вереск, лишайники. Корма для оленей. Ближе к югу — сибирская пихта, сосна, рябина, осина, береза, можжевельник. Раздолье для прилетающих из теплых стран птиц. А из коренных, оседлых — тетерев, глухарь, рябчик. Самое «оно» для охотника. Ну и, конечно, зверье самое разнообразное: ондатра и выдра, соболь и горностай, лисица и волк, россомаха и заяц-беляк, лось и медведь. Белки, барсуки, бурундуки, лемминги (вроде хомячков), мыши-полевки, рыси и куницы. Просто не перечислить всех видов живности. Одних только представителей семейства воробьиных почти сорок разновидностей, а сколько всевозможных дятлов, гагар, кукушек, журавлей, сов, гусей-пискулек! О рыбах и говорить не буду! — И хотя он сказал это довольно решительно и твердо, но тут же и стал перечислять, загибая пальцы: — Сиг, осетр, стерлядь, горбуша, голец, омуль, таймень, пыжьян, муксун, — пальцы на обеих руках заканчивались, но Николая Николаевича это не остановило: — Ряпушка, тугун, нельма, хариус, корюшка, щука, карась, язь, елец, гольян...

— В нашем Гольянове, наверное, водился, — попытался остановить его Алексей. Но это было напрасным делом, дядя Коля, который был рыбаком с рождения, продолжал перебирать, как заведенный:

— ...налим, плотва, ерш, окунь, бычки-подкаменщики, пелядь...

— Стоп! — взмолился на этом слове Леша. — На мат-то не переходи, Виктор Иванович запретил же.

— Рыба такая, — сказал рыбак-бурильщик. — Очень вкусная. А гнуса и комаров тоже почти с полсотни видов, между прочим. Но главное животное там конечно же олень. Это для коренного населения — всё: и транспорт, и продуктовый магазин, и промтоварный тоже. Он да собака — самые верные друзья ненца. Они говорят: «Есть олешек — жить можно, ушел олень — беда!»

Они остановились перед подъездом своего дома. Присели на лавочку перекурить. А Николай Александрович продолжал рассказывать:

— Конечно, раньше всей этой живности было гораздо больше, а сейчас в Красной книге многие виды и рыб, и птиц, и растений. За все сорок поколений ненцев и ханты с манси столько не уничтожили, как в XX веке. Те никогда не убивали зверя и дичи больше, чем требовалось для пропитания или торговли. Большинство из них до сих пор живет в чумах, а носят ягушку и малицу — это такая верхняя одежда из шкур молодых оленей, очень теплая и красивая, настоящее произведение искусства. А любимое кушанье — строганина, то есть свежемороженая рыба, тонко наструганная острым ножиком.

— Ты ел?

— А как же? С японским суши никакого сравнения. А какие у них сказки, мифы, песни, обрядовые танцы! По их поверьям, не только человек или зверь, но и каждый предмет, вещь имеет свою душу. Душа есть у дерева, у камня, у реки, у снега. Молились небу, утренней звезде, медведю-амикану — хозяину леса. И хотя давно уже приняли христианство, но к шаманам все тот же древний почет и уважение.

Очень трудолюбивый народ, простой и бесхитростный, чистоплотный, гостеприимный. Живут с того, что дает земля, река, природа. Нам еще самим надо многому у них поучиться. Потому что они не только научились жить в этом суровом климате, но и сохранили

свою самобытность, культуру, какую-то духовную связь с ушедшими поколениями, с предками. Не то что мы. У нас только и происходит, что каждое новое поколение старается зачеркнуть предыдущее, а то и сразу несколько, целые эпохи. Теперь вот нашли новую забаву; всякие перезахоронения. Что ни год — то кого-нибудь закапываем, то раскапываем, то Деникина привозим, то Ленина выносим. Как будто от этого что-нибудь изменится, лучше будет! Какая-то мертвечина одна...

А вот в Сибири, в Березове, был такой случай, еще в середине XIX века. Там местный губернатор Бантыш-Каменский приказал открыть место захоронения Меншикова, любимого фаворита Петра I. Хотел, видно, как-то обозначить его могилу. А городничий понял его слова в буквальном смысле. Солдаты стали рыть землю на косогоре, где по всем предположениям он был погребен. И могилу действительно обнаружили. Извлекли гроб, сняли крышку. И что ты думаешь?

— Ну? — с напряжением спросил Леша.

Даже сидящая рядом бабка наострила ухо.

— Тело покойника оказалось совершенно неповрежденным! Лишь сверху покрыто льдом. То есть практически нетленным. И это не чудо, поскольку Апексашка Меншиков святым не был, олигарх еще тот, по-нынешнему вроде Ходорковского, а всё дело в вечной мерзлоте. То, что это именно Меншиков, — сомнений не было: по фамильному портрету узнали, да и мундир из шелка и позумента. Бантыш-Каменский, когда приехал, даже отрезал себе от сукна несколько лоскутков на память. Так по этому поводу завели следствие, потомки Меншикова обвинили губернатора в кощунстве за то, что разрыл могилу через сто лет после смерти их великого предка. Дело дошло до самого императора, но Николай I ограничился лишь строгим внушением «за чрезмерное любопытство».

— А сейчас-то на гробах всё строят и строят, прямо по гробам ходят! — прошамкала бабка.

— Пошли, — шепнул дяде Коле Алексей. — А то эта Надежда Бабкина нас достанет.

Они вошли в подъезд, а пока вызывали лифт, Николай Александрович еще успел сказать, что Советская власть в Сибири установилась не сразу, и в общем-то спокойно, антибольшевистских восстаний почти и не было, кроме 1921 года, но на этом Гражданская война и закончилась.

Когда вышли на лестничную клетку, Леша напомнил:

— Ты дай почитать-то свою рукопись о Муравленко, — и, как всегда, не без ёрничества, добавил: — Я у тебя грамотность проверю.

— Нахальный ты хлопец, — ответил тем не менее с изрядной долей радости тот.

В квартире Чишинова были чистота и порядок, чувствовалось, что здесь живет много особ женского пола. И рукопись искать долго не пришлось — красная папка лежала прямо на столе, рядом с пишущей машинкой, стопкой белой бумаги и ворохом писем. Тут же находились и все нужные книги для работы. Алексей проглядел корешки, названия: сборник «Соратники. Поколение Виктора Муравленко», «Мегионский марафон» Сергея Великопольского, его же «Чудо XX века», «Мифы, предания, сказки хантов и манси», «По законам военного времени. Сызрань — фронту», «Есть в Сибири город Муравленко» Василия Быковского, еще две книги об этом городе, «История Сибири», «Форма жизни — горение. Дайджест», «Главтюменнефтегаз. Свидетельства очевидцев, воспоминания, документы и фотографии», «Высота. Книга воспоминаний о В. И. Муравленко», «Легенда Самотлора», «В пламени жизни», «Сибирский самородок», «Сердца трех», «Запомните меня таким» Нины Грозовой, книга о Муравленко Юрасовых, «Исповедь «железного» бати»

Ивана Рынкового, «В штабе тюменских нефтяников» Виктора Бирюкова, много специальных журналов, газет, других книг и брошюр.

— Основательно копаешь, — с уважением произнес он.

— История, Леша, сейчас во многом фальсифицируется, — ответил дядя Коля. — Если бы это было возможно, то ее бы вообще отменили, переписали заново, как удобней, выгодно. Идет невиданная манипуляция сознанием, причем во всем мире. Так хоть я попробую донести правду. А то этот проект под названием «Человечество» совсем себя исчерпает...

— Во как! — с еще большим уважением сказал Леша. И, развязав тесемки в красной папке, наугад раскрыл рукопись.

Взгляд остановился на такой фразе: «Видно, действительно, браки заключаются на небесах. Через несколько дней он сделал ей предложение. А потом был Баку...»

— Пойду читать, — проговорил он.

2

Сухие факты и хроника:

1903 год. Первые упоминания в российской прессе о поисках нефти в Западной Сибири.

1932 год, июнь. В Академии наук СССР академиком И. М. Губкиным впервые дано научное обоснование нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности.

1932-1934 годы. Работа первых нефтеразведочных экспедиций в Западной Сибири.

1940 год. Создание Западно-Сибирского геолого-разведочного треста.

1953 год, сентябрь. Открытие Березовского газового месторождения. Начало широкого развертывания

геолого-разведочных работ в Западной Сибири,

1956 год, февраль. Директива XX съезда КПСС о необходимости подготовки Березовского газового месторождения к эксплуатации.

1959 год, 25 сентября. Первый фонтан нефти в Западной Сибири — из скважины возле села Шаим.

1960 год, июнь. Открытие первого, Трехозерного нефтяного месторождения в Западной Сибири.

1961 год. Открытие Мегионского, первого в Среднем Приобье, нефтяного месторождения. Создание Березовского укрупненного газонефтедобывающего промысла. Открытие Усть-Балыкского нефтяного месторождения.

1962 год, май. Принятие Постановления Совета министров СССР «О мерах по усилению геолого-разведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири».

Август. Открытие Советского месторождения.

Ноябрь. Открытие Западно-Сургутского месторождения.

1963 год. Создание нефтегазопромыслового управления «Тюменнефтегаз». Создание Игримской конторы бурения.

1964 год, январь. Создание Шаимского укрупненного нефтепромысла.

Март. Создание «Сургутнефти» и Усть-Калыкской конторы бурения.

Апрель. Создание первой строительной организации нефтяников в Урае. Создание Шаимской конторы бурения. Открытие Ватинского месторождения. Присуждение Ленинской премии группе тюменских геологов.

Май. Создание треста «Тюменнефтегеофизика». Начало строительства поселка нефтяников в Сургуте. Начало эксплуатации Трехозерного, Усть-Балыкского и Мегионского месторождений. Отправка в Омск первого

танкера из Шаима и первых нефтеналивных караванов из Усть-Балыка и Мегиона.

Июль. Начало сварочных работ на нефтепроводе Шаим — Тюмень. Окончание строительства первой буровой № 500 на Трехозерном месторождении. Создание треста «Тюменьгаз-строй».

Август. Создание «Мегионнефти». Начало эксплуатационного бурения на Трехозерном месторождении.

1965 год, август. Проведение первой пескоструйной перфорации на скважине № 50 Западно-Сибирского месторождения.

Сентябрь. Создание Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности — «Главтюменнефтегаз» (руководитель — В. И. Муравленко).

Начальники «Главтюменнефтегаза» со дня его основания до ликвидации:

Муравленко Виктор Иванович (1965–1977 гг.)

Аржанов Феликс Григорьевич (1977–1980 гг.)

Булгаков Ришад Тимиргалиевич (1980–1983 гг.)

Кузоваткин Роман Иванович (1983–1985 гг.)

Грайфер Валерий Исаакович (1985–1990 гг.)

Главные инженеры «Главтюменнефтегаза»:

Филановский-Зенков В. Ю. (1965–1968 гг.).

Аржанов Ф. Г. (1969–1977 гг.).

Дунаев Н. П. (1977–1980 гг.).

Захарченко Н. П. (1980–1985 гг.).

Вершинин Ю. П. (1985–1990 гг.).

Заместители начальника:

Крол М. М., Павлов Е. И., Фаин Ю. Б.,
Сафиуллин М. Н., Михайлов А. Е., Парасюк А. С.,
Коровин П. П., Шарапов А. М., Павлов Н. Е.,

Великопольский С. Д., Кузьмин Н. Н., Губенко И. В., Катин К. К., Жданов В. И., Богданов В. Л., Тюкалов А. А., Щербаков Н. И., Романенко В. В., Михайловский А. А., Мачехин Г. С., Кузьмин А. Н., Рыбалко А. А.

Герои Социалистического Труда:

Агафонов В. М., Аллаяров Р. Х., Булгаков Р. Т., Вагапов Я. С., Исянгулов А. Г., Калинин В. Г., Леванов В. А., Левин Г. М., Пестеров В. Н., Муравленко В. И., Петров Г. К., Пятков В. Е., Сергеев М. И., Мидорейко В. Л., Сливин Н. П., Суздальцев А. И., Тимаков В. Г., Тимченко А. Г., Филимонов А. Н., Шакшин А. Д., Ягофаров С. Ф.

Предприятия и управления «Главтюменнефтегаза» и их руководители:

«Тюменнефтегаз» (Слепян, Чурилов, Кореляков).
«Нижневартовскнефтегаз» (Вязовцев, Маричев, Филимонов, Отт, Ефремов, Палий).
«Сургутнефтегаз» (Захарченко, Усольцев, Богданов).
«Юганскнефтегаз» (Кузоваткин, Вершинин, Николаев, Муравленко — сын Сергей Викторович).
«Урайнефтегаз» (Филимонов, Крюков, Чаун, Путилов).
«Красноленинскнефтегаз» (Лазарев, Кондратюк, Нуриев).
«Ноябрьскнефтегаз» (Городилов).
«Пурнефтегаз» (Агеев).
«Варьеганнефтегаз» (Захарченко, Яковлев, Сивак).
«Когалымнефтегаз» (Алекперов).
«Лангепаснефтегаз» (Шафраник, Маганов).
«Сибнефтегазпереработка» (Медведев).
«Мегионнефтегаз» (Фомин).
«Запсибнефтестрой» (Малкин, Бурцев).
«Запсибнефтегеофизика» (Мансуров, Довгополук, Чувилов, Курьянов).

РЭБ флота (Андреев, Пеньков, Бугаев).
КМ КИВЦ (Гришин, Гордон, Ивлеев, Райспу).
Завод «Электрон» (Кухарев, Савельев, Юлыгин, Жежеленко).
Завод «Нефтемаш» (Новопашин, Шишкин, Шварев, Михайловский, Недосеков).
Завод «Нефтетрансмаш» (Толчеев).
Тюменское управление технологического транспорта (Пашкин, Пыряков, Зайцев).
Институт «Гипротюменнефтегаз» (Мужлумов, Праведников, Каган, Лукашин, Киршенбаум).
Институт СибНИИИП (Праведников, Ефремов, Маслянцев, Кузоваткин, Ревенко).
Управление рабочего снабжения (Кузьмин А. Н., Кузьмин Н. Н., Жданов, Щербаков, Мачехин, Рыбалко).
Управление связи (Баринов, Ершов, Канареев).
Медсанчасть «Нефтяник» (Духанов).
Туапсинская объединенная база отдыха (Палкин, Авджи). Дом техники «Нефтяник» (Кутузов, Сычкова).
Областное правление НТО (Кистанова).
БПТОиКО № 1 (Вайсберг).
БПТОиКО № 2 (Семенюк, Ситов).
«Шаимнефть» (Ханнасов, Гаценко, Горячев, Чаун).
«Юганскнефть» (Чурилов, Алпатов, Харченко, Кондратьев, Вершинин, Накусов).
«Правдинскнефть» (Мамлеев, Ремеев, Харченко, Ли, Лазарев, Николаев, Мухаметшин, Сибирев).
«Мегионнефть» (Кузоваткин, Абазаров, Резников, Дунаев, Золин, Арнапольский, Рынковой, Алиев, Палий).
«Нижневартовскнефть» (Кузоваткин, Сергеев, Гумерский). «Белозернефть» (Маричев, Силаев, Секерин, Муравленко — сын, Алиев).
«Варьеганнефть» (Добрынин, Мухамедзянов, Воропаев, Бакиров, Кузьмин, Майоров, Оружев).
«Покачевнефть» (Закиров, Храмов, Пузанов).

«Урьевнефть» (Гнитецкий, Палий, Шафраник, Маганов, Лидер).

«Ласьеганнефть» (Тухватуллин).

«Приобьнефть» (Калюжный, Любимов, Ломакин).

«Черногорнефть» (Отт, Волков).

«Самотлорнефть» (Келоглу, Яковлев).

«Повхнефть» (Кошелев, Горячев).

«Сургутнефть» (Мамлеев, Иваненко, Ельчанин, Шидловский, Кореляков, Чечин, Захарченко, Харченко, Илюхин, Ферштетер, Голубев).

«Нижнесортимскнефть» (Хусаинов).

«Федоровскнефть» (Шидловский, Ли, Матвеев, Ильясов). «Быстринскнефть» (Нуряев, Атепаев).

«Комсомольскнефть» (Рязанов).

«Лянторнефть» (Низаргалиев, Анзиряев).

«Мамонтовнефть» (Кондратьев, Нуриев, Яковлев, Репин).

«Майскнефть» (Артемьев, Харланов).

«Холмогорнефть» (Калмыков, Кондратюк, Сафин).

«Заполярьефть» (Палий, Настыров, Захаров).

«Суторминскнефть» (Кошелев, Шарифуляин).

«Муравленконнефть» (Шарифуллин, Рашкевич).

«Красноленинскнефть» (Попов, Минченко).

«Талинскнефть» (Борисочев).

«Когалымнефть» (Башкиряев, Шмидт).

«Дружбанефть» (Мангушев).

«Ватьеганнефть» (Сафин).

«Тагринскнефть» (Фонин, Суслик, Безе).

«Бахиловнефть» (Тухватуллин).

«Тарасовнефть» (Булгаков, Матевосов).

«Барсуковнефть» (Харламов).

«Томскнефть» (Мержа).

Сказка манси про Северный ветер и страшная легенда хантов про покинутые юрты [\[1\]](#)

На Югре давным-давно дул Северный ветер. Дул день и ночь, не переставая, оттого на земле очень

холодно было. Люди от Северного ветра страдали. Каждый день манси от холода умирали. Однажды один охотник сказал:

— Пойду в низовую землю на Северного ветра. Буду с ним биться.

Собрался и пошел. Долго шел, до низовой земли добрался, к Северному ветру пришел, биться его зовет. Северный ветер лук и стрелы схватил, из дома выбежал.

Долго бились, друг в друга стрелы пускали. Под конец охотник изловчился, лук натянул, стрелу пустил. Стрела Северному ветру половину нижней челюсти разбила.

С той поры ветер дуть перестал. Стало тепло. Такая жара настала, что люди от нее болеть стали. И зиму и лето — всё тепло. Каждый день люди от жары умирали. Опять плохо.

Много, мало времени прошло, снова ветер подувать начал. Челюсть у него заживать стала. Но хоть и зажила, а прежней силы все же не осталось. Вполовину теперь дует. И людям с той поры хорошо жить стало. И зимой и летом.

...А как-то раз один хант пошел на охоту. И в это время у него жена умерла. После ее смерти все люди покинули свои юрты и ушли. Вернулся муж с охоты, видит: юрты пустые, никого вокруг нет. Зашел он в свой дом, а навстречу ему жена идет. Подходит к нему и говорит:

— Я умерла, но ты меня не бойся. Сегодня вместе ночь проведем. Не вздумай убежать. Завтра бог рассвет сделает, и на рассвете ты можешь уходить.

Муж так перепутался, что у него все трясется, он и ответить своей жене ничего не может. Жена ему говорит:

— Давай я тебе голову вымою.

Помыла ему голову и волосы его в узел завязала. (По верованиям хантов, душа умершего могла возвратиться

к родным и увести их в мир мертвых; для предотвращения этого принимали различные меры, в том числе переселение на новое место. У них не было принято завязывать волосы в узел; это говорит о том, что она — из иного мира. Волосы считались одним из вместилищ души, и их обрезание приводит к смерти. — А. Т.)

С одной стороны, она узел завязала для того, чтобы удача в охоте была, а с другой — чтобы он жил долго. Когда жена закончила, муж ее обманул. Он вышел из дома и убежал. Но жена его догнала и все узлы вместе с волосами обрезала. И сказала:

— Раз ты меня не послушался, иди теперь к своим.

Этот охотник, когда пришел на новое стойбище, прожил лишь несколько дней и умер. А люди опять ушли, покинули свои юрты. Земля большая, места везде много. Если олени есть, жить всюду можно. И теперь живут, и радуются, что счастливы.

3

Из рукописи Николая Александровича Тишинова «Нефтяник № 1»:

«...А потом был Баку. «Первый» Баку в его жизни. Будет еще и «второй», и «третий». В 1936 году Виктор Муравленко закончил институт, стал дипломированным инженером. Мог быть нефтяником любого профиля, но профессию выбрал именно по специализации «бурение нефтяных и газовых скважин». На ином месте себя не мыслил. Только буровик. И дипломный проект защитил по этой теме, готовился загодя. Одним словом, суждено ему было быть буровых дел мастером, с самого начала рабочего пути.

Обустроиваться на новом незнакомом месте было не просто, но бытовые неудобства Муравленко никогда

особенно не тяготили, а молодая жена, «прирожденная нефтяница», знала, на что шла, выходя замуж. С квартирой помогли в тресте «Бакнефть». Там он познакомился с полупрофессиональным Шварцем, главным инженером, по книгам которого изучал в институте курс бурения. Тот оказался не только ученым теоретиком, но и практиком. Да и совсем не походил на «академического старика» в пенсне, напротив, был подтянут и молодец, прост в общении.

— Диплом № 661, присвоена квалификация инженера-нефтяника, — сказал Яков Аронович. — По документам видно, что ты уже работал бурильщиком.

— Вот с этого и хочу начать, — твердо отозвался Муравленко.

— Что так? Инженер больше получает, — хитро прищурился Шварц.

— Нужно глубже вникнуть в производство. Пошлите на рабочее место бурильщика.

— Одобряю. Отличное начало для будущей инженерной деятельности — с азов, — похвалил начальник. — Тогда зачислим тебя в Лок-Батайскую контору бурения. В бригаду Петра Шумилова — знатный мастер, на весь Баку славится. Многому у него научишься. Диплом дипломом, это всё хорошо, но живая нефть — это как кровь для бурильщика. Ее надо видеть, чувствовать. А из первой скважины даже и пригубить не грех.

Так Муравленко оказался в одной из лучших бригад «Бакнефти». Шумилов встретил его сначала настороженно, приставил ему в напарники опытного бурильщика-орденоносца Ваню Георгадзе, чтобы помог в случае чего. Но уже после первой вахты и Ваню, и сам Петр Петрович, не сговариваясь, сошлись в оценке новичка: годен к работе на все сто процентов. Как сказал Шварц, «чувствует нефть».

Однажды Виктору пришлось отстоять подряд три вахты — случай исключительный, рекордный в своем роде, годящийся для какой-нибудь книги Гиннеса. Произошло это, правда, в нарушение всех трудовых норм, по стечению обстоятельств. Сначала Ваню попросил его подменить, поскольку «у брата — вах! — свадьба!», а на следующий день и второй сменщик не вышел — заболел. Трое суток не спать, работать у бурового станка — это не шутки. Но Муравленко выдержал, не допустил ни одного сбоя или ошибки. Вот что значит молодой, здоровый организм. А еще — ответственность, чувство локтя, товарищество, особое братство буровиков. После этого случая его окончательно признали своим. Он даже в рабочий рапорт вписал тех, за кого держал вахту. Но Ваню пошел в бухгалтерию и попросил сделать перерасчет зарплаты на Муравленко. Они уже стали к тому времени друзьями.

Случались на буровой и аварии. Даже самую незначительную из них Виктор расценивал как личную катастрофу. Бывало это, правда, редко, но вот как-то раз, во время ночной вахты оборвались бурильные трубы. В подобных случаях ликвидировать аварию помогает особый «ловильный мастер». Но найти его нигде не удалось. А время шло, мог произойти так называемый «прихват», и тогда извлечь инструмент, поднять трубы было бы значительно труднее. Муравленко решил действовать самостоятельно — силами самой вахты. Пошел на риск. Авария в итоге была ликвидирована, а сменное задание даже перевыполнили.

Но скрыть происшествие от Шумилова не удалось: у мастера был глаз наметанный. Пришлось объясняться. Петр Петрович сначала поворчал на Муравленко, пожурил за то, что действовали без «ловильного», а потом неожиданно и похвалил — за смелость и оправданный риск. За то, что в трудную минуту взял всю

ответственность на себя. Это уже признак настоящего руководителя: умение принимать верное решение, не бояться, не перекидывать проблему на «другого дядю». Настоящего нефтяника отличает не только упорный труд, но еще и смекалка, инициатива. Без них никуда, так на всю жизнь подсобным рабочим и останешься.

А вскоре Муравленко сам был назначен буровым мастером на нефтепромысле имени Молотова. А еще через некоторое время — старшим инженером нормативно-исследовательской станции Главнефти. Грамотного специалиста «Бакнефти» выдвигали по заслугам, не по какой-то протекции. По ступенькам служебной лестницы Виктор поднимался исключительно благодаря своей работоспособности, мастерству и организаторскому таланту. Да и личные, душевные качества тоже принимались в расчет. Он умел находить с людьми общий язык, не доводил дело до напрасных конфликтов, отличался сердечностью и вниманием к подчиненным.

А время становилось всё более тревожным. Во всем мире, не только в СССР. В Германии прошла полная милитаризация, Гитлер чувствовал себя в Европе всё более уверенней, нарушая все соглашения Лиги Наций и Версальского договора. Немецкие войска оккупировали богатейшую Рейнскую область. Италия окончательно завоевала Эфиопию, превратив ее в свою колонию. Запыхала гражданская война в Испании. Немецкие «люфтваффе» стали бомбить позиции республиканской армии. Началось создание первых антифашистских Интербригад (под вымышленными именами в небе Испании появились и советские летчики). Япония нацелилась на Китай, стремясь к главенствующей роли во всем Тихоокеанском регионе. Военно-фашистская ось «Германия — Италия — Япония» приобретала реальные очертания. Всё это грозило новой мировой войной.

В СССР проходили «партийные чистки», судебные процессы с «покаяниями» и «разоблачениями». Но в то же время вся страна рукоплескала Валерию Чкалову, совершившему беспрецидентный перелет на Дальний Восток через всю Россию, а Леваневский пролетел без посадок из Лос-Анджелеса в Москву. На экраны вышли искрометные фильмы «Цирк» с советской звездой Любовью Орловой и «Вратарь». А Лев Ландау опубликовал фундаментальную работу по физике... Черное и белое — так было всегда в Истории. Но простые люди живут многоцветием красок и оттенков, каждый день для них начинается не только восходом солнца, но и надеждой, верой в счастье. Народы почти всегда отделены от своих правителей стеклянной стеной, а черно-белая хроника никогда не способна отразить всю гамму личных чувств и переживаний каждого отдельного человека, его боль и радость. И уж совсем глупо и подло замазывать целиком всё прошлое или лишь обелять его.

Муравленко был человеком своего времени, великой эпохи, как бы кто к ней ни относился. Он был человеком дела — а это главное. Патриотом страны, и это еще более важно. Поэтому, когда зимой 1936 года ему пришла повестка из военкомата, он с чувством гордости и радости пошел служить в армию. Его, как инженера и специалиста, направили в школу командиров РККА. Началось обучение новым навыкам, на сей раз — воинским, «науке побеждать». Дисциплины, являющейся основой всей армейской жизни, Муравленко было не занимать, ну а побеждать он привык смолodu, это было у него в крови. Но в любом случае школа командного состава рабоче-крестьянской Красной армии пошла ему только на пользу. Он стал еще более организован и целеустремлен, а уж в тактико-оперативных и стратегических военных действиях разбирался, как настоящий профессионал.

Что ни говори, а «военная косточка» была в нем еще и от отца. В военном обмундировании, поскрипывая кожаными ремнями и сапогами, выглядел Виктор подтянутым и даже щеголеватым. Спустя год в петлицах у него появились два «кубаря» — звание лейтенанта. Он, как и все молодые люди в то время, готовил себя к войне. И, наверное, начав с командира роты, он дошел бы и до полка, и до дивизии, руководил бы армией или фронтом (при его-то выдающихся организаторских талантах, личном мужестве и обдуманном риске, без которого не выиграть битву), встал бы в один ряд с нашими прославленными маршалами-победителями. Он обладал для этого всеми качествами, и именно такие люди становились во главе войск во все времена. Но судьба определила для Муравленко иное поле сражения, другую битву — за нефть. И он ее выиграл.

Когда Виктор Иванович вернулся в Баку, всех нефтяников волновала одна новость — рождение нового нефтеносного района страны между Волгой и Уралом, Среднего Поволжья. Его сразу же стали называть «Вторым Баку». Это было точно и справедливо. Хотя бы даже потому, что туда — в Куйбышевскую область, в Приуралье, в Сызрань — потянулись испытанные «бакинцы», самые опытные «нефтяные волки» — буровики, промысловики, мастера, инженеры, перспективная «нефтяная молодежь». «Первый Баку» обязан был помочь встать на ноги «второму». Не мог не отправиться туда и Виктор Муравленко. К тому же это его горячее желание совпало с путевкой-направлением от наркомата нефтяной промышленности в старинный приволжский городок Сызрань, который становился одним из центров куйбышевского региона. Именно здесь в 1936 году была пробурена знаменитая скважина № 8, давшая первую нефть.

До войны в Сызрани проживало чуть более ста тысяч человек (включая пригороды Батраки и Кашпир) — средний по всем меркам и по промышленному потенциалу город. Основная отрасль экономики, как и до революции, — мукомольная. Но это до прихода нефтяников, до появления «черного золота». Всего за несколько лет индустриализации Сызрань превратилась в важнейший транспортный узел. Была проложена стратегическая железнодорожная линия Свияжск — Ульяновск — Сызрань — Сталинград (достраивалась она уже под артиллерийскими обстрелами в 41-м и 42-м годах, во многом благодаря ей была выиграна Сталинградская битва). Здесь особенно широким размахом отличалось стахановское движение: одни нефтяники построили 33 скважины. А если оценивать благосостояние горожан по нынешним меркам, то по вкладам в сберкассы оно выросло на миллионы рублей. Это к вопросу о том, что ничего, дескать, не платили, работали задарма. Нет, люди не только трудились. Вечерами они шли в открывшиеся здесь драматический и оперный театры, слушали по радио музыку Прокофьева и Шостаковича, следили по газетам о высадке на льдине первой советской дрейфующей станции «СП-1» под руководством Ивана Папанина, читали вернувшегося на родину русского классика Александра Куприна, ходили в кино на «Бесприданницу» Протазанова и «Петра I» с Симоновым в главной роли. Жили нормальной человеческой жизнью.

Сызрань преобразилась и молодела буквально на глазах. И в первую очередь — благодаря нефтепромыслам. Без них бы не началось ни строительство Волжского сталепроволочного и канатного завода, ни даже Сызранского пивоваренного. Не было бы развития речного порта, возведения новых домов, больниц, стадионов, дворцов культуры.

Именно здесь, в тресте «Сызраньнефть» и начал работать Виктор Муравленко, переехавший в этот приволжский город вместе с женой, которая уже ожидала первенца. (Сын Валерий родился в следующем, 1938 году.) Слухи о том, что в недрах Среднего Поволжья и Сызрани есть нефть, ходили в ученых кругах едва ли не с середины XVIII века, еще со времен Ломоносова. В 1760 году доктор Готлиб описывал целебные воды этого края и упоминал о «нефтяных источниках». Спустя восемь лет о том же писал в своих трудах академик Лепехин. Известный исследователь и географ Петр Симон Паллас (немец по национальности, но русский по духу), путешествуя по Поволжью и составляя «Российский атлас», обнаружил в этих местах серу и асфальт, все признаки «черного золота». Академик Губкин уже в советское время предсказывал здесь «большую нефть».

Но нашли ее для промышленной разработки только в 1931 году. Именно с этого времени возле Сызрани и Жигулей стали расти деревянные буровые, а разведчики недр начали всё *глубже и глубже* вгрызаться в землю. В селе Заборовка, что на берегу речки Крымзы, в Павлычином овраге, обнаружили в скважине первый положительный результат — битумный доломит. Двинулись дальше, в степь. И наконец-то из той самой, «восьмой», теперь уже легендарной, над которой сейчас стоит памятная стела, — пошла нефть. Вот так и появилось возле обычного колхозного села первое крупное месторождение, от которого берет начало «Второй Баку». А простые крестьяне, прежде выращивавшие хлеб и ухаживавшие за скотиной, почти все как один превратились в нефтяников, в корне изменили свой образ жизни. Нефть здесь оказалась высшего качества: пробная перегонка при 100 градусах Цельсия дала выход бензина до четырех процентов.

Отсюда началось стремительное расширение поисков нефти по всему Поволжью, областям Урала и Западной Сибири. Можно сказать и так, что от «Второго Баку» зародился и «третий», в Тюменском крае. Но это уже совсем другая история, о которой речь еще впереди (хотя почему — «другая»? Да та же самая, связанная с именем Муравленко). Возникает ассоциация с «Третьим Римом», когда православная вера передавалась от одного «вечного» города другому, от Царьграда (Константинополя) — Риму, от него — Москве. Есть в этом некий духовный смысл, и «черное золото» для многих нефтяников стало своеобразной религией, смыслом жизни — не материальным, а именно духовным средоточением помыслов. Но если «четвертому Риму», по заветам инока Филофея, не быть, то новая нефть на просторах России, в ее недрах, еще ждет своего часа.

У академика Губкина всегда хватало противников. Когда пришла первая победная (историческая!) реляция о сдаче в эксплуатацию Заборовской скважины (акт подписали главный инженер нефтеразведки Пастухов, геолог Бутров и буровой мастер Аванесов), недруги злорадствовали:

— Авантюра! Столько государственных денег вбухали, а получили «кошкины слезы» — всего-то 100 килограммов нефти, да и то случайно.

Но набирающий обороты процесс было уже не остановить. В километре от восьмой скважины с глубины 400 метров дала нефть одиннадцатая. Пока еще «не фонтан», но 300 килограммов в сутки — это уже кое-что, не «кот наплакал». А потом — с десятой скважины, с глубины 1020 метров — январской ночью ударил уже настоящий мощный фонтан: 60 тонн в сутки! Все Губкинские противники поснимали шляпы и забились в щели. А бригада мастера Алексея Шубина стала известна всем нефтяникам Советского Союза. И вслед за Заборовским месторождением открылось

Сызранское. Затем нашли первую нефть в Яблонево́м овраге (бригада мастера Солдатова), начался Ставропольский промысел.

А как радостно встречали нефть первые буровики на сызранской земле! Об этом есть воспоминания горного техника Бабкина. Сначала выброс был метров на пять. Потом — падение. И вновь выброс, еще выше. Главное уже случилось. Люди кричали «ура!», зачерпывали нефть ладонями, мазали ею лица себе и друг другу. Такая у нефтяников традиция. А скважина вела себя, как норовистый, необъезженный конь. Ее устье пробовали закрыть деревянной пробкой, но скапливающаяся нефть вышибала ее вон. Опыта в таком деле было еще мало. Пробовали навернуть крышку-заглушку, предварительно закалив резьбу, но тоже безуспешно: под большим давлением ее сорвало. Пришлось временно законсервировать ствол.

Первопроходцы «Второго Баку» — Власов, Славин, Вахоркин. Бабкин и многие-многие другие. В их число, хоть и чуть позже, вошел и Виктор Иванович Муравленко. Началу нефтедобывающей промышленности Куйбышевской области послужил созданный в 1937 году трест «Сызраньнефть». Именно с этого времени в нем и стал работать Муравленко. Сперва, по предложению директора конторы бурения Луткова, начальником буровой установки. Затем — инженером по оборудованию промысла. Потом — главным инженером. А с 1938 года и почти до начала войны — директором конторы бурения треста «Сызраньнефть». При нем уже в 1939 году сызранские нефтяники добыли «черного золота» в три раза больше, чем за 1937 и 1938 годы вместе взятые. Здесь же Муравленко вступил в члены ВКП(б). Тут же, в Сызрани, принимал самое деятельное участие в Международном геологическом конгрессе (местным нефтяникам уже было что показать и чему поучить других). Под его

непосредственным руководством мастера Цвигун и Плужников освоили скоростные методы бурения, вдвое увеличив проходку, а бригада Малышева пробурила скважину № 37 за сто дней вместо ста пятидесяти.

Росли достижения буровиков, крепились профессиональные кадры, в Сызрань стекались специалисты из нефтяных институтов Ленинграда, Баку, Грозного. Но порою слышались и недовольные окрики из Москвы, из Наркомата — оттуда требовали увеличить добычу нефти, запускать всё новые и новые скважины. Больше, больше, больше... Словно здесь бездонная бочка. А ведь за срыв планов можно было серьезно пострадать. Лишиться не только должности, но и головы. Время было суровое, тут уж ничего не скажешь.

Блестящая карьера у Виктора Ивановича была еще впереди, тогда он стоял лишь на первых ее ступеньках. Чем выше руководитель — тем больше у него и ответственности, тем больше с него спроса. Но не оставаться же Муравленко навсегда в начальниках бригады, на насиженном, пусть и любимом месте — надо идти вперед, двигаться дальше. В этом — смысл жизни. В движении, а не в топтании на одной площадке. Если, конечно, у тебя великие цели и планы.

А бригада у него тогда была отличная, просто загляденье. Сам Виктор во всей конторе бурения был единственным мастером с высшим инженерным образованием, у остальных — четыре-пять классов. Но дело не в этом. В парткоме ему сказали:

— Хотим организовать комсомольско-молодежную буровую бригаду. Тебе это дело и доверяем. Ты и в институте был комсомольским вожаком, тебе и карты в руки. Начальствуй! Но помни: люди — главная твоя забота.

Так в подчинении у Муравленко оказалось двадцать пять его ровесников, молодых парней-комсомольцев. Но молоды были не только они и их бригадир-начальник.

Если посмотрим в лица тех, кто стоял у истоков «Второго Баку», прочитаем в их биографии, сопоставим возраст с грузом возложенной на них ответственности, то поразимся и молодости этих людей, и их особой духовной зрелости. Словно здесь ковалась исключительная человеческая порода. Таким был первый директор Сызранского промысла В. И. Прибок, талантливый инженер-практик, руководитель тридцати с небольшим лет. Это именно он сумел обнаружить и устранить тяжкий бич нефтепромысла, вызывавший большие простои, — обрыв штанг в скважинах (из-за сильной углеродистости стали). Организовал герметичную обработку штанг — эксперименты дали отличные результаты, и этот способ стал широко применяться на промыслах.

Еще и тридцати лет не было главному геологу треста «Сызраньнефть» Геннадию Рыжову (он тоже приехал из Баку, с «Лениннефти»). При слабой технической оснащённости, преодолевая все трудности, он находил новые и смелые технические решения. При нем буровые вышки на Заборовской, Покровской, Ставропольской площадках росли как грибы. Нефть шла, а Геннадий Михайлович писал докладные в Наркомат нефтяной промышленности, где обосновывал создание новых самостоятельных центров на Самарской Луке. Когда началась война, когда фронту нужна была нефть, топливо, нефтяники Сызрани за девять месяцев дали два годовых плана — благодаря таким «молодым людям», как Прибок, Рыжов (он был назначен к этому времени управляющим трестом), как стахановец Иван Толстоухов, бурильщик Незямзинов, мастера Попов, Атапин, Дементьев, Моторин, Кузин, Буловинцев, Горланов, как комсомольцы Виктора Муравленко.

Рыжов на совещании мастеров и бригадиров треста сказал тогда так:

— Всё! Теперь никаких отговорок. Никаких простоев, ни на час, ни на минуту! Сегодня дорога каждая капля нефти. Гитлеровцы заняли часть Кавказа. Под угрозой бакинские промыслы. Значит, возрастает нагрузка у сызранцев. Правительство дало нам задание: увеличить добычу в три раза...

И задание выполняли — в метель, в распутицу и бураны, под ветрами, валящими с ног. От скважины к скважине двигались по пояс в снегу, живя в переполненных бараках, работая в холодных будках, без всяких удобств и комфорта.

Как тут не вспомнить еще одного «молодого» руководителя нефтяной промышленности СССР — Николая Константиновича Байбакова, который был старше Виктора Муравленко всего на один год. Он известен в стране и мире как крупнейший хозяйственник, как один из создателей топливно-энергетического комплекса, главный и практически бессменный плановик советского государства. Руководитель Госплана, который был действительно главным экономическим штабом СССР. Именно там рождались все принципиальные и перспективные постановления, двигавшие промышленную мощь страны вперед. Он родился в Баку и там же окончил Азербайджанский нефтяной институт по специальности «горный инженер». Самой судьбой ему было предначертано «чувствовать нефть» и «вгрызаться в вековую горную породу косности», быть «главным инженером великого промышленного строительства» в СССР.

Уже в 26 лет он занимает руководящие должности на нефтепромыслах Баку и Поволжья. А в 1939 году Байбакова переводят в Наркомат нефтяной промышленности — начальником Главвостокнефтедобычи. В 1940 году двадцатидевятилетний Николай Константинович

становится заместителем наркома нефтяной промышленности СССР. А в 1944-м — наркомом. Государственный деятель высочайшей пробы. Его трудовой стаж исчисляется почти семьюдесятью годами, из них сорок лет он работал в высших органах власти. В годы Великой Отечественной войны он внес огромный вклад в обеспечение горючим фронта и тыла. (О его роли в создании и развитии «Третьего Баку» — Западной Сибири еще будет сказано особо.) Его острый и пытливый ум вникал в сущность тактических и стратегических проблем страны. Он поднял экономику державы до таких высот, которые в условиях «российской капитализации» могут быть достигнуты не раньше, чем через столетие. Госплан СССР под руководством Байбакова в послевоенное время вывел страну на ведущее место в мире по основным экономическим показателям, а правительство РФ в девяностые годы своими постановлениями и действиями за такой же срок опустило престиж государства до уровня стран «третьего мира».

Как пример его живого интереса ко всему, к любым технологическим решениям проблем можно привести один, не лишенный юмора, случай. Когда он уже ушел из Госплана и правительства, довелось ему присутствовать на одном из совещаний по экономике, на котором обсуждался закон о запрете самогонварения (время горбачевской «перестройки»). По предложению Байбакова фраза в законе «получение самогона путем тепловой перегонки браги» была заменена другой: «... путем отделения спирта от браги». Почему? Да потому что, будучи на Севере не частым гостем, а полноправным хозяином-жителем, он видел, как мужики на буровой производят самогон: брагу они выносили на мороз, и спирт всплывал наверх, а остаток замерзал — вот и весь секрет, и нечего мудрствовать... К слову сказать, на Севере Байбаков порою попадал в

экстремальные ситуации, но никто не видел его растерянным или возбужденным. Всегда выдержанный и спокойный, он давал верные указания, принимал правильные решения. Никогда не говорил грубого слова: человечность и деловитость — вот стиль жизни этого «последнего сталинского наркома».

Подлинный патриот, он всегда высокопрофессионально служил своей стране — в правительствах и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, и Андропова. Вот только стал не нужен Горбачеву, когда тот пришел к власти. Конечно, строители и созидатели разрушителям не нужны — у тех иные задачи. А ведь побольше бы таких Байбаковых — и страна наша жила бы совсем по-другому, намного лучше. Но, может быть, Байбакова и Муравленко рождает лишь героическая эпоха, а не время стяжателей...

Но вернемся к комсомольско-молодежной бригаде Виктора Муравленко, которому в ту пору было всего двадцать пять лет. По всей стране тогда гремел «метод Байбакова», который применялся в борьбе с прорывом верхних вод в нефтяных пластах путем закачки в скважины цемента под высоким давлением. Взяла этот метод на вооружение конечно же и его бригада. Коллектив Муравленко, за спиной которого был уже опыт и грозненских, и лок-батанских буровых, и серьезная инженерная подготовка, всегда был первым — по производительности, по трудовой дисциплине, культуре производства. Но главное — по скорости бурения скважин.

А какая человеческая и дружественная атмосфера сложилась внутри бригады! И тоже — благодаря исключительному дару общения Муравленко, его моральным качествам. Он знал, какие у кого заботы, печали и радости, кто чем дышит. Когда у помбура Карасева тяжело заболела мать, Виктор пошел в профком, добиваясь для нее санаторной путевки на

курорт. Отказали. Отправился к секретарю парткома. Убедил и добился своего. Не привык отступать, раз того требует дело. У верхового Карабачева родился первенец, а жил тот в каморке, да еще «под надзором» склочной тещи. Карабачева обеспечили всем необходимым для сына — подарили пеленки, люльку, даже самовар. Но где это все разместить? Нужна квартира, хоть какая-то. А Муравленко сам жил в частном домишке, снимал угол. Да и Клавдия тоже была на сносях — и у него в семействе ожидалось прибавление. Виктор опять пошел по «профсоюзам и партсоюзам». Карабачева после долгих уговоров начальства внесли в список на получение жилплощади. Как и Муравленко. Но действовало негласное правило: двух квартир на одну бригаду не дают. И Муравленко решил отказаться, уступить свою очередь своему верховому — тому в данный момент жилье было нужнее. А что же Клавдия? Только тяжело вздохнула, но решение мужа приняла безропотно. Уж его-то принципиальный характер она знала лучше прочих.

Приходилось улаживать любые дела, не только бытовые, но и... сердечные. У Коли Судачкова любимая девушка вышла замуж за другого. Трагедия, как ни верти. Бедный парень совсем сник. Муравленко и тут действовал как заправский психолог, помог вновь обрести себя, не пуститься во «все тяжкие», не потерять от отчаяния голову. Нашел те самые нужные слова, которые говорит не руководитель, а друг. Это ведь совсем не так просто — создать в коллективе особую атмосферу радушия, взаимопонимания, мужской дружбы. Тот микроклимат, в котором хочется жить и работать, а не просто «отбарабанивать» трудовую повинность «за бабки».

Муравленко был подлинным вожаком, лидером. Однажды у бурильщика Косова произошла авария — трубы застряли в скважине, произошел так называемый

«прихват». Неприятный момент. В таких случаях, чтобы освободить прихваченный инструмент, трубы надо тянуть лебедкой, повернуть ротором. Это опасно, да к тому же трубы эти будто намертво застыли на одном месте. Виктор приказал всем покинуть буровую. Остался один, посчитав, что имеет право рисковать только собой — больше никем из бригады. Начал на предельной нагрузке вырывать инструмент из скважины. Стальные тросы натянулись как нити, сорокаметровая вышка буквально гнулась от напряжения. Еще миг — и она могла бы опрокинуться. Или тросы оборвались бы. Тогда — смерть. Но техника устояла. И Муравленко выдержал. Вырвал инструмент, спас скважину. Бледный от напряжения вернулся к своим товарищам, где попал в радостные объятия. И это был не только геройский подвиг. Это была проверка человека на прочность, на силу воли и знания. А в общем-то — обычное дело для мастера-буровика. Но именно из таких поступков рождается Человек. К слову, любой из бригады Муравленко мог бы взять ответственность на себя, они все были спаяны воедино, и позднее, в разные годы все до одного были отмечены правительственными наградами Родины.

Если что и подводило, то только техника, но не люди. Все буровые в Среднем Поволжье в ту пору работали на паровом приводе с маломощными насосами. Оборудование было сборным, укомплектованное техникой с разных заводов. Паровые машины — с Туапсинского машиностроительного, насосы — с грозненского «Красного молота», буровые лебедки — с завода имени лейтенанта Шмидта. Валики с шестеренками у этих трехскоростных лебедок постоянно перегревались, не выдерживали. «Поросят», как называли их буровики, приходилось периодически поливать водой. Так и кричали: «Поливайте «поросенка», снова перегрелся!» Часто искривлялись

скважины, отклонялись от заданного направления на 30–40 градусов. Обламывалось шарошечное долото. Всё это сильно тормозило процесс бурения. Приходилось то поливать «поросят», то поднимать колонну труб и менять долото.

Но бригада Муравленко и тут умудрилась сократить простои, пошла на эксперимент. Уменьшили нагрузку на долото, увеличили число оборотов ротора, а в результате скважины стали бурить точно в заданном направлении. Это был настоящий прорыв, практически рождение своей «муравленковской» технологии бурения. Его вахты теперь работали предельно слаженно, ритмично и на высоких скоростях. О простоях не было и речи. О бригаде Муравленко заговорили в тресте, она стала известна всем как действительно передовая, заслуженная, хотя и по-прежнему самая молодая по возрасту.

В это время Виктор Муравленко и познакомился с Байбаковым. Возраст у них был почти одинаковым, а вот в занимаемом положении — разница огромная. Николай Константинович как раз был назначен начальником объединения «Востокнефть», куда входили совсем «зеленые» тресты «Башнефть», «Сызраньнефть», «Пермьнефть» с центром в Куйбышеве, объединявшем нефтяные промыслы Уфы, Гурьева, Перми, Сызрани. О Байбакове уже тогда говорили: «Наш, бакинский, сын кузнеца-рабочего из Сабунчи, настоящий промысловик, стоящий парень!»

...В клубе шло собрание актива нефтяников. На трибуне — совсем молодой человек с волевым подбородком, умными глазами и мягкой улыбкой. Простой в общении, располагающий к себе четкими неофициальными фразами, юмором. Он говорил и о современном положении дел, и о перспективах на будущее. Разговор шел и о международной обстановке. Части Красной армии вступили тогда в бои с японцами

на границе марионеточного государства Маньчжоу-Го, а в Москве шли процессы над Бухариным и Рыковым. Страна готовилась к войне, хотя об этом и не говорилось прямо. Но кто будущий противник — было ясно. Не случайно на экранах шел исторический фильм «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна с музыкой Прокофьева и культовым артистом Николаем Черкасовым. (Правда, появился и совсем веселый комедийный фильм «Волга-Волга».) Но больше всего обсуждали «Второй Баку», развитие промысла.

Выступал и Виктор Муравленко, горячо говорил о просчетах машиностроителей, о ненадежных долотах и перегревающимся лебедках, о многих проблемах с техникой и комплектующими механизмами. Его речь и искренняя заинтересованность в деле Байбакову запомнились. После собрания Муравленко попросили зайти к Николаю Константиновичу. Беседовали они долго. Причем не только о бурении — вообще о жизни. Как-то сразу понравились друг другу, нашли общий язык. Потому что были в чем-то похожи. Одной крови, как говорится. У обоих — одно дело и одна цель.

Через несколько месяцев состоялась вторая встреча Муравленко и Байбакова, уже в Куйбышеве. Встреча важная, определившая многое в судьбе Виктора Ивановича. Его вызвали в трест, и там Николай Константинович прямо, без лишних разговоров предложил ему новую должность — директора Сызранской конторы бурения. Предыдущий труд и инженерные знания Муравленко, его организационные навыки были оценены по заслугам.

Это было не карьерное выдвижение, не партийное, когда во главе производства ставят искусного чиновника-бюрократа или «комиссара»-надсмотрщика, а именно рационально-деловое, разумное, соответствовавшее развитию промысла, его задачам и целям. Была такая поговорка: «кадры решают всё», и

она во многом верна. Только под словом «кадры» нужно понимать высокопрофессиональных специалистов на своем месте, где они могут раскрыть все свои силы и способности, а не на чужом, куда человека забрасывает «мохнатая лапа». И в тот момент Байбаков не ошибся — Муравленко уже «перерос» и начальника буровой, и инженера, ему требовалось более обширное поле для применения своих организационных талантов. Хотя некоторое время Виктор Иванович еще и колебался.

— А как же Лутков? — спросил он.

— Лутков уезжает на новую работу. Но он же тебя и рекомендовал.

Вопрос был решен, на следующий день Муравленко принял Сызранскую контору бурения. В двадцать шесть лет. Начался новый, еще более серьезный и ответственный этап в его жизни. Потом будет подъем на новые вершины, одоление очередных высот. Этот путь он прошагает до конца жизни, практически без отдыха, как шел когда-то шестнадцатилетним юношей с рюкзаком за спиной по горным перевалам и кручам к своему отцу в Грозный. Таким же грозным, но счастливым будет весь его маршрут — длиною в жизнь. Счастливым от сознания выполненного долга, от того, что его всегда понимали и поддерживали в семье, не предавали соратники и друзья.

Конечно, поначалу было трудно. Одно дело — молодежная бригада, твои сверстники, и совсем другое — целое предприятие, огромный коллектив, насчитывавший не одну тысячу человек. Бывали и срывы, излишняя поспешность и горячность.

Критически оценивая свои просчеты, Муравленко сам потом вспоминал, что «не располагал еще достаточными знаниями, опытом и в области экономики, и в области организации труда», но самое главное, не было у него еще большого «опыта строить взаимоотношения с людьми... Неловко, стыдно

вспоминать (а пройдет тридцать лет, когда он скажет это. — *Н. Ч.*), как я повышал голос, срывался в крик на людей даже старше себя по возрасту, по опыту, необоснованно сыпал взыскания».

Умение учиться на своих ошибках — это прежде всего признак самосовершенствования, гибкого ума, объективной и трезвой самооценки своих поступков, Муравленко умел это делать. Он не превратился в «крикливого» руководителя и в последующем, работая на руководящих должностях, никогда больше не повышал голос на подчиненных. Не «царское это дело», как говорится. Он стал руководителем мыслящим, для которого «человековедение» — важнейшая из наук. А без нее ты будешь просто Огурцовым из «Волги-Волги».

Не забывал молодого директора и Байбаков, наезжал в Сызрань. Вместе они ездили по буровым станам, иной раз проводили в бригадах сутки напролет, дотошно интересовались всеми производственными делами, мелочами быта. И тут Николай Константинович показывал пример глубочайшего уважения к людям, простым рабочим, ведя душевные доверительные беседы, остро подмечая всё положительное и все недостатки. «Для меня это была большая наглядная школа», — скажет потом Муравленко.

Новому директору по штату теперь полагалась персональная машина. Но когда она стояла в ремонте, он мог оседлать и гнедую (человек ведь с Кубани!), помчаться на какую-нибудь буровую верхом. Никто и не знал, где он может объявиться — то днем, то среди ночи. Часто далеко за полночь Виктор мог застать такую картину: одни несут вахту, заняты своим делом, естественно, и мастер на ногах, а те, кому положено отдыхать, тоже бодрствуют, помогают товарищам. Никто не спит, непорядок. С одной стороны, такое рвение — это хорошо, но ведь можно совсем вымотаться. Пришлось издать приказ — ввести должность дежурного

инженера, чтобы дать возможность мастерам отдыхать. А то, что он сам по ночам не спит, — об этом как-то не думалось.

До 1940 года Виктор Муравленко проработал директором конторы бурения треста «Сызраньнефть». Потом будет Дальний Восток, Сахалин, Хабаровск... Почти через десять лет после своего первого появления во «Втором Баку» он вернется, возглавит объединение «Куйбышевнефть» (практически на бывшую должность Байбакова). Станет бессменным председателем Государственной экзаменационной комиссии нефтяного факультета Куйбышевского индустриального института, профессором, «нефтяным генералом». Среди его учеников будут такие известные государственные деятели «новой» России, как бывший премьер-министр правительства РФ Виктор Черномырдин, бывший глава «Газпрома» Рем Вяхирев, бывший министр Юрий Шафраник, «нефтяные короли» Алекперов, Сафин. Многие уже действительно «бывшие». А вот сказать такое о Викторе Ивановиче Муравленко нельзя. Как-то не получается, не выговаривается это слово. Потому что «бывший» — это вроде бы и не был вовсе. А он — был, есть и будет.

Но вот треста «Сызраньнефть» на нефтяной карте страны сегодня действительно нет. От некогда мощного подразделения отрасли остался только Сызранский промысел. Да и тот входит в нефтегазодобывающее управление «Жигулёвскнефть». Причина — истощились недра. Хотя по-прежнему вокруг старинного и славного русского города стоят «качалки», кивают своими длинными журавлиными шеями. Не так щедро, как прежде, но сызранская земля продолжает делиться «черным золотом». Списывать со счетов «Второй Баку» еще рано, старым промыслам еще можно дать вторую жизнь. Нужны новые технологии, новая техника.

Семьдесят скважин в Сызрани — это, конечно, мало. Но даже одна восстановленная в Поволжье старая скважина, по мнению специалистов, в пять раз рентабельнее, чем две новые в Восточной Сибири.

Но все равно главную свою задачу «Второй Баку» выполнил. Эшелоны его нефти во время Второй мировой войны — это тот вклад в Победу, который неоценим. В нем — пот и кровь тысяч нефтяников. И значительная доля труда Виктора Муравленко, заложенная им основа, фундамент мощного нефтяного промысла, работавшего на военные нужды. И еще одно, последнее. Возможно, главное — это все-таки даже не нефть. А те люди, которые ковали Победу. Одни — на фронте (многие нефтяники, имея «бронь», ушли воевать), другие — в тылу (а среди них были и совсем юные выпускники ремесленных училищ и средних школ, девушки, старики). Все они стали сопричастными к этому великому празднику. Их, преодолевших непосильный труд и все невзгоды, обогащенных исключительным опытом, можно было потом встретить на месторождениях Тюмени, Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута, на газовых промыслах Надыма, Ямбурга.

Жизнь продолжалась...»

Глава четвертая

1

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«Виктору Муравленко принадлежит такая фраза: «У нас — у нефтяников есть своя профессиональная гордость. Она неустанно зовет нас из обжитых, насиженных гнезд на новые места, на освоение новой нефти — туда, где надо отвоевать ее у недр. Нефть притягивает нас...» Эти слова имеют не только практический, но и романтический оттенок, они созвучны мысли замечательного писателя Александра Грина, автора «Алых парусов» и «Бегущей по волнам» — о Несбывшемся, которое зовет вперед, ведет на край земли. Может быть, именно поэтому Виктор Иванович в 1940 году оказался за тысячи километров от Поволжья — на Дальнем Востоке, в поселке Эхаби Охского района острова Сахалин. Наверное, это был именно тот «зов Несбывшегося», который манит людей пылких, деятельных, готовых «идти по волнам» навстречу мечте. Но была, конечно, и реальная причина, совпавшая с жизненным настроением Муравленко. Правительство СССР приняло решение «поднимать» сахалинскую нефть, а наркомат нефтяной промышленности направил на далекий остров лучших специалистов с Большой земли. В числе их был и Виктор Иванович. В его путевке указывалось: «Директор конторы бурения треста «Сахалин-нефть». Но вначале Муравленко выполнял и обязанности начальника нефтеразведки. Потому что все здесь приходилось начинать практически с нуля.

Что же это было за место такое на краю земли, куда приехал двадцативосьмилетний инженер с молодой женой и годовалым сыном? Еще с царских времен его называли «островом каторжан», поскольку дальше ссылать уж вроде бы и некуда. Таежные леса, сопки, болотная топь, ледяное дыхание Охотского моря, снежные бураны, штормовые ветра, дикие звери, девственная природа. Для человека слабого — место попросту гиблое. Но сильному — как экзамен на прочность. А история освоения Сахалина насчитывала не одно столетие.

Началась она с походов томского казака Ивана Москвитина к Охотскому морю в тридцатые годы XVII века. Добравшись до Удской губы и обойдя с юга Шантарские острова, Москвитин впервые увидел у северного входа в Амурский лиман часть северо-западного берега большого острова. Это и был Сахалин. Отважные путешественники прожили на побережье Охотского моря два года, сообщали потом, что реки в новооткрытом крае «собольные, зверя всякого много, и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет — только невод запустить и с рыбою никак не выволочь».

Потом, в 1644 году, к неведомому Сахалину отправился Василий Поярков, открывая по пути земли даур на Алдане и Амурско-Зейском плато. На Зее он поставил острог, зимовал с казаками, в голод питались одними кореньями и падалью. Добравшись до устья Амура, Поярков встретил здесь новый «народец» — гиляков (нивхов), собрал новые сведения о Сахалине, богатом пушшиной, где жили «волосатые люди» (айны). Поярков первым определил, что из устья Амура можно попасть в южные моря. Так было получено представление о существовании пролива (Татарского), отделяющего Сахалин от материка. И лишь через три года Поярков вернулся в Якутск, проделав за время своей экспедиции 8 тысяч километров и потеряв 80

человек из 132, совершил историческое плавание вдоль юго-западных берегов Охотского моря.

Затем по Амуру двинулись Хабаров, Бекетов, Софонов. В это же время к юго-восточной оконечности Сахалина, со стороны Курильских островов подплывал голландец Мартин де Фриз. Пытался он пройти дальше, но сильный ветер погнал его назад, прочь, словно сама природа противилась этому дальнейшему «иноземному» исследованию Сахалина. А сто лет спустя, во время Великой Северной экспедиции Беринга, уже были прочерчены на карте восточные ориентиры побережья этого острова. (Хотя тогда он еще считался полуостровом.)

На Сахалин издавна метили японцы. В 1785 году они организовали довольно крупную экспедицию с задачей исследовать Хоккайдо, Курильские острова и Сахалин. Начальник одного из отрядов Могами Токунай (Таками) прибыл на остров на пяти лодках и прошел со съемкой вдоль западного побережья до 48° с. ш. Далее к северу продвинуться он не решился и вернулся на родину. Вторично он попал на остров через семь лет, ему удалось проследить западное побережье до 52° с. ш. Любопытно, что все его сведения японские власти засекретили, а самого Токуная посадили в тюрьму, где он и скончался.

К Сахалину в 1780-х годах двигался и Жан Франсуа Лаперуз. Его корабли совершили плавание к северу по Татарскому проливу. Но он лишь укрепился во мнении, что Сахалин — полуостров, хотя и проследил более семисот километров побережья. Затем, наконец, снова наступила пора русских исследователей-путешественников. В 1804 году Иван Федорович Крузенштерн закартировал все еще слабо изученное восточное побережье Сахалина, обнаружил небольшой залив Мордвинова, описал восточные и северные низменные берега залива Терпения. Вернулся он в

Петропавловск, правда, с «неоставляющим ни малейшего сомнения выводом», что это — полуостров. Долго держалось это географическое заблуждение, пока не пришла пора славного русского морского офицера Геннадия Ивановича Невельского. На судне «Байкал» он перешел из Кронштадта, обогнув мыс Горн, в Петропавловск, затем на трех шлюпках и байдаре обошел устье Амура и окончательно установил, что Сахалин — остров, отделенный от материка судоходным проливом (в самой узкой его части — 7,3 километра). Случилось это в 1849 году.

Невельский понимал огромную важность для России этого острова. Практически на свой страх и риск он начал его изучение и освоение. На левом берегу Амура, в восьмидесяти километрах от лимана — на стратегически важном месте, он основал Николаевский пост (Николаевск-на-Амуре), поднял там русский флаг и объявил российским владением весь Приамурский край «до корейских границ с островом Сахалин». Вот так должны поступать государственные мужи, патриоты своей Родины. Своих офицеров-помощников Невельский послал в различные районы этого огромного края для исследовательской работы. Двадцатилетний лейтенант Николай Бошняк пешком исходил все западное побережье Сахалина, обнаружил залежи каменного угля, открыл реку Тымь. А с собой имел лишь «нарту собак, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленький ручной компас и вместе с крестом Невельского одобрение: «Если есть сухарь, чтобы утолить голод, и кружка воды напиться, то с Божьей помощью дело делать еще возможно»».

Штурман Дмитрий Орлов в 1853 году основал на Сахалине три военных поста. В том же году сам Невельский поднял над Южным Сахалином русский флаг. В подданство России были приведены гиляки, ульчи и негидальцы, жители Сахалина и нижнего

течения Амура, его устья. А уже более полное описание Сахалина было составлено в 1860 году, когда на острове трудилась экспедиция географов, топографов, палеонтологов Федора Шмидта и Герасима Шебунина. Тогда была составлена первая, сравнительно точная карта этого прекрасного и загадочного острова. Нет на земле мест плохих или «негодных», есть лишь малоизученные, хранящие свою тайну. В том числе и тайну недр. Вот именно здесь и оказался Виктор Муравленко, словно приняв эстафету поиска от адмирала Невельского.

Надо учесть еще и то, что половина Сахалина (южная его часть) в ту пору незаконно удерживалась Японией. Это произошло после Русско-японской войны 1904–1905 годов, после гибели российской эскадры под Цусимой и сдачи Порт-Артура, когда в американском городе Портсмут был заключен мирный договор, а глава русской делегации граф Витте получил прозвище — «Полусахалинский». Аппетиты Японии стремительно росли. «Страна восходящего солнца» нацеливалась уже не только на весь остров, но и на Дальний Восток. Глядя на своего военно-политического партнера-Германию, она рассчитывала занять главенствующую роль в этом Тихоокеанском регионе. До Перл-Харбора оставался всего год... А что же Германия? В Европе уже шла война. После того как Гитлер бескровно захватил Судеты (две области Чехии — Богемию и Моравию) и присоединил Австрию (так называемый «аншлюс»), он потребовал от Польши Данцига и «коридора» к Балтийскому морю. Между Германией и Польшей начались военные действия. Англия и Франция тотчас же объявили войну Гитлеру. А Италия вторглась в Албанию. СССР же начал войну с Финляндией за Карельский перешеек, поскольку граница между двумя государствами проходила практически по пригороду Ленинграда. Лига Наций рассыпалась буквально на глазах.

1940 год изменил политическую карту Европы и мира. В апреле Германия без особых проблем оккупировала Данию и Норвегию, а в мае уже пали Голландия, Бельгия и Люксембург. Польша к этому времени превратилась в немецкое генерал-губернаторство. СССР вернул себе исторические области Западной Украины, Белоруссии и Буковины, установил контроль над странами Прибалтики, которые (кроме Литвы) до 1917 года не имели своей государственности. Всего две недели против немецкой военной машины продержалась Франция. Знаменитая и неприступная линия Мажино была просто обойдена через Бельгию. Французская армия и британский экспедиционный корпус оказались отрезаны от основных сил в местечке Дюнкерк, где были на волосок от полного уничтожения и еле успели эвакуироваться. (Интересный факт: англичане расстреляли из орудий и потопили в Алжире флот своих союзников — французов, чтобы тот не достался Германии, причем безжалостно уничтожили и самих моряков!) Через некоторое время маршал Петен, глава французского правительства, подписал акт о капитуляции Франции.

Италия под шумок вторглась в Грецию. Между Германией и Великобританией начались воздушные бои и бомбардировки городов. В Румынии установилась фашистская диктатура Антонеску (после войны он будет повешен, как и многие другие нацистские преступники). Япония почти полностью оккупировала Индокитай. Активные военные действия шли в Северной Африке. Даже возле берегов Аргентины и Уругвая шли морские бои. Хотя Соединенные Штаты все еще сохраняли нейтралитет. Эта политика была известна еще со времен Первой мировой войны: ввязаться в драку тогда, когда силы сторон будут уже измотаны, и собрать все лавры победителей.

К войне в СССР готовились. Конструкторское бюро Жозефа Котина создало первые советские тяжелые танки СМК и КВ. Владимир Петляков начал конструировать пикирующий бомбардировщик Пе-2. Сергей Королев работал над ракетными двигателями (правда, в одной из тюремных «шарашек»). Физик Флеров обнаружил самопроизвольное деление ядер урана, что двинет вперед разработки оружия будущего. Михаил Кошкин создал легендарный танк Т-34. А вся страна распевала любимую песню из кинофильма И. Пырьева «Трактористы» — «Три танкиста...».

Такая политическая атмосфера складывалась в мире. А на Сахалине с приехавшими нефтяниками «воевала» сама природа. И им было столь же трудно, как если бы они участвовали в боевых действиях. С залива Уркт дули постоянные пронизывающие ветра. Поселок Эхаби находился в одном из самых глухих и труднопроходимых районов на Сахалинском побережье. Но именно тут, возле склона сопки, гильяки-нивхи первыми обнаружили «жирную черную кровь земли» — нефть. Сюда стали привозить буровые станки, трубы, глину, тянуть и монтировать вышки, подымать их на крутояры, прокладывать дороги и электрические провода — в тайге, по болотам, в стужу, в зной. Да еще медведи беспокоили! Некоторые из них были столь любопытны, что заглядывали к людям «на огонек», а кое-кто повадился и к продуктовому складу. Медведь — зверь коварный и хищный, никогда не знаешь, чего от него ждать. А уж когда поднимется во весь свой двухметровый рост на задние лапы — то или хватай ружье, или беги со всех ног к ближайшему дереву.

Для Виктора Муравленко работа на Сахалине, в таежных условиях, явилась как бы репетицией перед штурмом своей главной вершины — в Тюменском крае. Ведь условия в Западной Сибири почти ничем не отличались от Сахалинских: те же болота, тайга, гнус —

и абсолютно никаких удобств, комфорта, работа на пределе человеческих сил. Никакого сравнения ни со Стерч-Картыганом, ни с Лок-Батаном, ни с Сызранью. Крепкие породы начинались уже с поверхности земли, долото еле вгрызалось в них, обламывались шарошки, рвались трубы. На глубине ждали опасные, обваливающиеся прослойки, источенные кавернами и трещинами пласты, которые поглощали раствор, как рафинад в чае. По предложению Муравленко пустоты стали заполнять стволами деревьев, песком, хворостом. Его инженерный ум и организаторские навыки брали вверх над «противником».

Это было настоящее сражение с недрами, не легче, чем на войне. Один из участников этой битвы, прораб Каркотелко, будущий управляющий трестом «Сахалиннефтестрой», позднее вспоминал, что именно благодаря Муравленко было обеспечено выполнение буровых работ на Сахалине, «поднята нефть». Благодаря его требовательности, даже жесткости, новаторству, организаторским данным, справедливости и — «уважению всех, кому пришлось с ним работать». Другой, возможно, и не справился бы с этой задачей.

А реальная война уже началась, ворвалась в Отечество. Гитлер бросил на СССР сразу более 5,5 миллиона солдат, которые стремительно наступали на всем протяжении границы. Войну СССР тотчас же объявили и Финляндия с Венгрией. После окружения крупной группировки советских войск в Белоруссии (в «мешок» попало более 300 тысяч человек) началась блокада Ленинграда, был захвачен Смоленск, пали Киев, Одесса и Харьков. Перед фашистской армией открывался прямой путь на Москву. Был издан приказ Сталина о переезде правительства в Куйбышев (город, хорошо знакомый Виктору Муравленко по совсем недавней работе во «Втором Баку»). «Первый Баку» тоже был под угрозой; туда вскоре отправится

замнаркома нефтяной промышленности Байбаков с приказом заминировать все промыслы, чтобы ни одна капля нефти не досталась врагу.) На Восток, подальше за Урал началась массовая эвакуация предприятий тяжелой промышленности, способной снабжать фронт оружием... К этому времени война шла уже по всему миру: не оставалось континента, жители которого надеялись бы «отсидеться». В Тихоокеанском регионе (совсем рядом с Сахалином) разворачивались ожесточенные военные действия, но напасть на СССР Япония все же побаивалась. Зато она разгромила американскую базу Перл-Харбор на Гавайях, атаковала Малайю, Филиппины, Гонконг, захватила почти весь Индокитай.

С переменным успехом шли бои в Северной Африке (эти сражения в «новейшей истории» теперь называют чуть ли не определяющими во Второй мировой войне, но они не имели существенного значения — ни по численности войск, ни по стратегическим факторам). Германия оккупировала Грецию, а к итало-немецко-японской «оси» присоединились Болгария с югославскими усташами. (Движение Сопротивления в Югославии возглавил Иосип Броз Тито.) Американцы захватили Исландию, немцы — Кипр и Крит. А войска СССР и Великобритании совместно вошли в Иран.

...Муравленко не мог больше терпеть и оставаться в стороне. Он был патриотом, коммунистом, к тому же человеком военным — лейтенантом, а исходя из занимаемой в то время должности, мог бы командовать батальоном, полком. Уже в первые июньские дни войны он пришел в военкомат. Просьба была только одна: послать его на фронт, в действующую армию. Ему ответили: фронту нужна нефть. «Ты уже на линии фронта, а твои буровики — это те же бойцы. Ты командуешь нефтяным батальоном — давай фронту нефть!» Это было тяжелое для него, но окончательное

решение военкома — спорить бесполезно. Действительно, без нефти, горючего танки остановились бы, самолеты не смогли бы взлетать, армия просто прекратила бы свое существование.

И Виктор Муравленко с удвоенной силой и энергией взялся за организацию на Сахалине нефтяных промыслов. Тем более что людей катастрофически не хватало, многие буровики всё же ушли в армию, нужно было доукомплектовывать бригады. Один мастер теперь руководил двумя, а то и тремя бригадами. Брешь в коллективах закрывали совсем еще «зелеными» и неопытными юнцами — фэзэошниками (так называли учеников Охской школы ФЗО). Пятнадцатилетние подростки становились помбурами, верховыми, бурильщиками.

Почти постоянно нес с ними рабочие вахты и директор конторы бурения — Муравленко. Приходилось на ходу учить, помогать, исправлять ошибки. Он мотался по всем буровым, цехам, ремонтным мастерским, часто по двое суток без сна. Не хватало хлеба (пайку голодные подростки съедали за один присест). Нужно было организовывать более-менее нормальное питание, сносное житье.

Были случаи, когда кто-то по неопытности или неосторожности разбивался насмерть. Так случилось с одним из пареньков, самым смышленным и увлеченным «нефтяным делом», на которого Виктор Муравленко возлагал особые надежды, — Колей Саничевым. Он сорвался с вышки, позабыв пристегнуть пояс безопасности. А ведь только что получил от брата письмо с фронта, где тот писал, что награжден медалью. Именно в этот день у молодого директора появилась в волосах первая седина. Потому что он душой и сердцем чувствовал свою вину и ответственность за эту нелепую мальчишескую смерть.

Гибли не только на фронте, умирали ради Победы и в тылу.

Но нефть шла. Буровые на Сахалине давали советской армии столь необходимое «черное золото», поистине «живую кровь» для фронта. Буровики поднимали все новые и новые скважины. Может быть, это была самая важная нефть военного времени. И когда сибирские дивизии двинулись к Москве, а наступление врага под столицей захлебнулось, то в этом была и доля труда сахалинских нефтяников, в том числе и простых фэзэошников. А потом Красная армия перешла в контрнаступление. Фашисты столкнулись не только с достойным военным противником (не таким, как в Европе!), но и с массовым героизмом, которого явно не ожидали. Навеки в нашей памяти останутся подвиги Гастелло, Матросова, Талалихина, Зои Космодемьянской, Карбышева, двадцати восьми «панфиловцев», сотен тысяч других солдат и офицеров. (К успешной войсковой операции можно приравнять и исполнение в блокадном Ленинграде Седьмой симфонии Шостаковича.)

Враг начал отступать. Но до Победы было еще далеко...»

2

Прочитав несколько глав из рукописи своего старшего друга, наставника и соседа (откроем маленькую тайну — и будущего родственника), Алексей неожиданно... уснул. Но не потому, что ему было скучно. Напротив, всё было интересно и увлекательно, он даже не предполагал, что биография человека может быть столь яркой, занимательной, насыщенной всевозможными событиями, а главное — познавательной для чтения, словно открывающей какие-то новые горизонты в прошлом, в пространстве и во времени.

Будто самый настоящий исторический или, в хорошем смысле, приключенческий роман. Перед ним вставала фигура не только Человека, но очищалась от пыли и грязи целая эпоха великой страны. Как старые, чудом сохраненные кадры черно-белой кинохроники. Это было здорово. Леша так бы и читал дальше, но жара и усталость, а еще и перегрев на солнце взяли свое. И он уснул на диване, положив под голову красную папку. А некоторые страницы, словно оторвавшиеся с дерева листья, упали на пол...

Ему снился сон, похожий на действительность. Он был как бы одновременно в нескольких местах, причем даже в разные временные отрезки. В палящей от зноя кубанской станице Незамаевской, где стоял на берегу обмелевшей речушки Кудаки и смотрел на фонтан нефти, бьющий из первой русской буровой. А возле нее радостно суетились люди, и особенно торжествовал главный из них — инженер в фуражке с кокардой и в черном длиннополом сюртуке нараспашку. И победная радость эта через сто сорок лет летела к нему, он ощущал ее, чувствовал... Он разбирал в Стерч-Картыгане «юнкерсовский» механизм, чистил промасленной тряпицей шестеренки, весело откликаясь на шутки буровиков, с завистью поглядывая на ажурную вышку (которая напоминала ему самую что ни на есть Эйфелеву башню), мечтая покорить ее, одолеть, добраться до самого верха...

В Лок-Батанске за дружескими открытыми лицами его интернациональной бригады ему виделась вся страна, все люди, спаянные одной целью. Они вместе работали, вместе справляли свадьбы, пели прекрасные песни и поднимали тосты за любовь, дружбу и счастье. И счастье это он тоже чувствовал... В раздольном Поволжье он, вцепившись в рычаги до кровавых мозолей на руках, вытягивал лебедкой застрявшие в скважине трубы. Стальные тросы звенели, как натянутая тетива,

еще миг — и вся вышка развалилась бы, словно хрупкий картонный домик. Но отступить было нельзя, нужно было только победить. Эти слова он и шептал вслух, как молитву... Проваливаясь в топь, шел к сахалинской сопке, к уже пробуренным на Охе скважинам. А вслед за ним шагали пятнадцатилетние мальчишки, «фабзайцы», похожие на голодных зверьков. Но он знал, что на них можно положиться, не подведут. Не ведал лишь того, что один из них — вон тот, самый шустрый, который впереди, через день будет лежать распластанным у его ног, вмятый в землю. И сухие слезы будут стоять в горле, готовые вырваться, как брызги ледяного ветра...

Сибирь, Тюмень, огромный муравейник перед глазами, зовущий его голос старого ханты, в меховой одежде, расшитой цветными тканями и бисером. Звук бубна. На ногах ханты — черки, целиком сшитые из камусов, шкур с лап крупного животного; на голове — капюшон малицы с ложной косой, пучками волос, перевитых цветным шнурком. Это — шаман. Голос говорит ему, словно предупреждает, на незнакомом языке: «Тогово илакал, кунаканмэ балдыкал, авдува иргивкэл — бэе тэкэнин окал». Что это — угроза? Нежелание видеть пришельцев на этой древней земле? Нет, шаман настроен вполне миролюбиво, он стар и мудр, понимает, что белый человек пришел не губить землю и недра, не разорять их, а спасти, поднять «черную живую кровь», рада блага всех — и его народа тоже. Слова эти означают другое, смысл их проясняется в сознании без всякого толмачества. Они такие же древние, как библейские заповеди, только из «Иты» местного племени. И означают простые человеческие истины: «Очаг свой разожги, ребенка роди, скотину вырасти — корнем человека стань... То, что тебе дается, не жалея для людей, соблюдай обычаи равного дележа со всеми. А Небо теплом своим все соринки земли растит». Звучит бубен все громче и тревожнее, как

заклинание, звучит, как набат в человеческом сердце. А голос продолжал говорить, рассказывать:

— Хочешь знать, откуда пошли ханты и манси, общие предки народа Пастэр? Там, где берет начало Обь, жили когда-то два человека, и пошли они на охоту. Наткнулись неожиданно на прекрасную дичь, на лося. Начали его преследовать. У первого человека Пастэр были крылья, он гнался за зверем по воздуху; второй, у которого были только ноги, преследовал его по земле. И хотя он бежал быстро, как птица, все же отставал от лося и крылатого человека. Совсем они его обошли! Но возвращаться он все-таки не хотел, так и бежал дальше за ними. А крылатый человек лося наконец догнал. Попал в него стрелой, но и сам упал рядом, обессиленный. Потом встал, начал осматриваться. Думает: «Свою землю я оставил далеко позади. Что это за земля? Я ее не знаю! Как вернусь домой?» Снял он с лося шкуру, обрезал спинной жир, засунул его в голенище своей обуви.

Прикрыл мясо ветками и отправился туда, откуда пришел. Долго ли летел, коротко ли, вдруг ему встретился другой человек Пастэр, тот, что бежал.

— Убил ты лося или упустил? — спросил пеший крылатого.

— Убить-то я его убил, но так далеко отсюда, что там и оставил его мясо. Я лечу сейчас домой, а тебе, если нужно мясо лося, то иди и бери. Можешь его съесть и, пожалуй, можешь даже там остаться, потому что пешему оттуда, наверное, никогда не вернуться.

Поделился он с пешим салом из-за голенищ и полетел дальше домой. А пеший отправился к мясу лося. Долго шел, а когда нашел, то подумал: «Моя родина и вправду осталась далеко позади. Смогу ли я пешком до нее добраться?» Стал есть мясо лося, чтобы подкрепиться. Стал осматриваться. «Пешком мне никогда не вернуться, — подумал он. — Земля есть и

здесь. Рыба есть, охотничья дичь есть, здесь будет неплохо. Останусь». Так и получилось. Человек Пастэр, пеший, остался там на все времена. Свою прежнюю родину он вскоре совсем забыл. А где теперь крылатый человек Пастэр — то неведомо. Может быть, в Верхнем Мире. Но все Миры — и Верхний, и Средний, и Нижний — между собою связаны, по ним даже можно время от времени путешествовать. Было бы желание...

Бубен звучал так громко, что Алексей проснулся, вскинул голову, протер ладонью глаза. Оказалось — это стучат в дверь. Он быстро соскочил с дивана, пошел открывать. На пороге стоял дядя Коля, тревожно улыбался.

— А я подумал — не случилось ли чего? Больно много ты на солнце жарился.

— Который час?

— Скоро три. Не бойся, футбол еще не проспал.

— Это хорошо.

Они прошли в комнату. Дядя Коля подобрал с пола страницы, вернул их в красную папку.

— Читал? — спросил он.

— А как же! Не оторвешься. Ты просто этот... Мамин-Сибиряк, вот. Нет, правда, хорошо. Прямо в серию «Жизнь замечательных людей». Хочется знать, что дальше.

— Тогда — продолжим, — сказал сосед с явным удовлетворением, — а ты пока чай ставь. Переходим ко второй части Сказания... О Земле Сибирской и Викторе Ивановиче Муравленко. Потому что неразрывны они, спаяны. Я вот вижу, ты уже прочел главу о его работе на Сахалине. А в виде отступления скажу, что сейчас творится на этом острове. Как бы опять не оказался он чужой территорией! Ведь что произошло в начале девяностых годов, когда таких, как Муравленко, уже в живых не было, когда барыги одни всюду пришли? Отдали нефтяные и газовые промыслы в разработку

иностранцам, в концессию. Да как отдали! То ли ума у кого-то оказалось слишком мало, то ли, наоборот, чересчур умными себя считали. Проект назывался «Сахалин-2». По нему выходило, что зарубежные фирмы строят на острове промышленную инфраструктуру, но мы же за нее потом и платим — в разы больше, чем следует по всем, даже капиталистическим, нормам. И весь газ и нефть идет им.

— А нам что? — спросил озадаченно Алексей.

— Шиш без масла. Более того, они уже там столько наворотили, что природу погубили полностью. Нерестовые реки загажены, леса повырублены, отходы сливают прямо в землю. А чего с экологией церемониться? Колония ведь, туземцы! Попробовали бы у себя где-нибудь на Аляске или в Канаде так поступить! Замучились бы в судах пыль глотать. Сейчас, правда, начали с ними понемногу разбираться. Может, погонят к чертям собачьим. Но еще раз повторю: таких людей, как Муравленко, нынче катастрофически не хватает.

— Сажать за подобные дела надо, — сказал Леша.

— Лучше — расстреливать, — жестко добавил дядя Коля. — Но у нас как всегда — концы в воду. Нет, все знают: кто, сколько и когда. Но, видишь ли, даже президент сказал: итоги «прихватизации» пересматривать не будем. А почему? Потому что сажать придется всех поголовно. Значит, всех прощаем? Даем полную индульгенцию от всех грехов? Какие мы добрые, прямо святее папы римского! А то, что тридцать человек владеют всеми богатствами страны, это как? Такого еще нигде и никогда в мире не было. Опять мы впереди всей планеты в этом идиотизме. А народ? Долго будет терпеть эту несправедливость, как думаешь? Один семнадцатый год уже был.

— Экий ты, дядя Коля, революционер, — Леша стал разливать по пузатым чашкам крепкий чай. Достал из холодильника остатки какого-то торта.

— Мне за державу обидно, — отозвался сосед; внешне он чем-то напоминал таможенника Верещагина из «Белого солнца пустыни» — такой же плотный, загорелый и слегка «в градусе» (наверное, дома пропустил пару стопок). А сладкое он любил, свой кусок торта проглотил за один присест. Пришлось Алексею отдать ему и свою порцию.

— Это возрастное, — сознался дядя Коля. — В детстве конфет мало было, теперь наверстываю. Я иногда даже в макароны сахар кладу.

— Мне тут странный сон приснился, — произнес Леша. — Будто я с каким-то шаманом встречался, а он мне сказку рассказывал. Про Сибирь, про людей крылатых... Чудно! Словно сам я и побывал там, стоял возле какого-то огромного муравейника. — Парень улыбнулся, вспоминая сновидение.

— Про Сибирь тебе лучше меня никто не расскажет, — ответил сосед. Он был практиком, в сны и камлания не верил. — Сибирь, братец, побольше такого материка, как Австралия будет. Здесь свободно три Индии и две Западной Европы разместятся. Даже США или Китай уступают по размерам нашей Сибири. Поезд от Владивостока до Урала проходит почти такое же расстояние, как от экватора до полюса. А нашей планете требуется восемь часов, чтобы, вращаясь вокруг своей оси, подставить под солнечные лучи все сибирские просторы. Простор, Леша, — это наш самый главный, фундаментальный ресурс, на одного россиянина в среднем приходится почти по 12 гектаров земли, а на китайца — всего 8 соток.

— СССР был еще больше, — сказал Алексей. — А что толку? Знаешь, дядя Коля, слону бывает очень неудобно в посудной лавке.

Николай Александрович с интересом посмотрел на него. Продолжил:

— Да, с распадом СССР Россия стала самым крупным северным пространством, ее географический центр переместился к полярному кругу, в бассейн Подкаменной Тунгуски, а был в Томской области. Можно сказать, что фасад страны развернулся к Арктике. В России теперь проживает 80 процентов приполярного населения Земли, занимают они половину территорий всех северных районов земного шара. Государства — они как живые организмы, рождаются, живут, стареют и умирают. Находятся, правда, такие «доктора», которые им в этом помогают. Вроде Гайдара с Ельциным. Умирание государства иногда происходит при его отказе от концепции большого пространства.

— Не понял, — почесал затылок Алексей.

— Да некоторые современные политики и ученые в России говорят: «Мы отдаем нашим необъятным просторам больше, чем получаем от них. Ах, если бы за Уралом плескался океан! Мы бы тогда давно стали полноценным членом сообщества цивилизованных стран». Забывают, что пространство природный ресурс высочайшей дороговизны, вместилище всех других ресурсов и богатств. Запасы свободных земель — это источник силы и здоровья общества. Муравленко это хорошо понимал, он был ученым, не только практическим деятелем, но и теоретиком, а в какой-то степени и геополитиком. Он уже тогда задумывался об альтернативных источниках энергии. Мировые запасы нефти по некоторым оценкам могут закончиться примерно через 45–60 лет. И что тогда? Чудовищный крах экономики во всех странах? А большинство других природных ресурсов могут быть исчерпаны через полтора поколения.

А Сибирь — это кладовая России. Когда летишь над нею на самолете, то порою просто невозможно обнаружить никаких следов человеческой деятельности — населенных пунктов, дорог, водохранилищ, линий

электропередач, возделанных полей. Это последнее необжитое пространство планеты из вполне пригодных для освоения. Ни у одной страны мира нет такой неразрушенной природной среды, какой владеет Россия на севере и востоке. Пятая часть всех лесов Земли! На одном только Байкале хранится тоже пятая часть всех запасов пресной воды планеты! В Сибири — самое высокое содержание кислорода в атмосфере, это биосферный резерват земного шара. Не тропические леса, где кислород расходуется на процессы гниения, а именно Сибирь, Север, Дальний Восток. Так что территорию нашу заменить будет нечем. Любая ее географическая точка уникальна. Возьмем, например, Чукотку...

— Как же, возьмешь ты ее у Абрамовича, так и отдаст! — вставил Алексей.

— И спрашивать не будем. Казалось бы, совсем уж она, Чукотка эта, крайняя, никому не нужна. А ведь это — своего рода переход между Крайним Востоком и Крайним Западом, между двумя державами, между Восточным и Западным полушариями. Территория арктическая, дальневосточная, тихоокеанская, окнами своих домов глядит и в Азию, и в Америку. И по сути — центр мирового политического пространства, поскольку лежит Чукотка между наиболее густонаселенными районами Запада Северной Америки и Юго-Восточной Азии, а недалеко, через Северный Полюс — и Западная Европа. Геостратегическое значение Чукотки очень велико. Может, и не случайно Рома хочет ее к себе в карман положить, — добавил Николай Николаевич, подумав.

— А я о чем?!

— Наши деды и прадеды оставили нам великое достояние, — продолжил сосед. — Благодаря им — Петру Первому и Екатерине, Суворову и Жукову, Менделееву и Тимирязеву, Пушкину и Мусоргскому,

Столыпину и Косыгину, Байбакову и Муравленко — мы живем в самой большой, цивилизованной, культурной, единственной и лучшей в мире стране, имеющей всё необходимое для достаточного самообеспечения. Людской потенциал у нас тоже огромный. Только вот можем иногда отдать не нами завоеванное за одну пьяную «беловежскую» ночь. Всё, дарованное нам Богом или купленное безмерной ценой миллионов павших в боях русских людей, преподнести на блюдечке каким-то тридцати олигархам!..

А ведь по количеству богатств одна наша Сибирь — самый богатый регион мира. Она дает более 15 процентов мировой добычи нефти и 27 процентов природного газа, 40 процентов платины и других редких металлов — палладия, родия, иридия, рутения, 20 процентов — никеля и кобальта. А предтундровые редколесья Западной Сибири являются самым крупным газоносным районом планеты. Причем что любопытно: месторождения Тюменского Севера настолько сконцентрированы в пространстве, что 92 процента российского газа добывается на относительно небольшой площади бассейнов рек Надыма, Пура и Таза.

— А если по нему кто-то ракетой шарахнет? — задал вопрос Леша.

— Тогда — кердык, как говорят на ваших тусовках. Теплоэнергоснабжение главных районов страны сразу рухнет. А американские базы, между прочим, уже стоят в Средней Азии, в бывших советских республиках, и оттуда можно перекрыть всю территорию России, вплоть до Арктики. Не предательство ли это национальных интересов?

— Сажать, — коротко согласился юноша. Ему это слово начинало все больше нравиться.

Николай Александрович пил уже четвертую чашку чая.

— Конечно, перспективы роста добычи нефти и газа теперь малы, — сказал он. — Из нефтегазовых месторождений Западной Сибири уже извлечено 14 миллиардов тонн нефти и 8,5 триллиона кубометров газа. А с конца восьмидесятых годов, после смерти Муравленко и развала «Тюменнефтегаза», инвестиции в геолого-разведочные работы практически прекратились. Когда-то одна из лучших в мире геологическая служба страны к 1998 году вообще перестала существовать. Словно живут одним днем, как временщики.

— Всех сажать, — повторил Леша.

— Через одно-два поколения цена природно-ресурсного пространства будет только расти. Вот нам внушают, что сырье многого не стоит. А ценнее, дескать, компьютеры или новые марки автомобилей, где якобы мало сырья, зато много интеллекта. Сырье пытаются представить чем-то виртуальным, а вырученные от его продажи деньги — реальными. На самом деле всё как раз наоборот. Расход самого дефицитного сырья на изготовление единицы такой продукции только растет. Компьютер в некоторых своих блоках требует столь редкие металлы, что для их добычи на изготовление этого компьютера нужен шагающий экскаватор.

— Дядя Коля, помедленней, не успеваю следить за твоей мыслью.

— Я это к тому, что финансово-сырьевым воротилам современного мира хорошо известно, что истощение любого ресурса приближает его рыночную стоимость к бесконечности.

— То есть рубят сук, на котором сидят?

— Ну, они-то на этом «суку» не сидят, хотя должны бы висеть. Человечество само загоняет себя в тупик. И именно из-за этих ресурсов в нашем XXI веке ожидаются самые главные войны. Очередь до них дойдет где-нибудь к 2020–2025 годам. Когда тебе будет лет сорок, а залежи нефти у нас, на Ближнем Востоке, в Нигерии и

Венесуэле исчерпаются. Я об этом у Юрия Голубчикова вычитал, профессора географического факультета МГУ. Умный мужик. Он такие данные приводит! Вот, к примеру, каждый из нас, русских, по ресурсам в 6 раз богаче американца и в 17 раз — европейца. Если совокупность всех природных ресурсов, приходящихся в среднем на одного жителя планеты, принять за единицу, то на долю америкоса придется 2 единицы, на немца какого-нибудь — 0,067, зато на долю одного русского — 11,7 единицы. Вот только мы используем принадлежащие нам ресурсы всего на 11 процентов, а европеец или штатник — на все 400! Разница есть?

Леша в ответ только присвистнул.

— На Севере, в Сибири жить можно и нужно, — продолжил Николай Николаевич. — Эти зоны более доступны для обживания, чем, скажем, безводные пустыни или душные джунгли. Да, холодно, но с холодом бороться можно. Избежать его легче, чем палящего зноя. А если еще наступит потепление, как предсказывают? При любых сюрпризах климата в России всегда останутся значительные площади, вполне комфортные и для проживания, и для выращивания сельскохозяйственных культур. Вечная мерзлота даже на пользу, почва практически всегда хорошо увлажнена весной и в первой половине лета, когда время сажать.

— Сажать надо, — охотно откликнулся Алексей. — И не только в первой половине лета.

Но дядя Коля шутки не оценил, он уже витал по сибирским просторам.

— А взять продолжительность солнечного освещения или полярные «белые ночи»? По сумме световых часов, когда идет фотосинтез, высокие широты намного превзойдут умеренные. Огромные северные неиспользуемые земли являются сегодня самыми экологически чистыми. Да и продукция с них ценится в мире намного дороже, чем выращенная со всякими

стимуляторами или с помощью генной инженерии. Еще Вавилов считал, что пределов «осеверения» сельского хозяйства нет. А хлеба на Севере созревают намного быстрее, об этом с XVI века знали. В Холмогорах Ломоносов сам видел овес, который был обмолочен через шесть недель после посева. Всё население Печоры кормилось своим хлебом и одевалось своим льном. В Туруханске всегда сажали редьку, репу, картофель, свеклу и даже огурцы.

А еще одно богатство Севера и Сибири таится в их травах. Потому-то и с домашней скотиной полный порядок. В начале прошлого века каждый крестьянский двор держал по 10–12 коров, по 50 овец, по 4–6 лошадей, а на севере — и по 200 оленей. После коллективизации эта сладкая жизнь, к сожалению, закончилась... А чего стоит только одна знаменитая холмогорская порода коров! Чудо, а не корова, просто мясомолочный комбинат на копытах. Или дикая сибирская лошадь Черского! А если на каждом квадратном километре Российского Севера держать хотя бы одного оленя, то общее их поголовье составит 10 миллионов. Что эквивалентно 30 миллионам овец. А ведь оленеводство не требует ни ферм, ни заготовок кормов, ни большого числа занятых рук. На острове Врангеля один пастух управляет со стадом в четыре тысячи голов. Опять же в начале прошлого века в Приохотье, в Березовском районе Тобольского Севера и на территории нынешнего Ненецкого округа выпасалось по 600 тысяч оленей в каждом регионе. Это тебе о чем-то говорит?

— Нет, — честно признался Алексей. — Я как-то от оленеводства далек.

— Сейчас в тундре, — не слыша его, говорил дядя Коля, — выпасается около двух миллионов домашних оленей, да плюс один миллион диких северных. Это 80 процентов всего мирового поголовья. По биосферной

значимости эти стада ни в чем не уступают всем крупным травоядным в Африке. Оленеводство могло бы стать нашей национальной гордостью хотя бы потому, что через оленину человеческий организм впитывает всё буйство зеленого мира тайги и тундры — от грибов и лишайников до трав и листьев, все полезные микроэлементы и витамины. Ягель, основной корм оленя, — это источник жизни.

И, приступая к очередной чашке чая, продолжил:

— Плотность населения в одной только Тюменской области составляет всего 1-2 человека на квадратный километр. Это даже сейчас, когда она стала самым газонефтеносным краем. А ближе к Северу и вовсе 1 человек на 10-50 квадратных километров. Чтобы ты смог представить себе распыленность, разбросанность сибирского населения, возьмем, к примеру, Таймыр. Регион этот по площади больше Украины и Белоруссии вместе взятых. Одним только контуром пересекающих его гор Бырранга можно свободно накрыть весь Кавказ. Площадь Диксона превышает всю Московскую область. Но всё его население сосредоточено в одном-единственном городе — Диксоне, знаменитой столице Северного морского пути. Ты, наверное, и не помнишь, не знаешь даже такой замечательной песни: «Четвертый день пурга качается над Диксоном...» А для нас она была романтическим гимном, зовущим в путь-дорогу, в неведомые края!

— Нет, не слышал, — с уважением признался Леша. — А чего она четыре дня качалась-то?

— Да может и сто дней подряд, дело не в этом. Проживает в Диксоне всего 1,6 тысячи человек. А лететь от него до Дудинки, центра Таймырского округа, на самолете несколько часов. Расстояние между ними такое же, как от Тамбова до Москвы. Зацени масштабы, как вы говорите. Главная черта Сибири — безлюдность устрашающе громадных пространств, этому в мире

просто трудно и невозможно найти сравнение. Нет такого нигде на карте. Редкие города и поселки представляются островками в океане холодных незаселенных территорий. Но во времена Муравленко люди туда ехали и стремились, а теперь в большинстве своем — уезжают, бегут. Почему? Попробую объяснить.

— Валяй, дядя Коля! — Леша достал откуда-то овсяных пряников и подложил соседу.

— Сегодня рыночные механизмы и свободные тарифы на транспорт, топливо и энергию вытесняют Север, Сибирь и Восток из общероссийского экономического пространства. А некоторые «мудрецы» не прочь вытеснить их еще и из политического пространства России. Одна душа в Корякском округе, подсчитали они, стоит девяти среднероссийских. Не лучше ли, говорят эти яйцеголовые мастера каверзных парадоксов, вместо северного завоза организовать вывоз северного населения?

— Ну и?

— Пустеют сибирские поселки. Из 1400 высокоширотных населенных пунктов России полностью ликвидировано 390. Дома заколочены или разрушены. Просто ударными темпами идет расчистка пространств Российского Севера. Но жизнь кое-где еще теплится, не все люди «ликвидированы» или смогли уехать, может, денег нет, а может, не хотят срывать с насиженных мест. Я сейчас говорю не о газонефтеносных центрах, там-то всё в порядке. Я — вообще о главной проблеме Сибири и Севера. А цены там какие? Самые высокие в мире на хлеб, тепло, картошку и всё остальное. Это настоящая беда, которую надо решать уже вашему поколению. Потом будет поздно.

— Я подумаю об этом на досуге, — важно пообещал Алексей.

Николай Александрович покачал головой и продолжил:

— За годы последних реформ из малонаселенных восточных районов страны в западные переместилось около 5 миллионов человек. По темпам опустошения лидирует Чукотка, которая по площади больше любого из крупнейших государств Западной Европы, больше Украины с Молдавией. От 164 тысяч человек там осталось 53,6 тысячи. На 20 процентов снизилось население Сахалина, который в сороковых годах поднимал Виктор Иванович, на 16 — Ненецкого края, ну и так далее. Столь стремительного оттока населения без натиска врага с заселенных и освоенных пространств еще не знала мировая история. А как жить в лишенных света и тепла северных поселках? Людей можно понять. И ведь уезжают наиболее молодые, квалифицированные, адаптированные к этим суровым условиям люди. А оставшимся порой приходится добывать средства к существованию только браконьерством. Другого способа выжить нет.

Николай Александрович вдруг достал из принесенного с собой пакета красную папку. Раскрыл, порылся в страницах. Нашел нужную.

— Вот, — сказал он. — Я даже цитату по этому поводу выписал из книги Солженицына. Послушай: «... Брошенный нами в небрежении, незаботе, пугающей назаселенности, преступно содержимый нами, как постылый и чужой, сибирский и дальневосточный край... Невозможно представить, что перегруженная планета будет и дальше спокойно терпеть запущенную неосвоенность российских пространств. Нашей правящей олигархии, утонувшей во внутренних интригах, ничтожных расчетах в жадном обогащении, необходимо хоть когда-нибудь поднять глаза на эти божьи просторы несказанной красоты, души и богатства, которые по несчастному року достались в их вредительское владение».

Чишинов закрыл папку и добавил:

— Колоссальные природные богатства, оставленные нам нашими предками, без дела валяться не будут. Они уже рассматриваются нашими соседями как новый источник их жизнеобеспечения. А России никак нельзя допустить, чтобы ее огромные пространства — главная ценность XXI века — обезлюдели. Населения Сибири и Дальнего Востока катастрофически мало. А к югу, в соседнем Китае, проживают 1 миллиард 250 миллионов человек. И ежегодно к ним прибавляется еще 14 миллионов. Около ста городов Восточного Китая превышают по численности 1 миллион человек. Ни в Сибири, ни на российском Дальнем Востоке таких городов вообще нет. Один только «миллионник» — Новосибирск. А ведь всего сто лет назад Маньчжурия была такой же таежной и редкоселенной, как Сибирь. А теперь в одном только Харбине — два миллиона. Между Китаем и Сибирью образовалась самая огромная в мире демографическая разница, градиент. И остановятся ли китайцы перед его преодолением?

— Вряд ли, — согласился Леша, начиная кое-что понимать. Слушал он теперь более внимательно, видно, задело, «не чужое».

— А этот народ обладает самой высокой в мире ассимилирующей способностью. Кто только не завоевывал его — чжурчжэни, монголы, маньчжуры... А где они все? Все в конечном счете сами становились китайцами. Включая и евреев, которые полностью не растворяются больше ни в одном другом народе.

Чишинов снова открыл папку, порылся, начал читать:

— «Все евразийские этносы жили на своей родине сравнительно благополучно. Но, проникая в Китай то как победители, то как гости, они гибли, равно и принимая китайцев к себе». Это уже из Льва Гумилева. Вдоль Амура уже зажглось целое ожерелье китайских городов, нацеленных на освоение русских земель. Они передвигаются в Россию, как когда-то американцы

заселяли север мексиканского штата Техас, позднее приравнял его к себе. Вот так-то, друг мой, Леша.

Уже сегодня невооруженным глазом видно, что только на юге Дальнего Востока действует не менее нескольких миллионов китайцев. А по лукавой Всероссийской переписи — их всего 35 тысяч. Столько же, сколько эвенков. Ну не идиоты ли составляли эту «перепись»?

— Хуже, — кивнул Алексей. — Слава богу, что меня «переписать» не успели. Мал был. Но я бы в «гоблины» записался от такой жизни.

— Я тебе нарисую картину будущего, — сказал дядя Коля. — Китайская территориальная экспансия вовсе не обязательно грозит войной. Но когда китайское меньшинство окажется на части нашей страны — в Сибири и на Дальнем Востоке — большинством, они мирно объявят об образовании независимого государства, не обязательно именно «китайского». Даже проявят трогательную заботу о его меньшинствах, бывших когда-то большинством, то есть о русских и других народностях. А Запад и транснациональные корпорации будут этому только рады. Потому что малым странам легче диктовать свои условия. А с простирающимся от Урала до Тихого и Ледовитого океанов Китаем проблем не будет. Он будет спокойно занят заселением и освоением Азиатской России. Вот так мы окончательно потеряем все, что когда-то имели.

Помолчав, Николай Александрович добавил, поправившись:

— Вы потеряете. Вы. Ту Россию, которая вам досталась. Которую создали и возвеличивали такие люди, как Муравленко. Вот об этом я и хотел сказать в своем несколько затянувшемся экономико-географическо-политическом слове. Аплодисментов не надо. Рыдать тоже. Надо дело делать, думать и соображать.

Сухие факты и хроника:

1965 год, сентябрь. Открытие Аганского месторождения. *Октябрь.* Сдана в эксплуатацию база бурения в Нижневартовске.

Создание в Тюмени филиала Всесоюзного научно-исследовательского института по строительству магистральных трубопроводов («Тюменьгипротрубопровод»).

Ноябрь. Начало закачки нефти в магистраль Шаим — Тюмень.

Декабрь. Начало поддержания пластового давления на Трехозерном месторождении. Начало сварочных работ на нефтепроводе Усть-Балык — Омск. Начало внедрения механизированной добычи нефти на Трехозерном месторождении (впервые в Западной Сибири).

1966 год, январь. Создание НПУ (НГДУ) «Томскнефть», а также «Юганскнефть».

Февраль. Открытие Лемпинского месторождения. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области на 1966–1970 гг.».

Март. Открытие Даниловского месторождения. Открытие Сайгатинского месторождения. Начало разбуривания Тетерево-Мортымьинского месторождения.

Апрель. На XXIII съезде КПСС утверждена Директива по пятилетнему плану развития народного хозяйства, предусматривающая доведение в Западной Сибири годовой добычи нефти до 20–25 миллионов тонн.

Май. Открытие Верхне-Салымского месторождения. Начало разбуривания Западно-Сургутского

месторождения.

Июнь. Начало эксплуатации Советского месторождения. *Сентябрь.* Открытие Мало-Балыкского месторождения.

Октябрь. Введен в эксплуатацию энергопоезд в Нефтеюганске.

Ноябрь. Вступление промыслов Усть-Балыка в круглогодичную эксплуатацию. Открытие Толумского месторождения. Начало разбуривания Советского месторождения. Открытие Потанайского месторождения.

Декабрь. Пробная закачка сеноманской воды в скважину № 4 на Западно-Сургутском месторождении для поддержания пластового давления.

1967 год, январь. Начало разбуривания Правдинского месторождения.

Февраль. Открытие Тепловского месторождения.

Март. Открытие Семивидовского месторождения.

Май. Организация загрузки нефтеналивных судов на Иртыше. Создание строительного управления для возведения пансионата «Нефтяник Сибири» на берегу Черного моря.

Июнь. Награждение Тюменской области орденом Ленина (за освоение нефтяных и газовых месторождений, за успехи в хозяйственном и культурном строительстве).

Август. Начало внедрения механизированной добычи нефти на Западно-Сургутском месторождении.

Сентябрь. Открытие вечернего отделения Тюменского индустриального института в Сургуте.

Октябрь. Преобразование поселка Усть-Балык в город Нефтеюганск. Начало рабочего движения по железной дороге Тюмень — Тобольск.

Ноябрь. Начало работ по строительству Сургутской ГРЭС. Начались передачи Нижневартовской студии телевидения.

Декабрь. Открытие Филипповского месторождения. Открытие Варьеганского газонефтяного месторождения. Сдана в эксплуатацию шоссейная дорога Нижневартовск — Мегион.

1968 год, январь. Создание НПУ (НГДУ) «Правдинск-нефть».

Собрание партийно-хозяйственного актива в Тюмени с выступлениями члена Политбюро ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова, министра нефтедобывающей промышленности СССР В. Д. Шашина, секретаря Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербины, других партийных и государственных деятелей.

Открытие Ялун-Лорского месторождения.

Февраль, Открытие Картопьянского месторождения. Создание Мамонтовской конторы бурения.

Март, Начало эксплуатации Правдинского месторождения. Начало эксплуатации Западно-Сургутского месторождения. Открытие Тайбинского месторождения.

Июнь. Принятие Тюменским обкомом КПСС постановления «О мерах по ускорению разведки и ввода в разработку Самотлорского нефтяного месторождения».

Июль. На Западно-Сургутском месторождении построена первая буровая по методу Тимченко-Еремина.

Август. Открытие Ай-Яунского месторождения. Дала ток первая газотурбинная электростанция на попутном газе в Шаиме.

Декабрь. Всесоюзная почетная вахта в честь добычи трехсотмиллионной тонны нефти.

1969 год, январь. Открытие нефтяной залежи на Губкинском газовом месторождении. Начало разбуривания Самотлорского месторождения.

Март. Открытие Северо-Минчимкинского месторождения.

Апрель. Создание вышкомонтажной конторы № 1. Всесоюзная конференция в Тюмени.

Начало эксплуатации Самотлорского месторождения. Введена в эксплуатацию первая термохимическая установка по подготовке нефти в НГДУ «Сургутнефть». Сданы в эксплуатацию первые объекты товарного парка на Самотлоре.

Вступил в строй нефтепровод Нижневартовск — Усть-Балык. Выход из печати первого номера научно-технического сборника «Нефть и газ Тюмени». Ввод в строй нефтепровода Александровское — Нижневартовск.

Июль. Запуск в эксплуатацию первой подземной кустовой насосной станции на Западно-Сургутском месторождении. Открытие Черногорского месторождения.

Октябрь. Начало разбуривания Ватинского месторождения. *Декабрь.* Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности Западной Сибири».

Буровая бригада Г. П. Еремина из Сургута добилась наивысшей годовой проходки в Приобье — 40 059 метров.

Из отзыва академика А. А. Трофимука на доклад В. И. Муравленко:

«...Освоение выявленных в Западно-Сибирской низменности крупнейших залежей нефти и газа существенно сдерживалось труднейшими географическими условиями: суровый климат, отсутствие путей сообщения, отдаленность от промышленных районов, преобладание на местности непроходимых болот. Освоение, разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений в таких условиях обычными, традиционными методами,

освоенными в обжитых районах, сопровождалось бы такими затратами, которые ставили под сомнение саму возможность, экономическую целесообразность широкого разворота здесь добычи этих важнейших полезных ископаемых.

Сущность доклада В. И. Муравленко состоит в научно-техническом обосновании таких новых мероприятий, которые, будучи широко внедренными в условиях Западно-Сибирской низменности, позволили бы преодолеть ее природные препятствия, обеспечить столь же высокую или даже большую производительность бурения, достигнутую в передовых обжитых районах.

Используя личный научно-технический задел по совершенствованию бурения в Куйбышевской области, Татарской и Башкирской АССР, В. И. Муравленко умело применил все самое передовое, что было достигнуто под его руководством в названных районах передовыми буровыми организациями. Разработка, исследование и повышение эффективности гидромониторных долот, применение бурильных труб из легких сплавов обеспечили увеличение производительности труда в бурении в три раза, что сопровождалось *экономическим эффектом в 40 миллионов рублей.*

Главное же, что сделано В. И. Муравленко, — это разработка новых научно-технических мероприятий по интенсификации буровых работ применительно к суровым условиям Западно-Сибирской низменности. Создание *буровых установок на воздушной подушке обеспечило возможность транспортировки их на новые точки в собранном состоянии по болотам с большей эффективностью,* чем это достигнуто в обжитых районах.

Прогнозирование и создание *передвижных установок на железнодорожных тележках для кустового бурения* обеспечило не только высокую эффективность

кустового бурения (сокращение срока начала бурения новой точки с 15 до 3 дней), но и возможность осуществления его в местах, ранее недоступных для производства буровых работ.

Проектирование и широкое строительство ледовых дорог и площадок под буровые работы открыли широкие возможности осуществления круглогодичного бурения скважин в самых непроходимых болотах.

Дальнейшее совершенствование методов индустриального выщечного строительства, обоснование и широкое применение буровых установок с газотурбинным приводом сопровождалось крупными успехами сокращения срока строительства скважин и их проводки. Большое внимание в докладе уделено также вопросам организации буровых работ, внедрению телевизионной диспетчерской связи, организации производственно-диспетчерской службы, что обещает еще более повысить эффективность названных мероприятий по совершенствованию процессов строительства и проводки скважин.

Изложенные в докладе мероприятия широко апробированы: автор доклада с соавторами удостоен Ленинской премии в 1967 году за разработку и внедрение блоковой системы на месторождениях Куйбышевской области; Государственной премии в 1972 году за разработку и внедрение комплекса технико-технологических и организационных решений, обеспечивающих в сложных природно-климатических условиях высокие темпы разбуривания нефтяных месторождений Западной Сибири и ускоренное создание нового нефтедобывающего района...

Названные научно-технические разработки автора нашли широкое применение в промышленности и уже дали народному хозяйству эффект, измеряемый сотнями миллионов рублей.

Совершенно очевидно, что творческая научно-техническая деятельность Виктора Ивановича представляет собой крупный вклад в дело научно-технического обоснования интенсификации техники бурения, освоения новых сложных по природно-климатическим условиям территорий. Описанные в докладе успехи должны найти широкое применение не только на обширных и неосвоенных просторах всей Сибири и Дальнего Востока, но и в обжитых районах страны и за рубежом. В описанных мероприятиях — существенная часть программы поднятия уровня техники нефтегазового бурения на новую, более высокую техническую ступень...

Академик А. А. Трофимук».

Цитата из выступления В. И. Муравленко 15 апреля 1966 года:

«Масштабы открытий, появление на геологической карте все новых и новых месторождений «черного золота» заставляют нас, нефтяников, думать над тем, как быстрее и с наименьшими затратами поставить природные богатства Западной Сибири на службу Родине... Пройдет немного времени, и Западная Сибирь прочно займет место одной из крупнейших нефте- и газодобывающих баз страны».

Глава пятая

1

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«На Сахалине в 1944 году Виктор Иванович Муравленко получил свою первую правительственную награду — медаль «За трудовую доблесть». Труд нефтяников, как и миллионов других советских людей самых разных профессий, не только воинских, там был действительно доблестным. Человека нельзя вырвать из контекста времени, особенно в период великих, исторических, судьбоносных событий. Кто надеется пережить их в башне из слоновой кости — тот остается погребенным под ее развалинами. В духовном смысле, потому что душа подобных людей — мертва...

Год этот был знаменательным в Великой Отечественной войне. Уже была полностью освобождена вся находившаяся под оккупацией территория Советского Союза. А до этого была решающая битва в Сталинграде, ставшая переломной в войне. Бои там шли буквально за каждый дом (старшее поколение помнит прославленного сержанта Павлова, который, к слову, спустя десятилетия принял схиму и стал иеромонахом Кириллом в Троицко-Сергиевой лавре; так во время смертельных испытаний зарождается вера). В результате гениальной войсковой операции группировка немецкого генерала Паулюса оказалась в кольце. Не помогли и отчаянные попытки частей под командованием Манштейна разорвать окружение — фашисты капитулировали. Эхо Сталинградской битвы разнеслось по всему миру, как победный набат. Кроме

того, советские войска нанесли на Дону сокрушительное поражение итальянской армии. (Два имени за годы войны стали нарицательными, одно — овеянное славой побед, как символ русского духа, это — маршал Жуков; другое — синоним подлости и предательства — бывший генерал Власов, которого до сих пор пытаются обелить или оправдать доморощенные демократы-либералы.)

Нефтяники Кавказа, Поволжья и Сахалина вместе с советскими воинами ковали победу над фашистской Германией. Для фронта трудились и стар, и мал, всяк на своем посту. Когда русские старики и старухи отправляли солдатам собранные на последние деньги посылки с теплым бельем, а безвестный подросток до изнеможения трудился в ночную смену на литейном заводе, советские ученые Игорь Курчатов и Анатолий Александров усовершенствовали противоминную защиту кораблей, а летчик Григорий Бахчиванджи испытывал первый отечественный самолет с жидким реактивным двигателем (БИ-1). Художник Аркадий Пластов в это время писал поднимающую народный дух картину «Фашист пролетел». Всё это свидетельствовало о единении страны, когда воля народа была собрана в один кулак. Потому-то и началось отступление немцев — от нефтеносного Кавказа, который манил Гитлера, от Ростова, Харькова, Смоленска, Киева, Курска (после крупнейшего танкового сражения — с обеих сторон участвовало до 1200 танков и самоходных орудий — на Прохоровском поле, которое, наряду с Куликовым и Бородинским, стало легендарным, навеки вошло в историю России).

Надо непременно добавить и то, что в годы войны, с самого ее начала, Русская православная церковь неустанно молилась за Победу. И высшее руководство страны пошло на серьезные изменения в области церковно-государственных отношений. Русская история, ее национальная культура, основы православия из

объектов послереволюционного глумления и грязных оскорблений стали почитаемыми, вызвали мощную волну патриотизма и рост национального самосознания народа. В Армию возвратились офицерские звания и погоны, были утверждены ордена, носящие имена прославленных русских полководцев и флотоводцев — Суворова, Невского, Кутузова, Ушакова, Нахимова. Советский Союз обрел свой новый государственный гимн с музыкой Александрова. Но главное — реально изменилась идеологическая работа в массах, теперь она обрела национально-патриотические черты.

4 сентября 1943 года Сталин принял в Кремле специально доставленных по такому случаю из разных концов страны (даже из ссылки) виднейших православных иерархов: патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, ленинградского митрополита Алексия и экзарха Украины Николая (Ярушевича). Результаты этой беседы превзошли всякие ожидания. Было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха, престол которого после кончины канонизированного позже патриарха Тихона пустовал 18 лет. Возобновилась деятельность Священного Синода, стали открываться духовные академии и семинарии, освобождены из тюрем и лагерей тысячи священников.

Итоги этой внезапной «перемены курса» стали просто ошеломляющими. Если до войны на территории СССР оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, то за совершенно короткие сроки их число возросло до 22 тысяч! А шабаши «Союза воинствующих безбожников» совершенно прекратились.

Историческая Русь оживала, возвращалась на круги своя. И могущество СССР как геополитического преемника Российской империи в результате невиданного подъема национального самосознания выросло до гигантских размеров. Здесь хочется привести высказывание знаменитого русского философа

и мыслителя Ивана Ильина, который хотя и находился за пределами СССР, но также свято верил в Победу над врагом, как и все советские люди. Он писал, что беды России лежат не в сфере политики или экономики. Кризисы, которые она переживала (а к ним можно отнести и потрясения 1991–1993 годов), носят прежде всего духовный характер. И чтобы преодолеть их, необходимы именно духовные силы всего народа — лишь они способны противостоять стихии зла и разрушения. А для обретения этих сил русскому человеку надо знать не только историю своего Отечества, но и видеть в ней неустанную борьбу за самобытный духовный облик, за православие. Быть русским, по Ильину, это значит не только говорить по-русски. Это значит воспринимать Россию сердцем, любить ее душой, видеть ее самобытность и понимать, что это — дар Божий. Надо «...верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу».

(Не знаю, читал ли эти строки Ильина о России Виктор Муравленко, но он был действительно великим строителем, любил и верил в нее всей душой и сердцем.)

Возвращаясь к теме православия, скажу, что во время войны произошло много чудесных и необъяснимых явлений, связанных с верой. Ленинград выстоял в период жесточайшей блокады и голода, когда из Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божьей Матери и обошли с ней крестным ходом вокруг города. Разгром немцев под Москвой — тоже истинное чудо. Волоколамское шоссе было практически свободно и ничто не мешало врагу войти в столицу. В эти дни Тихвинскую икону Богородицы «обнесли» самолетом вокруг Москвы. И немцы, гонимые необъяснимым ужасом, бежали, бросая технику, — никто из немецких генералов не мог понять, как и почему это произошло.

Казанская икона была и в Сталинграде. Перед нею шли непрерывные молебны, хотя официальная пропаганда нигде об этом не упоминала. Икона стояла среди наших войск на правом берегу Волги, и немцы не смогли перейти реку, сколько усилий ни прилагали. Был момент, когда защитники города остались на маленьком пятачке у Волги, но фашисты не смогли столкнуть с него наших воинов, ибо там была Казанская икона Божьей Матери.

А вот свидетельство одного из советских офицеров — участника штурма Кёнигсберга в 1944 году: «Наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были еще сильны, потери были огромны и чаша весов колебалась, мы могли там потерпеть страшное поражение. Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священники с иконой. Многие стали шутить: «Вот попов привезли, сейчас они нам помогут...» Но командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост? Их же всех перебьют! От немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны прекратилась, как оборвалась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали общий штурм Кёнигсберга с суши и с моря. Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен! Как потом в один голос рассказывали пленные: перед самым русским штурмом «в небе явилась Богородица, которая была видна всей немецкой армии, и у всех абсолютно отказали орудия — они не смогли сделать ни одного выстрела. Тогда-то наши войска, преодолев заграждение, взяли город, который до этого был неприступен. Во время этого явления немцы падали на колени, и очень многие поняли, в чем здесь дело и *Кто* помогает русским!»

Стоит ли удивляться тому, что Русь называют Святой и Уделом Богородицы? Вспомним же, наконец, и давние исторические факты, когда Божия мать всегда спасала и защищала города России от врагов — от ляхов, шведов, ордынцев. Грозный облик Богородицы являлся в небе, и неприятель бежал, объятый внезапным страхом. В день празднования Владимирской иконы в 1295 году неожиданно повернул от России свое войско Тамерлан; в день Рождества Богородицы состоялась знаменитая Куликовская битва, а в Рождество Христово в 1812 году последний французский солдат покинул пределы нашего Отечества. Это — факты, связанные с Божьим промыслом, доступны пониманию не разума, но сердца. Как и то, что победа в Великой Отечественной войне наступила в день празднования особо почитаемого на Руси святого Георгия Победоносца.

После капитуляции Германии, которую в окрестностях Реймса от генералов вермахта принял маршал Жуков и представители командования союзных войск, состоялся легендарный парад на Красной площади в Москве. А потом на победном банкете прозвучал знаменитый сталинский тост за великий русский народ, перенесший основную тяжесть войны, понесший в ней самые большие потери, но сумевший переломить хребет гитлеровскому фашизму. Частицей этого великого народа был и встретивший День Победы на Дальнем Востоке Виктор Муравленко.

К этому времени он трудился на должности начальника конторы добычи и бурения Дальнефтекомбината в Хабаровске и за свою работу был удостоен еще одной высокой правительственной награды — медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А в Берлине в эти дни находился один человек, который в дальнейшем станет его большим другом, соратником и первым заместителем по «Главтюменнефтегазу». Так невидимая нить свяжет

фронт и тыл прошедшей войны. Соединит двух победителей, у каждого из которых было не только свое, но и общее поле боя. Человек этот — Матвей Маркович Крол.

Он был практически ровесником Муравленко и Байбакова (1913 года рождения), но поначалу не имел никакого отношения к нефтяникам. До войны окончил Воронежский институт плановиков, работал в наркомате торговли. А 23 июня 1941 года пришел в военкомат, отказавшись от положенной брони. Был инспектором оперативного тыла 4-й армии, начальником продовольственного отдела 10-й резервной армии. Прошел с боями от берегов Днепра до Берлина, а 9 мая 1945 года был назначен начальником снабжения столицы поверженного рейха. Он обеспечивал продовольствием трехмиллионный город, пребывавший после подписания Акта о капитуляции гитлеровской Германии в состоянии хаоса и разрухи, и проявил себя отменным организатором и хозяйственником. Помогли ему четкая армейская дисциплина фронтовика, кавалера боевых орденов, природная находчивость, позволявшая использовать подручные средства и находить нетривиальные решения, умение заечь и мобилизовать массы для выполнения труднейших задач.

Это — первая вершина в жизни Матвея Марковича. В 1948 году он демобилизуется и уедет в Куйбышев, где станет работать старшим инженером в тресте «Куйбышевнефтеразведка». Там и познакомится с Муравленко. А потом будет Тюмень, покорение нефтяной целины — вторая вершина.

Сам Крол говорил об этом так: «Эти две грандиозные кампании, в которых участвовали миллионы, во многом схожи. Тюменская эпопея тоже была сражением, и победа, как и в 45-м, имела решающее значение для страны. Так же слаженно работали огромные массы людей. Та же творческая одержимость ощущалась,

заряженность каждого на достижение намеченных целей.

В истории развития нефтяной промышленности — не только в нашей стране, но и во всем мире — не было другого такого случая, чтобы люди высадились в непригодном для жизни районе. Север тюменского края — это сплошные озера и болота. У первопроходцев в буквальном смысле слова не было твердой почвы под ногами. Для того чтобы создать здесь промыслы, построить дороги, города, нам пришлось провести колоссальные земляные работы. За зиму мы обычно перемещали до 30 миллионов кубометров грунта. Все шло для создания оснований под буровые установки, дорожные насыпи, объекты социально-бытового назначения, воздвигавшиеся посреди болот и озер. Это были совершенно необжитые места. Ни дорог, ни каких-либо, пусть даже небольших, предприятий. И, конечно, никакой энергетики. Да и населения почти не было. На огромных пространствах проживало около 30 тысяч человек малых народностей. Неудивительно, что люди старались избегать этих мест. Летом над болотами стоял гул мириад комаров. Наши биологи насчитали 86 видов кровососущих насекомых. А зимой стояли страшные морозы — до 50 градусов. Металл не выдерживал! Однако в этой земле таились огромные запасы нефти и газа...»

Вот и неизвестно даже, где было сложнее — там, в поверженном Берлине, на земле заклятого врага, где надо было переступить через собственную ненависть, или тут, где приходилось преодолевать природу и стихию (а комаров не случайно называли «фашистами»). Но Матвей Маркович со своими задачами справился и там, и тут. И выбор его на должность первого заместителя-хозяйственника Муравленко был совершенно верным. «Мне повезло, — говорил Виктор Иванович, — что моим заместителем стал полководец

Крол». Именно так — «полководец». Преданный сподвижник главнокомандующего. Но речь об освоении нефтеносных районов Западной Сибири еще впереди. А пока... Наступил 1946 год, и Муравленко вызвали с Дальнего Востока в Москву.

Встречал его руководитель нефтяной промышленности СССР Байбаков, старый знакомый и единомышленник. Но деловое предложение было облечено в форму приказа. Николай Константинович объяснил: сейчас передовой край нефтяной индустрии вновь переносится в Поволжье, в район под названием Зольное. Виктор Иванович займет должность директора конторы бурения треста «Ставропольнефть» Так «сахалинский» нефтяник вновь стал «приволжским».

Здесь пройдут почти двадцать лет его жизни — с 1946 по 1965 год. И все это время с ним будет его преданная и любящая жена Клавдия — хранительница домашнего очага. Здесь закончит школу, а потом и институт старший сын Валерий, очень похожий на отца — такой же крупный, большой, улыбчивый, темпераментный («безотказный человек»). Любимец семьи, он пойдет по стопам отца, выберет профессию буровика, отправится в Тюменский регион. К несчастью, попав в аварию, он рано погибнет...

Здесь, в 1950 году, родится второй сын — Сергей. Также унаследовав у отца его внешние черты, он, как и Валерий, пойдет по его стопам. Это неудивительно — ведь Виктор Иванович с десяти лет брал его с собой на буровые, целенаправленно прививал свою веру, «обращал» в нефтяника. Семейная черта всех Муравленко, их особый «знак качества» — это серьезное, основательное отношение к делу, глубокая продуманность своих поступков и действий, скромность в жизни, доброта к людям, сдержанность в проявлении негативных эмоций, любовь к своей семье и беззаветное служение Родине. Это — всё то, что делает русского

человека истинным интеллигентом. Но, как известно, к слову этому в истории России примазывалось слишком много ее разрушителей и ненавистников, клеветников, ищущих выгоду лишь для себя, готовых устраивать пляски на костях предков.

Лучше говорить не «интеллигент», а «аристократ духа». Речь идет не о родословной, не о «голубой крови». Ведь на нее претендуют и хамы, которые находятся по горло в золоте и шоколаде, но для которых не существуют ни нравственные законы, ни понятия чести и справедливости, ни самого слова «Родина». Это — «духовный плебс», какие бы награды и звания он ни имел. Но есть именно «аристократы духа», к которым и относятся все поколения Муравленко. И таких семей в России, слава богу, еще очень много. А значит, есть надежда и на ее возрождение.

Сам Сергей рассказывает о своем детстве и юности так (кстати, мало кто из его одноклассников знал, что он — сын того самого Муравленко, легендарного начальника «Главтюменнефтегаза»; и это — тоже характерный факт воспитания; сравните с поведением отпрысков сегодняшней чиновничье-олигархической «элиты» страны, швыряющих сотни тысяч долларов в Куршевеле за одну ночь): «Для меня образ отца больше связан с шестидесятыми — семидесятыми годами, когда происходили события, оставившие глубокий след не только в моей жизни, но и в судьбах очень многих людей, да и в целом страны. Имею в виду начало промышленного освоения нефтяных и газовых богатств Западной Сибири. Что же касается детских воспоминаний, то главное из них одно, повторяющееся: постоянные ожидания возвращения отца из его частых командировок. У нас, как это и бывает во многих семьях, старший был маминым сыном, а я — папиным. Теперь уже, по прошествии стольких лет, наверное, можно открыть маленькую семейную тайну: у меня отношение

к отцу тоже было особое. В детском «табеле о рангах» он всегда стоял у меня на первом месте, с огромным отрывом от остальных домашних.

Сколько себя помню, слова «отец» и «нефть» в моем воображении всегда были рядом. Уже в те годы в детском сознании крепко оседали такие постоянно произносимые дома слова, как «буровая», «фонтан», «девон», «долото». Я очень хотел увидеть, что же это за такая удивительная штука — нефть, и был счастлив, когда отец взял меня с собой в одну из рабочих поездок в район. Брат Валерий уже работал буровым мастером, и отец отвез меня к нему. Вот тогда-то, в четвертом или пятом классе, я и провел первые в своей жизни сутки на буровой. Сказать, что буровая машина произвела на меня впечатление, — значит, ничего не сказать. Я был потрясен, восхищен, когда увидел, чем занимаются брат и отец. (А брат, который был намного старше меня, мой вечный кумир и защитник, занимал в моем сердце прочное второе место — сразу за отцом.) Тогда впервые ощутил запах нефти, ни с чем не сравнимый и ни на что не похожий. Но самое большое впечатление на меня все же произвели люди, которые работали на буровой, — настоящие русские мужики с огромными (как мне тогда казалось) шершавыми ладонями. Среди них конечно же были не только русские, но все равно они казались мне людьми одной национальности, одного разбора — русскими богатырями...»

Сделаем небольшое отступление от этого рассказа, от этой картины, увиденной глазами подростка. Да, такими они и были, послевоенные богатыри-победители. И действительно, не только русские люди, а представители всех национальностей, сложившихся в единую общность, выразителем которой стал «советский человек». Советский Союз до сих пор глумливо называют «тюрьмой народов» и «империей зла». Так же прежде называли и Российскую империю. Это — совершенно

ложная формулировка, миф, возникновение которого связано с именем маркиза Астольфа де Кюстина, посетившего Россию еще в первой половине XIX века по приглашению императора Николая I и «отблагодарившего» его своей одиозной книгой «Россия в 1839 году».

А в годы горбачевской перестройки миф о России как угнетательнице своих этнических меньшинств и жителей национальных окраин стал базовой основой в деле разрушения Советского Союза. Это способствовало формированию у значительной части населения комплекса национальной неполноценности. Но история свидетельствует, что по мере укрепления и роста всех государств Запада многочисленные этносы, населявшие эти территории, либо прекратили свое существование, либо превратились в этнографический материал. Что случилось, например, с индейцами в Северной Америке, со славянами в Германии, с кельтами (бриттами) в Англии и так далее. На современном этапе поменялись лишь методы. Запад в наши дни, даже прибегая к прямой агрессии, действует под маской «гуманитарных, общечеловеческих ценностей» и «борьбы с мировым терроризмом», но основная цель — власть во имя извлечения прибыли — осталась прежней.

Россия же имела совсем другую историю. Русское государство строилось славянами в союзе с другими племенами, причем большинство неславянских племен, находившихся более тысячи лет на землях Руси, существует и поныне (те же ханты и манси в Тюменском крае). И понятие национального превосходства было глубоко чуждым для русского самосознания, так как русский народ формировался как духовная общность, для которой этническая принадлежность не была главной. Русские заняли большую часть российского пространства путем свободного расселения, а не государственного завоевания. И именно они соединяли,

скрепляли все населяющие нашу страну народы в единое государство, в единый евразийский этнос. Никогда не было никакой «русификации» подобно «американизации» в Штатах. Русская культура никогда не была агрессивной, и широкое распространение русского языка не имело целью подавление национальных культур.

Любой человек в России мог дослужиться до самых высоких государственных постов, кем бы он ни был, к какой бы нации ни принадлежал и какую бы веру ни исповедовал. Известно много славных имен нерусских людей, служивших России верой и правдой. Даже Суворов был наполовину армянином — и что? Если начнем перечислять, то «нерусскими» можно назвать и Пушкина, и Лермонтова, и Достоевского, и Жуковского, и Тургенева, и Бориса Годунова, и Витте, и Лорис-Меликова, и Нахимова, и всех русских царей, начиная с Павла I и Екатерины Великой, и Сталина, и... кого угодно.

В отличие от европейских стран Россия никогда не имела заморских колоний, и все ее жители находились под защитой единой системы законов. А вот в колониальных империях, таких как Британия или США, законы для колонизаторов и аборигенов, как известно, различались. Политика «двойных стандартов» — отличительная черта государств, нагло именующих себя «правовыми». Жизнь народов России всегда определялась русским вектором — преемственностью русского пути, русской истории, русской культуры. Но в то же время самобытность наций тщательно оберегалась. К примеру, Финляндия стала обретать свою национальную культуру, только войдя в 1809 году в состав России (до этого там официальным языком был шведский, хотя 80 процентов населения составляли финны). Петр I в 1721 году откупил у Швеции (по Ништадтскому миру) за 2 миллиона золотых «ефимок»

территорию нынешней Эстонии и тем спас эстонцев от полного небытия. Лифляндия и Курляндия, не войди они в состав России, уже давно полностью бы онемечились и прекратили свое историческое существование.

То же самое относится и к Бессарабии, Грузии, Армении, спасшимся от своих грозных соседей под сенью двуглавого российского орла. Благодаря русской помощи были восстановлены почти уничтоженные турецкими завоевателями болгарский, армянский, сербский языки. (Не зря у сербов существует такая поговорка: «На небе — Бог, а на земле — Россия», а знаменитый немецкий поэт Рильке однажды сказал: «Все страны граничат друг с другом, но только Россия граничит с Богом». Тут же хочется привести и слова Пушкина: «...Клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме той истории наших предков, какой нам Бог ее дал».)

В Советском Союзе жило более 100 народов, не имевших ранее своей письменности, но получивших ее от русских вместе с национальными учебниками и школами. Нет другой такой страны мира, которая умела бы, как Россия, вобрать в себя и синтезировать множество этнических культур населяющих ее народов. А для каждого из них русская культура, как и собственная национальная, была своей. И только через большую русскую культуру мирового уровня малый народ мог заявить о себе и быть услышанным в мире. Когда же народы СССР были насильственно вытолкнуты за его пределы, почти во всех бывших союзных республиках началась разнузданная травля русской культуры, русского языка, двадцати пяти миллионов русских людей, в одночасье потерявших свою Родину. Травля эта была хорошо проплачена «заокеанцами». Но где расцвет «освобожденных от российского диктата»

наций? Где их экономические достижения, где национальные культурные шедевры?

Распад Советского Союза вовсе не был predetermined — к этому склоняются многие современные ученые, политологи, историки, такие как А. Ципко, Н. Нарочницкая, Н. Лактионова, Ю. Болдырев, С. Кургинян... Об этом говорят живые сподвижники Виктора Муравленко — Алтунин, Байбаков, Грайфер, Рынковой, Богомяков, Запорожец, Китаев, Духанов, Парасюк, Дремлюга, Гарковенко, Жирко, Краснов, Сатюкова, многие другие ветераны труда, счастливо жившие в этой «тюрьме народов» и «империи зла», строившие великую, мощную и процветающую державу. Недостатки и минусы есть в каждом государстве, но это не повод для того, чтобы уничтожать его «на корню». Распад СССР оказался спровоцированным необъяснимыми (с точки зрения логики и государственных интересов) действиями первых лиц страны, носил искусственный характер. Вспомним результаты референдума 1991 года, который, несмотря на мощную идеологическую обработку, дал удивительные цифры: 76,4 процента его участников высказали желание остаться гражданами СССР.

Но вместо самоопределения случилось насильственное отделение населяющих СССР наций. Сейчас неolibералы называют демонтаж политико-экономической системы «бескровным» и празднуют «День независимости» России от собственно России, забывая, что Беловежье сделало миллионы русских людей иностранцами на своей земле. Около одного миллиона бывших граждан СССР погибло в межэтнических конфликтах, более 10 миллионов стали беженцами. И еще по одному миллиону Россия теряет каждый год в связи с демографическими процессами и из-за резкого снижения качества жизни. Но всё это несущественно для властной и «консолидирующейся»

элиты. Главное для них — рынок, а все остальное — издержки. И это — путь в «мировую цивилизацию»? Можно годами твердить о «жертвах сталинского тоталитаризма», передергивая при этом факты, и в упор не замечать миллионные жертвы «демократии». А на очереди, после СССР, новая цель — Россия, Российская Федерация (собственно, это и было всегда главной и основной целью компрадоров). Но разрушение России приведет уже к необратимым бедам. Тот же Иван Ильин давно предсказал мировую перспективу подобного сценария:

«Россия превратится (в случае ее распада) в вечный источник войн, в великий рассадник смуты... Расчлененная Россия станет неизлечимую язвою всего мира».

Необходимо начинать процесс собирания. Пусть это будет сложно и поэтапно, но без этого нельзя. Российская Федерация, даже в своем нынешнем усеченном виде, должна вновь стать основой воссоединения разделенных частей единого организма. Россия обязана вернуться к себе, сосредоточившись (как говорил великий дипломат и друг Пушкина канцлер Горчаков в середине XIX века, после поражения в Крымской войне), к своим собственным цивилизационным доминантам, к своему историческому опыту, к своим национальным корням, к «умному деланию».

Но всё это видится и анализируется теперь, в первом десятилетии XXI века. А тогда, сорок пять лет назад, перед глазами подростка, которого отец впервые взял с собой на буровую, стояла совершенно иная, впечатляющая картина — русских богатырей. Продолжим его рассказ:

«...Образ отца и сегодня в моей памяти как живой. Я закрываю глаза — и вижу его. Вижу каждую черточку лица, улыбку, слышу интонацию голоса. Наверное, это

звучит странно и не очень хорошо, но я маму так не помню, хотя, конечно, тоже очень люблю ее. А что помню сердцем — то это прежде всего доброту отца. Причем таким он был не только со мной, с мамой, с нашими близкими. Дом наш с того момента, как я его помню, и до конца дней жизни мамы был, что называется, проходной, всегда было много самых разных людей, но отношение отца к ним я хорошо помню. Я впитывал это как губка — доброжелательное, внимательное отношение к каждому, вне зависимости от того, кто был нашим гостем: высокий начальник, академик или, скажем, уборщица, что приходила просить квартиру. Я помню этот разговор, к нам с этими «важными вопросами» люди часто заходили домой — знали, что Виктор Иванович двери ни перед кем не захлопнет.

Конечно, доброта, отзывчивость, доброжелательность у него сочетались с достаточно жесткой требовательностью, и все же главная, определяющая черта его характера для меня — это доброта. От него буквально исходила душевность, и лучше *всего это чувствуют дети*. Окриком, грубым словом или, не приведи чего, подзатыльником — он никогда не наказывал. Конечно, и я, как все мальчишки, особенно в переломном возрасте, совершал, как говорят юристы, деяния, которые не могли остаться без наказания. И отец меня, понятно, воспитывал, но ни разу это не было грубым нажимом, оскорблением или чем-то подобным. Он предпочитал другие формы воздействия. Объяснял, доказывал, и это всегда действовало.

Наверное, потому, что я очень любил и уважал отца, не хотел его огорчать, да и то, что он требовал от меня, этого он требовал и от себя, я это видел, пример всегда был перед глазами... Слово отца всегда было для меня законом, не помню, чтоб он хоть раз шлепнул меня или сорвался на крик. Да и вообще отец дома, как и на

работе, голос не повышал, хотя я несколько раз был невольным свидетелем его жесткого, нелюбезного разговора по телефону. Однажды он говорил со своим заместителем, Матвеем Марковичем Кролом, которого все считали любимцем отца. Речь, кажется, шла о том, что тот сорвал какое-то серьезное задание. Помню, у меня даже мурашки по телу побежали. «Ничего себе! — подумалось тогда. — Как он, оказывается, умеет разговаривать». Хотя я прекрасно знал, что с тем же «Матвеем», как его называл отец, через неделю он снова будет общаться, как ни в чем не бывало. А со мной, даже совсем маленьким, отец всегда разговаривал весьма серьезно и уважительно.

Когда я учился в институте и, как у всех молодых людей в этом возрасте, у меня случались разные перекосы в поведении, — даже и тогда отец беседовал со мной не менторски, а очень корректно и уважительно, я бы даже сказал, «конструктивно»: что надо сделать, как изменить ситуацию, как жить дальше».

Сделаем еще одно отступление, отнюдь не лирического свойства. Возвращение Виктора Ивановича Муравленко в Поволжье, его работа там — это уже качественно иная деятельность, более масштабного свойства, причем в изменившемся послевоенном мире, государстве, с новыми задачами, стратегическими целями и новейшими на тот период технологиями и технологическими процессами. После взрывов американских атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки, после знаменитой речи английского экс-премьера Черчилля в Фултоне началась новая «атомная» эра и новая война — «холодная». С фашизмом было покончено в Нюрнберге, двенадцать высших нацистских чинов были приговорены к смертной казни и повешены американским сержантом Джоном Вудсом (только Геринг принял в камере яд), но теперь пошло другое мировое противостояние, по линии СССР — США и НАТО.

Американский президент Трумэн, размахивая атомной дубинкой, пытался изменить геополитическую ситуацию в мире. Но в СССР в обстановке строжайшей секретности уже велись аналогичные работы по созданию ядерной бомбы. Наука не стояла на месте. Когда Муравленко приступил к работе в Поволжье, в том же 1946 году в СССР был создан первый космодром (в Капустинском Яре) и запущен первый же ядерный реактор. К слову, впервые начали качать на Запад нефть из Кувейта, а СССР заключил соглашение с Ираном на разработку нефтяных месторождений (оно по политическим мотивам так и не вступило в силу, и, может быть, именно поэтому было решено вновь обратиться к Поволжью, потому что нефть для полуразрушенной промышленности была необходима как воздух).

Началось соревнование между двумя главными державами планеты — по всем направлениям и «фронтам». Американцы (Эккерт и Мокли) создают первый электронный компьютер ЭНИАК, состоящий из 18 тысяч радиоламп, преодолевают на самолете-ракетоплане «Белл» X-I сверхзвуковой барьер (пилот ВВС США Чак Йигер), а заодно и начинают вести пропагандистское вещание на русском языке на СССР («Голос Америки»). Советский конструктор оружия Михаил Калашников создает свой легендарный автомат АК-47, которым потом будет пользоваться весь мир, а символ его войдет в национальные гербы и флаги многих развивающихся государств. Под руководством Архипа Люльки строится первый отечественный турбореактивный двигатель; физики во главе с Владимиром Векслером создают первый сикротрон.

В пустыне американского штата Нью-Мексико терпит аварию якобы инопланетный космический корабль, причем военным вроде бы удалось в полной тайне перевезти остатки корабля вместе с останками инопланетных астронавтов на секретную базу для

тщательного исследования (начинается еще одна эра — НЛО), а на Дальнем Востоке падает Сихотэ-Алиньский метеорит, приносящий сильные разрушения (или тоже космический корабль с инопланетянами?).

Американский ученый Мирски открывает рибонуклеиновую кислоту (РНК) в хромосомах, физик Джордж Гамов предлагает миру космологическую теорию Большого Взрыва, трое сотрудников фирмы «Белл Лабораториз» Бардин, Шокли и Браттейн создают первый транзистор, Норберт Винер выпускает свою знаменитую книгу «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», Клод Шеннон выдвигает теорию информации, на горе Паломар вводится в строй обсерватория с самым большим в мире двухсотдюймовым рефлектором. (На Западе создаются и новые «мелочи»: стиральный порошок «Тайд», очень популярный в современной России благодаря смертельно надоевшей рекламе «Я иду к вам!», купальники-бикини, изобретаются электрогитара и долгоиграющая пластинка, радиомикрофон и фотоаппарат «Полароид» для «моментальной съемки», застёжки-«липучки», система открытия и закрытия окон в автомобиле.)

СССР отвечает созданием вертолета Ми-1 и самолета со скоростью звука Ла-176 (конструкторы Миль и Лавочкин). Кроме того, советский гроссмейстер Михаил Ботвинник становится (и надолго) шестым чемпионом мира по шахматам, а в Большом театре блистательно выступает и гастролирует по всему миру Галина Уланова.

Американские физики открывают новый, 97-й элемент Периодической таблицы Менделеева — берклий, Ричард Фейнман публикует переработанную теорию квантовой электродинамики, создается модель атомного ядра, расшифровывается химическая структура пенициллина, подводные лодки

начинают оснащаться первыми в мире ядерными силовыми установками, испытывается первая многоступенчатая ракета, достигающая рекордной высоты в 250 миль (а кроме того — первый ксерокс и первые одноразовые салфетки). А еще сходит с ума на почве «красной угрозы» и выпрыгивает с верхнего этажа небоскреба министр обороны США Джеймс Форрестол. СССР же становится полноправным членом «ящериного клуба» (1949 год), испытывает свою первую атомную бомбу, чем нарушает американскую монополию на оружие массового поражения.

Гонка-соревнование в науке, видах вооружения, культуре, экономике, идеологии, спорте продолжалась. Советские нефтяники вносят свой вклад в это невиданное состязание. Виктор Муравленко осваивал девон Жигулей и вводил прогрессивный метод турбинного бурения. Это была идея инженера Капелюшникова, о которой Муравленко знал еще в довоенную пору, когда был студентом Грозненского нефтяного института. Капелюшников всю свою жизнь посвятил конструированию турбобура, который приводился в движение глинистым раствором. Сложный механизм был испытан на бакинских промыслах, но результат тогда был плачевным. Гидравлическая машина выдерживала в забое не более двух-трех часов, ее мощность была мала. Однако сама идея Капелюшникова о подземном двигателе для бурения была ценна. Основываясь на ней, группа молодых инженеров создала более мощный многоступенчатый турбобур. Но и его КПД был по-прежнему не слишком высок. Старые мастера-бурильщики в эту машину не верили, обходились прежней роторной техникой. Их можно было понять: турбобур приходилось часами раскачивать, чтобы он начал вращаться, потом — побурит немного и снова заглохнет. Муравленко видел: вечером все бурят турбиной. А утром, когда подъезжал к

участку, уже издали слышал лязг цепей и скрежет ротора — значит, турбобур опять вышел из строя. Но зато у турбобура и мощность, и скорость зависели от режима, можно было их повышать, что требовалось для бурения твердых пород.

У Муравленко были опытные помощники-буровики, настоящие мастера своего дела: Сабирзянов (которого он знал еще по совместной работе в Сызрани), Барышев, Ковальчук, Раков, Тихонов... Однажды решено было устроить эксперимент-соревнование: кто больше набурит — роторщик или турбинник. Состязались два аса — Михаил Барышев, как непревзойденный умелец роторного бурения, и Степан Ковальчук, сторонник турбинного метода. Станки были одинаковой мощности, и запустили их в одно время, как бы давая старт.

Поначалу проходка шла быстрее у Барышева. А вот когда на пути долота встретились крепкие кремнистые породы, завидную прыть показал турбобур Ковальчука. И разрыв между ними стал увеличиваться с каждым метром. А после того, как Барышев увеличил нагрузку на долото, техника не выдержала — начался обрыв труб. Турбобур же продолжал работать плавно, без перегрузок, легко брал самую твердую породу. Даже по ровным звукам можно было понять, кто побеждает. И когда подвели итоги, то оказалось, что скорость бурения турбобуром в полтора раза превышает работу на роторе. Вот так старое уступало место новому.

Другое достижение связано с тем, что впервые под руководством Виктора Муравленко был применен метод двуствольного наклонного бурения. Метод этот до войны использовал инженер Тимофеев, когда на острове Артема бурил с эстакады наклонные скважины на дне Каспийского моря. Но море — это одно, а Жигулевские горы — совсем другое. Такого еще не было. Нефть тут была упрятана под панцирем твердых пород, и чтобы добраться до девонского песчаника, надо было

проникнуть вглубь на два-три километра. Да и как поднять многотонную махину буровой по крутым склонам на вершину? Дело не простое, требовались совместные усилия инженеров, мастеров, рабочих. В помощь бригадам в специально созданные штабы вводились инженеры-технологи наклонного бурения, которых прозвали «кривильными спецами». Да и сами буровики порой ничуть не хуже инженеров понимали, как надо бурить скважину. Понимали иной раз интуитивно, как бывший фронтовик-разведчик из дивизии Буденного Сабирзянов, имевший лишь семилетнее образование, но, как о нем отзывались, «видевший сквозь землю», ощущавший долото, ушедшее на тысячи метров, словно бы держал его в руках. Этот «нефтяной зубр» пробурил одну за другой наклонные скважины с рекордными для того времени скоростями. На пути турбобура были и каверны, и трещины, могла нарушиться и циркуляция глинистого раствора, но аварии не случилось, все прошло просто отлично. Нет, не зря Виктор Муравленко любил говорить: «Каждая рекордная проходка раскрывает возможности наших буровиков». И это — не самоцель, это нужно не для победных реляций, это — школа мастерства, неоценимый опыт для всех.

На исходе 1949 года трест «Ставропольнефть» (управляющим которого уже был Муравленко) досрочно завершил первую послевоенную пятилетку. Сабирзянов был удостоен звания Героя Социалистического Труда, а Виктор Муравленко награжден первым орденом Ленина. А совсем скоро, по предложению Байбакова, министра нефтяной промышленности СССР, 38-летний руководитель возглавил всё объединение «Куйбышевнефть». И это было логичным и справедливым, поскольку организаторский потенциал у Муравленко был огромным. Обладал он и стратегическим мышлением, а опыта и знаний было не

занимать. По словам одной из участниц событий тех лет, Тамары Васильевны Живых, прошедшей и фронт, и «нефть», новый-старый начальник вносил в коллектив деловой подъем, бодрость и жизнелюбие, он мог быть иногда жестким, но всегда справедливым руководителем, «не любил лодырей, а к трудолюбивым, деловым сотрудникам относился с уважением, старался поддержать, учил, помогая во всем, узнавал, в чем нужна помощь, где хотелось им работать и жить, и всегда, по мере возможностей, решал их проблемы». В первую очередь Виктор Муравленко считал своим долгом обустройство быта рабочих-нефтяников. Надо учесть то, что в Куйбышевской области с его помощью выросли целые города и поселки нефтяников — Жигулевск, Отрадное, Нефтегорск, Мирный и другие. К этим городам и поселкам прокладывались дороги, строились больницы, школы, детские сады, дворцы культуры. Словом, создавалась инфраструктура края.

А ведь он вел еще и преподавательскую работу в Куйбышевском институте. Потом стал выполнять депутатские обязанности. Но мелочей для него не было. Всегда принимал рабочих по личным вопросам, в поездках по области непременно заезжал в пионерские лагеря, помогал доставать путевки в санатории для заболевших детей, договаривался об их лечении в московских клиниках. Рассказывать об этом можно очень долго, поскольку подобных случаев масса. Так, к нему не стеснялись обращаться со своими заботами пациенты из подшефного дома инвалидов, и Виктор Иванович внимательно их выслушивал и помогал по всем вопросам: от обеспечения инвалидной коляской до замены валенок. Он умел и любил работать, но и другим людям работать вместе с ним было интересно, почетно и перспективно. После назначения на высокую должность начальника «Куйбышевнефти» в подчинении у него оказались не только буровики-эксплуатационники, но и

нефтеразведчики, нефтепромысловики, строители. И многие из них потом, через полтора десятка лет, по его призыву отправятся вслед за своим лидером в Западную Сибирь, оставляя обустроенные места, не боясь новых трудностей и неизвестности. Потому что доверяли ему как капитану, держащему в своих твердых руках штурвал и знающему правильный курс корабля. И пусть это звучит несколько высокопарно, но это именно так. Из песни, как говорится, слова не выкинешь.

Однако предоставим вновь слово сыну Сергею, на глазах которого развертывалась «куйбышевская эпопея» его отца. «...Буровые мастера (к которым у отца было особое отношение) запросто звонили нам домой, причем не только по производственным, но нередко и по каким-то своим, сугубо личным делам. Наверное, одно из самых ярких впечатлений детства — это вообще, в целом отношение отца к людям. С какими бы просьбами к нему ни обращались, он старался их непременно выполнить и всем помочь. Люди тянулись к нему еще и потому, что отец действительно, всамделишно, а не для видимости, интересовался их жизнью. Да, это был не формальный, не дежурный интерес. Разговор с буровым мастером, приехавшим к нему, отец, как правило, начинал не с производственных вопросов, а с расспросов: «Как там у вас с питанием? Где живете? Какие условия?» Люди понимали: они для этого большого начальника не «винтики». Отец и сам постоянно наведывался к буровым мастерам домой, они там и чай пили, и «за жизнь» говорили. Его внимание к людям мне крепко запомнилось, и в своей взрослой жизни я старался его перенять. К сожалению, подробно рассказывать мне о своей довоенной жизни отцу было некогда, какие-то отрывочные детали этой жизни я черпал из рассказов мамы. Врезалась в память одна ее фраза: «Сынок, мы с папой прожили очень нелегкую жизнь, и мне хотелось бы, чтобы у вас она была совершенно другая». В

домашних делах мама была главной. Но какой-то семейной иерархии не существовало. Родители жили в ладу и радости, неприятности и заботы делились поровну. Но отец был сильно занят на работе, сильно выматывался там, потому, естественно, мама брала домашние дела в основном на себя. Отец был совершенно безразличен к престижным «прибамбасам», он как бы не замечал всего этого. Мама, видимо, сразу поняла, что отца не переделаешь. Поэтому семья наша действительно жила очень скромно: в обыкновенной трехкомнатной «хрущевке» со стандартной мебелью и т. п. Отцу, мне кажется, и в голову не приходило использовать свое положение и авторитет в личных, бытовых целях. Я даже не представляю, как бы такое могло случиться, — у него мысли были направлены совсем в другую сторону.

И если кто-то сегодня скептически улыбается, слыша это, то они должны знать — такие люда были. К ним сейчас можно относиться по-разному, называют их идеалистами, «совками», людьми, не умеющими жить, и т. д., и т. п. Но я лично человека лучше, светлее, чище, чем мой отец, не знаю.

У меня перед глазами был пример такой преданности профессии, своему делу, что и мой выбор напрашивался сам собой. Отец мог перейти на аппаратную работу в Москву, в министерство, и предложения, знаю, такие были, и, наверное, деловая работа полегче, быт получше. Но он на это не шел, даже не мыслил себя, думаю, без практического производства. Хорошо помню, как отца назначили на работу в Тюмень. Как-то вечером, вернувшись из Москвы, пришел он домой и без всякой подготовки сказал: «Клава, уезжаем».

«Куда?» — мать просто оторопела. Только-только обжились, устроились. Куйбышев — прекрасный город, Волга, чудесная природа, и тут — Сибирь, морозы,

неизвестность. Но все, вопрос был им решен, никаких обсуждений не полагалось, и нам, домашним, оставалось, как солдатам, только выполнять его команду. Осенью отец уехал один, а потом, в январе, вернулся за мамой. Ехали мы поездом, с пересадкой в Свердловске, и, казалось, что весь поезд заполнен куйбышевцами, отправлявшимися вместе с отцом в далекую Тюмень. И, наверное, действительно так и было, поскольку огромное количество куйбышевских специалистов-нефтяников приняли решение отправиться в Сибирь. В вагонах только и было разговоров о том, как бурить скважины в Сибири, прокладывать на болотах нефтепроводы, строить линии электропередач. Конечно, для отца это стало огромной поддержкой: люди, проработавшие с ним годы и годы в Куйбышевской области, загорелись, как и он, идеей освоения нового, неизведанного и крепко поддержали его в этот сложный период».

Но всё это будет потом, в 1965 году, когда Виктор Иванович Муравленко, применяя военную терминологию, словно главнокомандующий соберет свое «нефтяное войско» и отдаст приказ: «Начинаем новую битву и новое наступление на нефть — в Западной Сибири». А пока шли, продолжались пятидесятые годы... И одно только остается мне не до конца ясным: почему, отчего Клавдия Захаровна сказала однажды своему сыну Сергею, что хотела бы для него совершенно иной жизни, чем у его отца? Ведь жизнь-то Виктора Ивановича была действительно героической, хоть и беспокойной, трудной, но он был счастлив и в семье, и в своей работе, исполнил свое предназначение на земле, состоялся как человек и личность. Как великий человек и выдающаяся личность. Но, может быть, это связано с личной трагедией, с тем, что произошло с его первым сыном — Валерием? Пережить это было страшно трудно. А материнское сердце всегда хочет для своих детей

просто спокойной и счастливой жизни, без бурь и волнении. Наверное, так. Но об этом — позже...»

2

Николай Александрович, читавший вслух эти страницы, остановился, сделал «мхатовскую» паузу и поглядел на Алексея, который, закрыв глаза, развалился в кресле. Казалось, он опять спит. Но это было не так.

— Я слушаю, слушаю, — произнес юноша. — Но меня вот что, дядя Коля, интересует. Два вопроса. Эти самые пятидесятые годы — пора твоей молодости, противостояние СССР и Америки. Я и не знал, честно говоря, какая «холодная война» шла и во что она вылилась. В школе нам об этом ничего толком не рассказывали. Собственно, историю СССР толком и не преподавали — так, одним черным цветом мазали. Якобы всё началось с 1991 года. А до этого — провал, пустота, яма с нечистотами. Так что ты давай, поподробнее. До футбола у нас еще пять часов. И второй вопрос: что все-таки случилось с Валерием Муравленко? Мне кажется, что именно тут кроется причина личной трагедии Виктора Ивановича.

Старый буровик отложил рукопись, встал, заходил по комнате, словно собираясь с мыслями. Потом, тщательно подбирая слова, начал говорить:

— Мы не можем знать об этом всей правды, более того, тема эта слишком личностная, внутренняя, но сказать все равно надо. Для того чтобы картина была полной. Иначе, получается, что хотим что-то скрыть или отретушировать. А скрывать нечего. Но мне проще ответить на твой первый вопрос, чем на второй. Потому что смерть сына — это действительно трагедия. Человеческая трагедия, к которой следует подходить осторожно и не совать нос, куда не следует. Ты знаешь,

вокруг фигуры Виктора Ивановича Муравленко в некоторых книгах создан такой ореол, что он кажется почти небожителем, одним из богов с Олимпа. Или «человеком с ружьем», живым памятником. А ведь это личность не только героическая, но и трагическая. Так мне говорила и его многолетний референт, которая работала с ним с самого основания «Главтюменнефтегаза» — Галина Павловна Запорожец. Работы касаться не будем — тут были свои сложности, которые Муравленко умел преодолевать и решать проблемы самым оптимальным и наилучшим образом. На то у него и была исключительная воля, ум, талант. Но тогда в чем трагизм его судьбы? Да, умер любимый сын. Была непростая ситуация с внуком. Но главная трагедия заключается еще и в том — это мой взгляд и касается он всех великих государственных деятелей, — что они всегда жертвуют личным счастьем ради общества, ради высоких целей.

Они забывают, что где-то рядом есть жена, дети. Они любят их, но больше всего любят свое дело. Этим и отличаются от простых, «нормальных» людей. Этим и возвышаются над ними. Кого ни возьми: Наполеона, Канта, Толстого, Сталина. Что полководец, что вождь, что писатель, что философ. Дело, творчество, работа — прежде всего, это — основа и смысл жизни. Но и судьба платит им тем же, она поднимает их на самые вершины, но отсекает простые радости бытия. В этом и заключается их трагедия. Приходится выбирать, жертвовать: или ты идешь к своей высоте, или наслаждаешься жизнью. Нельзя совмещать то и другое, ни у кого это еще не получалось и не получится.

— А как же Пушкин? — спросил вдруг Алексей. — Вроде бы, он был вполне счастлив в личной жизни.

— Ничего подобного, тоже трагическая фигура, — ответил Николай Александрович. — Он был весь опутан интригами, что в конце концов и привело его к смерти. А

интриги плели и против Муравленко — в Москве, в высших эшелонах власти. И по поводу его смерти тоже есть разные версии. Одна из них заключается в том, что его буквально довели до последнего инфаркта.

Дядя Коля, когда волновался, начинал багроветь: вот и сейчас его лицо стало приобретать цвет спелой сливы.

— Кофе? — предложил Алексей.

— Потом. Сначала отвечу на твои вопросы. Вернемся к первому. Пятидесятые годы в жизни Муравленко — это расцвет сил. Но это же и самый расцвет страны, подъем, набирание скорости. По сути, судьба Виктора Ивановича и судьба СССР неотделимы друг от друга. Если сравнивать личность и государство, то они шагали вместе. У древних греков существовало такое понятие — «акме», означало оно человеческий возраст, примерно от 35 до 55 лет. Самый продуктивный возраст во всех смыслах — в творческом плане, умственном, физическом. Период главных свершений, созидания. Важно подготовиться к нему так, чтобы не жгло прошлое, чтобы не пришлось разбираться с ним в своей собственной душе. Чтобы накопленный творческий и нравственный потенциал был использован на все сто процентов. Это ведь тоже некое «планирование» своей судьбы, а как иначе? Человек обязан жить долго, по крайней мере, стремиться к этому, чтобы и успеть сделать как можно больше и как можно лучше. Понятно, что не для себя только. И Виктор Иванович вошел в этот возраст с незапятнанной репутацией, с чистой совестью, уже известным в стране человеком, орденоносцем, начальником крупнейшего промышленного объединения «Куйбышевнефть». Государственным деятелем. Для СССР это тоже был возраст «акме». И, может быть, со смертью Муравленко началось медленное умирание и Союза. Потому что ушел не только Виктор Иванович. Стали уходить стержневые, базисные, корневые советские люди, «поколение победителей», а вместо них

начали приходить и занимать их места честолюбивые, мелкие по своей природе карьеристы и болтуны. Обратни.

— Вроде «меченого» и «беспалого», — подсказал Леша.

— Ну да, — кивнул дядя Коля. — Дьявол любит метить своих слуг каким-либо физическим изъяном или знаком, это еще в Средние века знали — то огненно-рыжий, то косой, то хромой, то пальцы срослись или сухорукий, а то — родимое пятно во всю лысину. Это не смешно, это — правда. Так вот, вернемся к пятидесятым годам, к Советскому Союзу, к Муравленко. Кстати, до этого триумфом завершилось турне футболистов московского «Динамо» по Англии. Но это — так, к слову, к умению побеждать. А вот в 1950 году опять разгорелась война, и мир снова стал напоминать пороховой погреб.

— Где же это? — спросил Алексей.

— На Корейском полуострове, — ответил Николай Александрович, берясь за печенью. — Со стороны Южной Кореи участвовали американцы, а северянам помогали 200 тысяч китайских солдат и наши летчики, летавшие на МиГах с опознавательными знаками корейской армии. Фактически это были боестолкновения СССР и США, проверка сил, испытание нового оружия. Но до ядерных ударов, слава богу, дело не дошло, хотя война длилась два года. Остановились на 38-й параллели. Любопытно, что в те же годы Муравленко «вел наступление» на девонскую нефть в Муханове — это небольшая деревушка в Среднем Поволжье посреди выжженной от солнца степи. Геологи предсказывали там нефтяные пласты, но первые скважины оказались не слишком удачными. Но у Виктора Ивановича была особая интуиция, и он верил геологам.

А геолого-разведочную службу возглавлял его старый знакомый по сороковым годам — Исаак

Лазаревич Ханин, такой же азартный и рисковый человек, как сам Муравленко. От Муханова хотели уже отступить, но Муравленко, выбив в различных ведомствах всю необходимую технику и ресурсы, бросил ее в эту местность. Как военачальник, он разработал подробную тактику и стратегию этого крупного сражения, перегруппировал силы в направлении главного удара, обеспечил тылы для бесперебойной работы. Бригада буровиков мастера Кильдеева девяносто дней пробивалась к заветной глубине в 3000 метров. Это была историческая 38-я скважина. Я ничего не хочу сравнивать, но какой-то смысловой символ тут есть. Когда наши летчики со своими северокорейскими друзьями сражались за 38-ю параллель, Муравленко со своим «нефтяным войском» пробивался на 38-й скважине к пластам «черного золота». А важность обоих сражений была очевидна: надо было остановить зарвавшихся американцев и развернуть широкую промышленную разработку поволжской нефти. И перелом наступил. Из 38-й скважины забил фонтан нефти!

Это была победа. Муравленко вместе с другими умывался нефтью, обнимался с буровиками. А когда замерили дебит скважины, то получилось — 350 тонн в сутки. Столько давали десять поволжских скважин вместе взятых. А на следующий день сам Байбаков прилетел в Куйбышев и сразу же отправился в Муханово, чтобы лично убедиться в хлынувшей нефти и поздравить Виктора Ивановича и всех, кто был причастен к этому победному сражению.

— Наверное, Муханово после этого стал городом, — сказал Леша.

— А как же! — ответил дядя Коля. — В том-то все и дело, что нефтяные промыслы превращают самые отсталые и заброшенные местности в новые цветущие города, центры. У людей появляются работа, условия

жизни, обустроивается быт, к ним приходит цивилизация. И в этом, может быть, один из важнейших смыслов сражений за нефть. В Муханово были переведены два строительных треста для обустройства месторождения и конторы бурения. А директором конторы назначили еще одного старого знакомого Муравленко по его комсомольско-молодежной бригаде в Сызрани — Павла Маркухина. Но, несмотря на старую дружбу, Виктор Иванович предъявил ему жесткие требования: создать дополнительные ремонтные базы, обеспечить людей всем необходимым, в первую очередь жильем, нормальным питанием. О простом рабочем Муравленко никогда не забывал, натура такая. А потом в Муханово, к «большой нефти», началось и «великое переселение народов». Почему люди оставляли свои насиженные дома, дачи на Волге и перебирались вместе с семьями в эту глухую деревушку?

— Ты меня спрашиваешь, дядя Коля?

— Нет. Вопрос риторический. Потому что нет на это однозначного ответа. Тут — порыв, энтузиазм, жажда нового. И безоговорочная вера в своего «нефтяного вождя» — в Виктора Муравленко. Люди знали, что там, где он, — там всегда будет нечто необыденное, непростое, там всегда будет борьба и в конечном счете — победа. В Муханово съехался весь цвет нефтяников СССР. Взять того же Абдуллу Сабирзяева. Или молодого талантливого инженера Цареградского. И многих других, юных и пожилых, которые заслуживают того, чтобы им был установлен единый, общий памятник... А Муханово вскоре действительно превратился в город, названный Отрадным. «От радости» за первый фонтан нефти из 38-й скважины. И даже улицы в нем стали носить названия Буровиков, Геологов, Нефтяников. А потом наступил день, когда объединение «Куйбышевнефть» стало давать миллионы тонн нефти. Это означало, что «второй Баку» под управлением

Виктора Муравленко обогнал «Баку первый». А ведь будет в его жизни еще и «третий Баку», и там тоже — самая великая и главная победа.

— Круто! — уважительно отозвался Алексей. — Ты, дядя Коля, так рассказываешь, что мне и самому захотелось стать нефтяником.

— Еще не поздно. Нечего без дела болтаться. Поезжай в Ханты-Мансийск, я даже сам с тобой съезжу, у меня там друзья остались. Устроим на буровую. Начнешь в человека превращаться.

— А нельзя ли просто какую-нибудь маленькую заваливающуюся нефтяную скважину занять?

— Ну вот, взял — и всё испортил, — огорчился Николай Александрович. — Ну что у вас за психология такая, откуда она взялась? Чтобы без труда — и сразу на все готовое. Это же просто ненормальность какая-то, противно человеческой природе. Ты не бери пример с сынков рублевско-барвихинской элиты. Эта пена рано или поздно пройдет, смоется в канализацию. И ничего после них не останется. А сам себя уважаешь только тогда, когда что-то сделал своими руками. Или головой.

— Много сейчас руками-то заработаешь, коли не воруешь, — проворчал Алексей. — Но насчет Ханты-Мансийска я подумаю. Впрочем, в ваше время всё было как-то проще. Понятней, что ли.

— Да, — согласился дядя Коля. — Сейчас многое запуталось, исказилось, перевернулось вверх дном. Навязываются ложные идеалы, кумиры, смыслы жизни. Черное делают белым, и наоборот. А тогда, в пятидесятые годы, когда я был в твоём возрасте, перед нами действительно были открыты все дороги: бесплатное образование, любая работа на выбор, отдых в Крыму или на Кавказе и никакой тебе национальной вражды. Одна семья братских народов — и что в этом плохого? Вместе строили Каховскую и Куйбышевскую ГЭС, осваивали Южно-Уральский уголь. Смотрели

«Кубанских казаков» и «Летят журавли». Зачитывались «Туманностью Андромеды» Ефремова. В эти годы произошло много знаменательных событий. Перечислю наугад, по памяти, потому что они — суть эпохи, знаковые для того времени.

— Валяй, — оживился Алексей. — После твоих рассказов я, честно говоря, уже и не знаю, где лучше жить-то: там, тогда, в то время или сейчас?

— Жить надо тогда, когда живешь, — просто ответил Николай Александрович, — и не выбирать время. Только жить следует честно, по совести. Итак, начнем. Если считать пятидесятые — начало шестидесятых годов возрастом «акме» для СССР, то, кроме достижений Муравленко в Поволжье, прежде всего вот что надо отметить. Советскими физиками Игорем Таммом и Андреем Сахаровым была получена управляемая термоядерная реакция. Математиком Сергеем Лебедевым создана первая отечественная ЭВМ — «МЗСМ». Закончено строительство Волго-Донского канала, построены высотные здания в Москве — на Смоленской площади и на Котельнической набережной (всего их будет семь). Налажен серийный выпуск ЭВМ — «БЭСМ». На экраны вышла вторая (и первая в советском кино цветная) серия «Ивана Грозного». Проведены успешные испытания водородной бомбы, а ее создатель Сахаров секретным приказом награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза и избран действительным членом Академии наук СССР. Советские ученые первыми в мире запустили в подмосковном Обнинске атомную электростанцию. Начал летные испытания первый советский реактивный пассажирский самолет Ту-104. Под Ленинградом вновь открыта разрушенная немцами в годы войны знаменитая Пулковская обсерватория. Начато строительство не менее знаменитой Братской ГЭС, куда отправились сотни и сотни молодых людей твоего, Лешка, возраста.

— Опять попреки, — отмахнулся его юный друг.

— Потому что любить надо свою страну и ее историю, — назидательно проговорил дядя Коля, — а ты, похоже, ничего кроме «Незнайки и его друзей» и не читал. А книжка эта, между прочим, как раз и была написана Носовым в эти годы... Ладно, продолжим. Еще пройдемся по науке, строительству, культуре. Открыт высокогорный каток в Медео. Создан Вычислительный центр Академии наук и Институт сердечно-сосудистой хирургии. Начато строительство нового стадиона в Лужниках. Первая линия метро в Ленинграде. Дрезденской галерее вернули отреставрированные шедевры, спасенные нашими воинами в 1945 году. И мало кто знал, что в далекой Казахской степи был заложен космодром Байконур... Ну, если касаться политики, то после смерти Сталина произошли крупные изменения. Берю расстреляли, на XX съезде КПСС как гром среди ясного неба прозвучал доклад Хрущева с разоблачениями «культы личности», из исправительно-трудовых лагерей — Архипелага ГУЛАГ — стали возвращаться люди. Пошла так называемая «оттепель». Но охладилась отношения с Китаем и Югославией, а в Венгрии вообще ввели войска для подавления восстания. Хрущев, между прочим, сам был замешан во многих «расстрельных» преступлениях в Москве и на Украине, да еще отдал ей одним росчерком пера российский Крым, а сын его и вовсе в годы перестройки благополучненько перебрался на постоянное место жительства в США. Теперь американец.

— Это он, что ли, за Полярным кругом кукурузу сеял и башмаком стучал?

— Он, он. «Кукурузник», одно слово, так за ним эта кличка и закрепилась, посмертно. На место великих личностей поначалу всегда являются мелкие, которые утверждаются на костях. Хрущев наделал много ошибок, угрожал Западу, говорил, что «мы вас похороним»,

обещал народу через несколько лет показать по телевизору «последнего попа», вновь начал гонения на Церковь, на русский патриотизм, клялся, что к 1980 году будет «построен коммунизм». Но страна развивалась помимо его дури. В 1957 году в СССР запустили первый спутник — это был прорыв в космос. Построены первый отечественный синхрофазотрон, первый корабль на подводных крыльях. В Новосибирске открыто Сибирское отделение Академии наук, знаменитый Академгородок. В Антарктиде — научные станции и обсерватория «Мирный». Олег Ефремов создал театр «Современник» в Москве, а Георгий Товстоногов — БДТ в Ленинграде. Вышла знаменитая «Карнавальная ночь» Рязанова, в Питере установлен один из лучших памятников Пушкину работы Аникушина. Завершено строительство Государственной библиотеки имени Ленина. Прошли фестиваль молодежи и студентов в Москве и международный конкурс имени Чайковского, на котором всех покорила молодой американский пианист Ван Клайберн. Вышли на экраны фильмы, ставшие классикой советского кино: «Тихий дон», «Коммунист», «Добровольцы», «Идиот», — а «Летят журавли» завоевал в Каннах главный приз. Построен первый в мире гражданский атомоход «Ленин». На ВДНХ стала работать Круговая кинопанорама, куда было не пробиться. А в Плесецеке начал функционировать секретный космодром. Был основан Центр подготовки космонавтов. Строители приступили к прокладке нефтепровода «Дружба». И, наконец, два события 1961 года. Одно — менее известное, но в будущем определяющее для страны, с ним будет связана дальнейшая жизнь и судьба Муравленко. Это — открытие богатого Усть-Балыкского нефтяного месторождения в Тюмени. И второе — на все времена — «визитная карточка» нашего Отечества: полет в космос 12 апреля 1961 года Юрия Гагарина. Тогда весь мир

услышал его знаменитое «Поехали!», и русский человек с его открытой улыбкой мгновенно стал настоящим кумиром миллионов.

Алексей решил внести и свою «лепту» в историю:

— А я знаю, что в том же году, чуть раньше, впервые прошло публичное выступление «ливерпульской четверки» — «Битлз».

— Ну, «битлами» мы тоже переболели, но, знаешь, Гагарин мне как-то ближе, роднее. Хотя эти люди вообще несопоставимы. Там — «идолы», а тут — герои: все первые советские космонавты.

— Похоже, дядя Коля, что ты вообще отрицаешь всю западную культуру и науку, — сказал Алексей, прохаживаясь по комнате.

— Ну почему же, — возразил Николай Александрович. — Чтобы не быть голословным, коснемся и их «достижений». В США изобрели одноразовые пленки — предшественницы нынешних памперсов. На электрическом стуле казнили супругов Розенбергов, в разгул «маккартизма». Американский мультимиллиардер Говард Хьюз окончательно сошел с ума и стал прятаться от микробов. Провели первый конкурс «Мисс Вселенная». Элизабет Тэйлор в очередной раз вышла замуж и тотчас же развелась. Создали резиновые перчатки и впервые показали по телевидению роды. Изобрели сухие сливки для кофе. Взорвали водородную бомбу на тихоокеанском атолле Эниветок. Разработали «доктрину Даллеса», направленную на уничтожение СССР, что и было сделано в девяностых годах. Начали торговать гамбургерами в «Макдоналдсах». Состоялся дебют куклы «Барби». Выпустили «Лолиту» Набокова. Линчевали в Миссисипи четырнадцатилетнего подростка-негра. Рон Хаббард создал псевдонаучный и антихристианский культ дианетики и сайентологии. Впервые снабдили автомобиль ремнями безопасности. Построили самолет-

шпион «У-2» и запустили к нам, но мы его успешно сбили нашей ракетой над Уралом. Что еще? Попытались законодательно отменить уголовное преследование за гомосексуализм, но пока еще, видно, не пришло время. Потом отменят. Создали популярную игру-конструктор «Лего». Выпустили первые кредитные карточки «Америкэн экспресс». Изобрели скейтборд и обруч «хула-хуп», а также, чуть не забыл, колготки и открывалку для консервов. А еще выпустили в продажу первый оральный контрацептив для женщин, известный миллионам американок как просто «пилюля». Ну, еще застрелили своего президента Кеннеди и даже отменили в кафе и автобусах таблички «Только для белых». И начали танцевать твист. Так что достижения и изобретения, несомненно, были. Не спорю.

Алексей выслушал его ядовитую тираду молча, лишь посмеиваясь, но в конце все-таки попрекнул:

— Ну тебя, дядя Коля, ты просто жонглируешь фактами. Как будто они тоже в космос не летали!

— Летали, — согласился Николай Александрович. И уже серьезно добавил: — И компьютер изобрели, и фермий с эйнштейнием открыли, и сердечные электростимуляторы, и новое лекарство эритромицин, и структуру ДНК тоже они открыли, и первый квантовый генератор, и транзисторный радиоприемник, и самолет вертикального взлета — тоже впервые, в 1954 году, появился у них. И антипротон нашли, и радиоизлучение Юпитера обнаружили, и Фолкнер у них был, и Хемингуэй, и Мартин Лютер Кинг, и видеоманитофон первый, и Кубок Стэнли, и гибкий эндоскоп, и Бернстайн с его «Вестсайдской историей», и десятки нобелевских лауреатов, и первый авиационный «черный ящик». Им принадлежат и открытие квазаров, и первый опытный образец лазера, и погружение на батискафе «Триест» на самую глубокую точку Мирового океана — в Мариинскую впадину — на глубину одиннадцать с лишним

километров, и проект «Аполлон» с будущей высадкой людей на Луну... Было, было, все было. Не отрицаю. Больше скажу. Даже таблетки от астмы, которые принимал Муравленко, — «астмапен» — были зарубежного производства, ему их доставали во Франции. Потому что у нас подобных аналогов не было, а они ему были необходимы, от них зависела его жизнь. В конце концов, отсутствие их в самый нужный момент под рукой и повлекло за собой — в тот жаркий летний день — его смерть. Не вырони он упаковку с лекарством в машине, не потеряй ее, то... Кто знает.

Николай Александрович замолчал, словно не хотел больше говорить на эту горькую тему. Но потом, спустя некоторое время, все-таки добавил:

— А вот чего на Западе никогда не было и не будет, так это подобных Муравленко людей, которые живут не ради денег, власти и славы, а ради Отечества. Ну не рождаются там такие! Климат, что ли, не тот. А скорее всего, не уместается русская душа в их материальные рамки. Тесно ей в мире вещей и пустых иллюзий, на пиршестве плоти. Тесно и скучно.

3

Всего одна цитата:

«Муравленко был человек принципиальный, он не боялся, что по затылку влепят или там с работы снимут. Отстаивал свое мнение, невзирая на лица и чины. И я считаю, что если бы он был жив и были бы рядом соратники, то, конечно, он не допустил бы развала государственной нефтяной промышленности. Он бы пошел по пути того же «Газпрома». Конечно, сохранить в том виде, как было, министерство, прямое подчинение, прямое руководство — в нынешней экономической системе было невозможно. Но, думаю, если бы Виктор

Иванович был жив, он бы сохранил нефтяную отрасль под контролем государства.

Прошло ли вообще время личностей калибра Муравленко? Не думаю. Есть новая плеяда, есть люди талантливые. Не обеднел наш народ... Но все-таки Виктор Иванович Муравленко был и остается в нашей памяти как выдающийся, непревзойденный организатор, настоящий герой своей эпохи».

Николай Иванович Рыжков, Председатель Совета Министров СССР в 1985–1990 годах

Сухие факты и хроника:

1970 год, март. Добыто 50 миллионов тонн с начала эксплуатации нефтяных месторождений Западной Сибири.

Апрель. Группе геологов и нефтяников за открытие в Западной Сибири крупных месторождений нефти и газа присвоена Ленинская премия.

Май. Начало эксплуатации Мамонтовского месторождения.

Июнь. «Главтюменнефтегаз» выполнил план восьмой пятилетки по бурению.

Август. Открытие Вачимского месторождения.

Сентябрь. «Главтюменнефтегаз» выполнил план восьмой пятилетки по добыче нефти. Открытие Русского газонефтяного месторождения.

Октябрь. Открытие Урненского месторождения.

Ноябрь. Открытие Покачевского месторождения.

Декабрь. Награждение Ханты-Мансийского национального округа орденом Ленина. Почетная вахта в честь проходки миллионного метра скважин буровиками «Главтюменнефтегаза».

1971 год, январь. НГДУ «Юганскнефть» награждено орденом Трудового Красного Знамени.

«Главтюменнефтегаз» вышел по уровню суточной добычи нефти на второе место в стране.

Июнь. Создан трест «Нижневартовскнефтестрой».

Июль. Сдана в эксплуатацию первая очередь пансионата «Нефтяник Сибири».

Август. Закончено строительство гостиницы «Нефтяник» в Тюмени.

Октябрь. Открытие Федоровского нефтегазоконденсатного месторождения. Создан трест «Юганскнефтестрой». Бригада Героя Социалистического Труда Г. К. Петрова первая начала бурение на Самотлоре.

Декабрь. На Самотлоре пробурена «интернациональная» скважина № 768 с участием буровиков из Башкирии, Татарии, Азербайджана, Украины, Белоруссии, Казахстана. Бригада Героя Социалистического Труда А. Д. Шакшина установила всесоюзный рекорд годовой проходки (для бурения скважин до 2000 метров) — 72 041 метр.

1972 год, январь. Внедрена первая очередь системы автоматизации и телемеханизации «ПАТ-нефтяник» на Самотлорском месторождении.

Апрель. Начало эксплуатации Солкинской площади.

Май. Пуск в эксплуатацию нефтепровода Александровское — Анжеро-Судженск.

Сентябрь. Сдан в эксплуатацию завод «Электрон».

Декабрь. НГДУ «Сургутнефть» присвоено почетное звание имени 50-летия СССР. Дал ток первый энергоблок Сургутской ГРЭС.

1973 год, январь. Посещение НГДУ «Нижневартовекнефть» членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Февраль. Подписан договор о социалистическом соревновании «Главтюменнефтегаза» и объединения «Татнефть» на 1973 год. Начало разбуривания Федоровского и эксплуатация Убинского месторождений.

Март. Добыто 200 миллионов тонн нефти с начала освоения нефтяных месторождений Западной Сибири.

Апрель. Начало разбуривания Аганского месторождения. Закончены сварочные работы на нефтепроводе Самотлор—Альметьевск.

Июль. Буровая бригада Г. П. Еремина из Сургута установила всесоюзный рекорд месячной проходки—10,8 тысячи метров.

Август. Открытие Южно-Сургутского месторождения.

Сентябрь. Открыт Сургутский нефтяной техникум с филиалом в Нефтеюганске.

Октябрь. Из скважин № 335 и № 236 на Самотлоре добыто по 1 миллиону тонн нефти с начала эксплуатации.

Декабрь. Прибытие первого поезда по железной дороге Тюмень — Сургут на берег Юганской Оби.

Суточная добыча нефти в Западной Сибири достигла 285 тысяч тонн. *Западная Сибирь вышла на первое место среди нефтяных районов страны.*

Закончено строительство кольцевой бетонной дороги на Самотлоре.

Новый всесоюзный рекорд бригады Г. К. Петрова для годовой проходки — 92 860 метров.

Два отзыва о научных трудах В. И. Муравленко:

«В. И. Муравленко выдвинул и внедрил ряд оригинальных идей по промышленному освоению тюменских нефтяных месторождений. Результаты освоения месторождений по своей эффективности превзошли самые оптимистические прогнозы. Себестоимость нефти оказалась самой низкой в нашей стране, и объем фактической добычи неуклонно превосходил первоначально намеченные планы... На примере совершенствования долот В. И. Муравленко показал свое умение глубоко и отчетливо анализировать

гидромеханические явления, сопровождающие разрушение горной породы шарошками и ее удаление из забойной зоны. Им обнаружены такие процессы, которые оставались никем не замеченными на протяжении многих лет, несмотря на их относительную простоту в реализации. В. И. Муравленко разработал долота с правильной ориентацией струи, очищающей забой от кусков породы и одновременно увеличивающей крутящийся момент. Применение гидромониторных долот, получивших всеобщее признание, позволило значительно повысить скорость бурения, а также сократить расход долот.

В условиях тюменского бездорожья весьма эффективными оказались трубы из легких сплавов, что уменьшило вес грузов, доставляемых к месту бурения. Созданы буровые установки на воздушной подушке. Решены вопросы, касающиеся устойчивости буровой установки на воздушной подушке. Обращает на себя внимание ряд остроумных инженерных решений при разработке проблем перемещения на воздушной подушке.

Весьма простым и эффективным явилось применение железнодорожных тележек для кустового бурения. Предложенная конструкция позволила реализовать круглогодичное бурение, не прерывая его в весенне-летний период. Осуществленное таким методом кустовое бурение позволило многократно снизить число площадок, которые необходимо было подготавливать среди болот.

За счет осуществления специальных мероприятий по увеличению теплопроводности удалось достигнуть глубокого промораживания грунта с последующим сохранением ледяного слоя в летний период путем покрытия смесью песка, щепы и опилок. Оригинальные идеи, выдвинутые и реализованные В. И. Муравленко, дали колоссальный экономический эффект. Только на

сооружении ледяных дорог за 1966–1972 годы сэкономлено 35 миллионов рублей. Им подробно исследован газотурбинный привод, показано его преимущество перед дизельным и дизель-электрическим. Газотурбинная установка значительно более легкая при равной мощности по сравнению с дизельной... Достигнутые им научно-технические результаты позволяют реализовывать промышленное освоение богатейших тюменских месторождений.

Б. В. Войцеховский, член-корреспондент Академии наук СССР».

«Теоретические и экспериментальные исследования, выполненные под руководством и при непосредственном участии В. И. Муравленко, посвящены узловым проблемам производства буровых работ в сложных природно-климатических условиях Западной Сибири и нашли свое отражение в конкретных конструкторских и технологических решениях...

В результате проведенных исследований режимов промерзания болот и экспериментальных работ по сохранению мерзлоты в летнее время были разработаны конструкции и способы строительства оснований под буровые и дорог, в основу которых положена способность мерзлого грунта длительно сохраняться в условиях положительной температуры при покрытии его теплоизоляционным материалом. Такие «ледовые» дороги и основания позволили при минимальных капитальных затратах решить вопрос выхода с бурением в летнее время на заболоченные площади, которые составляют свыше 70 процентов территории разбуриваемых нефтяных месторождений Западной Сибири.

В. И. Муравленко оригинально решена проблема бурения в зонах территорий, затопляемых паводковыми водами, благодаря применению передвижных оснований

на железнодорожных тележках, обладающих такими качествами, как простота исполнения, возможность индустриализации строительства, высокая монтажеспособность и незначительные затраты времени на перемещение буровой установки. Важной особенностью таких оснований является то, что они исключают строительство дорогостоящих капитальных искусственных оснований. Указанные технические решения определили практическую осуществимость и экономическую целесообразность кустового метода строительства скважин в Западной Сибири и позволили в сложных природных условиях внедрить крупноблочный способ строительства и монтажа буровых.

...Важное значение для развития буровых работ имеют труды В. И. Муравленко по совершенствованию технологии бурения. Особо следует отметить разработку режимов, обеспечивших, впервые в практике, широкое внедрение гидромониторных долот в турбинном бурении, а также создание легкосплавных бурильных труб. Автором детально изучен вопрос снижения привода буровых установок за счет применения малогабаритных газотурбинных двигателей. При его участии разработаны кинематические схемы и конструкции приводов с повышенной удельной мощностью на единицу веса для различных типов буровых установок. Определена высокая эффективность таких приводов при освоении северных районов Сибири и европейской части страны.

Ценность научно-технических разработок В. И. Муравленко определяется их широким внедрением в нефтяной промышленности и высокой экономической эффективностью для народного хозяйства. Эти труды и изобретения явились результатом многолетней творческой работы В. И. Муравленко, выполнены на высоком научно-техническом уровне...

Н. К. Байбаков, доктор технических наук».

Из выступления В. И. Муравленко:

«Сибирь — это вызов, который бросила природа молодежи. И этот вызов был принят нашей комсомолией. Здесь есть все возможности испытать себя в настоящем деле. Принять на молодые плечи больше заботы, стать пионерами-первопроходцами нашего времени... Этим ребят влекут новизна, необычность, эксперимент и трудности. Да, трудности! У нас нередко можно услышать разговоры о «длинном рубле», привлекающем сюда, на Север, «любителей». Есть, конечно, и такие. Но они быстро сдают свои позиции, отсеиваются. Ибо никакой, даже самый длиннейший рубль не в состоянии заставить преодолеть трудности, какие иной раз приходится преодолевать нашим людям.

Только увлеченность работой, высокое горение, убежденность помогли нам достигнуть того, чего мы достигли. Я очень верю в «огонь души» и не боюсь сказать: к нам приходят и закрепляются у нас люди высоких помыслов, убежденности... Голого администрирования у нас не признают. Я за творческий спор. Это всегда движение вперед».

Глава шестая

1

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«Что представляла собой Западная Сибирь — Югория, Тюменский край, Ханты-Мансийский округ, — вся эта огромная территория в советское время, еще до нефтяных промыслов, до переезда сюда Виктора Ивановича Муравленко? Интересно сравнить то, что было, и что стало. Первыми новую власть в 1918 году признали в Сургуте, Березове, Самарове, но для большинства населения, которое составляли ханты, манси, ненцы и селькупы, ленинские лозунги были непонятны. К тому же какие-либо мероприятия по улучшению жизни коренного, да и русского населения большевики провести не успели, не могли. Даже наоборот, увеличились поставки хлеба в Центральную Россию. Это не могло не вызвать недовольства северян-сибиряков, оказавшихся в сложном положении. Были созданы военно-революционные комитеты (ревкомы), которые «гасили конфликты» сообразно духу времени, решительно и беспощадно. В 1921 году Сургут несколько раз переходил из рук в руки, но крестьянское движение было неоформленным, малоорганизованным, а с наступлением летней навигации сторонники советской власти получили значительное подкрепление, и на этом Гражданская война на Обь-Иртышском Севере завершилась. К несчастью, плодами победы воспользовались полууголовные элементы, которые занялись мародерством и грабежами. Центральная контрольная комиссия ЦК РКП (б) даже начала дело о

бесчинствах группы руководящих работников-коммунистов во время подавления мятежа в Тюменской губернии. Положение стало понемногу исправляться.

В июле 1922 года по инициативе Наркомата по делам национальностей в селе Самарово прошла первая конференция представителей коренных народов Севера. Она приняла резолюцию «О признании за туземным населением права выделения в административную единицу...» Эта резолюция была первой инициативой с мест, поставившей вопрос о необходимости создания особого административного органа по управлению малыми народностями Севера и Сибири. Были созданы три округа — Ишимский, Тобольский и Тюменский. В 1924 году появился Комитет содействия народностям северных окраин (вместо Наркомнаца, который некоторое время возглавлял Сталин). При Уральском облизполкоме образована секция Севера во главе с известным ученым, профессором В. Е. Грум-Гржимайло. Результатом стало то, что наконец-то был отменен налог (ясак) с местного населения и даже оказана ему материальная помощь в виде ржаной муки, масла, тканей, пороха, дрови. Период с 1924 по 1929 год можно считать относительно благополучным временем для коренных народов Севера и Сибири после революционного 1917-го. Были воссозданы хлебозапасные магазины, стали проводиться работы по водоустройству, и вообще земля эта стала интенсивно изучаться научными работниками.

По решению Президиума ВЦИК в декабре 1930 года был образован Остяко-Вогульский национальный округ с центром в селе Самарово. Через год в пяти километрах от Самарова началось строительство нового поселка для окружного центра. Он получил название Остяко-Вогульск. А в 1940 году его переименуют в Ханты-Мансийск. Соответственно и округ будет именоваться Ханты-Мансийским. На момент образования этого округа

в нем проживало более 41 тысячи человек, половина из них — русские. К началу войны численность населения удвоилась, а с 1944 года он вошел в состав Тюменской области.

С ноября 1925 года в Самарове и Кондинске зажглись первые электрические лампочки от передвижных электростанций. В 1932 году техник Косолапов сделал заявку по поводу выхода нефти у села Юган Сургутского района. В следующем году выход нефти был замечен Дмитриевым в Березовском районе на реке Няйс, притоке Большой Сосьвы. Еще через год инженер-геолог Васильев из треста «Востокнефть» подтвердил наличие естественного выхода нефти на реке Большой Юган. Основной вид транспорта был речным, но на водных магистралях в навигацию курсировало всего 12 малосильных катеров. С середины тридцатых годов в жизнь северян стал входить автомобильный и авиационный транспорт. К этому времени заработали и почтовые отделения, радио, был смонтирован первый телефонный коммутатор.

В ходе коллективизации были репрессированы наиболее зажиточные и авторитетные слои местного населения, в том числе около двух сотен шаманов. Все это не могло не вызвать сопротивления со стороны коренных жителей. Иногда дело доходило до массовых выступлений. Самым крупным из них было Казымское восстание конца 1933-го — начала 1934 года. Причина: аресты соплеменников, отправка детей в интернаты, где многие из них заболели и умерли от тифа, лов рыбы на священном для ненцев озере Нум-То, запрещение традиционных медвежьих праздников и т. д. В знак протеста ханты и ненцы взяли в заложники пятерых работников партийных органов и ОГПУ и выдвинули требования как частного, так и политического характера. Повстанцы требовали ликвидировать на Казыме культбазу, закрыть факторию, школу, отменить

государственные задания по заготовкам рыбы, пушнины и оленей, восстановить традиционное судоустройство. Это были типичные требования для выступлений коренных народов того времени. Власти и не подумали их удовлетворить. В результате заложники были убиты, а восстание вскоре жестоко подавлено.

К концу коллективизации одна часть местного населения была насильственно объединена в колхозы, промыслово-производственные артели, а другая (свыше 30 тысяч человек) отправлена на спецпоселения. Положение этих людей было, безусловно, тяжелым, хотя коренные народы и привычны к трудностям. Но для строительства жилья в отведенных для них, как правило, совершенно необжитых местах Крайнего Севера спецпереселенцы не имели самого необходимого. Поэтому они часто умирали в первую же зиму. Им не разрешалось переезжать из одного поселка в другой, им даже запрещалось собирать в лесу ягоды, грибы, шишки, они применяли в пищу опилки, мох, древесное гнилье, труху, перетертое сено. Рыбу тоже запрещалось ловить. Но, несмотря на допущенную к ним несправедливость, спецпереселенцы трудились в народном хозяйстве, а в период Великой Отечественной войны многие из них вместе с другими защищали свою Родину

Справедливости ради надо сказать, что переустройство жизни шло в одном русле с политикой просвещения Югорской земли, развитием культуры, цивилизации. Другой вопрос — нужно ли было это самим коренным народам? Но еще в 1920 году в Сургуте заработала первая в крае музыкальная школа. В 1924 году в хантыйском селе (юртах) Мулигорт Березовского района открылась первая национальная школа. А через год при Ленинградском государственном университете была создана Северная группа рабфака по подготовке учителей для районов Крайнего Севера. В те же годы

создан первый хантыйский букварь и первый словарь манси, с 1929 года стала выходить Уральская северная радиогазета. Учитель Хатанзеев составил книгу для чтения для детей ханты, стала издаваться окружная газета «Ханты-Манчи шоп» (с 1991 года — «Новости Югры»). С 1932 года в Остяко-Вогульске открылось первое специальное учебное заведение — педагогическое училище, появился краеведческий музей. А в 1933 году самое престижное московское издательство «Академия» опубликовало на русском языке мансийскую поэму «Янгал-Маа» («Тундра»), переработанную С. Клычковым (другом С. Есенина) и М. Плотниковым. Тогда впервые широкие круги читателей смогли познакомиться с эпосом народа манси. Возможно ли было такое в иные, дореволюционные времена?

Все тот же неутомимый Хатанзеев перевел на хантыйский язык сказки Пушкина. В 1934 году в окружном Доме народов Севера прошел первый смотр национальной самодеятельности. Открылась окружная библиотека, фельдшерско-акушерская школа (ныне медицинское училище). Первый окружной съезд Советов сформировал окружной исполнительный комитет (председатель — Я. М. Рознин). Было создано специальное предприятие для промышленного освоения природных ресурсов и полезных ископаемых Сибири — «Комсевморпуть». В 1935 году в Остяко-Вогульске прошел первый городской шахматный турнир, в Казыме состоялась первая олимпиада хантыйского национального искусства, создана одногодичная сельскохозяйственная школа. Еще одно важное достижение 1937 года — на международной выставке в Париже первым призом были отмечены картины северян К. Панкова и Н. Натускина. (Через два года у Панкова в Москве состоится персональная выставка, успех ее превзойдет все ожидания.) В это же время письменность

ханты, манси и ненцев переведут с латинского на кириллический алфавит. В Ханты-Мансийске откроется первая в Сибири рыбопромысловая мореходная школа юнг.

Широко популярный в тридцатых годах лозунг «Долой неграмотность!» приносил свои плоды. Но надо заметить, что даже в наши дни среди многих учителей распространено мнение, что дети северных коренных народов с трудом усваивают общероссийские учебные программы. Почему? Ответ на этот вопрос дают исследования Института биологических проблем Севера и работы В. В. Аршавского, которые основываются на том, что по своей биологической природе по способу обработки информации люди делятся на правополушарных и левополушарных. Большинство коренного населения Севера — люди, которых, как правило, отличает образное мышление. Другими словами, все дети малых северных народов — прирожденные поэты и художники, поскольку живут в единении с природой. Это обстоятельство требует и особых подходов к образовательной работе с ними.

Тот же Панков, сын мансийки и ненца, талантливейший художник, погибший в годы Великой Отечественной войны, соединил в своих картинах фольклорное видение мира, непосредственность и искренность охотника, сына тайги с современной живописной техникой и безукоризненным чувством цвета и композиции. Он, кстати, создал еще и крупное панно для павильона «Арктика» на ВДНХ. Зачинателем мансийской литературы стал П. Еврин, первыми авторами рассказов и стихов были ханты Дунаев, Посохов, Тарлин, Лазарев. (А в наши дни стали уже почти классиками Е. Айлин, Ю. Шесталов, А. Немтушкин, Ю. Рытхеу.)

В годы войны вся Тюменская область, далекая от линии фронта, стала важнейшим элементом в системе

тыловой поддержки действующей армии. С первых же месяцев войны все людские, природные и производственные ресурсы округа начали работать на оборону. Северяне хорошо понимали, что от их ударной работы зависит снабжение продовольствием бойцов Красной армии и рабочих промышленных предприятий. Обиды за притеснения северными народами были забыты. Голодные, плохо одетые и обутые, подавленные горем невосполнимых потерь родных и близких на фронте, северяне день и ночь трудились не покладая рук. Прежде всего — в рыболовецких артелях, охотничьих хозяйствах, на лесоперерабатывающих предприятиях, в колхозах. Цифры говорят сами за себя: только заготовка зерна за 1941-1945 годы войны выросла с 570 тонн до 1780 тонн, а сколько было добыто пушнины, дегтя, необходимых для медицины лекарственных растений, хвойного экстракта и так далее. Всего за годы войны население одного Ханты-Мансийского округа сдало в фонд обороны страны свыше 50 миллионов рублей деньгами и драгоценностями. Эти средства пошли на изготовление боевой техники. В марте 1944 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин передал благодарность трудящимся Самаровского района за сдачу средств на строительство эскадрильи боевых самолетов «Самаровский колхозник».

Уже 22-26 июня 1941 года из Ханты-Мансийска отправились на фронт около двух тысяч человек. Специфические обстоятельства жизни северян, их приспособленность к суровым таежным и полевым условиям, выносливость, умение обращаться с оружием, ходить на лыжах, переправляться на лодках, находчивость и смекалка в экстремальных ситуациях облегчили их адаптацию к боевой обстановке и определили их место на войне — северные фронты, а также районы сражений за Москву, Сталинград и другие

поля решающих битв. Многие из них стали снайперами. Более 10 тысяч северян за мужество и отвагу были награждены орденами и медалями. Манси Ендырев стал полным кавалером ордена Славы, звания Герой Советского Союза удостоены бывший пекарь из Ханты-Мансийска Н. Сири́н (получивший его посмертно, за героический штурм станции Красновка 15 января 1943 года), бывший моторист Кондинской конторы связи Я. Панов, совершивший подвиг на Курской дуге (уничтожил одиннадцать немецких танков, будучи контуженным, попал в плен, но пробыл там только четыре часа, потому что умудрился завладеть оружием, перестрелять всех охранников вместе с офицерами и вернуться в свою часть, продолжить сражение).

Золотой Звездой Героя были награждены и многие другие северяне — обо всех не расскажешь. Так что во время войны они с честью выполнили свой долг перед Родиной, не только неустанно трудясь в тылу, но и сражаясь с врагом на фронте. Около шести тысяч из них погибло в ходе боевых действий.

Весной 1942 года Ханты-Мансийский округ принял и окружил теплом 1150 детей блокадного Ленинграда. Была открыта детская столовая, проводились медицинские обследования многодетных семей, нуждающимся выделялись денежные пособия, одежда, продукты. В годы войны продолжало развиваться и национально-самодеятельное искусство, проводились олимпиады народов Севера, конкурсы мастеров прикладного искусства, смотры художественной самодеятельности. Широкую известность получили старейшая исполнительница народных песен и танцев манси Тарасова и постановщик мансийских танцев «На охоте» и «Погоня за чайкой» Монин. Однако надо сказать, что не прекращалось использование Севера и как места ссылки. С 1942 года на рыбозаводах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов работало до

десяти тысяч спецпереселенцев, в числе которых было много эвакуированных из западных районов страны финнов, немцев, латышей, эстонцев. А потом туда потянулись эшелоны с депортированными из Крыма, Северного Кавказа, Калмыкии.

21 января 1950 года Ханты-Мансийск получил статус города с включением в него исторического села Самарово. (Еще через 14 лет Мегион, Нижневартовск, Игрим и Междуреченский будут преобразованы в поселки городского типа.) До «большой нефти» было еще далеко, население края по-прежнему занималось в основном рыболовством и рыбопереработкой, трудилось в лесном хозяйстве и деревообрабатывающей промышленности. Мощно работали Ханты-Мансийский, Березовский, Сургутский и Кондинский рыбозаводы. Появлялись узкоколейные железные дороги.

Но будущее северного края уже определяли геолого-разведочные работы на нефть и газ, которые возобновились после войны. План поисков нефти был принят Министерством геологии СССР в 1950 году. В Тюменскую область поступило необходимое оборудование, началось пробное бурение. Объем глубокого бурения был еще небольшим, например, составлял он в 1952 году лишь 996 метров. В этом же году специализированный геофизический трест «Сибнефтегеофизика» начал сейсморазведочные работы на территории Ханты-Мансийского округа. Но в ряде мест бурение начиналось без проведения геофизических работ. Так было, например, в районе Березова, где летом 1952 года заложили опорную скважину, но вскоре ее посчитали бесперспективной и забросили. Уверен, что будь там в то время Муравленко, такого бы не произошло, поскольку он всегда шел в поисках до конца. И, вполне возможно, что «третий Баку» был бы открыт на десять лет раньше.

И все-таки 21 сентября 1953 года «бесперспективная» Березовская скважина № 24 дала мощный газовый фонтан. Фонтан этот изменил планы Министерства геологии СССР, которое уже сворачивало поисковые работы в этом регионе, посчитав их нецелесообразными. Сразу же были созданы Березовская комплексная геофизическая партия, а также нефтегазоразведочная и геофизическая экспедиции. С 1954 года они открыли еще 7 газовых месторождений: Деминское, Южно- и Северо-Алясовское, Чуэльское, Игримское, Похромское и Пауль-Турское. Их общие разведанные запасы газа составляли 56 миллиардов кубических метров. Признаки нефти были обнаружены геологами и в 1959 году в скважинах около селения Малый Атлым и рядом с поселком Мулымья Кондинского района. Потом в июне 1960 года дала нефть скважина Р-6 близ Шаима, пробуренная бригадой С. Н. Урусова. В марте 1961 года геологоразведчики получили мощный фонтан нефти в Мегроне из скважины Р-1. Начиналась эпоха большой нефти и газа, великая эпоха промышленного освоения богатств Западной Сибири. Нужен был человек, который объединит все силы в единый мощный кулак. И такой человек найдется. Им будет Виктор Иванович Муравленко.

Но здесь нельзя не сказать об одной проблеме, которая часто замалчивалась, никогда широко не обсуждалась. Речь идет не о первых нефтегазовых разработках в Сибири, начавшихся в пятидесятые годы, и не о нашем «капиталистическом времени», когда во главу угла ставится только прибыль, а о всей полувековой истории промышленного освоения «черного золота» и газа в этом крае. Что оно принесло коренным народам? Об экономической составляющей говорить не будем — плюсы тут очевидны, комментарии не нужны. Вся инфраструктура Западной Сибири поднялась на

нефти и газе. Да что там Западная Сибирь! Весь СССР, Россия. Не будь Тюменской области, возможно, уже в шестидесятые годы наступил бы экономический крах. Так что выгоды в освоении углеводородного сырья неоспоримы. Но было бы несправедливо и необъективно ограничиваться рассмотрением только «одной стороны медали». Следовало бы посмотреть на «цивилизационное пришествие» и глазами местного, коренного населения. И тут картина вырисовывается несколько иная.

Будем правдивы: индустриализация и урбанизация региона имели и неожиданные негативные последствия. Эпоха «большой нефти» обострила проблему этнического выживания коренных народов Западной Сибири. В середине шестидесятых годов, к примеру, в крае проживали 12 200 ханты и 6800 манси, а к 1987 году — 8605 ханты и 4397 манси. Таким образом, за 20 «нефтеносных лет» произошло существенное сокращение численности коренного населения.

Конечно, причины этого тревожного процесса были связаны не только с принципами национальной политики Советского государства, но и с практикой промышленного освоения северных территорий. Традиционный уклад жизни кочевых народов воспринимался в правительственных верхах как отсталый, им принудительно старались привить образ жизни основной массы населения страны. Коренных жителей переводили на оседлость, загоняли в рыболовецкие и оленеводческие колхозы, охотничьи артели; детей отправляли в интернаты, где они были лишены повседневной связи с родителями. А для малых народов разрыв родовых связей — это быстрая гибель. Все это разрушало основы самостоятельности и жизнеспособности исконных северян. Люди утрачивали специфические навыки труда и жизни в экстремальных условиях Приполярья, теряли спасительную для их

предков непосредственную связь с природой, окружающей средой. И одновременно не могли так быстро, как от них требовали, адаптироваться к индустриальному обществу. Да и не хотели, честно говоря.

Вторжение промысловиков и строителей в места традиционного расселения коренных народов еще больше ухудшило их положение. В распоряжение ресурсодобывающих ведомств попали миллионы гектаров родовых угодий, из-за чего естественная база традиционного хозяйства стала разрушаться. Надо признать, что резко ухудшилась и экологическая ситуация. (Ну невозможно качать нефть и при этом не нанести никакого вреда природе!) Менее чем за двадцать лет в результате производственной деятельности поголовье дикого оленя в одном только Ханты-Мансийском округе (самом нефтеносном) уменьшилось в три раза — с 12 до 4 тысяч, был уничтожен миллион гектаров оленьих пастбищ. А из-за хищнического истребления и браконьерства неумолимо сокращалось и количество пушного зверя, дичи, рыбы.

Виктор Иванович Муравленко всегда возражал против вахтового метода. Он понимал, к чему это ведет, потому что вахтовик — это тот же «легионер-наемник». Но в первые годы, в отсутствие инфраструктуры, метод этот применялся, уйти от него было нельзя. Возобновили его и после смерти Виктора Ивановича, в восьмидесятые и девяностые годы. Делалось так: почти сто тысяч специалистов регулярно доставляли в регион с Украины, Белоруссии и других районов Союза — самолетами. Две-три недели они добывали «черное золото», две недели дома на юге «загорали», потом снова летели на заработки. На промыслах и буровых тогда остро не хватало рабочих рук. А к 1980 году массовая безработица охватила в основном коренное население приобского Севера. От безделья вынуждены были

изнывать, как правило, потомственные таежники. Заниматься традиционными отраслями для многих северян стало невозможно. К сожалению, нефтяники и газовики всерьез подорвали базу для развития оленеводства, охоты и рыбной ловли. Где-то они проложили нефтепроводы через богатейшие пастбища, предварительно пропитав весь ягельник бензином, так что пришлось всех оленей забивать, где-то допустили утечку мазута в рыбную речку, оставив несколько стойбищ без рыбных запасов, а еще где-то повырубали все окрестные леса, и охотникам стало просто негде выслеживать соболей. Это — в восьмидесятые годы, в период сумасшедшей «нефтяной гонки», уже после ухода из жизни Муравленко.

Поставим вопрос и таким образом: а что вообще делать коренному жителю, идти в сорок лет на буровую? Так у него руки совсем другие и образ жизни иной. Он не привык с железками работать, ему даже тяжело целые сутки напролет слушать лязг металла. Он всю жизнь, перенимая отцовские навыки, изучал повадки зверей, учился неслышно подбираться к медведю.

Естественно, у него и психология совсем другая, нежели у нефтяника. Вахтовику что? Сегодня он в гостях на севере, на машину зарабатывает, завтра — дома на юге. Зачем ему заботиться о тайге, объезжать стороной лесной бор, когда можно проехать и напрямик по ягельнику — невелика беда. Вот потому-то Муравленко и хотел, чтобы нефтяники не приезжали, а жили на этой земле, пустили бы здесь корни. А для таежника изъезженный ягельник — это действительно беда, поскольку потом чуть ли не полвека оленей сюда больше не привести, именно за такой срок идет восстановление ягельника. Вот почему коренной житель к нефтяной вышке не потянулся. Буровая стала для него олицетворением грядущей катастрофы.

Перед коренным населением встал выбор: или уходить на другие, еще неосвоенные земли, или искать себе место в новой социально-экономической ситуации. Оба варианта были связаны с большими трудностями. Так называемые компенсационные меры снабжения продуктами и промтоварами формировали у местных жителей иждивенческое отношение к государству («прокормит!»). А как, на какую работу можно устроиться в поселке, где все рабочие места заняты? Не устраивать же в одной маленькой котельной пятнадцать ставок кочегаров и не нанимать же человек двадцать для охраны колхозной конторы. Да и для сельского магазина больше двух грузчиков не требуется. Куда же остальным податься? Нашелся и третий путь — вчерашние прекрасные охотники и оленеводы окружили винные магазины и запили от тоски и безделья. А в национальные поселки для решения всяких «трудностей» (чего греха таить) стали увеличивать завоз водки и спирта.

Среди жителей Севера распространялось пьянство, которое в силу их физиологических особенностей быстро перерастало в хроническую форму алкоголизма. Уровень смертности среди коренных народов был в 4 раза выше средних показателей по Тюменской области.

Очень высокой была детская смертность в младенческом возрасте — из-за неведомых ранее коренным народам инфекций, нежелания обращаться за медицинской помощью, нарушения правил гигиены. Почти половина взрослого населения погибала в результате несчастных случаев, связанных с употреблением спиртного. На территории Сургутского района в 1982 году более 80 процентов мужчин ханты и манси скончались именно по этой причине. Причем четверть погибших была в расцвете сил, в возрасте двадцати — двадцати девяти лет. Появились вспышки туберкулеза, хотя местные власти были уверены, что эта

болезнь уже давно окончательно побеждена. Но только в Сургуте в 1984 году от туберкулеза умерли 168 ханты. А власти продолжали посылать катера «Здоровье» по национальным районам без рентгенустановок. (В деревне Когончины, к примеру, фельдшер М. И. Сверлова выявила в 1987 году 25 больных туберкулезом. Но врачи из Сургута уже несколько лет в Когончины не заглядывали. Тем временем медпункт протекал и продувался со всех сторон, да и ни радио, ни электричества в селе не было. А ведь Советской власти было уже 70 лет.)

Таким образом, к середине восьмидесятых годов в Западной Сибири сложилась своеобразная социальная ситуация. С одной стороны — быстрое, гигантское развитие промышленности, инфраструктуры, резкий рост численности приезжего населения, бурные миграционные процессы, стремительная урбанизация, появление большого числа новых городов, широкий размах гражданского строительства, — всё это уникально не только для нашей страны, но и для всего мира в целом. А с другой стороны — драматическая ситуация с коренными народами, и эту проблему не спрятать. Где же выход? Историю вспять уже не повернуть. С существующими нефте- и газопромыслами, железными дорогами, промышленными комбинатами, трубопроводами надо считаться, хотим мы этого или не хотим.

Такова данность. Но нужно искать, во благо всего человечества, возможности разумного сочетания традиционных отраслей Севера с новейшими технологиями электронного века, которые бы, с одной стороны, позволили нормально развиваться малочисленным этносам, а с другой — не нарушили экономические и геополитические интересы России».

— И все-таки, дядя Коля, ты так и не ответил на мой второй вопрос, — произнес Алексей, включая вентилятор: в комнате было душно. Его квартира находилась на западной стороне дома, а у Чишинова — на восточной. Поэтому с утра раскалялись все жилые помещения Николая Александровича, а к вечеру солнце немилосердно палило в окна его юного соседа. Сейчас было как раз самое предзакатное время. — Что же произошло с Валерием Муравленко, почему он так мало прожил?

От мощной струи воздуха из вентилятора зашуршали, зашевелились страницы рукописи в открытой папке. Будто они были живыми, обрели дух, пытались что-то сказать. Старый бурильщик придавил страницы ладонью, чтобы они не разлетелись по комнате.

— Секрета тут нет, — ответил наконец он. — Хорошо, слушай. В 1960 году Виктор Иванович был одним из руководителей Куйбышевского совнархоза (это как региональный Совет министров местного народного хозяйства). Большая должность. А еще через два года Муравленко возглавил всё управление нефтяной промышленности Средне-Волжского СНХ, в состав которого вошли Татарская и Башкирская АССР, Пермская и Оренбургская области. До Западной Сибири оставался один шаг. Вот в это время и произошла трагедия с его сыном.

— А что конкретно?

— Погоди, не торопись. Занимая такое высокое положение, Муравленко мог устроить сына на любую спокойную и престижную работу. Только седи, командуй да получай зарплату. Или вообще ничего не делай, как сейчас принято: папа прокормит.

— Это точно, — согласился Алексей. — Вон по телевизору недавно показывали, как сынок одного из министров отправился отдыхать в Кувейт. А лет ему столько же, сколько и мне, даже меньше. Взял с собой свою любимую собачку. А в Кувейте собак в гостиницах держать не положено. Так он ее обратно в Москву отправил, на частном самолете, за 120 тысяч долларов. Не хило.

— Ну вот видишь, — кивнул Чишинов. — «Такие времена» — как любит утешать «академик» Познер. Кому — жизнь собачья, а кому — золотой ошейник. Но продолжу о Валере. Он был простым и душевным, отзывчивым человеком, а еще — очень грамотным специалистом, настоящим мастером своего дела. Он стал одним из первых выпускников нефтяного факультета Куйбышевского индустриального института. Пошел по стопам отца. Там же учились и его друзья, которые оставались с ним до конца жизни, — Борис Краснов и Валерий Трощенко. Тоже буровики, все они позже уехали вместе с Валерием Муравленко в Тюмень на новые месторождения, занимали ответственные посты. Их называли «три мушкетера» — так они были верны своей дружбе, неразлучны. Если праздник, то всегда вместе встречаются, семьями, а Клавдию Захаровну и Краснов, и Трощенко называли по-сыновнему: мамой. Такую дружбу не часто встретишь. Кстати, у самого Виктора Ивановича тоже был такой закадычный друг с юности, грузин Рехвиашвили, попросту Рехви. Еще в Грозненском институте вместе учились, потом работали в Куйбышеве и Тюмени. Рехвиашвили даже ухаживал до свадьбы за будущей женой Муравленко. И говорил так, в шутку: «Только я отвернулся, ты, Виктор, намазал зубным порошком свои ботинки и увел Клаву, никогда тебе этого не прощу».

— Почему — зубным порошком? — спросил Алексей.

— Ну ходили-то иногда ради шика в белых парусиновых ботинках, а где крем взять для обуви? Вот и пользовались таким подручным средством. Это я к тому, что Клавдия Захаровна была настоящей красавицей, голубоглазая, с золотыми вьющимися волосами, за нее еще надо было побороться. И не только «зубным порошком». И Рехви, наверное, по-настоящему переживал, что уступил в этой борьбе первую красавицу института. Так вот. У Валерия было много и других товарищей: Пеньков, Савинов, Бессонов, Денежкин — все ребята неординарные, яркие, но таких друзей, как Краснов и Трощенко, только двое. И все они поехали осваивать Алексеевское месторождение — в Заволжье. Это была контора бурения № 1 Куйбышевнефтеразведки. Там же началось строительство поселков Ветлянки и Нефтегорска. Начиналось оно с барakov, щитовых домиков и вагончиков. Директором конторы бурения был тогда Вячеслав Разумов, а Валерий Муравленко одним из первых был назначен буровым мастером. Словом, всё как у его отца в молодости, никаких тебе удобств и комфорта — одни трудности. Их щитовой домик в Ветлянке назывался «Барак молодых специалистов». А трагедия случилась в марте 1962 года.

Тут голос Николая Александровича стал глуше, отрывистой. Он будто сам возвращался в дни своей молодости. Глядел сейчас в окно, но видел не залитый жарким солнцем пруд, а заснеженное поле.

— Жили мы тогда в этих бараках-вагончиках по двадцать-тридцать человек, всей вахтой, вкалывали по две-три недели, потом возвращались на базу. А на одном участке работало до 120 человек, целый производственный коллектив. Рабочих рук порою всё равно не хватало, собирали молодежь из окрестных сел и обучали их прямо на ходу, уже на рабочих местах.

Зима в то время в Заволжье выдалась снежная, дорог не было вообще, если надо было куда-то доехать,

то ползли на тракторе, а к нему цеплялась на тросе будка, в которой стояла печка, в нее время от времени подкидывали дрова, чтобы согреться. Тряслись по снежным ухабам будто по морским волнам в шторм. Но бураны с вьюгой ничуть не слаще шторма.

Валера Муравленко внешне ничем не отличался от всех остальных буровиков: одежда у нас у всех была стандартная. Куртка, полушубок, сверху брезентовый плащ, ватные брюки, на них — еще одни, сапоги или унты, меховая шапка, рукавицы. Но зато он сразу же проявил свои недюжинные организаторские способности и инженерный талант, был назначен начальником участка на Алексеевском. Отец его в это время широко внедрял все новое, передовое в технологию бурения и нефтедобычи, сын тоже не отставал — на своем поле деятельности. Муравленко-старший именно на Куйбышевских нефтяных промыслах впервые в стране стал применять автоматы для спуско-подъемных операций — АСП, автоматические ключи — АКБ, пневмозахваты для бурильных труб и многое другое, что создавалось силами научно-исследовательских институтов и практиками-производственниками. А Муравленко-младший на Алексеевском впервые применил алюминиевые трубы, которые потом стали активно использоваться в бурении. Многие технические новшества тогда разрабатывались в куйбышевском институте «Гипростокнефть», например, созданная там по предложению Виктора Ивановича первая в СССР комплексно-механизированная установка, на которой можно было бы наглядно увидеть все технические новинки в бурении, собранные воедино. Это было очень важно. Со всех концов страны в Среднее Поволжье стали приезжать нефтяники на практическую учебу, чтобы оценить эту необыкновенную «муравленковскую» установку. А в ней была и доля инженерного таланта Муравленко-младшего, Валерия Викторовича.

Хотя никто, честно тебе скажу, не звал его по имени-отчеству, а многие на участке даже и не подозревали, что он — сын крупнейшего куйбышевского нефтяного руководителя. Такой вот скромный человек, умница, не чета твоему кувейтскому барбосу с болонкой.

— Наверное, со временем он смог бы занять место своего отца или достичь такого же уровня, — в раздумье произнес Алексей.

— Вполне возможно, — согласился дядя Коля. — Кстати, его также отличала особая «муравленковская» внутренняя дисциплина. А дисциплина — это еще и отношение к своему месту работы, к быту. Его вагончик был всегда в идеальном состоянии, никакого бардака. Когда всё у тебя разбросано, то никогда ничего и не найдешь. А еще Фарадей сказал: каждая вещь должна знать свое место. Тогда она всегда будет у тебя под рукой. Учись, Леша.

Николай Александрович выразительно оглядел комнату своего юного соседа, где мобильный телефон лежал в кроссовке, солнцезащитные очки зацепились за кактус в горшке, а плеер с наушниками валялся возле батареи отопления. Да еще домашние тапочки стояли вместо цветов в керамической вазе.

Алексей нехотя встал и начал прибирать комнату. Но получался у него еще больший ералаш. Тапочки оказались в книжном шкафу, очки — в вазе, а плеер с сотовым — под подушкой. Дядя Коля продолжал рассказывать:

— Свой Алексеевский участок Валерий обеспечил нормальной столовой и даже киноустановкой. Провел в Ветлянке совещание инженерных работников, причем на самом высоком уровне: прибыло начальство из Москвы, местные руководители. Был там и Виктор Иванович Муравленко. Отец гордился сыном, его отношением к работе, азартом. После подобные научно-технические конференции стали проводиться часто. Это не было

пустой или беспредметной болтовней — здесь решались самые насущные задачи: о необходимой технике для вахт, о проблемах молодых специалистов, об образовании молодежи. Валера стоял у истоков этих слетов. Это по его идее был организован слет молодых нефтяников всего Поволжья, на берегу реки Самары. Приехал туда даже сам министр нефтяной промышленности СССР Шашин. А Валерий руководил на слете секцией бурения. Кроме того, он обеспечил и культурную часть программы, пригласил Волжский народный хор, два оркестра, множество артистов, прессу. Была построена огромная сцена для выступлений, там же прошел и наш профессиональный праздник — День нефтяника. Что говорить! Деятельный был мужик, фамилию свою знаменитую держал высоко. С его помощью у нас открылся филиал Сызранского нефтяного техникума, сам же он там и преподавал, в свободное от работы время. Спортом занимался. Любил футбол, на Алексеевском устроил волейбольную площадку, столы для пинг-понга, баню для рабочих. Словом, он так же, как и отец, понимал, что буровиков нужно обеспечить не только современной техникой, не только новыми алмазными долотами, но и качеством жизни. Потому что люди, работяги — это и есть те главные алмазы, которые руководитель призван оберегать и хранить.

Помолчав немного, словно вспоминая, дядя Коля со смехом продолжил:

— А вот тебе еще один пример его житейской простоты, который можно сопоставить с твоей историей про сына богатого чиновника или про других отпрысков, швыряющих деньги в Куршевеле. По пятнадцать тысяч евро за бутылку шампанского. А Валера в студенческие годы жил на свою стипендию, денег у отца, который уже тогда возглавлял Куйбышевский совнархоз, не кланчил. И когда «три

мушкетера» забежали к Клавдии Захаровне пообедать, она по-матерински давала им рубля три «на кино».

Кто-нибудь из них шутливо говорил: «Маловато, а на девчат?» — «Ищите богатых», — так же шутливо отвечала она. Другое было время, Леша, совсем другие ценности в жизни. А как он любил рыбалку! Мог часами сидеть с удочкой и глядеть на реку. Есть что-то вечное в этом спокойном движении воды, в течении времени. Но вода в конечном счете и послужила причиной его ранней смерти.

— Как? — спросил Алексей.

— Однажды ночью в Ветлянке на участке у Валерия произошла авария. Лопнул паропровод от котла, который обогревал вагончики. Ему постучали в окошко, он моментально собрался, выскочил в легких ботинках, побежал к месту аварии. Поскользнулся и попал в снежную промоину, в яму. А там — кипяток. Примерно по грудь было. Когда его вытащили, он уже успел сильно обвариться. Сначала отвезли в Алексеевку, потом — в Москву, в ожоговый центр. Конечно, врачи сделали все, что могли. Несколько операций, переливание крови, пересадка кожи. Виктор Иванович всю жизнь спасал чужих детей, отправлял их в лучшие столичные больницы, санатории, доставал самые редкие лекарства. А тут приходилось спасать собственного ребенка. И Валерий выжил. Но прожил он после этой аварии немного. Всего семь лет. Он еще успел отправиться вместе с отцом в Тюмень, вернуться в строй, вновь начать работать на буровых. Такие люди так просто не сдаются. Но здоровье было уже подорвано. Плохо с тромбами. Он даже женился, говорят, по настоянию Клавдии Захаровны. Звали ее Валерия.

— Валерий и Валерия, — произнес Алексей. — И один из ближайших друзей — тоже Валерий.

— Да, имена много значат, это ведь как Божий знак, — сказал Николай Александрович. — Смотри,

«Валерий» означает в церковных канонах «бодрый, крепкий». И наш Валерий действительно был таким, даже после случившейся с ним трагедии. А День мученика Валерия отмечается 22 марта. И именно в это время произошла авария. Много мистического, как я уже говорил. И другие имена в семье Муравленко: сам Виктор — «победитель», таким он и был по жизни. Клавдия — охранительница семьи, мученица. Сергей — верный, разумный, молитвенник; преподобный Сергей Радонежский — один из самых почитаемых на Руси святых. Алексей — человек Божий, юродивый, несчастный.

— А кто такой Алексей? Разве был еще третий сын?

— Нет. Это внук Виктора Ивановича. Он родился у Валерия уже в Тюмени. И тут тоже много трагичного. Может быть, и не стоит об этом говорить, но ведь нужно быть правдивым. Личная, семейная жизнь у Валерия сложилась не совсем гладко. В Куйбышеве он любил другую девушку. Но это не главное. Сын у него родился болезненным с врожденным изъяном на лице. Мальчика назвали Алешкой. Наверное, сказалось и то, что у самого Валерия было уже подорвано здоровье. Но мальчика все любили, а Клавдия Захаровна так просто души в нем не чаяла. Баловали его, это правда. Сам Валерий умер 18 марта 1969 года. В Международный женский день он вместе со всеми справлял у отца праздник. А ровно через десять дней Валерий умер — оторвался тромб. Через восемь лет скончался Виктор Иванович. Клавдия Захаровна осталась с сыном Сергеем и внуком. Невестка, Валерия, вела себя тут неправильно. Она иногда забирала Алешу к себе и не подпускала к нему свекровь. А для Клавдии Захаровны он был как свет в окне. Алеша рос, окончил школу, потом институт. Учился, честно говоря, неважно. Ну и еще одна пагубная привычка появилась, известно какая.

— Догадываюсь, — сказал юноша, кивнув на стакан.

— Словом, тут тоже драма, — продолжил Чишинов. — Без Виктора Ивановича всё стало разваливаться. Алеша прожил недолго, он умер в середине девяностых годов. Валерия уехала в Куйбышев или еще куда-то, след ее простыл...

А младшего сына Сергея судьба тоже прочно связала с нефтянкой. Он прошел все ступени «нефтяной лестницы», с самой низшей. Родился он в 1950 году. Смеясь, Клавдия Захаровна рассказывала, насколько желанным был ребенок для папы. «Он вложил все черты своего характера в младшего сына». И это так! Скромность, застенчивость, мягкое отношение к людям, доброта и уже твердый характер с большим чувством собственного достоинства. Как мама, улыбчив, как папа, внимателен, и очень обязательный человек. Никогда не пойдет на «базарный» конфликт, но заставить его изменить себе невозможно.

Все всегда отмечали его трудолюбие, скромность. Вот, к примеру, приходил он еще школьником к отцу в главк, за книгой какой-нибудь или ватманом, а дальше проходной не шел, звонил в приемную. Секретарша ему говорит: «Сереза, ну ты поднимись на второй этаж». Нет, стеснялся. Он окончил Тюменский индустриальный институт и не остался «при папе», а уехал в строящийся Нижневартовск, по которому весной и осенью можно было ходить только в болотных сапогах, а о каких-то молодежных развлечениях и речи не было. Были минуты слабости, когда хотелось вернуться обратно в Тюмень, устроиться работать в институт, он даже посоветовался об этом с отцом, но тот сказал: «Хочу, чтобы ты, во-первых, стал настоящим человеком, а во-вторых — настоящим специалистом. Пусть тебе сейчас нелегко, но ты должен через всё это пройти». И Сергей остался, вкалывал «до седьмого пота». Руководителями у него были два замечательных человека, «легенды» нефтяной Сибири — Роман Иванович Кузоваткин, будущий

преемник Виктора Ивановича, и Николай Петрович Дунаев, главный инженер главка после смерти Муравленко. В этом Нижневартовске Сергей проработал в общей сложности шестнадцать лет, да еще пять — в Нефтеюганске.

Мало кто знает, что в Нижневартовске, когда он уже был начальником, его попросили чуть-чуть (для «выполнения плана») приписать показатель добычи нефти. Вот здесь и споткнулись о Муравленко. Ничто и никто не смогли заставить его это сделать. Как сказал Новалис, «характер — это окончательно сформировавшаяся воля». Убрать с работы его не могли — нет «доказательной вины». Остаться в этом серьезном состоянии конфликта — невозможно. И, как выход, — в Москву, в академию на два года.

Но он закончил учебу за год и снова вернулся работать на Север — в Нефтеюганск, начальником объединения. Попал в жестокое время перемен. Менялся государственный строй, рушились плановая система и управление всей промышленностью. Заводы-производители останавливались, а добыча тюменской нефти целиком зависела от Большой земли. Рецептов на выживание никто не давал.

В те перестроечные годы Сергей был выбран (в полном соответствии с законом о трудовых коллективах) генеральным директором объединения «Юганскнефтегаз», стал первым в Министерстве нефтяной промышленности избранным руководителем такого ранга.

Генеральный директор, как гроссмейстер, должен был просчитывать каждый шаг на пять, десять лет вперед. Под его управлением был многотысячный коллектив с его жизненным укладом. И «нефтяные генералы» Тюмени в одно мгновение стали полководцами, которые, принимая решения, обязаны были сохранить то, что уже сделано, — не разрушив

ничего! И каждый из них прошел этот нелегкий путь с достоинством. Все они — ученики Виктора Ивановича Муравленко. И, как и прежде, тюменская нефть продолжает кормить Россию.

Сергей унаследовал все, что передают гены родителей, а время, которое шлифует характер и взгляды, сделало его политиком — депутатом Государственной думы. «Человеку, который знает куда идти, мир дает дорогу» (Дэвид Джордан). Сергей добился всего сам, своим трудом и знаниями. А почему?

— Почему? — спросил Алексей. — Тоже хочу знать секрет, как стать главой нефтяной компании. Пригодится.

— А потому, — усмехнулся дядя Коля, — что нужно не лежать на печке, а работать. Отвечу тебе словами самого Сергея Викторовича, который своим дочерям сказал так: «Когда я окончил институт, ваш дед меня, как кутенка в речку, бросил в самотлорские болота. Я барахтался изо всех сил, случалось, и захлебывался, а он меня держал за шкурку, чтоб не утонул». А теперь Сергей Муравленко — депутат Государственной думы, у него красавица жена — сибирячка и две прелестные умные скромные дочки. Род Муравленко на Руси не переведется, на таких она и держится.

— А Клавдия Захаровна, что с ней стало? — задал вопрос Алексей.

— Она умерла 4 июля 2001 года, посвятив всю свою жизнь мужу, сыновьям, внуку. И, может быть, именно в этом — главное предназначение женщины, жены, матери. В любви, в преданности, в сохранении семейного очага. Таким вот она была человеком — отдавала себя без остатка своим самым близким и родным людям. Красивая, умная, воспитанная на Кавказе идеальная хозяйка: гостеприимная, добрая, скромная. Семья — это ее жизнь, ее религия, ее любовь.

Говорят, муж и жена со временем становятся похожими друг на друга. Пылкая любовь молодости переходит в уважение, душевные ценности объединяются, а дом становится крепостью, где тебя всегда ждут, где ты можешь открыть свою душу, где тебя понимают без лишних слов и никогда не подведут. И близкие будут всегда рядом, что бы ни случилось. Именно по этим законам людской мудрости жила семья Муравленко.

Как-то на отдыхе Виктор Иванович сказал: «Клавдия Захаровна — это подарок судьбы. Мне». Она засмеялась: «Почему раньше об этом не говорил?» — «Это жизнью выверяется, — ответил он очень серьезно. — Ты у меня — зам по тылу». Это дорогого стоит!

Уже потом, когда память события жизни перебирает как четки, Клавдия Захаровна, улыбаясь, говорила, что она самая счастливая женщина. Любимый муж, два замечательных сыночка, внук и две внучки — о каком еще большем счастье можно мечтать? В жизни всегда поровну и счастья, и горя. Счастья желаешь и добиваешься, а горе само приходит. Мудрая женщина! Глаза заплаканные, а, улыбаясь, говорит: «Сама от себя спасаюсь»...

Горя в этой семье было «через край». Когда Валерий, попавший в аварию, умирал и медики жизнь ему не гарантировали, Клавдия Захаровна поседела. Каждая секунда на протяжении шести месяцев могла стать роковой. И все эти бесконечные секунды мама была рядом с сыном. И победила — выходила и на некоторое время вырвала его из объятий смерти.

Потом она радовалась, глядя, как потомственный нефтяник, внук Алешка (шести месяцев от роду) обживал гостиницу «Заря» («соня на подушке»). Порода в нем была муравленковская: глазки черные, как сливы, улыбчивый. Он хорошо уже знал руки бабушки. Она не доверяла молодым родителям — ведь Алеша родился с

патологией. Заботы о жизни и лечении ребенка полностью легли на Клавдию Захаровну. Она — и няня, и медсестра, и повар, и воспитатель, и прачка... А бытовую технику-помощницу установить негде было — размеры квартиры-«хрущевки» не позволяли.

«Маленькое счастье» росло на глазах Клавдии Захаровны, лепило свои армии из пластилина, мыло пол духами бабушки, бегало хвостиком за своим дядей Сережей, пряталось от бабушки за бабушку и кричало: «Витя, Витя, я здесь!» Счастливое время! Но оно вновь было не долгим. Валерий... Он умер на руках у мамы. Вернулся с севера, пришел к маме на обед, поиграл с сынишкой и... ушел из жизни. Красивый, умный, как мама, улыбчивый. Добрый, открытый для всех, душа чистая, светлая. Трудяга, любимец друзей и всего коллектива.

И только один Виктор Иванович знал, как коротка будет жизнь Валерия, — врачи предупредили. Невозможно представить мысли, которые выедают душу в ожидании неотвратимой беды. Знал он и о конечном, трагическом пути Алеши. Как мог, оберегал эти страшные тайны. Как-то сказал: «Смотрю на него, радуюсь, а душа плачет». И эту свою боль он унес с собой.

В последние ее годы жизненные силы давали Клавдии Захаровне две маленькие внучки: Маруся, как звал ее Виктор Иванович — Моя Русь, и Виктория, которую называли в честь деда Виктора. Клавдия Захаровна говорила: «Всегда хотели девочек, и Сережа с Ниной нам это счастье подарили». Внучки стали ее жизненным стержнем, но три инфаркта и два инсульта сделали свое дело. Клавдия Захаровна ушла из жизни, как и хотела, — летом...

И теперь они покоятся вместе, на Червишевском кладбище под Тюменью — четыре могилы: Виктора Ивановича, Валерия, Алексея и Клавдии Захаровны. А

перед памятником Муравленко будто в почетном карауле выстроились буровые долота. И кажется, что вот-вот хлынут фонтаны нефти. Это как символ того труда, той профессии, которой Виктор Иванович посвятил всю свою жизнь. И победил в ней. А в смысле вечном — победил и смерть. Потому что такие люди не исчезают в никуда. Они на все времена становятся живыми и спасительными маяками в этом бушующем и часто гибельном житейском океане.

Николай Александрович выключил вентилятор — толку от него не было никакого, только гонял пыль по квартире. А жарко и душно было по-прежнему.

— А сестра Виктора Ивановича? — спросил вдруг Алексей, который и сам уже незаметно становился пытливым биографом Муравленко.

— Тамара вышла замуж за полковника Советской армии, — охотно отозвался Чишинов. — Некоторое время жила и работала в Германии. Умерла до перестройки. А ее дочь, Аля, стала переводчицей. В Индии. Родственных связей они никогда не теряли, переписывались. А уж если выпадали редкие встречи, то это был настоящий праздник. Все они были дружны друг с другом, одна большая семья, муравленковская. Но ты знаешь, у Виктора Ивановича, по существу, было гораздо больше детей.

— Как это? — не понял юноша.

— А так. Он ведь был еще и преподавателем в институте, профессором, и ко всем своим студентам относился как к родным детям. Это не просто слова, а правда. Они порою для него даже больше значили, чем работа в главке. Когда приходили к нему в кабинет сдавать зачеты или прослушать лекцию, если он не успевал в институт, то Виктор Иванович откладывал все совещания и просил секретаря ни с кем его не соединять, даже с Москвой. Но спрашивал строго, поблажек никому не давал. Экзаменационную планку

держал высоко. Вот, например, один из его студентов, Валентин Кветкин, защищал диплом в Куйбышевском индустриальном институте. Тема была «Бурение нефтяных скважин с морского основания». Отвечал отлично. Твердая пятерка. Вдруг Виктор Иванович задает последний вопрос: «Кто первым из нефтяников разработал в Советском Союзе технологию проводки скважин с передвижного морского основания?» Молчание. Тогда Муравленко говорит: «Стыдно не знать, молодой человек. Это же ваш завкафедрой Владимир Иванович Тарасевич, вот он, сидит рядом со мной». А сам Тарасевич был человеком чрезвычайной скромности и о своем изобретении студентам не рассказывал. В итоге оценка была снижена до четырех баллов. Кветкин тогда сначала обиделся на Виктора Ивановича, но в итоге отправился вслед за ним в Тюмень, работал там в главке на руководящих должностях.

Или Виктор Китаев. В декабре 1964 года он получил из рук председателя экзаменационной комиссии красный диплом. Виктор Иванович поинтересовался у него: куда распределяетесь? Китаев ответил, что едет осваивать Тюмень. «Похвально, возможно, там мы встретимся снова». И ведь действительно встретились, да не один раз. Китаев стал работать буровым мастером в Урае, потом на партийной работе в Ханты-Мансийске, снова на производстве в Нижневартовске, Мегионе, Саяногорске, вырос до секретаря Тюменского обкома партии, а в девяностые годы руководил технико-коммерческим бюро «Газпрома» в Австрии. Классный специалист из «гнезда Муравленко» взял на вооружение его главный принцип — «не люди для нефти, а нефть для людей». Он приехал в Тюмень на три года, а остался на всю жизнь.

Не случаен и такой факт. Вот сейчас от «Главтюменнефтегаза» ничего не осталось, в здании — коммерческие структуры, всё серьезно, солидно. Но

кабинет Муравленко на третьем этаже и примыкающую к нему комнату не тронули. И слава богу, сохранили в прежнем виде. Не всё же в аренду да на продажу. Теперь тут музей и фонд имени Муравленко. Работают там всего три человека во главе с Сергеем Дмитриевичем Великопольским, хранят память о великом человеке. На массивном столе стоит уже неработающий телефон-вертушка, за стеклом — казачья шашка, подаренная Виктору Ивановичу. А на стене — большая картина неизвестного художника. Сюжет ее относится к началу семидесятых годов: несколько человек в полушубках, возле буровой вышки, на Самотлоре. Среди них — Муравленко, Китаев, другие люди, рабочие вдалеке. Композиция решена так, что никто не выпячивается, нет там центральной фигуры и нет посторонних, случайных. Чувствуется, люди заняты делом, что-то обсуждают, спорят, заодно и радуются встрече. А кто-то мимоходом оглядывается на нас, зрителей. Но все — в движении, даже ощущается их дыхание, морозный воздух, слова слышатся. Это лучше любой фотографии, потому что картина живет, о многом говорит. Надо лишь уметь видеть и слышать. Такая вот, Леша, наглядная иллюстрация.

— И художник неизвестен?

— К сожалению. А известны ли все те, поименно, кто поднимал Западную Сибирь, осваивал Самотлор и другие месторождения в регионе? Их было больше миллиона, все они вложили частицу своей души в это гигантское строительство. И памятник им может быть только один, общий. Он и стоит в столице Самотлора — Нижневартовске: фигура Нефтяника с поднятой рукой, в которой горит огонь.

В это время зазвонил мобильный телефон из-под подушки. Вернее, сразу-то было не определить, откуда раздается это нахальное бречание, похожее на мяуканье мартовского кота, пока сам дядя Коля не

помог своему юному соседу найти его любимую игрушку. Потом ушел на кухню, попить холодного чая, а когда вернулся, Алексей уж кончил разговаривать.

— Подружка? — спросил дядя Коля.

— Невеста, — смущенно отозвался юноша.

— Я ее знаю?

Алексей отчего-то еще больше застеснялся и вместо ответа сам задал вопрос:

— Интересно, а что имя «Елена» означает?

— Прекрасная.

— Это я и сам знаю. А более конкретно?

— А это какая же Елена? — насторожился дядя Коля. — Уж не моя ли внучка? Не она ли тебе сейчас и звонила?

Алексей вывернулся.

— Надо сменить мелодию в мобильном, — сказал он. — Надоела. Какую посоветуешь поставить, дядя Коля?

— Гимн Советского Союза, — ответил старый бурильщик.

— Я подумаю. Так что ты говорил о педагогической деятельности Виктора Ивановича? Это очень важная и интересная тема.

Николай Александрович улыбнулся, покачал головой, но начал охотно рассказывать:

— Вообще-то, об этом действительно написано очень мало. Всему нефтяному миру Муравленко известен как руководитель и организатор нефтедобывающей промышленности Западной Сибири, как государственный деятель самого высокого ранга. За рубежом его просто называли «нефтяной король Сибири», тогда еще никаких Ходорковских и в помине не было, да тут и сравнивать нельзя. Но вот то, что он был настоящим профессором бурения, педагогом, — об этом сказано скупо. А он много лет руководил дипломными проектами и в Куйбышевском индустриальном

институте, и в Тюменском, сам заражал будущих нефтяников смелыми идеями, приучал их мыслить самостоятельно, конструктивно. Между прочим, за создание и внедрение новых прогрессивных методов разработки нефтяных месторождений группе куйбышевских нефтяников, в том числе и Виктору Ивановичу, была присуждена Ленинская премия. А это была высшая оценка труда. Еще в Куйбышеве его кафедра бурения стала одной из самых лучших в стране — и по составу специалистов, и по оснащенности учебно-промышленным оборудованием, да и по качеству знаний у выпускников.

А когда он переехал в Тюмень, стал руководителем главка, то признался декану Тюменского индустриального института Виктору Ефимовичу Копылову (было это зимой 1965 года), что очень скучает по преподавательской работе, что без нее просто настоящая тоска на душе. «В чем же дело? — ответил ему Копылов. — Мы будем только рады, если вы станете читать нашим студентам лекции». Но дело осложнялось тем, что у Муравленко действительно не было ни минуты свободного времени. Нагрузка колоссальная, главк только создавался, начинал функционировать. Как работать по совместительству? Были опасения и другого свойства: какова будет реакция коллег по главку и партийного руководства области? Это ведь предлог для всяких ненужных словесных спекуляций. Некоторым людям лишь язык почесать, скажут: приехал и сразу на двух стульях сидит. А для Виктора Ивановича преподавание — это та отдушина, в которой он, наверное, черпал силы, как глоток свежего воздуха или живой воды. Договорились так: Виктору Ивановичу выделили студентов с дипломными и курсовыми работами, составили план обзорных лекций по новой технике и технологии бурения, а от оплаты он отказался.

И, кстати, на протяжении многих лет Копылову, уже ректору института, приходилось постоянно утрясать «конфликты» между бухгалтерией и Муравленко, поскольку зарплата-то официально шла, а он ее демонстративно не получал. Для главного бухгалтера института это была многолетняя «головная боль»: как отчитаться по ведомостям и вручить полагающиеся деньги строптивому профессору. А общий объем выполненных учебных работ у Муравленко оказался даже гораздо большим, чем было запланировано. Но кляузы-то на Виктора Ивановича все равно пописывали, приходилось и ему, и Копылову объясняться, доказывать свою порядочность. А это — очередные незаживающие рубцы на сердце.

— А где же он время-то свободное находил? — недоуменно спросил Леша, почему-то поглядев себе под ноги. Будто оно, время, именно на полу-то и валялось.

— Кто ничего не хочет делать, тот ищет причину. Работа — лучший способ наслаждаться жизнью, как писал Кант, — ответил дядя Коля. — Так что время у человека мыслящего и деятельного есть всегда. Муравленко не только преподавал, он помог в буквальном смысле Тюменскому институту встать на ноги. Сказал Копылову: «Поезжайте на склады главка, прямо на полках посмотрите, что у нас есть. Берите всё, что надо, отказа не будет. Нужна будет буровая установка — выписывайте. Установим ее сами, силами нефтяников-производственников». Это был уже сибирский размах. Копылов, сам коренной уралец, оценил душевную широту Виктора Ивановича. Институту ведь действительно требовалось оборудование, много чего. И всё было доставлено в срок, все лаборатории были оснащены по высшему качеству новейшей техникой и оборудованием.

А на должности профессора Муравленко трудился до самой смерти. Участвовал во всех научных

конференциях института. Нужна была какая-нибудь опытная партия приборов — он тотчас же давал указание одному из заводов главка на их изготовление. Однажды Копылов по какой-то надобности пришел в главк к Муравленко. И секретарь неожиданно отказала во встрече. «Почему?» — «У него на приеме сейчас ваши же студенты». Вот так. Когда читает лекции в кабинете — нельзя никому. Среди студентов даже существовал неофициальный конкурс: кому из них идти в первую очередь к Виктору Ивановичу как к руководителю проекта или дипломной работы. Это тоже говорит о многом. Муравленко следил за судьбой своих подшефных и после защиты, за их самостоятельной работой на инженерных должностях. А к буровикам у него была конечно же особая любовь. К числу его личных научных заслуг относится разработка телевизионного передатчика с параболической антенной, устанавливаемой на буровой вышке, диспетчерской телевизионной связи с отдаленными буровыми установками на расстоянии 20–30 километров, много чего другого. И учебный телецентр института, мощный вычислительный центр — это всё тоже его детище.

— А какими еще отраслями науки он интересовался? — спросил Алексей.

— Самыми разными, например космической техникой, — ответил Чишинов. — Тогда ведь была эра космоса, настоящий бум в этой сфере. У нас вслед за Гагариным летали Титов, Николаев, Попович, Быковский, Терешкова... У американцев первым космонавтом стал Джон Гленн. Тогда в Советском Союзе шел этакий своеобразный спор между «физиками» и «лириками» — что важнее? А нужно на самом деле и то и другое. И полеты в космос, и стихи. И спорт. Ландау получил Нобелевскую премию, Евтушенко и Вознесенский выступали в Политехническом, а Валерий Брумель

ставил «космические» рекорды по прыжкам в высоту. Групповой полет в космос совершили Комаров, Егоров и Феокистов, открылся Театр на Таганке, вышел «Гамлет» с великим Смоктуновским, построили Асуанскую ГЭС, совершил первый выход в открытый космос Алексей Леонов, возшла звезда Лидии Скобликовой, Галины Прозуменщиковой, Попенченко и Лагутина. Но тогда же американцы начали бомбардировки Вьетнама (любят они это дело — хлебом не корми), а в Англии, перед началом чемпионата мира по футболу, украли главный приз — «Золотую богиню Нике». Нашла ее случайно собачка в городском парке в кустах. За что ей потом был обеспечен бесплатный корм до конца собачьей жизни. Мы, кстати, заняли там почетное четвертое место.

— Ну, историю футбола я знаю, — сказал Алексей и взглянул на часы: скоро ли финал? Не опоздать бы к главному спортивному событию года. Но в запасе было еще четыре с половиной часа.

— Муравленко защитил докторскую диссертацию по совокупности опубликованных им работ, книг, — продолжил Николай Александрович. — Это был солидный, интересный, содержательный доклад с высоким инженерным уровнем технических решений. Среди них в первую очередь — гидромониторные долота в сочетании с турбинным способом бурения; облегченные бурильные трубы из алюминиевых сплавов; прокладка знаменитых ледовых дорог в условиях топи и болот, способных работать почти круглый год; передвижные буровые установки на воздушной подушке и на железнодорожной основе; крупноблочный монтаж буровых конструкций и газотурбинный привод, ну и, конечно, решение многих практических задач по обустройству месторождений и северных городов, включая вопросы организации труда, диспетчерской

связи и так далее. Все изобретения и новшества Виктора Ивановича даже невозможно кратко описать.

— А что такое «воздушная подушка»? — спросил Леша.

— Это — искусственно создаваемый слой сжатого воздуха, задерживаемый специальной гибкой оболочкой, — пояснил Чишинов.

— Думаешь, я понял?

— Ну, подушка разгружает конструкцию при транспортировке, снижает давление на грунт, амортизирует буровую вышку. А для заболоченных пространств Западной Сибири, которые были почти лишены транспортной дорожной сети, эта подушка была самой перспективной находкой. За шесть лет, начиная с 1966 года, было создано несколько вариантов буровой установки на воздушной подушке. Все испытания прошли успешно, при непосредственном участии Муравленко. А на одном из них — на нефтепромыслах Стрежевого в Томской области присутствовали канадские специалисты-нефтяники. Их оценка выразилась в одном слове: «Фантастика!»

— Вот теперь ясно, — удовлетворенно кивнул Алексей.

— Эта разработка была запатентована во многих странах мира, — продолжил дядя Коля. — В Канаде, США, ФРГ. Зарубежные журналы опубликовали ее описание. Один из разработчиков этой подушки, Шибанов, стал потом заведующим кафедрой в Тюменском институте. Иностранцы в те годы ездили в Западную Сибирь к Муравленко часто, набирались у него ума-разума. Но и сам он тоже совершал многочисленные поездки за рубеж. В Канаде в том же 1966 году знакомился с достижениями в области бурения скважин в условиях, сходных с тюменскими. В Финляндии его интересовали достижения домостроения в суровых северных краях, знаменитые «финские домики». Был на

всемирных выставках в США и Японии, посетил нефтяные промыслы Венесуэлы, в Чехословакии заключил контракт на поставку тюменским нефтяникам автомашин фирмы «Татра» в специальном исполнении, консультировал иракских специалистов по вопросам добычи нефти и проектирования системы поддержания пластовых давлений на месторождениях Северной Румэйлы. Скажу тебе больше, Леша. После последнего перенесенного инфаркта, еще не полностью от него оправившись, буквально за месяц до смерти Виктор Иванович говорил, что хочет отойти от производственных дел, вернуться в милое его сердцу Поволжье, полностью посвятить себя педагогической деятельности. Не довелось. Не успел.

Помолчав некоторое время, Николай Александрович вдруг сказал:

— А смерть позже настигла и его преданного шофера, Валентина Червоткина, который тоже был ему как сын, — и именно на одной из тех «Татр». И это тоже почти мистическая история...

— Какая? — живо заинтересовался Алексей.

— Расскажу в другой раз. Давай пройдемся по улице.

3

Приказ № 1 от 16 сентября 1965 года

«В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 3 сентября 1965 года № 1026 с И сентября 1965 года приступил к исполнению обязанностей начальника Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности (Главтюменнефтегаз) СНХ РСФСР.

В. Муравленко, начальник «Главтюменнефтегаза».

Из выступления В. И. Муравленко:

«Хотел бы сказать о трудовом подвиге комсомольско-молодежной бригады бурового мастера Виктора Китаева, пробурившего скважину на газовом куполе Самотлора, об атмосфере дружбы, взаимного доверия, о психологическом климате, созданном в коллективе. Это как раз тот случай, когда фактор духовный становится фактором инженерным, экономическим. Только при поверхностном взгляде у нас проблемы чисто технические. На самом деле это социально-нравственные проблемы, в решении которых участвует не узкий специалист: буровик, вышкостроитель, нефтепромысловик, — но гражданин, личность. Высокий профессионализм, конечно, необходимейшее, но не единственное качество. Победить эту землю одной техникой без нравственной силы, без творческой мысли нельзя было».

Сухие факты и хроника:

1974 год, апрель. Начата пробная эксплуатация Салымского месторождения.

Май. Исполнилось десять лет с начала эксплуатации нефтяных месторождений Западной Сибири. За это время добыто 309,1 миллиона тонн нефти.

Июнь. На Самотлоре получено 100 миллионов тонн нефти с начала эксплуатации.

Сентябрь. Завершено строительство газопровода Правдинское месторождение — Сургутская ГРЭС. Начато строительство железной дороги Надым — Пангоды — Уренгой.

Октябрь. Впервые газ Западной Сибири пришел в Москву.

Ноябрь. Нефть Самотлора пришла к новороссийским терминалам. Добыто 109,8 миллиона тонн нефти и 23,1 миллиарда кубометров газа.

В Сургутском районе открыто одиннадцатое месторождение нефти — Нижнесартымское.

Достигнут миллионный рубеж проходки скважин предприятиями объединения «Запсиббурнефть» (бригады В. Китаева, Г. Левина, Г. Петрова, А. Шакшина, В. Глебова).

1975 год, май. Сдан первый Нижневартовский ГПЗ, осушенный газ пошел на Сургутскую ГРЭС.

Август. В Сургут прибыл первый поезд, открылась железнодорожная связь Среднего Приобья со всей страной.

В НГДУ «Юганскнефть» добыта 100-миллионная тонна нефти.

Октябрь. На Самотлоре добыта 200-миллионная тонна нефти.

На Холмогорской площади пробурена первая эксплуатационная скважина (бригада М. Фомина).

На Самотлоре замкнулось энергетическое кольцо с напряжением 110 кВт.

В Нижневартовске открыт филиал института «Гипротюменнефтегаз».

Образовано НГДУ «Белозернефть».

1976 год, январь. Введен Южно-Балыкский ГПЗ.

Начало эксплуатации Северо-Покурского месторождения нефти.

Июль. Суточная добыча нефти по «Главтюменнефтегазу» достигла 500 тысяч тонн.

Февраль. Территориальное главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности («Главтюменнефтегаз») награждено орденом Ленина.

Март. Создан завод «Нефтетрансмаш».

В Нижневартовск прибыл первый поезд.

Создано НГДУ «Варьеганнефть».

В НГДУ «Юганскнефть» по сравнению с 1964 годом добыча нефти увеличилась более чем в 250 раз, производительность труда — в 12 раз, рост численности работающих — в 5 раз.

1977 год, март. Началось строительство газопровода Уренгой — Тюмень — Челябинск.

15 июня. Нефтяники страны, весь советский народ понесли тяжелейшую утрату — скончался Виктор Иванович Муравленко.

Всего одна цитата:

«Чтобы определить место В. И. Муравленко в преображении Сибири, нужно знать и учитывать то время, в которое он жил и работал. Сибирь была его звездным часом. О нем обычно говорят так: нефтяник, выдающийся нефтяник. Это правильно, но недостаточно. Считаю его одним из крупнейших преобразователей и строителей новой Сибири. Занимаясь развитием нефтяной промышленности, он фактически осваивал гигантские, абсолютно необжитые просторы Западной Сибири. Он — видный первопроходец, преобразователь, строитель Сибири, принимал участие в строительстве десятков городов, создании чрезвычайно важных коммуникаций — воздушных, железнодорожных, крупных научных, культурных центров, современной системы жизнеобеспечения. Ведь в ту пору население Тюменской области выросло в три с половиной раза, а Томской — почти в два раза! Заслуга его еще и в том, что им были созданы сотни крупных нефтяных, строительных, научных, культурных трудовых коллективов. Вся его деятельность начисто опровергает злостную выдумку об «эпохе застоя». Благодаря его деятельности в Западной Сибири сформировался нефтегазовый комплекс планетарного масштаба, развился центр большой науки. Многие поколения русских людей, идя на восток, «навстречу солнцу», заселяли и осваивали гигантские пространства Сибири. И вклад Виктора Ивановича здесь огромный, один из самых значительных в тысячелетней истории России...»

(Егор Кузьмич Лигачев, член Политбюро ЦК КПСС с
1985 по 1990 год)

Глава седьмая

1

**Из рукописи Николая Александровича Чишинова
«Нефтяник № 1»:**

«В 1965 году в Тюмени были созданы три главных управления — три кита, на которых, без преувеличения, стала опираться вся жизнь региона, вся западносибирская нефть и газ. Это, в первую очередь, «Главтюменнефтегаз» во главе с Виктором Ивановичем Муравленко, «Главтюменьгеология», которую возглавлял опытный геолог, участник Великой Отечественной войны Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье, и «Главтюменнефтегазстрой» под руководством также бывшего фронтовика, инженера-строителя Алексея Сергеевича Барсукова. Задачи они решали общие, одно без другого существовать не могло: без геолого-разведочных работ не могло быть промышленного освоения нефти, а само оно могло развиваться лишь в тесном сотрудничестве со строительным комплексом.

Нужно видеть карту Тюменской области, сравнить с тем, что было тогда, в начале и середине 60-х годов, и во что превратился этот нефтегазоносный регион сегодня. В те дни всё находилось лишь в зачаточном состоянии. Несколько карликовых контор бурения в Шаиме, Сургуте, Мегионе. Первые промыслы в Урае и Усть-Балыке... И теперь: карта области усеяна черными треугольниками (месторождениями), которые с расстояния напоминают огромный муравейник, единый слаженный механизм по добыче нефти и газа. Больше всего таких треугольников в районе Самотлора.

Сооружены порты, аэродромы, железные и автомобильные дороги, заводы и домостроительные комбинаты. Построены новые города Нефтеюганск, Сургут, Нижневартовск, Надым, Уренгой, Ноябрьск, Муравленко, Когалым, Нягань, Радужный, Лангепас и многие другие.

А как всё начиналось? Не было ни производственных баз, ни дорог, ни жилья. Эрвье занимался поисками нефти в Западной Сибири с середины пятидесятых годов. Ему говорили «научные светила»: «Какая нефть в Тюмени? Всё это плод пылкого воображения!» И годы поисков среди болот, в тайге, в жару и мороз принесли поначалу немало разочарований. Были и пустые скважины, и вода вместо нефти. Но, следуя смелым прогнозам академика Губкина, Эрвье продолжал разведку, как на фронте перед войсковой операцией. И символично, что именно 22 июня 1960 года наступил этот исторический день, когда в Тюменское геологическое управление на имя Эрвье пришла кодированная радиограмма из Шаима: «Аки юз али уч юз», что означало: нефть есть, пошла. Дебит первой скважины составлял 250–300 тонн. Начальник Шаимской нефтеразведки Шалавин радировал по-азербайджански, чтобы преждевременно не поднимать шумихи. В тот же день Эрвье уже стоял вместе с Шалавиным и буровым мастером Урусовым над котлованом, заполненным шаимской нефтью. У ног плескалось первое нефтяное озеро. Рукотворное озерцо, еще очень малое по объему. Победители непременно должны были умыться этой долгожданной нефтью, вдохнуть ее запах, столь отличный от запаха многовековой тайги...

Этот день можно считать началом освоения нефтеносных запасов Западной Сибири. Самый ярый противник поисков нефти в этом регионе — директор Саратовского научно-исследовательского института Назаркин, постоянно докладывающий в цк, обком и

министерство, что государственные средства расходуются в Западной Сибири зря, вредительно, что нефти тут никакой нет и быть не может, — был посрамлен.

Уже 18 июля 1960 года в «Правде» было опубликовано интервью Эрвье с академиком Трофимуком, директором Института геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук СССР, с характерным заголовком: «Большая нефть Сибири». Там были такие слова: «Значение Шаимского месторождения, особенно сейчас, после успешного испытания скважины № 6, трудно переоценить. Это первая нефть Сибири промышленного значения... Можно сделать вывод: эта скважина является высокодебитной и находится на уровне лучших скважин Тумазы и Ромашкина в Татарии... Особенно хочется отметить замечательную бригаду Урусова и всех его товарищей, в трудных условиях сибирской тайги эти люди творят чудеса... По имеющимся теперь данным, можно сказать, что Конда в самом недалеком будущем станет крупным нефтепромыслом страны».

Нов этой статье говорилось и о том, что условия труда и быта на буровых оставляют желать много лучшего. То, что приходится испытывать буровикам в Сибири, незнакомо ни одному поисковому отряду или буровой бригаде в обжитых районах европейской части страны. Тюменские разведчики испытывают острый недостаток в станках, особенно легких типов, легко передвигаемых и приспособленных к местным условиям. Недостает совершенной геофизической аппаратуры, транспортных средств большой проходимости. Случаются такие парадоксы, что скважина бурится 15–18 дней, а буровая вышка монтируется в течение месяца. Необходимо широкое применение новых средств — это огромный резерв повышения производительности труда на буровых.

Эрвье и Трофимук обозначили задачи, перспективы развития нефтеносных районов Западной Сибири, а решать их должны были руководящие органы СССР — всей своей политической волей и государственной мощью. И, слава богу, дело сдвинулось с мертвой точки. Не сразу, но все нефтяные силы страны постепенно стали сосредотачиваться в Западной Сибири, в Тюменском крае. А ведь какая техника была у геологов и нефтяников в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов? Смешно сказать, но главным транспортным средством у первопроходцев был... танк Т-34, с которого срезали броню и сняли башню. На нем и таскали все необходимое оборудование. Точно так же использовали и артиллерийские самоходные установки, потому что тракторов хронически не хватало, а на чем-либо другом преодолеть западно-сибирские болота было невозможно. Зимой возили технику, летом бурили. Летали на первых вертолетах Ми-1 — по два-три человека. Сколько же надо было сделать рейсов, чтобы перевезти вахту? Лишь потом стали использовать более крупные вертолеты Ми-4.

Первые тюменские геологи Эрвье, Ровнин, первые бурильщики Шидловский, Распопов, Куталов, Тетеревников много сделали, чтобы проторить путь нефтяной армии Муравленко. Бригады мастеров Урусова, Норкина, Лагутина, Карамова постоянно перевыполняли задания по скорости бурения. В 1964 году в мае с борта теплохода «Ферсман» полетела следующая радиограмма: «Рады сообщить, что первые две тысячи тонн нефти, полученной на Усть-Балыкской площади, залиты в нефтеналивную баржу. Теплоход «Ферсман» повел ее в Омск. Пробная эксплуатация нефтяных месторождений Тюменской области проходит хорошо. Недалеко то время, когда Родина будет получать десятки миллионов тонн северной нефти. В эти

дни геологоразведчики подняли нефтяной керн на Салымской и Быстринской площадях».

Тут хотелось бы сказать следующее. Если Виктор Иванович Муравленко, подобно легендарному Ермаку, буквально покорил Западную Сибирь, поднял ее до уровня главного региона страны, то Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье одним из первых открыл миру тюменский феномен. С его именем неразрывно связаны первые месторождения нефти, газа и конденсата этого края. Заслуга в этом и его соратников — Ростовцева, Быстрицкого, Белкиной, Анисимова, Цибулина, Абазарова, Юдина, Подшибякина, Теплякова, Токарева, Салманова, Гаврикова, многих других первопроходцев. Они открывали Север, но и сам Север открывал их, делал этих людей еще сильнее и мужественней, закаливал и обогащал духовным теплом, радостью жизни. Обыкновенные люди превращались в необыкновенных, выдающихся. И в этом, наверное, главная особенность Севера, Западной Сибири.

Уместно тут будет привести и «Боевую характеристику» военинженера Эрвье из далекого 1943 года, как символ прямой и достойной линии жизни этого человека: «Отдельный отряд глубокого бурения Зак. фронта (командир отряда т. Эрвье) действовал с частями 223-й дивизии с 21 октября 1942 года по 7 января 1943 года. Личный состав отряда проявил себя как мужественный, находчивый и боевой коллектив. Обеспечивая полки и подразделения дивизии водой в безводной местности, тем самым в значительной мере способствовали успешному наступлению наших войск. Личный состав отряда и его командир т. Эрвье следовали с ударными подразделениями и обеспечивали непосредственно на передовой полки доброкачественной и здоровой водой. Командир отряда т. Эрвье часто сам проявлял инициативу и оперативность в деле быстрого и лучшего обеспечения

водой действующих частей. Начальник штаба 223-й дивизии майор Гришаев. Станица Солдатская. 7.01.43 г.».

Вот так и получается: вода и нефть — две жизненно важные артерии в судьбе Эрвье, две вершины в его жизни. Он умрет в 1991 году, накануне распада, уничтожения СССР. И в этом тоже есть какое-то горькое провидение. Потому что с его именем, с именами таких людей, как Муравленко, Аржанов, Кузоваткин, исчезнет целая эпоха. Великая эпоха, что бы ни говорили.

Почти все эти люди, составлявшие командный костяк топливно-энергетического комплекса Западной Сибири, уходили из жизни слишком рано, не дожив, за редким исключением, и до шестидесяти лет. Можно перечислить соратников Муравленко, создававших вместе с ним огромный потенциал страны, закладывая его на долгие годы: те же Аржанов и Кузоваткин, Дунаев и Сафиуллин, Фаин и Шарапов, Кудрин и Вязовцев, Саврианиди и Катин... И это далеко не полный перечень тех, чье сердце не выдержало напряженнейшего труда. По медицинским картам у каждого из них было по два-три инфаркта, целые «букеты» всяческих болезней. Все они были действительно выдающимися людьми, крупными организаторами нефтяного производства, но их всех попросту задержали постоянными расчетами, пересчетами вариантов добычи, селекторными всесоюзными и министерскими планерками, вызовами «на ковер», которые нередко носили унижительный характер.

Но у них был один правильный принцип: не люди для нефти, а нефть для людей. Они шли в фарватере Муравленко, который никогда и никого из своих соратников «не сдавал», работали, не считаясь со своим личным временем и планами своих семей. Такие уж были правила жизни, когда приходилось и рисковать, и

принимать самые нестандартные решения, как делал сам Виктор Иванович всю жизнь. И как ни кощунственно это звучит, может, и к лучшему, что никто из них не дожид до того страшного и подлого времени, когда весь их труд, все дело жизни вдруг в одночасье стало ненужным. Ведь выжившие в 1991 году были просто уволены оскопленным государством за ненадобностью, а на их место (впрочем, не было уже «Главтюменнефтегаза») пришли те, для которых уже стал действовать обратный принцип: «нефть для себя, а не для людей».

За год до ухода из жизни Муравленко скончался «третий кит» тюменского нефтегазового комплекса Алексей Сергеевич Барсуков, начальник «Главтюменнефтегазстрой». О нем следует сказать особо. Проект Постановления ЦК КПСС по Западной Сибири готовили вместе все «три кита» — Муравленко, Эрвье и Барсуков, но пробивал его в Москве, конечно же, самый авторитетный из них Виктор Иванович.

А с именем Барсукова связано создание в Западной Сибири мощной строительной нефтяной индустрии, позволившей существенно ускорить темпы обустройства нефтяных и газовых месторождений, строительства магистралей, городов, дорог, аэропортов. Словом, всего Западно-Сибирского региона. Он прибыл в область еще в 1964 году как особо уполномоченный министра газовой промышленности с большими правами. Опыт у него был, во время войны возглавлял Управление военно-полевого строительства № 6 Северо-Западного фронта, работал заместителем председателя Курского совнархоза.

Для начала он объездил всю область, все нефтегазовые районы: Шаим, Сургут, Нефтеюганск, Мегион, Нижневартовск, Стрежевой, Уренгой, Надым, Салехард. Итогом этих поездок явилась передача всех строительных организаций тюменской геологии в состав Мингазпрома, создание новых трестов, преобразованных

в дальнейшем в главк. Так была создана мощная структура нефтегазовой строительной отрасли, нефтегазовой индустрии.

Барсуков однозначно соответствовал духу времени: там, где он лично занимался каким-то конкретным делом, все словно бы заряжалось дополнительной энергией, всё обретало четкость и целенаправленность, всё выполнялось в точно установленные им сроки. Температуру и ритм горячих строительных буден задавал именно он, Барсуков. Часто на объекты они приезжали вместе — он и Муравленко.

Сентябрь 1965 года, Нижневартовск. Город только-только начинает строиться. Дождливое время, непролазная грязь. А основные материалы поступают из Тюмени, Новосибирска и Тобольска — и только водным транспортом. Разгружалось всё на берегу Оби, в районе устья реки Рязанки. Дальше — гусеничным ходом. В декабре должны наступить сильнейшие холода, настолько свирепые, что могут разморозить поселок строителей. И Барсуков в свойственной ему манере принимает очень трудное, но единственно правильное решение: за двенадцать дней построить новую котельную. Никто в осуществление задуманного не поверил. Кроме самого Барсукова. Но решение принято, надо выполнять. Создан штаб, работали круглосуточно, была организована доставка авиацией необходимых материалов и узлов. И котельная была построена. Новый год строители и нефтяники встречали уже в теплых помещениях... Наверное, это было такое время, когда о невыполнимости задачи любой сложности речи просто не велось.

Но Барсуков не был холодным, жестким руководителем, просто он был по-фронтовому спокоен и мудр, от опасностей не бегал, а уж эмоций ему было не занимать. Когда в 1966 году по радио транслировали чемпионат мира по футболу, он с упоением болел и за

наших игроков, и за бразильцев, сам комментировал, да еще с крепкими выражениями, если кто-то из футболистов делал неудачный пас или не забивал гол. Был он и искусным дипломатом, когда нужно было общаться с «верхами», и психологом. Никого без дела не «прессинговал». А когда человек заслуживал наказания, то он говорил так: «Выйдите, подумайте и сами определите себе меру наказания. Я подпишу». Это действовало. Было у него и другое любимое выражение: «Ругаю — это, значит, хорошо! Вот как перестану ругать и разговаривать с тобой, тогда приходи с заявлением. А до тех пор работай!»

В то время никто не чувствовал большой разницы в чинах и должностях. Простота общения начальников — Муравленко, Барсукова — роднила их с рабочими, у всех было общее дело. Барсуков создал на реках Сибири — в городах Новосибирске, Томске, Омске, Тюмени, Тобольске, Лабыт-нагах — базы материально-технического снабжения с подъездными железнодорожными путями, с причальными сооружениями, с автотранспортными участками. Ведь в эти годы единственный транспортный путь был только по рекам. В течение зимы, когда реки сковывались льдом, на базах снабжения накапливались материалы и оборудование. Все ждали открытия навигации. А затем всё это флотом Западно-Сибирского, Иртышского, Тюменского пароходств, а также собственным малым флотом главка непрерывным потоком по большим и малым рекам Сибири доставлялось на строительные площадки и месторождения.

Прозорливая снабженческо-транспортная политика Барсукова позволяла главку ежегодно перевыполнять и приращивать объемы строительно-монтажных работ. И, к слову, участие в поставках принимали все области Советского Союза, все отрасли народного хозяйства. А Барсуков и Муравленко как бы замыкали на себя не

только внутреннюю, но и внешнюю экономическую политику. Поэтому и создали колоссальный промышленный и строительный потенциал на тюменской земле — своей неутомимой энергией и исключительной работоспособностью. Только великие стратеги и организаторы могли в столь короткие сроки сдвинуть такую непосильную глыбу, как обустройство Крайнего Севера. Освоить полтора миллиона квадратных километров, при практическом отсутствии местных строительных материалов — песка, щебня, гравия, — это почти из разряда сверхъестественного! Но это было сделано. Была создана в Западной Сибири самая крупная в мире топливно-энергетическая база.

Нельзя не рассказать о первых в Западной Сибири месторождениях, где всё начиналось, о строящихся на месте невзрачных поселках, а то и вообще на пустом месте нефтяных городах. Весь «тюменский муравейник» охватить признательным словом было бы невозможно, для этого потребовалась бы не одна книга. Но наиболее памятные страницы уже есть, существуют, они живут в воспоминаниях заслуженных нефтяников, газовиков и строителей этого края — Рынкового, Алтунина, Китаева, Запорожец, Грайфера, Парасюка, Духанова, Павловой, Дремлюги, Богомякова, Гарковенко, Жирко, Краснова, Трощенко, Сатюковой и многих других. Некоторые из них не имели непосредственного отношения к добыче нефти и газа, работали в аппарате главка, были референтами, врачами, хозяйственниками. Но все они тем не менее связаны именно с главным богатством края — с его недрами, с «черным золотом». И все они связаны друг с другом, словно неразрывной единой цепью. Цепь эта не означает какую-то тяжелую зависимость, напротив, она легка и живительна, как воздух, как духовная общность, как истинно глубокие и благодатные человеческие отношения. Вот почему и вспоминают все эти люди то время с особой, хотя и

немного печальной радостью. Потому что ничего подобного этому времени в обозримом будущем нет, а вот повторится ли оно когда-нибудь — это вопрос открытый...

Итак, вначале было месторождение в районе Шаима, затем появились Мегион и Усть-Балык. Когда Виктор Иванович прибыл в Тюмень, он собрал вокруг себя людей, которые умели работать и творчески, и, что немаловажно, быстро. Он изменил саму организацию труда. Раньше было совсем иначе: открывали месторождение, получали фонтан нефти и... четыре года его разведывали, считали запасы, потом передавали нефтяникам. А те три года проектировали. И в результате на всё уходило до десяти лет. Слишком много. Муравленко подобную практику не терпел, отверг ее категорически. Возглавив главк, он наметил главную линию в стратегии освоения месторождений Тюмени. Она выражалась в краткой фразе: бурение и еще раз бурение. Он любил повторять: «Нефть — на кончике долота». Что это означает? А то, что экономическая отдача будет только в том случае, если удастся добиться высоких темпов буровых работ. Вот его подлинные слова: «Здесь, на Тюменском Севере, нам нужно отработать в бурении свою технологию, позволяющую повысить скорость проходки. Вот тогда мы сумеем широко расправить плечи, дать стране нефть».

Муравленко и сам прекрасно владел геологическими основами, хотя профессиональным специалистом в этой области не был. Но требовал от геологов реальных прогнозов — где и что будет открыто. Он смотрел вперед не на два-три года, а гораздо дальше. Мысленно видел, где пройдет труба очередного нефтепровода, где нужно строить поселок или город. Это можно назвать особым духовным, промыслительным зрением, которое дано не каждому. К тому же он был категорически

против тех, кто выступал за временки, ему уже тогда будущие города Сибири виделись современными, красивыми и удобными для проживания людей, со всей соответствующей инфраструктурой.

С геологом Ровниным он смог ускорить разведку месторождений путем сокращения количества скважин, сумел убедить пойти на это и государственную комиссию по запасам. Муравленко предложил также вариант ускоренного ввода месторождений в разработку.

Есть еще один пример его дальновидного подхода к делу. Как-то надо было провести трубу Усть-Балык — Альметьевск по кратчайшему расстоянию, что проще и экономнее. Но Муравленко, со свойственным ему упорством и въедливостью, поинтересовался: есть ли по дороге месторождения? Геологи ответили, что есть. И тогда он принял решение прокладывать трубопровод мимо этих еще недоразведанных месторождений, смело поменял схему на карте. Он всегда смотрел в будущее, за что его даже за глаза называли «дальномером». Хорошее прозвище, но оно означает еще и неформальный подход к делу, заботу не о сиюминутном, а о долговременном. Он всегда сокрушался о том, сколько попутного газа сжигается в факелах. Цифра потерь была огромная — 12 миллиардов кубометров в год. Сейчас, должно быть, ничуть не меньше, если не больше. (Кто летал над Тюменской областью, тот сам видел это море огней.) Как его использовать? Или закачивать обратно, но это дорого, или быстрее строить заводы по переработке попутного газа. Эта «газовая проблема» не входила в сферу деятельности Муравленко, но, будучи рачительным хозяином, он искал выход и здесь. И вообще любил приводить слова великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева, что «топить нефтью и газом — все равно, что топить ассигнациями». Нужно использовать

продукты переработки нефти. Ничто не должно пропадать даром, ведь и в самой природе не существует отходов, всё имеет какую-либо ценность. Но кто сейчас прислушивается к словам Менделеева?

С самого начала у Муравленко появились знающие и мыслящие соратники в работе. Все они заслуживают того, чтобы войти в нефтяную летопись Западной Сибири. И без их облика не будет до конца ясен и образ Виктора Ивановича. Существует выражение: короля играет его свита. Но фраза эта хороша для кино, для театра. А здесь, на Тюменской земле, шла не игра, а сражение. Муравленко бесспорно был первой величиной в этой грандиозной битве, но и все сподвижники его также были масштабными личностями, поскольку он просто не мог терпеть возле себя бездарей или проходимцев. Последние не задерживались, исчезали вмиг. И справедливость требует хотя бы коротко рассказать — нет, не о «свите короля», а о военачальниках при главнокомандующем.

Среди них — Владимир Юрьевич Филановский-Зенков, ставший главным инженером и первым заместителем начальника «Главтюменнефтегаза». Вместе с Муравленко он работал еще в Куйбышеве. Это был очень цельный человек, с твердой системой нравственных и профессиональных принципов. Служение Отечеству, ответственность перед народом, своей совестью — вот главное его кредо. И это не пустые слова. Он считал недра, нефть — высшим достоянием народа. Боролся за предотвращение опережающей выработки наиболее продуктивных пластов, непомерно высокие темпы нефтеизвлечений были для него неприемлемы. Эту линию он проводил позже и в Госплане, куда ушел работать начальником отдела нефтяной и газовой промышленности, и на посту первого заместителя министра нефтяной промышленности СССР. Природа одарила его лучшими

человеческими качествами — умом, доброжелательностью, обаянием, он был по-мужски красив, статен, а главное — высоким профессионалом в своем деле.

Особенно остро он реагировал на несправедливость, в какой бы форме она ни проявлялась. Мог устроить скандал организаторам Мирового нефтяного конгресса в связи с неважным отношением к устройству советской делегации в Буэнос-Айресе, мог открыто конфликтовать с председателем правительства, когда тот нелестно и несправедливо высказался о нефтяниках. Словом, настоящий рыцарь без страха и упрека. «Наш Фил» — называли его нефтяники Куйбышева и Тюмени. Имея столь грамотного технического руководителя в лице Филановского, Муравленко создал организацию, которая по своим возможностям превосходила Миннефтепром СССР.

Конечно, региону просто повезло на таких людей. Владимир Юрьевич проработал в Тюмени немного, до 1969 года, но за это время сумел сплотить инженерный корпус нефтяников, максимально приблизить научные разработки к нефтяному производству, решительно сломать устоявшиеся представления о порядке разбуривания, обустройства и ввода новых месторождений в разработку, а это резко снизило капиталоемкость освоения месторождений. Он поставил на промышленную основу использование термальных сеноманских вод для поддержания пластового давления и увеличения, в конечном счете, коэффициента нефтеизвлечения, решил на научной основе вопросы автоматизации.

Всё новое в технике и технологии нефтяного производства в Сибири — счетчики для воды, снегоболотоходы, решения по подготовке нефти и т. д. — так или иначе связано с именем Филановского. Появилась, например, идея струйного насоса —

Филановский делает всё для доведения этой идеи до ее практического воплощения. При нем главные инженеры предприятий почувствовали свою роль в политике технического перевооружения нефтяной промышленности. К примеру, опыт газлифтной эксплуатации Правдинского месторождения сыграл решающую роль в принятии решения по применению газлифта на Самотлорском и Федоровском месторождениях.

Филановский научил своих подчиненных творческому подходу к вопросам стратегического планирования (а эту науку он воспринял у Муравленко). К сожалению, Владимир Юрьевич вступил в конфликт с тогдашним несильным первым секретарем Тюменского обкома партии Щербиной. Их позиции оказались труднопримиримыми, и даже такой тонкий знаток человеческих взаимоотношений, как Муравленко, ничего не смог предпринять. Филановскому пришлось переехать в Москву, где он занялся в Министерстве нефтяной промышленности вопросами капитального строительства в отрасли и, к слову, очень много сделал для развития Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса.

Знания и эрудиция этого талантливого человека были безграничны. Ему довелось поработать еще и на Кубе, осваивать там месторождения в Бока-де-Харуко и Варадеро; в строительстве нефтепроводов этой страны тоже есть его большая заслуга. (В архиве Филановского хранится немало фотографий с Фиделем Кастро, с которым у него сложились самые теплые и дружеские отношения.) Его преждевременный уход из жизни — на совести тех, кто разваливал СССР ради личного обогащения. Он не мог вынести творящуюся в экономике неразбериху, резкий спад производства в нефтяной промышленности, полнейшее равнодушие к ее судьбе со стороны руководства России.

Еще один соратник Муравленко — его заместитель по геологии Юрий Борисович Фаин. В Тюмени он начал работать в 1962 году, а до этого был главным геологом Калтасинской конторы бурения в Башкирии, являлся первооткрывателем Арланского нефтяного месторождения. Он и в Сибири стал участником многих открытий, за что в 1970 году был удостоен Ленинской премии. Автор целого ряда изобретений и более 120 научных трудов — не шутка! Если говорить коротко, то Фаин считался одним из сильнейших промысловых геологов в стране, прекрасно знал недра, на память мог дать характеристику любому месторождению. Неоценимый помощник Муравленко, человек высшей профессиональной пробы, эрудит, но, кроме того, и чрезвычайно тактичный, скромный.

Вот один из примеров: когда Тольяттинский автозавод набрал обороты и Тюмень наводнили «Жигули», многие нефтяники стали приобретать «Волги». Фаин же имел в личной собственности старенький «Москвич-408», у которого одно крыло было привязано проволокой, Муравленко стыдил его:

— Юрий Борисович, перестань, пожалуйста, позорить наш главк. Только что пришла партия машин, поезжай на базу, выбери себе «Волгу».

— Успею, — отвечал Фаин. — Вот придет следующая партия, тогда куплю.

И дождался, когда его «Москвич» вообще перестал ездить. Пришлось ему покупать автомобиль «ВАЗ-2102» с кузовом.

— Тоже мне, нашел автомобиль, как торговец какой-то, — сказал Муравленко, узнав об этом.

Но таким был Юрий Борисович Фаин. Он тоже умрет в разгар перестройки...

Одним из первых, кого встретил Муравленко на промыслах в Сибири, был Мидхат Назифуллович Сафиуллин (Михаил Николаевич — как его для простоты

произношения «перекрестили» в Тюмени). И Виктор Иванович сразу же ощутил в нем душу настоящего буровика. Они быстро нашли взаимопонимание, контакт. Сафиуллин был по-юношески строен, сухощав, стремителен в движениях. Башкир по национальности, он окончил Уфимский нефтяной институт, затем прошел все «классы» и ступени профессии буровика. Вот его послужной список: старший инженер участка конторы бурения треста «Туймазабурнефть» в башкирском поселке Наршишево, начальник производственно-технического отдела, главный инженер того же треста, затем — ведущий специалист-советник нефтяной промышленности на Кубе, снова в Башкирии, в городе Октябрьск, и, наконец, с 1962 года — Тюмень, управляющий трестом. Уже в 1966 году Муравленко выдвинул его на должность заместителя начальника «Главтюменнефтегаза» по бурению. Мидхат Назифуллович стал лауреатом Государственной премии, внес огромный вклад в освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири, был награжден многими орденами и медалями.

К числу его научных достижений относятся разработка и внедрение комплекса технико-технологических и организационных решений, обеспечивших в сложных природно-климатических условиях высокие темпы разбуривания нефтяных месторождений и ускоренное создание нового нефтедобывающего района, создание и промышленное внедрение буровой установки БУ-3000 ЭУК для строительства кустов скважин, обеспечившей высокие темпы роста объемов буровых работ и наращивание добычи нефти в Западной Сибири.

Детство Мидхата Назифулловича пришлось на тяжелые военные годы. Разруха, голод, карточная система на хлеб. Студентом он получал 600 граммов хлеба в сутки, съедал мгновенно, за картошкой ездил к

родителям — на крыше железнодорожных товарных вагонов, поскольку на билет денег не было. Жил в бараках. Сокурсники звали его Медиком (не только потому, что слово это было созвучно имени — обладал какими-то врачебными качествами). Внешне всегда был привлекателен, добр, открыт для друзей, с отменным чувством юмора. Таким и сохранился на всю жизнь. Уже работая управляющим трестом «Тюменьнефтегазразведка» (с 1962 по 1966 год), он явился родоначальником почти всех тогдашних буровых предприятий Западной Сибири. Организовывал одну за другой конторы бурения: Шаимскую, Усть-Балыкскую, Сургутскую, Мегионскую, Правдинскую, Стрежевскую (в Томской области). Муравленко очень уважал Сафиуллина и бесконечно доверял ему. Достаточно сказать, что все самые сложные задачи он поручал именно ему. И Сафиуллин справлялся с честью, никогда не подводил.

Бурение — это действительно очень сложный и опасный процесс, без эксцессов тут не обходится. А всякого рода препятствий в начальный период организации буровых работ в Западной Сибири было хоть отбавляй. Главная проблема — большая заболоченность и обводненность территории, иногда она достигала 80–85 процентов. А в районах разбуривания глубина болот достигала шести метров. Летом они вообще были непроходимы для техники, зимой же замерзали медленно. Даже при 45–50 градусах мороза тяжелое буровое и транспортное оборудование тонуло в болотах. К тому же вся Западная Сибирь покрыта многочисленными малыми и большими реками. Весной высокий паводок полностью или частично затоплял нефтяные площади. В таких сложных условиях разбуривать месторождения с применением обычных методов и существующей техники было невозможно. Требовались новые инженерные решения. Зарубежный

опыт ничего полезного не дал. В Канаде, к примеру, при значительно меньшей заболоченности разбуривание велось только зимой, что для Муравленко и Сафиуллина было совершенно неприемлемо.

Решением проблемы явилась организация кустового бурения нескольких наклонно направленных скважин с одного основания на сухом месте или с насыпных оснований, построенных на болотах. Уже к 1967 году 30 процентов скважин бурилось наклонно направленным способом, и эти проценты увеличивались с каждым годом. Подобное наклонное бурение значительно сложнее вертикального. Цель ясна: вскрыть продуктивный пласт строго в определенной точке.

Но в начальный период эта цель достигалась не всегда из-за отсутствия точных приборов по определению направления ствола или из-за неопытности технологов. Наклонные скважины, не попавшие в намеченные точки, считались браком. Вот этим вопросам Сафиуллин уделял самое пристальное внимание, изучал технологию бурения наклонных скважин, совершенствовал практическое применение.

Но, пожалуй, одним из самых ценных качеств Мидхата Назифулловича было умение работать с людьми. И этому он опять же учился у Муравленко. Так же, как и Виктор Иванович, он был прост и доступен в общении, его рабочий кабинет никогда не пустовал, люди к нему шли и шли. Все личные просьбы он решал незамедлительно. А еще тщательно подбирал костяк кадров, из других районов страны приглашал целые бригады высококвалифицированных специалистов. Часто организовывал семинары, школы мастерства для буровиков с обменом опыта, выезжал в отстающие коллективы, оказывал им конкретную помощь. Его называли «главным буровиком» Западной Сибири. Наверное, это была его самая заслуженная должность. И он действительно составлял славу и гордость тюменских

буровиков, а по знанию профессии, по энергии и кипучести натуры ему, пожалуй, не было равных.

Еще одна его характерная черта: любовь к шуткам, к острому слову, к анекдотам. Но мог быть и крутым, беспощадным в гневе — если человек того заслуживал. А в свободное от работы время предпочитал возиться на своем небольшом садовом участке на Мысу под Тюменью, постоять утром или вечерком на берегу реки Туры, половить рыбу или просто полюбоваться лесом, посидеть у костра, спеть вместе с женой и дочерьми свои любимые песни. Он был счастлив в семейной жизни, были у него и верные друзья, хотя и немного. Да, люди перед ним раскрывались, делились самым сокровенным, всем было с ним весело и хорошо. Но как-то раз он сказал такую фразу: «У меня друзей по работе много, а вот верных друзей по жизни — единицы, но они, к счастью, есть. Ведь настоящая дружба — она бескорыстная, не зависящая от должностей и званий. Друзья и проявляются в нелегкое время».

Это «нелегкое время» и проявилось в конце его жизни. Виктора Ивановича Муравленко, к которому Сафиуллин относился как к отцу (его родной отец погиб под Сталинградом), уже не было. С «Главтюменнефтегазом» творилось что-то неладное. Начальники менялись как перчатки, через каждые два года, а дела шли всё хуже и хуже, объемы добычи нефти резко падали. С новыми руководителями, мало интересующимися или мало разбирающимися в проблемах бурения, Сафиуллина работалось трудно.

Кроме того, московские чиновники из Министерства нефтяной промышленности и правительства совершали непоправимые ошибки: дело шло к дроблению главка на производственные объединения, тресты. Да и сам Мидхат Назифуллович стал часто болеть, работал уже без былого азарта и прежней инициативы. Со смертью Муравленко, без преувеличения, всё пошло как-то

наперекосяк. В 1983 году Сафиуллина перевели на менее ответственную должность заместителя Сибирского научно-исследовательского института нефтяной промышленности (СибНИИНП). Это было явное понижение. Но и здесь он занимался своей излюбленной темой — проблемами наклонно направленного бурения, готовил докторскую диссертацию. Рядом оставались верная жена, дочери. Но, наверное, его продолжало тянуть к практической работе, ведь он был «неугомонным деятелем», оптимистом, жизнелюбом. Перед «кончиной» «Главтюменнефтегаза», излюбленного детища Муравленко, ушел из жизни и Мидхат Назифуллович Сафиуллин, как раз был самый разгар горбачевской говорильни и «ускорения».

А как не вспомнить среди первых сподвижников Муравленко Авзалитдина Гизятулловича Исянгулова, который приехал в Тюмень на два года раньше и был назначен директором Шаинской конторы бурения? Он так же, как и Сафиуллин, был башкиром, и заканчивали они один и тот же Уфимский нефтяной институт. Жили тогда нефтяники в двух старых парходиках, которые еле доползли к берегу Конды из Тюмени. Назывались они — «Жан Жорес» и «Комсомолец». Памятные, исторические названия для старожилов Урая. Но самого Урая еще и в помине не было. В парходиках находилось и общежитие, и штаб Исянгулова, и клуб, и столовая — всё вместе. Словом, и культурный и административный центр будущего города. А на берегу сколачивали бараки, балки, устанавливали вагончики, расчищали первую улицу. Буровые бригады башкирских мастеров Петрова и Шакшина, вооружившись топорами и пилами, расчищали строительные площадки в тайге. Именно они стали первыми строителями Урая. А кто перезимовал два раза — тот уже считался старожилом. Между этими буровыми бригадами устроили соревнование. Учитывались не пробуренные в глубь земли метры, а

квадратные метры жилой площади; приз такой: кто больше построит жилья, тот получит первый буровой станок и право на почетное бурение скважины на берегу Конды.

Именно с Урая начал в сентябре 1965 года свое знакомство с Тюменским Севером Виктор Иванович Муравленко. Именно здесь когда-то поднялся первый фонтан сибирской нефти, тут было начало, исток великой нефтяной эпопеи. Самолет приземлился тогда на расчищенной площадке, среди тайги и болот. Поселок Урай за три месяца до этого уже получил городской статус. Уже стояли у причала краны, баржи, буксиры и два этих исторических парходика. И даже отходили танкеры с первой шаимской нефтью. А Исянгулов показывал Муравленко «город»: коренастые брусчатые дома с крылечками, деревянные «восьмиквартирки», детсад, размещавшийся в приземистом бараке, где было полно игрушек, будущую школу, еще строящиеся магазины и клуб. Виктор Иванович отмечал что-то в своей записной книжке, беспокоился: не будет ли холодно зимой, хватит ли малышам овощей и фруктов? Затем поехали знакомиться с буровым хозяйством. Добраться туда можно было только на вездеходах — по болотной топи, через вывороченные корневища.

— Надо строить дороги! — сказал тогда Муравленко. — Будут дороги — будет и нефть. Дороги — вот тот кит, на котором мы выстоим.

А как строить на такой почве? Исянгулов погрузил шест в торфяную стлань. Он вошел легко, будто в воду. Но Муравленко знал, что существует рецепт строительства «болотных дорог». Делается это так: почву выторфовывают, заполняют пустоту песком, возводят насыпь, закрепляют бетонными плитами. Но где взять песок, щебень? Километр такой трассы стоит миллион рублей. Это огромные деньги. Ежели к каждой

буровой прокладывать такую дорогу, то «черное золото» станет золотым, в буквальном смысле слова. Нерентабельно. И тогда вместе с Исянгуловым они придумали выход, взяв на вооружение советы местных охотников-ханты.

Дело в том, что подо мхом, под моховой стланью, лед долго не оттаивает, даже летом. Он лежит там, будто под периной, словно законсервированный. И было принято смелое и оригинальное решение: начать строить ледовые дороги, заставить лед служить нефти, соединить лед и пламя. Так родилась новая конструктивная инженерная мысль. Муравленко на буровой у Исянгулова интересовало всё. Вместе с мастерами Петровым и Ягофаровым он обошел и облазил всё хозяйство, допытывался, на какой глубине какую породу встретит долото, сколько времени может проработать инструмент, как обрабатывается глинистый раствор, какова мощность насосов. Буровики удивлялись: откуда начальник главка может знать такие мелочи? Но ведь он сам был одним из них и профессию эту не забывал никогда. Даже, казалось, молодец, когда поднимался на вышку, когда свежий ветер будто возвращал ему его юность. Разговор с Исянгуловым, с бригадирами шел профессиональный: о турбобурах и долотах, о бурении на повышенных давлениях, о мощности насосов, о том, что к концу пятилетки нужно дать 25 миллионов тонн нефти. И не было тут больше, казалось, ни начальников, ни подчиненных, а были одни единомышленники и соратники. Люди нефти.

Исянгулов с этого дня стал, без преувеличения, любимцем Виктора Ивановича (не любимчиком!). Просто они так встретились, словно знали друг друга давно, прошли вместе не одну буровую. Разница в возрасте у них была в шестнадцать лет, а сам Авзал (как сокращенно называли его друзья) относился к Муравленко с трогательной теплотой, даже критики не

допускал в его адрес. Он болезненно реагировал, когда кто-то из недоброжелателей пытался отыскать у Виктора Ивановича недостатки. Говорил: «Разумеется, у каждого руководителя и человека есть свои слабости, но однозначно заявляю: недостатков, которые могли бы опорочить, у Виктора Ивановича не было. Бывают и такие редкие люди. Имею право это сказать, потому что был с ним очень близок, он не раз делился со мною своими сокровенными мыслями и чувствами. Не единожды Виктор Иванович приглашал меня к себе домой на откровенный разговор. Замечу, что жил он очень скромно, если не сказать бедно, несмотря на свои чины, звания и известность. Знаю, что в семье у него были случаи, когда еле сводили концы с концами. Зарплату он получал не намного выше, чем я, начальник УБР. А мне зарплата была установлена такая, чтобы она была ниже, чем у бурового мастера и бурильщика. Замечу, что в те времена, не то что сейчас, зарплата руководителей предавалась гласности». Это о многом говорит!

Исянгулов выполнил свои обещания перед Муравленко: и нефть дали с перевыполнением плана, и город Урай был построен, причем самыми ускоренными темпами: и дома, и механические мастерские, и котельные, и кузницы, и электростанция, и пекарни. А также клубы, детские сады, школы, гастрономы, кинотеатры. У коренастого, грузноватого, круглолицего Исянгулова оказалась незаурядная воля и мощный темперамент. Так уж получилось, что в 1966 году его судили за аварию на буровой (а в ответе всегда руководитель). Слава Богу, что избежал приговора (Муравленко встал за него горой), присудили только штраф в размере 600 рублей. Другой бы, возможно, сломался, уехал бы из Тюмени навсегда, махнул рукой, но Исянгулов продолжал работать с еще большей

энергией и напором. Он уже стал настоящим сибиряком. Такие не уезжают.

Сибирский регион имеет свою характерную, почти биологическую особенность. Человек, проживший здесь год-два, может вдруг почувствовать себя плохо, начинаются всякие заболевания, и тогда ему лучше всего перебраться в другое место, в более подходящие климатические условия. Но иные «заболевают» по-другому. Они уже не могут жить без этого воздуха, без этих просторов. Вот почему многие нефтяники накрепко связали свою жизнь с Сибирью, с Севером. Это, пожалуй, некое мистическое, метафизическое явление — испытание своей духовной крепости, стремление к запредельным и глубинным далям, тяготение вглубь, ввысь, вширь. Это выбор новых жизненных горизонтов, строительство собственной личности, духовного, душевного и телесного само-устроения. Это, если угодно, постижение главных вопросов бытия, заложенных в самой архетипике Сибири и Севера. А может быть, это и есть истинный русский путь — идти туда, где тяжелее всего. Идти и находить там свое счастье.

Исянгулов являлся одним из авторов первой буровой установки на «воздушной подушке», сооружения ледовых дорог, лежневых оснований. В 1971 году его УБР в полном составе было перебазировано из Урая в Нижневартовск. Началось разбуривание уникального Самотлорского месторождения. Дебиты самотлорских скважин были в десятки раз выше по сравнению с шаимскими. Тут чувствовался масштаб, государственный подход к делу. Приходилось заново обустраиваться, но времени на перебазирование было отведено очень мало. Но и здесь поставленная задача была выполнена.

Главная причина успеха — это слаженная система работ. Как единый механизм действовали руководители всех подразделений главка, городов и округов области.

И Муравленко был бесспорным лидером, душой, главным двигателем этого огромного по важности и неимоверного по труду дела. Только он с его прекрасными профессиональными, деловыми и человеческими качествами мог создать, воспитать, сплотить такую команду единомышленников, которым было под силу и добывать «черное золото», и строить новые города. Исянгулов многому учился у своего наставника, да он и сам был по характеру точно таким.

За свою работу Исянгулов был удостоен звания Героя Социалистического Труда и Государственной премии. А ведь совсем недавно, после аварии на буровой в Урае, ретивые следователи уже начинали описывать у него имущество. Муравленко тогда сказал Авзалу: «Ничего не скрывай от следствия, будет суд, тебе придется очень нелегко, но ты голову не вешай. Все несправедливое забудется, так что, давай, работай». А потом звонил первому секретарю Тюменского обкома партии Щербине и с возмущением почти кричал в трубку: «Почему у Исянгулова описывают имущество? Он что, украл что-нибудь у государства?» И только после этого следствие вошло в спокойное русло, разобрались в конце концов. А то ведь у нас любят сажать. Это вроде национальной забавы, словно игры в пятнашки.

Прошли годы. Теперь то время называют «застоем». Но о каком застое можно говорить, когда добыча нефти с середины шестидесятых до конца восьмидесятых годов постоянно росла, а при жизни Муравленко в главке все кипело, работники аппарата не вылезали из командировок, причем Виктор Иванович проводил совещания сразу же по приезде, уже в холле гостиницы. При таком ритме не застоишься. Аналитики считают, что время с 1965 по 1977 год было периодом наивысшего расцвета и подъема Советского государства. И время это пришлось именно на последний, тюменский, самый главный период жизни Муравленко.

А что же потом? Стоит предоставить слово самому Авзалитдину Гизятулловичу Исянгулову: «Сегодня стараются преподносить то время с отрицательной стороны. С такими выводами я категорически не согласен и заявляю: был огромный простор для инициативы. Дерзай и твори. Но в начале восьмидесятых годов стало сказываться отставание технического прогресса... А центр без учета реальной ситуации в экономике настаивал во что бы то ни стало на наращивании производства стратегического сырья — нефти и газа, нацеливал нефтяников на непомерно высокие контрольные цифры. Руководители Миннефтепрома и обкома партии мечтали довести добычу нефти в Тюменской области до 800 миллионов тонн в год. А кто не соглашался с этим, на тех навешивали ярлык «предельщики». Руководители нефтедобывающих предприятий вынуждены были грубо нарушать научно обоснованные проекты, разработки и переходить на хищническую эксплуатацию скважин. Плоды этого пожинает нынешнее поколение нефтяников. Я вижу, что непосредственные создатели могучей нефтяной индустрии сейчас живут на грани нищеты. Огромной болью отозвалась во мне ликвидация моего детища — Нижневартовского УБР-2. Объявить банкротом или ликвидировать целые коллективы — для этого много ума не требуется, а чтобы восстановить их — и ведь придется восстановить! — сколько сил и средств нужно будет подготовить!» Комментировать эти слова излишне.

Необходимо рассказать и о других сподвижниках Виктора Ивановича Муравленко, в которых зеркально проявлялась его личность. Одни из них работали вместе с ним в главке, другие создали Мегион и Нижневартовск, третьи поднимали нефть с Самотлора...»

Из выступления В. И. Муравленко:

«Мы не можем довольствоваться обычным опытом и должны смело разрушать обычные представления. Мы должны создавать и создаем свою стратегию освоения нефтяного континента Западной Сибири. Осваивать сибирскую нефть по плечу людям, умеющим отказываться от шаблонов...

В настоящее время, когда методы индустриального развития северных территорий в достаточной степени отработаны и освоены, сибирские нефтяники в состоянии поделиться накопленным опытом с теми, кто принимает вызов Севера. Совершенно очевидно, что чем дальше нефтяные промыслы продвигаются на север, тем больше возникает специфических проблем. Современные геологические исследования завершаются открытием все новых и новых месторождений углеводородов в районах Крайнего Севера, где существуют еще более суровые климатические условия. Но это не остановит нефтяников нашей страны от принятия нового вызова во имя процветания человечества».

Сухие факты и хроника:

1977 год, июль. Вышкомонтажники ПО «Юганскнефтегаз» построили трехтысячную буровую.

Введен газопровод Нижневартовск — Кузбасс.

В Нижневартовском районе за год добыто 148,7 миллиона тонн нефти.

Сентябрь, Образованы производственные объединения «Сургутнефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Урайнефтегаз», «Ноябрьскнефтегаз».

Ноябрь. Начато строительство нефтепровода Сургут — Полоцк протяженностью 4000 километров.

1978 год, март. Создано Салымское УЕР.

Июль. Создано НГДУ «Мамонтовнефть». Добыта миллиардная тонна тюменской нефти.

Созданы НГДУ «Похвнефть» и «Заполярье».

Декабрь. Самотлор вышел на полумиллионную суточную добычу нефти. Здесь теперь добывается каждая третья тонна нефти в СССР.

В Нижневартовске открыт монумент «Покорителям Самотлора».

Добыто сто миллионов тонн нефти на промыслах Сургутского района с начала освоения месторождений.

Построена тысячная буровая на нефтяных площадках сургутского региона.

Добыта первая миллионная тонна нефти на Холмогорском месторождении.

Началось промышленное освоение нового нефтяного Лянторского месторождения.

1979 год. Добыта мегийская стомиллионная тонна нефти. Начато промышленное освоение Карамовского месторождения. Бригадой Г. Ахматьянова введена новая схема монтажа буровой установки «Уралмаш-3000 ЭУК».

1980 год. Добыта миллиардная тонна нижневартовской нефти. Бригадой Г. Левина впервые в СССР пробурено более ста тысяч метров горных пород в год.

Добыта 9691 тысяча тонн нефти на Ватинском месторождении за весь период эксплуатации.

Получена первая тысяча тонн нефти с начала эксплуатации Яунлорского месторождения.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образован Нефтеюганский район.

За год Самотлор дал 158,8 миллиона тонн нефти — пик добычи.

1981 год. Добыто 100 миллионов тонн нефти с начала разработки Федоровского и Савуйского месторождений.

На Лянторском месторождении началось внедрение газлифтного способа добычи нефти.

Бригада мастера В. Воловодова на Яунлорском месторождении установила рекорд в отрасли — пробурила за год 101 290 метров горных пород.

На Самотлоре получена миллиардная тонна нефти.

НГДУ «Нижневартовскнефтегаз» награждено орденом Ленина.

1982 год. Добыто 200 миллионов тонн мегионской нефти. Открыто Прилазломное месторождение нефти.

Начато строительство крупнейшего в мире продуктопровода Западная Сибирь — Урал — Поволжье.

1983 год. На промыслах ПО «Нижневартовскнефтегаз» за год добыто 215,4 миллиона тонн нефти, что составило максимальную добычу.

Промысловики НГДУ «Федоровскнефть» вышли на стотысячный суточный рубеж добычи нефти.

В сентябре в Тюменской области суточная добыча нефти составила один миллион тонн.

На Мыхпайском месторождении добыто 686,6 тысячи тонн нефти.

Начата эксплуатация Южно-Аганского месторождения нефти.

1984 год. Введено в эксплуатацию Вать-Еганское месторождение.

В сентябре на промыслах Тюменской области добыта трехмиллиардная тонна нефти. К первому миллиарду тюменские нефтяники шли 14 лет, ко второму — три с половиной года, к третьему — менее трех лет.

1985 год. Созданы НГДУ «Черногорнефть» и «Быстринск-нефть».

В НГДУ «Федоровскнефть» добыта 250-миллионная тонна нефти с начала разработки.

Началась промышленная эксплуатация Асомкинского месторождения.

ПО «Сургутнефтегаз» с начала разработки месторождений в регионе закачан в продуктивные пласты один миллиард кубических метров воды.

Введен в строй Сургутский завод стабилизации конденсатов.

Начата эксплуатация Алехинского месторождения.

1986 год. В Нижневартовске создан научно-исследовательский институт нефтяной промышленности.

На Самотлоре добыта двухмиллиардная тонна нефти. С промыслов Нижневартовского района добыта двухмиллиардная тонна нефти.

Введено в эксплуатацию Восточно-Сургутское месторождение.

1987 год. Добыто 3614,2 тысячи тонн нефти на Северо-Покурском месторождении за годы его эксплуатации.

Добыто 300 миллионов тонн мегионской нефти.

Начата эксплуатация Кетовского, Новопокурского и Ва-чимско-Карьяунского месторождений.

На Федоровском месторождении добыта 300-миллионная тонна нефти со дня разработки.

Введено в эксплуатацию Омбинское месторождение.

75 лет со дня рождения и 10 лет со дня смерти великого нефтяника России Виктора Ивановича Муравленко...

Всего одна цитата:

«Организатором и первым руководителем «Главтюменнефтегаза» был В. И. Муравленко, выдающийся специалист в нефтяной области. Мощная комплексная структура объединяла нефтегазодобывающие, буровые, вышкомонтажные, строительные, геофизические, транспортные, машиностроительные, снабженческие и другие предприятия и организации, научно-исследовательские

и проектные институты Министерства нефтяной промышленности на территории Тюменской и Томской областей... В середине семидесятых годов появились первые тревожные сигналы о накапливающихся в нефтегазовом комплексе Западной Сибири проблемах. 1988 год был годом максимальной добычи нефти предприятиями «Гл а втю мен нефтегаза». С конца восьмидесятых годов снижение добычи нефти стало необратимым, а развал СССР и структурные преобразования в российской экономике в девяностых годах усугубили этот негативный процесс. Первые годы работы «Главтюменнефтегаза» были самыми нелегкими, да и все тридцать лет его истории были годами напряженного и героического труда.

Хочется, чтобы молодые нефтяники и менеджеры гордились достижениями и уважали труд старшего поколения, отдавшего свои лучшие годы на освоение нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири... А маяк у них яркий, свет его никогда не угаснет — Виктор Иванович Муравленко».

(В. А. Быковский, мэр города Муравленко, доктор экономических наук)

3

Пройтись вечером по опустевшим Байкальской и Уральской улицам за три часа до финального матча чемпионата мира по футболу, сосредоточивая силы перед решающим сражением на поле, — одно удовольствие. Столичные болельщики уже давно сидели в своих квартирах перед телевизорами и «разминались» кто как мог. Ждали свистка судьи, начала противостояния Франции и Италии, команд Зидана и Матерацци. А Николай Александрович Чишинов и Алексей бодро прогуливались по улицам с сибирскими

названиями. И разговор у них касался футбола только отчасти, речь больше текла о другом, как она завелась с самого утра, — о нефти, о Муравленко, о месторождениях Западной Сибири. Тема не оскудевала, а лишь наращивала обороты.

— Вот ты, дядя Коля, всё время говоришь в самых возвышенных тонах о том, что там было, — рассуждал Алексей. — А ведь наверняка имелись и серьезные аварии, чего ж история о них-то умалчивает? Уж правду так правду.

— Ну, при Советской власти в прессе об этом действительно не писали, — согласился Чишинов. — Это минус, тут я с тобой полностью согласен. Гласности не было. А аварии случались, и еще какие! Это же гигантский промышленный комплекс, полмиллиона людей задействовано, всякое было. И вертолеты с самолетами падали. Кстати, сам Виктор Иванович налетал столько часов, что даже был награжден специальной медалью «Аэрофлота» «Почетный летчик». Но его Бог во время этих перелетов миловал.

Еще одна беда — это неуправляемые горящие открытые нефтяные или газовые фонтаны — страшное зрелище! И возникают они там, где природа не дает человеку покорить себя. Есть управляемые нефтегазовые фонтаны, подвластные человеку независимо от физических параметров недр и продуктивных пластов, залегающих в них. Ими занимаются геологи, нефтяники, газовики вместе с бригадами освоения и испытания. А неуправляемые фонтаны вызваны не только особыми природными явлениями, но и, если по правде, халатностью при проведении буровых работ. Под землей через каждые десять метров давление растет на одну атмосферу: малейшая ошибка в расчетах или непосредственно при бурении может привести к беде. И, чтобы покорить энергию земли, необходимо постоянно поддерживать в

скважине высокий уровень жидкости с большим удельным весом. Например, при бурении применяют глинистый раствор, а при ремонте скважин — солевой раствор с удельным весом на 15-20 процентов больше удельного веса воды.

Да, чаще всего открытые фонтаны возникают из-за нарушения технологии бурения. Однако бывают и случаи, когда в пласте наблюдается аномально высокое давление, значительно превышающее гидростатическое. Возьмем 1953 год, появление открытого фонтана в Березове. Предположительная причина его возникновения — это именно сверханомальное давление в газовом пласте. Бурение редко когда обходится без больших и малых аварий, это самый сложный и опасный технологический процесс. А укрощение фонтана требует ума, риска и опыта. Тут действует специальная служба газоспасателей. Но есть и еще одна проблема. Нефть, как известно, содержит большое количество парафинов, различных углеводородов, из-за чего нефтяная скважина в процессе эксплуатации как бы «замыливается».

— Засоряется, что ли? — спросил Леша.

— Примерно, — кивнул дядя Коля. — Как с этим обычно борются? Заливают в скважину большое количество экологически очень вредного вещества, отраву всякую, кислоты, которые разъедают парафин и очищают скважину. Но заодно убивают и всю живую природу вокруг. А между тем уже существуют разработки наших отечественных ученых, по которым парафиновые пробки разрушаются с помощью ультразвука. Дебит скважины возрастает. Во всем мире с руками рвут эту технологию. А что говорят наши современные буровики? «Нам не нужно это!»

Бездарность, некомпетентность теперь на каждом шагу. Главное — прибыль. Весь крупный бизнес у нас в основном сырьевой. Мы сидим на газовой и нефтяной

трубе, выкачиваем свои недра и продаем то, что оттуда добываем. Нужна ли наука такому бизнесу? Нет. Этот бизнес ни в какой науке не нуждается. И не желает тратиться ни на какие научные разработки, потому что то, что они делают, и так приносит им огромные доходы, безо всяких забот. Проще купить еще один футбольный клуб или яхту.

Да, сейчас Ханты-Мансийск процветает, в округе семь международных аэропортов! Всё это — от эксплуатации недр. Тюмень, Западная Сибирь — богатейший край. И он вправе пользоваться своими ресурсами. Но к чему это приводит? Природа испорчена. Громадные пространства залиты отходами от нефтедобычи. Чуть скважина начала давать меньше — переходят к другой. Снимают сливки, оставляя за собой брошенные скважины. А после 1991 года вообще наступил полный беспредел, все эти огромные нефтеносные пространства «разошлись» практически даром. И теперь новых хозяев, многие из которых к нефти вообще не имели никакого отношения, с этих мест не сгонишь.

Вот это-то, может быть, и есть самая главная «авария» в нефтегазовом комплексе, который создавал Муравленко со своими соратниками. Который на всю страну работал. И молодежь ехала в Сибирь со всех концов, за двадцать лет население здесь увеличилось в десять раз! Парни и девушки в робах, фуфайках и болотных сапогах начинали без малейших бытовых удобств, зачастую пользуясь лишь ржавой водой в кране. И, чего греха таить, порою им совершенно нечем было заняться после работы. «Отдохнуть» в основном означало «выпить».

— Вот с этого момента, дядя Коля, давай поподробнее, — сказал Леша игриво.

— Ладно, расскажу несколько примечательных, но и трагических случаев, — откликнулся Чишинов. — В

августе 1965 года, за месяц до приезда в Тюмень Муравленко, на одну из северных буровых по ошибке пригнали бочку метанолового спирта. Ну, спирт-то всегда был нужен, не только для медицинских целей. А тут — метанол. Потравилось очень много людей, прежде чем разобрались. Но разбираться пришлось уже Виктору Ивановичу. Другая драма произошла в Мегионе. Там мастером одной из буровых бригад работал Мирхат Зарифулин из Уфы. Отличный инженер, комсомолец. Как-то раз вертолет доставил на буровую очередную вахту. Мирхат сразу заметил, что один из дизелистов, по фамилии Вторых, явно не в себе. Шатается, глаза «стеклянные», а уж перегаром разит! Короче, отстранил он его от работы. Велел тем же вертолетом отправляться домой — пьяным на буровой делать нечего.

Вахта разошлась по рабочим местам. А Зарифулин остался в культбудке, что-то записывал в вахтенный журнал. Вдруг на пороге снова появился дизелист Вторых. И опять начал канючить: «Допусти, мастер, до работы, я при полном порядке!» Слово за слово, вспыхнула ссора. На стене висело ружье, поскольку многие любили после вахты поохотиться на озерах. Вторых сорвал это ружье, направил ствол на Зарифулина, а руки ходуном ходят. «Допустишь к работе?» — «Нет», — спокойно ответил Мирхат. И прогремел выстрел. Картечью мастеру разворотило всю грудь, умер мгновенно. Когда сбежались буровики, убийце уже удалось скрыться. Но потом его все-таки нашли, на берегу реки Ваха, пытался угнать рыбачий катер. А выездная сессия суда состоялась прямо на месте преступления, в бараке. Присутствовали сотни людей — не только нефтяники, но и строители, лесорубы, охотники, рыбаки. Все требовали высшей меры, поэтому боялись, что убийцу на месте растерзают. Вот так, из-за водки — две человеческие жизни

насмарку... Зарифулина жалко. Его буровики потом влились в бригаду Степана Повха, Героя Социалистического Труда. А Вторых...

— Расстреляли?

— А ты как думал? Это сейчас с убийцами и насильниками цацкаются, а тогда действовал закон высшей справедливости. Око за око. И заметь, характерная у него была фамилия — Вторых, будто и суждено ему было быть на вторых ролях, позади таких, как Зарифулин и Повх, за их спинами. Те были первые, герои по большому счету, а эти — вторые, а собственно — последние. Как на войне. Они и дезертируют, и в спину стреляют.

— Но я все-таки против смертной казни, — сказал Леша. — Это как-то недемократично. Я — за права человека.

— Дурной ты еще, парень, — незлобиво ответил дядя Коля. — У нас сейчас только тем и занимаются, что «защищают права человека», а список этих «человеков» публикует журнал «Форбс». Тебя-то самого никто ни от преступности, ни от безработицы, ни от инфляции, ни от милицейского беспредела защищать не станет... А вот еще такой случай, — продолжил он, вспоминая. — Первый нефтяной промысел на Мегийской земле возглавлял один из лучших соратников Муравленко — Иван Иванович Рынковой. Он, кстати, земляк Виктора Ивановича, родился неподалеку от станции Незамаевской, только на двадцать пять лет позже. Работал на Арлановском месторождении в Башкирии, потом в Западной Сибири. Он рассказывал, что дисциплины и порядка поначалу было добиться очень тяжело. Поселок на Багресе, к примеру, состоял из двух десятков барачных, жили там в основном рабочие. Вечером — сплошные пьянки, многие напивались до белой горячки. Когда Рынковой приезжал к двенадцати ночи, весь народ был уже «в стельку». И ружье на него

тоже наставляли, и драться лезли. Порою приходилось буквально сражаться за свою жизнь. Однажды на том же Багресе он разбил у строителей два ящика водки. Тогда к нему в катер-самоходку сели трое рабочих, попросились подвезти до Мегиона. Он видит: в руках у них веревка, привязанная к большому камню. А в пути они ему говорят: «Значит так, начальник. Или ты нам не мешаешь, или мы тебя сейчас в Оби утопим. Мы хозяева в тайге».

Капитан катера, слышавший этот разговор, не на шутку перепугался. Но Рынковой — не только человек смелый, но еще и профессиональный спортсмен. Он капитану тихо говорит: «Их трое, а у нас ружья нет, утопят меня, и тебя в живых не оставят. Поэтому, когда я подам сигнал, ты резко крутани руль, только быстро. Наше спасение — самим столкнуть их в воду». А на самоходке перила были только впереди, на корме почти никакого ограждения. И Рынково-го они зовут для продолжения разговора именно на корму. Веревка с камнем уже приготовлены. Иван Иванович еще пытается им что-то внушить: «Ребята, меня утопите, другого, но уже всё, ушло то время, кончилось. Без дисциплины нефть брать невозможно, надо бросать пьянки». Но все увещевания без толку. Один из этой троицы уже наклонился за камнем. Тут Рынковой подал знак капитану, а сам всем троим и врезал — руками и ногами. Все они одновременно оказались в воде, за бортом. Самоходка пошла дальше.

— А эти трое? — спросил Леша.

— Двое из них приплыли-таки к берегу, а третий, по слухам, утонул. Но туда ему и дорога. Так что борьба с пьянкой велась нешуточная. А Рынкового уважали даже заключенные-условники, которые делали изоляцию на первом нефтепроводе до Мегиона. Его называли «железный батя». Как-то ночью эти лихие ребята* встретили его на участке, посветили фонариком в лицо.

«Нет, — говорят, — этого не трогаем, это порядочный начальник!» Потому что сам он хоть и был твердым и жестким, но личность никогда не унижал, всегда стремился делать людям добро.

В 1966 году случилось сильнейшее наводнение, паводок затопил всю мегионскую пойму. Баграс, все скважины, фонтанная арматура оказались под водой. Нефтепровод, собиравший нефть со всех скважин Мегионского месторождения, всплыл. Ходил туда-сюда, как струна на гитаре. Фиксации никакой нет, а нефть добывать надо. Ситуация была очень серьезной, это могло вылиться в целую катастрофу. Так и случилось — нефть вспыхнула. Рынковой потом писал, что это был взрыв, как на Хиросиме. В радиусе полукилометра горела нефть, а внутри бушевали настоящие смерчи. Постепенно всё это стягивалось к центру аварии. Надо было перекрывать скважины, чтобы в нефтепровод не поступала нефть. Рынковой в тот день прыгал с борта вертолета — высота 10 метров — на полузатопленную «Амфибию», упал на тент, под которым находились инструменты, едва не угодил на лопату. Потом вместе с другими по очереди ныряли в ледяную воду, перекрывали задвижки на всех пяти скважинах...

А с 1968 года он уже работал начальником нефтепромысла на Самотлоре. Туда вслед за Рынковым перебазировались почти все мегионцы. Через год, второго апреля, пустили первую Самотлорскую нефть. Первый замминистра Оруджев, который присутствовал на пуске скважины, обнял тогда горячую трубу, заплакал и произнес «историческую» фразу: «Вот она — наша кормилица! Скважину надо ласкать, как женщину, тогда она будет давать много нефти!» Эти его слова потом долго обсуждались и повторялись при каждом удобном случае. А таких дебитов, как на Самотлоре, в стране еще не было. Но и там однажды случилась страшнейшая авария.

— А поконкретнее? — попросил Леша.

— Надо бы тебе почитать об этом книгу самого Рынкового, — ответил дядя Коля. — Но расскажу своими словами. Согласно проекту Самотлор должны были вывести на добычу семидесяти миллионов тонн нефти в год. И соответственно, всё обустройство месторождения велось на основе проектных цифр. Но ЦК партии постоянно давил всё новыми директивами: давайте, наращивайте добычу! И в итоге объединение вышло на уровень в 100 миллионов тонн. А техника и оборудование такой нагрузки не выдерживали. Сепарационные установки первой ступени — в них газ отделяется от нефти — ходили ходуном. Из-за большого потока нефти газ не успевал отделяться от жидкости и через клапаны выходил наружу, оседая у поверхности земли. Ветром газ уносило в атмосферу, но в тихие погодные дни он скапливался в таких концентрациях, что достаточно было чьей-то незначительной оплошности, случайной искры — и...

Словом, 13 августа 1973 года в субботу и произошёл на территории нефтепарка взрыв, погибло 13 человек. В этот день стояла сильнейшая жара, не было никакого ветра. Начальником нефтепарка в этот период работал Драгунов, а заместителем по подготовке и перекачке нефти — Малясов. За день до случившегося пришла очередная телефонограмма: «Срочно увеличить суточную добычу нефти на 10 тысяч тонн». Это указание стало главным фактором, приведшим к катастрофе. Рынковой в это время отвечал за инженерно-технологическую службу, занимался добычей, обустройством и вводом скважин. Выполнять указание он отказался, раскручивать добычу не стал. Его отстранили от исполнения обязанностей. Начальник нефтегазодобывающего управления «Нижневартовскнефть» поехал сам принимать меры для выполнения полученной директивы. А раскрутить

добычу при фонтанном способе было просто: надо открыть задвижку на готовых скважинах. Что и было сделано. Только одна скважина № 204 давала 2400 тонн в сутки! Но уже в субботу поступил тревожный сигнал: люди задыхаются от газа, он стал скапливаться на территории нефтепарка. Звонят Рынковому: «Что делать?» — «А что я могу сделать? — отвечает Иван Иванович. — Парком уже не командую, звоните начальству». А те отмахиваются, дескать, обойдется.

Пришлось Рынковому самому ехать в парк, наводить порядок. Но пока он добирался, произошел взрыв. Горело все, что могло гореть: насосная, культбудки, оборудование. Из двух резервуаров вытекала нефть и тоже горела. От пламени нагревалась нефть и внутри резервуаров, и в случае их взрывов количество человеческих жертв могло быть неизмеримо больше. Самое главное, что нужно было сделать в этой обстановке, — это закрыть задвижку, чтобы прекратить поступление нефти в резервуары. Рынковой предложил такой вариант: пусть пожарные сделают ему пенную оболочку, потому что, окутанный пеной, он сможет пробраться сквозь пламя к задвижке. Получил «добро» и полез. Начальником у пожарных был Пенимасов (тоже фамилия характерная, с «пеной» связанная), оболочку Рынковому сделали отличную. Хотя он и думал, когда лез в огонь, что «всё, Рынковой, много ты рисковал, все обходилось благополучно, но тут тебе, видно, конец!». Однако до задвижки добрался и перекрыл поступление нефти. И живой выбрался. А когда нефть перестала течь из резервуаров, стало угасать и пламя. Пожарные постарались. Но хорошие люди погибли, кто во время взрыва, кто потом, в больнице, от ожогов.

— И суд был? — спросил Леша.

— Естественно. Трех сразу арестовали и исключили из партии: Галеева, Малясова и Драгунова. По результатам следствия четвертым должен был быть

Рынковой. Хотя он то тут был совершенно ни при чем, напротив, вел себя очень мужественно. Но допросы шли больше месяца. А те трое всё валили друг на друга и на Рынкового, хотя он их неоднократно предупреждал о возможной аварии. Ну, может быть, Драгунов вел себя более порядочно, чем остальные. Позже в Тюмени состоялся суд, арестованных приговорили к восьми годам, Рынковой получил партийный выговор. Нефтяники потом много сил приложили, чтобы их освободили досрочно. Иван Иванович считает, что они, в общем-то, были невиновны. Виновата была вся система, которая вынуждала их на такие действия. Телефонограмму о наращивании добычи тогда дал Дунаев из главка, а на главк давил ЦК.

Рынковой потом был назначен ответственным за реконструкцию и восстановление парка. И весь необходимый объем работ был выполнен в запланированные сроки. Но осталось у него щемящее чувство: как работать дальше, если платить за добываемую нефть приходится такой высокой ценой — человеческими жизнями? Он даже тогда в порыве свои грамоты (а их накопилось за все время порядка семидесяти) выбросил... Вот такими усилиями и нервами давалась нефть Мегиона и Самотлора, — закончил свой рассказ Чишинов.

— Мегион, Самотлор, — повторил Алексей, и эти незнакомые слова прозвучали для него как заклинание, словно наполненные волшебным смыслом. — Звучит действительно красиво.

— Самотлор — это сказка! — с воодушевлением произнес Николай Александрович. — Добраться до него прежде можно было лишь с величайшими трудностями — через топи и непроходимые заросли, по болотной жиже и кочкам. А когда летишь на самолете, то видишь внизу озеро-зеркало, похожее своими очертаниями на сердце. Кстати, на языке ваковских хантов оно и звучит

как озеро-сердце. Оно лежит на правом берегу Оби, к северу от Нижневартовска, тогда это было еще обычное село.

— Глубокое? — спросил Леша.

— Пять-шесть метров. А общая площадь — пятьдесят квадратных километров. Огромная и спокойная гладь. Когда-то на берегах Самоглора стояли хантыйские идолы, вырезанные из дерева, росли священные кедры, увешанные подношениями, шаманы приносили здесь жертвы богу Торуму, покровителю оленей. Есть местная легенда о том, как белый олень полюбил деву-звезду Кели-Кос. Он достал ее ночью с неба. Дева-звезда озарила своим светом всё вокруг — тундру, тайгу, реки, озера, стылую землю, а потом, вспыхнув напоследок, как яркая заря, погасла. И на ее месте появилась земная женщина несказанной красоты, Златая Айни. Злые духи-лунги заточили ее в подводную темницу на дно озера, и берега его изменили свои очертания, стали походить на сердце пленницы. Так и появилось это название — Самоглор.

И что удивительно: в летние теплые вечера на поверхности озера порою появляются странные блестящие круги, словно это кровь Златой Айни. Красивая легенда. Но, честно говоря, почище духов озеро охраняют комары, гнус да болота. Вот это подлинные часовые, не пропустят. Но и сюда, как и в районы других месторождений, пробрался караван барж, пришли буровики — в основном «башкирской выделки», начали первым делом строить на берегу Оби, около нижневартовской пристани, вагончики, рубить лес для барачков.

Все новые города в Западной Сибири начинались именно так. В старом крошечном селе Нижневартовское было несколько десятков изб-пятистенков, школа, маленький рыб-заводик да пожарная каланча. Пароходы, шедшие из Новосибирска, Томска, с низовий

Оби, тут почти не останавливались. До ближайшего райцентра — поселка Ларьяк — около пятисот километров. Если по воде, то пять-шесть суток, по зимнику на лошадях — все две недели. О настоящих дорогах в те годы люди и не мечтали.

Но уже в 1962 году райцентр переместился в Нижневартовск. Деревенские «савраски» с телегами и санями да олени упряжки стали уходить в прошлое. Муравленко говорил и повторял, что Нижневартовск будет стоять на трех основах: бурении, вышкостроении и нефтедобыче. А без хороших дорог эта конструкция не устоит.

И он привлек к этой проблеме все силы — Госплан СССР, министерства, разные проектные и научно-исследовательские институты, тысячи строителей. Противников у него было много. Они твердили другое: ничего не нужно, ни дорог, ни ремонтных баз, ни мастерских, ратовали за временки и пресловутый вахтовый метод. Поскольку добывать нефть будут преимущественно фонтанным способом, то строительство новых поселков, а тем более городов не нужно. Лишние, дескать, траты. Так бы и остался Тюменский Север без инфраструктуры. Страшно подумать, что бы сейчас там было! Холодная белая пустыня. А Виктор Иванович понимал всю пагубность такого подхода, боролся с ним. Он исповедовал верную мысль: сочетать вахтово-экспедиционный метод и систему нормального расселения занятых на производстве людей.

Ведь в нефтяном деле есть такие профессии, люди, которые непременно должны жить постоянно вблизи промыслов. Например руководители. Как могут начальники работать вахтово? Сегодня один, завтра другой? Бардак получится. А буровики? Они же буквально «прикипают» к своим скважинам. И вообще Муравленко считал, что вместо нескольких барачных

поселков надо строить один город, такой, как Нижневартовск. На Тюменском Севере должны подниматься новые базовые города, где жители будут пользоваться всеми городскими удобствами, почувствуют себя не временщиками, а хозяевами здешних мест. Он спрашивал сам себя и других руководителей: будет ли хорошо завтра то, что допустимо сегодня? И в этом — смысл его деятельности, поскольку он видел перспективу развития всей Западной Сибири.

— Выходит, будь на месте Муравленко кто-то другой, история Тюменского Севера пошла бы по иному пути? — спросил Леша, внимательно слушая Чишинова.

— Хороший вопрос. Ответить можно. Нефть, скорее всего, качали бы, как и положено. Может быть, всю и выкачали бы к нашему времени. Но край остался бы в диком состоянии, без промышленных городов, аэропортов и дорог. Но ты не подумай, что он все решения принимал единолично, как диктатор. Он всегда советовался с людьми, со своими замами, подчиненными. Любил говорить: решать будем вместе. Не потому что боялся принять всю ответственность на себя, а потому что доверял людям.

Даже такой случай. Прибыла в Нижневартовск большая партия кадровых строителей. А жить негде, дело идет к зиме. Но готов к сдаче новый дом, который строили для нефтяников. Уже были и квартиры распределены, и ордера выписаны. Муравленко мог авторитарно взять и передать этот дом строителям. Но он собрал нефтяников и объяснил: эти люди принадлежат не к нашему ведомству, но они обеспечат городу мощное строительство, ваш же тыл, так как поступим? И нефтяники решили отдать этот долгожданный дом вновь прибывшим. Так что он даже с рабочими советовался, с ходу ничего не решал. Если возникала какая-то трудная проблема, он никогда не

рубил с плеча, не говорил: «Нет». Отвечал: «Надо подумать». Но нерешенных проблем не оставалось, и проволочек никаких не было. А уж когда к нему обращались по личным вопросам — то тут уж все делалось сразу, любая разумная просьба выполнялась незамедлительно.

Однажды пришла к нему на прием мать, у которой обгорел мальчик. Ожоги были сильнейшие. Виктор Иванович, наверное, мысленно представил своего сына, Валерия. Нужен был прополис, оливковое масло, разные лекарства. Так Галина Павловна, его референт, ездила за этим дефицитным оливковым маслом аж в Москву, доставала его в ресторане «Прага». И еще пример. Виктор Иванович на память знал, сколько нужно тому же Нижневартовску мяса, молока, муки, овощей, какой остаток продуктов есть на базах. Добивался, чтобы жители ни в чем не чувствовали недостатка. Какой руководитель такого ранга будет этим заниматься? А Муравленко вникал и в это, поскольку своих продовольственных запасов еще не было, всё завозилось на Север централизованно, с Большой земли. Но он считал, что в скором времени Тюменский край сам будет себя обеспечивать, стремился развивать подсобные хозяйства.

Вдов погибших нефтяников Виктор Иванович окружал постоянной заботой и вниманием, выделял им в первую очередь квартиры в Тюмени, до конца своих дней следил, чтобы ни они, ни их дети ни в чем не нуждались. А теперь? Стыдно сказать: нищенскую пенсию и ту порою не выплачивают. Льготы вон отменили. Тарифы на квартплату, электроэнергию, телефон растут как чертополох в огороде, где нет хозяина. Где одни мародеры. А Муравленко был рачительным и умным хозяином, он сорняки выпалывал, потому при нем и сад цвел. Торжествовали и порядок, и изобилие, и красота.

А потом, как у Чехова: вишневый сад продали, а деревья вырубил, — добавил дядя Коля, останавливаясь перед прудом. Этот искусственный водоем также напоминал своими очертаниями сердце, только с бетонной каймой. Вряд ли тут могла таиться на дне Златая Айни. Хотя злые духи-лунги, не хантыйские, а московские, могли водиться и здесь. Их ровно столько же, сколько и ангелов-хранителей, и незримая борьба между ними за человеческое сердце идет всегда, не прекращаясь ни днем ни ночью. А сами люди почему-то охотнее идут в плен к злым духам.

— А каким было прошлое Мегиона? — продолжил Чиши-нов. — В начале прошлого века там, на правом берегу Оби, стояло всего несколько юрт, пяток дворов да земская трактовая станция. В тридцатых годах образовалась рыбартель, потом — из спецпереселенцев — колхоз «Ударник». Первый фонтан нефти ударил в 1961 году. Вот тогда-то в таежную глухомань и пришла новая, яркая, энергичная жизнь. Началась интенсивная разведка недр, а на высоком берегу Меги пошло стремительное строительство.

Первоначально в новом поселке проживало около тысячи человек. С каждым годом он становился все более уютным. Геологам часто приходилось жить и работать на «точках», вдалеке от поселка. Но когда они возвращались из тайги, всякий раз дивились чему-то новому в Мегионе — новому магазину, школе, клубу, детскому садику.

В 1964 году Мегион получил статус поселка городского типа, а с 23 июля 1980-го стал городом окружного подчинения. В одной из своих книг истовый патриот и неутомимый делатель Тюменского Севера Сергей Дмитриевич Великопольский написал, что Самотлор и Нижневартовск стали символами, гордостью, чудом XX века. Но без Мегиона этого не было бы. Потому что именно мегионцы нашли и открыли Самотлор, они

начали строительство Нижневартовска, мегионскими были и первые кадры.

Кого можно вспомнить в первую очередь? Горного инженера, начальника Мегионского промысла Георгия Самуиловича Арнопольского, родившегося в нефтяном Баку, работавшего на месторождениях в Татарии и ставшего одним из пионеров освоения нового западносибирского края. Он брал на себя самую тяжелую ношу, жил и работал на перегрузках. Сердце не выдержало в сорок лет. Был такой случай: в пятидесятиградусную стужу на обвязку одной из Самотлорских скважин привезли металлоконструкцию. А при разгрузке это стальное сооружение рассыпалось и превратилось в груды металла — прямо на глазах у Арнопольского и других руководителей. Вот потому-то он и говорил потом, что даже металл не выдерживал таких условий, а люди стоят, работают, не жалея себя. А сейчас даже ни одна из улиц Мегиона не названа его именем. Это несправедливо.

Николай Александрович посмотрел в сторону уродливого красного монумента в честь мадьярского расстрельных дел мастера Белы Куна на перекрестке и пообещал:

— Когда-нибудь ночью я его взорву, толовые шашки остались. Здесь должен бы стоять памятник Муравленко. И Абазарова не мешало бы увековечить. Это был один из плеяды тюменских геологов, первооткрыватель месторождений. С 1960 года работал главным инженером Ханты-Мансийской и Березовской геолого-разведочных экспедиций, так рвался на Север, что уехал туда без трудовой книжки, поскольку его не отпускали с буровых Краснодарского края. Затем стал начальником Мегионской нефтеразведки. Предшественник Владимира Алексеевича на этом посту, Шалавин, проработав всего пол месяца, не выдержал и, как бы «оправдывая» свою фамилию, попросту сбежал.

На него было даже заведено уголовное дело — за варварскую вырубку кедрового бора на берегу Меги. Абазаров же прежде всего занялся укреплением материально-технической базы, налаживанием быта геологов. Надо было до начала холодов спешно переселить людей из палаток в вагон-домики. Баржи с грузами в навигационный период шли одна за другой. Везли трубы, глину, химреагенты, жилые вагончики, полевые кухни. Об Абазарове все вспоминают как о человеке из «легенды». А было ему тогда чуть больше тридцати лет. Жесткий, справедливый, даже яростный в работе, волевой, не жалеющий ни сил, ни времени руководитель. Под его началом нефтеразведочная экспедиция стала одной из лучших на тюменской земле. Он понимал, что без костяка буровых мастеров, бурильщиков, вышкомонтажников, механиков-водителей новых задач не решить. Его опорой стали буровые мастера Норкин и Малыгин, бурильщики Меджевский, Костырев, Хафизов, Симаков, Сухушин, транспортники Анисовец, Медведев, Васякин.

Этот период открытий тюменских геологов можно сравнить с достижениями советской космонавтики. В космос один за другим уходили корабли, а на тюменской земле открывались всё новые и новые месторождения. Страна заслуженно награждала героев космоса, точно так же высоко оценивался и труд разведчиков недр, им присваивались звания Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской и Государственной премий. Но здесь следует сказать вот о чем. Был период, когда всё будущее западносибирских нефтяных промыслов висело на волоске.

— Как это? — заинтересовался Алексей.

— Суть в том, что нефтяная и газовая промышленность является частью топливно-энергетического комплекса, — начал объяснять Чишинов. — А производство электроэнергии есть

важнейший показатель экономического развития любой страны. В 1965 году в СССР было произведено более 500 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, из них только 16 процентов на гидроэлектростанциях. Все остальное производилось за счет сжигания различных видов топлива — нефти, газа, угля — и на АЭС. Производство электроэнергии на ГРЭС привлекало своей простотой и дешевизной. В решениях XX съезда КПСС строительство ГРЭС было определено приоритетной политикой государства. Всё это с особой силой обозначилось во время дискуссии по поводу строительства Нижнеобской ГЭС в районе Салехарда, реализация которого привела бы практически к полному затоплению не менее 75 процентов территории, где велась добыча нефти и газа — от Салехарда до Ханты-Мансийска. Понимаешь, к чему бы это привело? Страна лишилась бы своего самого главного национального природного богатства — уникальных месторождений углеводородов в Западной Сибири.

— Кто же был такой дурак, который хотел всё это затопить? — спросил Леша, останавливаясь перед пресловутым монументом из красного мрамора, словно злой мадьяр успел «наследить» и в этом вопросе.

— Хрущев, — коротко ответил дядя Коля. И добавил: — Бурные дебаты велись между сторонниками строительства этой крупнейшей по тем временам ГЭС, которых поддерживал Никита Сергеевич, и противниками её сооружения в лице Тюменской областной партийной организации: Щербины, Протозанова, Богомякова, Нестерова. Огромную роль в доказательстве нецелесообразности осуществления проекта Нижнеобской ГЭС сыграли и Муравленко, и Абазаров, и Эрвье, и Ровнин, и Салманов, и все трезвомыслящие нефтяники и геологи. Они доказали своими прогнозами, последующими открытиями и делом правильность приводимых аргументов, отразили натиск

ряда ученых, не веривших в тюменскую нефть, показали бредовость строительства этой гидроэлектростанции. А окончательно вопрос был решен после снятия Хрущева — очередная его авантюра не прошла, разум восторжествовал. В дальнейшем правительство СССР во главе с Косыгиным приняло решение о развитии нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири.

Помолчав немного, Чишинов продолжил:

— А Абазаров в это время пробивался к Самотлору. Это целая эпопея. Для пробивки трассы была организована специальная группа, оснащенная двумя тракторами-тягачами (они везли дизтопливо и жилой балок), бульдозером и вездеходом ГАЗ-47. Для связи с базой группа имела радиостанцию «Урожай». Первые 8—10 километров от поселка Нижневартовского до цели были сравнительно легкими, их прошли быстро, так как пролегали они по пойменной малозаболоченной и слабозаселенной местности. Затем пошел густой лес, отряду пришлось пробиваться по опушкам, чтобы меньше валить деревьев. Но с этих опушек, как правило, и начинается заболоченность, а снега в ту зиму 1965 года было очень много. Идти по озерам нельзя — лед проваливался, трактора тонули. Местами опушек на трассе не было, и надо было по полтора-два километра пробиваться сквозь лесные заросли. На одном из таких участков отряд столкнулся с очередной неожиданностью: прямо поперек намеченной трассы проходил глубокий, до четырех — шести метров, канал с почти вертикальными обрывистыми берегами и пологим дном. А еще встречались огромные валы-дамбы высотой до пяти, шириной до двадцати метров и протяженностью в несколько километров. Такие каньоны нужно было взрывать. Всё это и было — Предсамотлорье. Постепенно земли становилось всё меньше и меньше, пошел сплошной торфяник. Чтобы

преодолеть 20 километров, требовалось 25 суток. Но справились.

Уже в феврале приступили к завозу оборудования, материалов, труб. Вышкомонтажная бригада Кузякова приступила к сборке вышки, собрали за шестнадцать дней. А бурить первую Самотлорскую скважину выпало мастеру Норкину, старому мегионцу. Это было в апреле 1965 года. После таяния снега выяснилось, что только буровая стоит на клочке земли, все вокруг — сплошное болото. Вертолетная площадка оказалась в середине болота, в ста пятидесяти метрах от буровой. Бочки с топливом переплавляли к площадке вручную. Когда забой скважины ушел за две тысячи метров, Норкин серьезно забеспокоился. Во-первых, по буримости пород он определил, что в разрезе — большие толщи песчаников. Во-вторых, как он сам выразился, скважина какая-то «все время живая»...

— Златая Айни, — вставил Леша. — Это он ее разбудил, щекотать начал.

Чишинов на эти слова усмехнулся.

— Может, и Айни, — согласился он. — Но мы все-таки не лирики, а практики. Глинистый раствор, особенно после спуско-подъемных операций, был сильно насыщен нефтью и газом. Скважиной был вскрыт нефтегазонасыщенный разрез мощностью более двухсот метров, причем начинался он с глубины не две тысячи метров, как заметил Норкин, а с тысячи семисот. Постоянная настороженность и бдительность опытного мастера и других бурильщиков — Хафилова, Меджевского, Симакова — позволили успешно завершить скважину проходкой, провести электрометрические работы и спустить эксплуатационную колонну. Малейшая расхлябанность, нарушение технологии подъема, несоблюдение параметров промывочной жидкости могли привести к непоправимому, ибо такой разрез, как потом можно

было увидеть на каротажной диаграмме, показал в скважине неиссякаемую силу. Когда летом, уже после получения фонтана на этой Самотлорской скважине Р-1, показывали каротажную диаграмму председателю Российского ВСНХ Степану Ивановичу Кувыкину, геологу по специальности, он в восторге воскликнул: «Ребятюшки! Да я еще не видывал такого в своей жизни!»

Фонтан мощностью 1000 кубометров в сутки возвестил миру об открытии нового нефтяного гиганта в Советском Союзе. А в последующие 1966–1968 годы образовалось единое огромное нефтяное месторождение размером примерно 30 километров с запада на восток и 50 километров с юга на север. И имя ему — Самотлор... Сам же купол Самотлорской антиклинали находится под озером. Теперь оно пересечено несколькими дамбами с бетонными покрытиями и кустовыми площадками, расположенными в самом озере на отсыпанных островах. Пробурено уже более четырех тысяч нефтяных скважин, и бурение продолжается.

В 1975 году в ознаменование 10-летия открытия Самотлора на скважине Р-1 была сооружена металлическая стела высотой 16 метров с символическим вечным факелом сверху. Стояли стенды с фамилиями первооткрывателей. К концу жизни Виктора Ивановича Муравленко Самотлор вышел на свой технологический максимум, давал стране более 155 миллионов тонн нефти в год. Но после его смерти интенсивность добычи стала падать. Снесли почему-то и стелу. Но это уже другая история, не имеющая к первооткрывателям Самотлора никакого отношения.

Сегодня, как говорил тот же Абазаров, никого не волнует полный развал геологии, отсутствие поиска и разведки нефтяных и газовых месторождений. Продержится Россия еще несколько десятков лет на тех

запасах, которые есть сегодня, а что дальше? И что будет с северными городами? Это очень серьезная проблема, о ней тут в двух словах не скажешь.

— А ты в трех изложи, — пошутил Леша.

— Я тебе лучше другие слова приведу, — серьезно ответил Николай Александрович. — Из письма Чехова, когда он возвращался с Сахалина через Сибирь: «Я стоял и думал: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»» Сказано за шестьдесят лет до бурного подъема Тюменского Севера. Надо, чтобы эта полная жизнь не затухала. И чтобы память о таких мужественных и самоотверженных людях, как Муравленко, Абазаров, Норкин и другие, хранилась всегда. Ведь они и сделали в Сибири то, о чем мечтал Чехов.

Вечерняя прогулка подходила к концу. Много информации обрушил Чишинов на своего юного соседа, и всё — за один день. Такое сразу и не переваришь. А уже подходя к дому, он вдруг произнес совершенно непонятную фразу:

— Каждый отличный студент должен курить папиросы, ты, Юра, мал, потерпи немного.

Алексей подумал, что дядя Коля стал «заговариваться»...

Глава восьмая

1

Леша переспросил, а Николай Александрович повторил свою загадочную фразу. И только потом пояснил:

— Поскольку мы с тобой говорили о геологоразведке, без которой нет и не может быть никаких нефтяных промыслов, то я просто привел тебе этакую считалочку — ее любой будущий геолог на первом курсе института наизусть знает, как таблицу умножения. Скажем, у физиков в известной поговорке: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» закодирован цветовой спектр радуги (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый). А вот геологам фраза: «Каждый отличный студент должен курить папиросы, ты, Юра, мал, потерпи немного» помогает запомнить названия геологических периодов Земли с начала ее зарождения, многовековых циклов: кембрий, ордовик, силур, девон, карбон, пермь, триас, юра, мел, полиоген, неоген. Так вот.

— Девон — нефть, — радостно присвистнул Алексей, начинающий кое-что соображать. — А юра — никак «Парк Юрского периода» Стивена Спилберга? С динозаврами.

— Ну, примерно, — кивнул дядя Коля. — Только о происхождении нефти ученые до сих пор спорят и к единому мнению прийти не могут. Одни говорят, что она растительного происхождения, другие — неорганического, третьи вообще выдвигают какие-то космические теории. Вопрос действительно сложный и открыт до сих пор. В Канаде, кажется, до-бурились до

такого геологического пласта, где никакой нефти не должно было быть по определению. А она оказалась. Недра Земли таят в себе ничуть не меньше загадок, чем космос. Это настоящий кладезь, а ключик так просто не дается. И нефть всюду разная. На Уренгое, к примеру, очень вязкая, тяжелая в добыче. Такая же приблизительно на Русском месторождении, это чуть севернее. Там она похожа на нефтяное желе, мармелад. Ее нужно конденсатом разбавлять, что-

бы пробок в трубе не было. Нефтяникам нефть на Русском месторождении так и не далась. Работы были свернуты до лучших времен, но так до сих пор и не развернулись. Видно, «лучшие времена» еще не наступили. А на Уренгое как добывали, так и добывают.

Чишинов взглянул на часы, открыл дверь в подъезд.

— Я тебе еще не о всех муравленковских промыслах рассказал, время у нас есть. Если не совсем надоел, пошли ко мне, выпьем кофе, футбол без нас не начнется. Там и продолжим.

— Не надоел, — откликнулся Алексей. — Ты для меня сегодня, дядя Коля, сам какой-то здоровенный «геологический пласт» открыл. Я бы его так и назвал — муравленковским. Двенадцатый период развития земли, жизни.

— Ну, это ты хватанул! — засмеялся Николай Александрович, похлопав его по плечу. Но ему было приятно услышать такое. Значит, не зря всё, коли хоть один человек из «поколения пепси» вдруг начнет задумываться о великом прошлом своей страны. И не только о прошлом, но и о ее будущем.

Войдя в квартиру Чишинова, Алексей начал рассматривать старые, пожелтевшие фотографии на стенах, будто увидел их впервые. Впрочем, так оно в какой-то степени и было: прежде он не обращал на них никакого внимания. Ну, висят и висят, места много не занимают, хотя лежали бы лучше в семейном альбоме. А

были на них изображены буровые вышки, трубопроводы, жилые вагончики в тайге, вездеходы на просеке, вертолет в небе. И люди, люди... Много людей: за работой и на отдыхе, на первомайской демонстрации и на приеме в Кремле, групповые снимки и индивидуальные. Все лица — энергичные и живые, радостные или сосредоточенные. Но не было среди них пустых, расслабленных, равнодушных. Словно все они принадлежали к какой-то особой касте, породе.

Пока дядя Коля заваривал кофе, Алексей продолжал разглядывать снимки и читал подписи под ними. «В бригаде Китаева». «Комсомольский десант в Западную Сибирь». «Дворец культуры «Нефтяник» — любимое детище В. И. Муравленко». «Планерка у нефтепровода». «Свадьба на Самотлоре». «Так начинался Нефтеюганск». «Ленинский субботник в Нижневартовске». «Три «кита» нефтегазового комплекса — Барсуков, Муравленко и Эрвье». «Первый приезд в Тюменскую область Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина». «Ветераны-нефтяники в Москве». «На Аганском месторождении». «Муравленко, космонавт Волинов, Щербина и Повх». «Байбаков и Муравленко». «Праздничная демонстрация в Сургуте». «На базе отдыха в Лебяжьем»... Много, очень много снимков, наверное, с полсотни будет. На некоторых из них, где-то на заднем плане или сбоку был запечатлен и Николай Александрович Чишинов — дядя Коля, совсем еще молодой, лет двадцати пяти — тридцати. Худова-тый, не то что сейчас, да и волос на голове побольше.

— Любуешься? — спросил Николай Александрович, внося в комнату поднос с чашками и кофейник.

— Изучаю, — ответил Алексей.

— Мне особенно нравится вот этот снимок, — сказал Чишинов, указывая на фотографию, где был изображен Виктор Иванович Муравленко, сидящий за широким, заваленным бумагами рабочим столом, почти нависая

над ним, опираясь раскинутыми руками о столешницу. Взгляд глубокий, задумчиво-пытливый, волосы неприглаженные, жесткая складка у губ. И подпись: «Решать будем вместе...» — Многие фотографии прислали мне мои друзья, какие-то сам раздобыл, что-то сохранилось, — продолжил Николай Александрович.

— А семейные? — спросил Леша.

— Те — в альбоме. А здесь — моя молодость, зрелость, жизнь, работа.

— И главный кумир, — уточнил юный сосед.

— Главный образец для подражания, — поправил дядя Коля. — А на кого мне еще равняться, если я сам — нефтяник, бурильщик? Только на него. Других подобных величин в нашем деле нет и не было. Если бы, допустим, проводили парад нефтяников, то Виктор Иванович должен был бы по праву его принимать — на главной трибуне Мавзолея. Но это что! Сила его ума и обаяния была такая, что женщины-сотрудницы после комплиментов Виктора Ивановича... в шкаф входили.

— Как это? — не удержался от смеха Алексей.

— А так. В его кабинете в «Главтюменнефтегазе» рядом с дверью был встроенный в стену шкаф. Одного цвета с дверью. И ручка такая же. А Муравленко всегда женщине какой-нибудь комплимент скажет: и прическа у нее новая, и выглядит хорошо. Это, как правило, от чистого сердца, от души. А женщина раскраснеется, разволнуется и — вместо двери идет в шкаф. По ошибке. Постоянный секретарь и референт Виктора Ивановича — Галина Степановна Гаркавенко говорила, что такое происходило не раз. И смех, и конфуз, но было и такое! А фотографии эти — моя самая дорогая память... Пей кофе, остынет.

Они уселись перед выключенным телевизором. Часа через два по голубому экрану должны были забегать маленькие фигурки футболистов, ожить, начать радовать или огорчать миллионы людей по всему миру.

Не оживут только те, кто был запечатлен на снимках за спиной Николая Александровича. И он, словно торопясь, боясь не успеть, опоздать куда-то, продолжил рассказывать:

— Все они — эти подвижники нефтяного дела — были людьми с мощной энергетикой. Вот что символично: и состояние души, и сама суть их работы — энергия. Ведь нефтедобыча — одна из самых энергоемких отраслей народного хозяйства. Всё взаимосвязано, а без энергетики и подобных людей не было бы и будущих гигантских промыслов. Но начинали-то там практически с нуля. В самой Тюмени в начале шестидесятых была лишь одна крошечная электростанция мощностью в 4 мегаватта. Работала на нуле. О единой государственной системе, отданной сейчас на откуп Чубайсу, тогда и речи не было. А как пробурить землю в глубь на полтора километра без постоянного источника энергии? Как построить железные дороги и новые города? Муравленко правильно говорил, что без энергетического обеспечения двигаться дальше нельзя.

Уже после 1965 года по его команде были подготовлены 13 энергопоездов. Они сплавлялись по Оби, Туре, Иртышу, Конде в основные места нефтедобычи — в Урай, Сургут, Нижневартовск, Стрежевой. Однако для этих поездов нужны были прочные фундаменты, дополнительные средства, новые решения. Тогда-то и появились быстромонтируемые электростанции на базе газотурбинных авиационных моторов. Эту почти «военную» операцию Виктор Иванович провел в наступательном темпе, с блеском. По его инициативе на авиационном заводе в Запорожье — вот что значит единый Союз, сейчас бы самостийники только палки в колеса вставляли — были изготовлены эти чудо-станции на колесах, которые могли работать на попутном нефтяном газе. Их доставили в Тюмень. Но там

они надолго и застряли. Потому что железных дорог еще нет, а по воде вывезти нельзя — лед. Надо ждать начала навигации. Но время уходит. И Муравленко вновь принимает самое нестандартное решение. Он договаривается с начальником легендарного авиационного КБ, со знаменитым генеральным конструктором Антоновым.

Тюмень такого еще не видела: в город прилетают два мощных «Антея» и вывозят к месту назначения эти уникальные станции! «Чартерный рейс», как говорится. Самое интересное, что Виктор Иванович действовал с Антоновым напрямую, через голову Госплана и Министерства нефтяной промышленности. Пока стали бы согласовывать да утрясать — потеряли бы массу времени. А так поставили руководство уже перед свершившимся фактом. Он умел в самые драматические и ключевые моменты действовать без оглядки на высокое начальство.

— А я думал, что всё тогда было только «по указке», — сказал Алексей. — Инициатива-то наказуема.

— Ничего подобного, — ответил Чишинов. — Впрочем, бюрократы и перестраховщики были всегда, сейчас их еще больше. Кстати, первопроходцы Западной Сибири сегодня искренно не понимают, почему вопросы, которые в те далекие времена решались быстро и конструктивно, на уровне местных руководителей (например, в случаях разморозки труб, нарушений эксплуатации теплосистемы), теперь, в XXI веке, без конца мусолятся вечно жалующимися губернаторами. Нет той энергии, душевного горения, да и ответственности тоже особой нет.

Вспоминается такой случай — это к вопросу об инициативе. Понадобился срочно химреагент для растворов, очень редкий. Достать трудно — дефицит. Муравленко, вникнув в суть проблемы, просит своего референта Галину Павловну Запорожец соединить его

по прямому проводу с министром химической промышленности Костандовым. Разговор происходит примерно такой. «Можете нам помочь с этим реагентом?» — «Сколько нужно?» — «Ну, тонн двадцать — двадцать пять». — «Сейчас выясню у своих сотрудников». Проходит минуты три. Министр отвечает: «Виктор Иванович, в стране этого реагента производится всего 25 тонн. Идет, в основном, на оборонку, для пропитывания специальных тканей, только для военных нужд». — «Очень тебя прошу», — говорит Муравленко. «Есть у меня резерв, тонн пять. Вот все, что могу дать», — сдается министр. «И на том спасибо!»

Вот пример того, как Муравленко решал вопросы — на любом уровне, быстро, не теряя времени на всякие согласования, не мчась ради этого в Москву и не стучась в высокие кабинеты. И в то же время никогда не забывая о людях, о их личных нуждах. Понадобилось как-то главному энергетика «Главтюменнефтегаза» Рослякову срочно лететь в Нижневартовск. А ситуация щекотливая, поскольку в Тюмени в это время как раз сдавали новый жилой дом, в котором Муравленко пообещал Рослякову «из своего резерва» одну из квартир. Из аэропорта главный энергетик позвонил Виктору Ивановичу — у того совещание. А «квартирный вопрос» — это такое дело, он не только москвичей портит... Вдруг обещанная квартира не достанется? Наконец секретарь Галина Степановна Гаркавенко соединила Рослякова с Муравленко. Тот выслушал своего энергетика, спросил: какую квартиру по номеру он выбрал? «Шестьдесят первую», — ответил Росляков. «Лети спокойно». А когда Росляков вернулся из командировки, то первое, что он увидел на своем рабочем столе, — ключ от квартиры с биркой: «61».

Налив себе еще одну чашку кофе, Чишинов продолжил:

— Росляков подсказал Муравленко использовать для энергетических нужд Западной Сибири военные корабли.

— Каким образом? — удивился Алексей.

— Мощность двигателя эсминца — 60 тысяч лошадиных сил, — пояснил Николай Александрович. — Если завести такой корабль по большой воде по Оби до Сургута, поставить у причала, то можно вместо винта присоединить электрический генератор, который станет вращать паровая турбина эсминца. А топливо — очищенная нефть. Идея Виктору Ивановичу понравилась. Он встретился с командующим ВМФ, но, к сожалению, оказалось, что большие корабли с паровыми турбинами уже все порезаны на металлолом — Хрущев постарался! А так это было бы смелое и оригинальное решение. Муравленко и Росляков стояли у истоков создания «Тюменьэнерго». Виктор Иванович форсировал строительство Сургутской ГРЭС, усиливал темпы строительства линий электропередачи на нефтяные месторождения. Потому что Западная Сибирь — это не только нефть и газ, это еще и энергетика.

Первые электростанции были пущены на базах бурения, на транспортных предприятиях и при котельных. Они были дизельные, размещались в деревянных сараях и часто горели. Но проектировались и комплектовались уже стационарные электростанции с агрегатами по 575 и 630 кВт. В начале 1967 года мощность такой станции в Нижневартовске достигла уже 3150 кВт. Подобные же электростанции строились в Сургуте, Нефтеюганске, Стрежевом. Главным их недостатком была необходимость завозить с Большой земли огромное количество дизельного топлива. Перспективы освоения нефтяных месторождений требовали новых решений, нужны были мощные электростанции, работающие на местном топливе, нефти и попутном газе. Муравленко отдавал этой

проблеме много сил и времени, жил «не нефтью единой».

Уже в 1971 году была введена в эксплуатацию пускорезервная электростанция Сургутской ГРЭС мощностью 24 МВт, построены линии электропередачи на Самотлорское, Ватинское, Мамонтовское и Советское месторождения. Но нефтедобывающая промышленность Западной Сибири развивалась так быстро, что электроэнергии все равно не хватало, ее требовалось все больше и больше. Как следствие — случались аварийные отключения и глубокие «посадки напряжения» в электрических сетях энергосистемы. В 1972–1973 годах были завершены важнейшие энергетические стройки: построена ЛЭП-500 Рефта — Тюмень, переведен на напряжение 500 кВ участок ЛЭП от Тюмени до Демьянска, построены линии электропередачи напряжением 110 кВ на Федоровское, Аганское, Убинское месторождения. Но главное — энергетическая система Тюменской области соединилась с энергосистемой Урала, с единой европейской системой страны. Всё это тоже можно считать одной из главных заслуг Виктора Ивановича Муравленко. Таким же детищем, как и нефтяные промыслы. И в настоящее время тюменская энергосистема — крупнейшая в Российской Федерации. Уникальные, построенные в ледяном необжитом крае сургутские ГРЭС-1 и ГРЭС-2 — самые крупные по мощности и лучшие по технико-экономическим показателям электростанции не только в РАО «ЕЭС России», но и во всем мире. Вся Тюменская область теперь охвачена электрическими сетями. Спасибо за это Муравленко, Рослякову и другим, их трудом жил Советский Союз, живет и Россия в двадцать первом веке...

Алексей, улучив момент, когда Чишинов сделал паузу, вставил фразу:

— Ну, ты, дядя Коля, просто ходячая энциклопедия — цифры и факты так и сыпятся.

— Живу этим, — смущенно ответил Николай Александрович. — Ведь мое время уже ушло. Ничего другого ведь больше не остается, кроме как читать и перелистывать страницы прошлого. Потому-то они так прочно и врезались в мою память. Как азбука. Хорошо бы еще, чтобы вы эту «азбуку» не забывали. Без нее останетесь неграмотными. Ну, рассказывать дальше?

— Всенепременно и без промедления, — дал согласие Алексей, бросив взгляд, в ожидании большого футбола, на выключенный телевизор. Но и Большая Жизнь, о которой рассказывал дядя Коля, также не отпускала.

— Чтобы тебе было более понятно, — продолжил Николай Александрович, — нужно знать, какую роль играли коммунисты в освоении нефтяных промыслов Западной Сибири. Огромную! Партия была одна и, конечно, хватало в ней всяких карьеристов и проходимцев, но без ее, как говорили, «направляющей силы» ничего бы не было. Я не имею в виду таких тупых самодуров, вроде Ельцина, умеющего только всё разрушать. Он и показал это в Свердловском обкоме партии, когда сравнял с землей «Дом Ипатьева», где была расстреляна в 1918 году царская семья. Выслуживался перед Москвой. Потом и Советский Союз уничтожил, когда уже начал выслуживаться перед Вашингтонским «обкомом». В перестройку такие, как он, стали прилюдно сжигать свои партбилеты, прямо по телевизору. Тот же Марк Захаров, режиссер. Но были и другие. Такие, как герои очень хорошего фильма «Коммунист», где играл Женя Урбанский. Этот фильм вышел как раз в шестидесятые годы. Стоило бы тебе его посмотреть. Да где ж его теперь покажут?

Тюменская земля таких коммунистов хорошо знает. Виктор Иванович Муравленко работал в самом тесном

контакте с партийным руководством области. Это прежде всего Борис Евдокимович Щербина, донбассец, фронтовик, стоявший у истоков нефтяных и газовых богатств края. При первой встрече с Муравленко он сказал, что «тюменцы теперь все нефтяники, это — наше генеральное направление». Он чувствовал шаги истории. С 1961 по 1973 год работал в Тюмени на должности первого секретаря обкома партии, потом был министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности и даже заместителем председателя Совета Министров СССР. Крупный организатор, политик. К слову сказать, в Тюмени жил в одной и той же скромной квартире с мебелью государственного стандарта, ничего особенного не было, и услугами повара не пользовался, хотя он ему полагался. А когда в Чернобыле в 1988 году случилась катастрофа — взорвался четвертый энергоблок, Щербина вылетел на место аварии и буквально шагнул в огонь. Смелый был человек, поступал в соответствии с линией своей жизни. В Чернобыле он должен был всё увидеть на месте, разобраться, отвести беду от людей. В то время как Горбачев отсиживался в Кремле и скрывал от людей правду, Щербина получил огромную дозу радиационного облучения. Потом — инфаркт, другой, третий. Как и у Муравленко. И умер, не увидев постыдного развала Советской державы. Он был поистине выдающейся личностью, ярким лидером, новатором, патриотом. Неоценимый вклад внес в развитие Западной Сибири. Современные политики должны просто учиться у таких людей.

— Жесткий был человек? — спросил Алексей.

— Жесткий, — подумав, ответил дядя Коля. — Не всякий выдерживал его резкую критику, тон. Вот Филановскому пришлось уехать, не сработались. Но Тюменская земля мягкотелых не выдерживает. Ты заметь, что даже все производные от этого слова — без

мягкого знака: тюменский, «Главтюменнефтегаз». Москвичи любят говорить «тюменьский», но местные старожилы их всегда поправляют: тверже надо, без мягкости этой. Нежность оставьте для любимых женщин. А край суровый. Но Щербина очень уважал и ценил людей, которые верой и правдой служили именно этому краю, а не ему лично. Его предшественник Косов был снят с должности за комчанство и лень, за неумение руководить такой огромной организацией. Щербина и Муравленко, можно сказать, дружили, поскольку оба обладали исключительной порядочностью, а отсюда и успехи в нефтяных делах региона. Оба были настоящими болельщиками, переживали за хоккейную команду Тюмени, которая играла во второй лиге на первенстве страны, темпераментно реагировали на острые моменты. Щербина, как и Муравленко, умел заглядывать далеко вперед.

Казалось бы малость, но при практическом участии Бориса Евдокимовича в Тюменской области были построены птицефабрики, стали развиваться пленочные теплицы и овощеводство, увеличились посадки картофеля. И это при таком мерзлом грунте! Он успевал везде — и в больших, и в малых делах. Выдвигал молодые кадры — комсомольцев. Еще был прекрасным оратором, в любой аудитории выступал без бумажки, а все свои речи готовил сам, без помощников. Не был злопамятным, не наносил ударов тайно, в спину, а высказывал свое неудовольствие прямо в лицо. Когда Щербина уезжал в Москву на должность министра, Муравленко сказал о нем так: «Трудно найти человека, который сделал бы для Тюмени и области столько, сколько Борис Евдокимович, да и для страны в целом». На проводах Виктора Ивановича не было, он лежал в больнице с инфарктом. А Щербина, прощаясь, сказал коллективу «Главтюменнефтегаза»: «Особенно берегите

Муравленко — равного ему руководителя во всей нефтяной промышленности страны просто нет». И это был не пустой обмен любезностями, как можешь подумать. Их имена действительно стоят рядом. По заслугам.

Кажется, Льву Толстому принадлежит фраза: «Человек рождается, чтобы умереть». Неправильная она. Конечно, многие только для того и рождаются. Чтобы бесследно прошмыгнуть по Земле и уйти в небытие. Но после других остаются города, улицы, которые не только называют их именами, — они словно и сами живут там. Я имею в виду не только Западную Сибирь, но всю Россию.

После некоторого молчания, взглянув на фотографии, Алексей спросил:

— Насколько я понял, Щербина покинул Тюмень еще при жизни Муравленко. А с кем из партийной верхушки Виктору Ивановичу пришлось работать потом?

— Это был Богомяков, — ответил дядя Коля. — Геннадий Павлович, геолог по профессии, тоже человек исключительного дарования. На должности первого секретаря Тюменского обкома партии он проработал с 1973 аж по 1990 год, лауреат Ленинской премии, сыграл одну из ключевых ролей в создании и развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Сам участвовал в геолого-разведочных работах Приобья в конце пятидесятых годов. На его глазах создавался «Главтюменнефтегаз», и он считал, что это — «самый главный главк», который навсегда останется в истории отечественной нефтяной отрасли и в истории России в целом. Почему? Потому что он был опорой советской экономики в шестидесятые — восьмидесятые годы.

Именно «Главтюменнефтегаз» и Муравленко лично обеспечили согласованность, координацию действий подразделений всех министерств, принимавших участие в освоении нефтегазоносных территорий Тюменского

Севера. Богомяков говорил, что Виктор Иванович Муравленко был сильным, мужественным человеком, способным взять на себя, если это необходимо для дела, самый тяжелый груз ответственности, точно определить приоритеты, выделить основные задачи на данный момент. Он добивался того, чтобы все новое, прогрессивное внедрялось в подразделениях главка. В дело шло все — и проектирование специальных буровых установок на заводах «Баррикады» и «Уралмаш», и укрупнение бригад, и новые типы долот, и принципиально иная организация вышкомонтажных работ, и многое другое. Это — что касается Муравленко.

А в чем была сила Богомякова? Сам он коренной сибиряк, даже родился в таежном городке с символическим названием Тайга. Прошел трудное послевоенное детство. Так что о проблемах людей знал не понаслышке. И «под музыку центра» никогда «не плясал». Он понимал, что для тех масштабов, какие начали осваивать в Западной Сибири, необходимы и домостроительные комбинаты, и многие другие базы строительной индустрии. Интересы людей — прежде всего: их заработки, продукты питания, жилье. Нужно было просчитать до деталей программу строительства жилья и соцкультбыта. Тогда, имея в области население в 2,7 миллиона человек, сдавали 3,2 миллиона квадратных метров жилья в год. Темпы были выше общероссийских в 2-2,5 раза, Тюмень была самостоятельна, каждый год отмечался каким-то достижением. Он говорил приезжавшему в область Косыгину: «Вот мы заплатим молодому парню, нефтянику, тысячу рублей в месяц, а зачем они ему, если прожиточный минимум значительно ниже? Он одет, обут, сыт. А ему хочется машину купить, но негде». И Косыгин подписывал разрешение на продажу, допустим, двух тысяч легковых автомобилей вне очереди. То есть, понимаешь, это был для Богомякова, да и для

Муравленко тоже повседневный многогранный процесс менеджерских, как сегодня говорят, решений, которые приходилось принимать вкупе с партийными, советскими, хозяйственными органами власти, исходя из ситуации. А сегодня как? Утрачена перспектива, надежда на лучшее будущее.

— Теперь ясно: они все были классными менеджерами, — сказал Алексей. — Высшего звена.

— Да назвать можно как угодно, — вздохнул Чишинов. — Главное — идеалы, которые цементируют общество и власть. Да и идеология тоже. Система требовала определенной когорты руководителей, которые видели перспективу государства. Таких как Муравленко, Байбаков, Щербина, Богомяков. Последний, встречаясь с людьми, любил повторять: «Радуйтесь, нам сказочно повезло, что мы попали в Тюмень и она нас приняла и подняла». То есть они оказались там на самом интереснейшем этапе развития общества.

Что касается партии, КПСС, то она была руководящей силой в обществе и, естественно, должна была заниматься главными элементами жизни. И занималась. Сегодня любят критиковать: вот компартия планировала уборку урожая, занималась комбайнами, бурением, строительством и т. д. Ну и что? Дело делалось. А сегодня все так называемые «партии» только шумят на митингах или в СМИ, но, как правило, не сплачивают, а только разделяют общество. За последние двадцать лет мы больше разрушали, чем создавали в экономике. У нас же колоссальные запасы сырья, энергии, воды, леса, территории. В Тюменской области могли быть созданы крупнейшие перерабатывающие производства, если бы не грянула перестройка. Три десятилетия Тюменская область была экономическим «тягачом» СССР, имела геостратегическое значение не только в масштабах страны, Европы, но и всего мира. Но упущенные

возможности еще могут быть реализованы — в XXI веке. Это неумолимая логика исторического развития, поскольку и сегодня природно-сырьевые ресурсы Западной Сибири колоссальны — не только нефть и газ. Но, конечно, многое зависит от личности, от руководителя. Он либо положительно, либо отрицательно влияет на этот закономерный процесс развития. Может быть, еще придут такие, как Муравленко, как Щербина, как Богомяков.

— Но ведь запасы нефти и газа кончаются?

— Никто тебе точно на это ответить не сможет.

Николай Александрович задумался, потом продолжил:

— Вот живет в Тюмени такой умнейший человек — Алтунин Евгений Никифорович. В бытность Муравленко он работал начальником Главного Тюменского производственного управления газовой промышленности, то есть был главным по газу в Тюменской области. Потом был и секретарем Тюменского обкома КПСС, и председателем Межведомственной территориальной комиссии по вопросам развития Западной Сибири при Госплане СССР, и представителем Минэкономики России в Тюменской области. Стратег, мыслитель, по глубине мышления я бы его назвал «сибирским Дэн Сяопином». Но с Виктором Ивановичем он часто по производственным делам спорил, соперничал даже, поскольку один занимался нефтью, а другой — газом. Но как незаурядные личности оба друг друга уважали, ценили. Так вот Алтунин очень пессимистично видит перспективу развития нефтегазового комплекса Западной Сибири. Он в Тюмени с 1966 года, знает дело очень хорошо. Нефтяники были тогда в фаворе, стране нужна была нефть. А газ тогда никто серьезно в расчет не принимал. Но именно Россия создала мировой рынок газа, когда пришла с газопроводами в Европу. И сегодня в балансе

топливной энергетике России газ занимает уже 60 процентов. Хотя это и перекос. По-разумному, по словам того же Алтунина, в балансе страны нефть и газ должны занимать процентов по 30, а 40 процентов должно приходиться на долю угля. Ну и, разумеется, атомная энергетика, гидроэлектростанции. Запасов угля у нас на 400 лет вперед.

Теперь посмотрим так: мы забираем у Туркмении 20-25 миллиардов кубометров газа. Начинаем строительство новых газопроводов. Думаем подавать газ в Китай. И в то же время теряем добычу. Через пять лет она начнет всё больше и больше снижаться. И где будем его брать, если новые разработки не ведутся?

Топливо-энергетический комплекс — это жизнь государства, его стратегия. Его нельзя отдавать на откуп рыночникам. Нельзя отдавать им авиацию, связь, транспорт, корабли. Разбазаривая наши ресурсы, мы подрываем экономическую и политическую мощь государства. Это слова Алтунина. Нефти остается на одно-два поколения, на пятьдесят лет. Нельзя строить Нью-Васюки по всему Северу. За бортом осталось уже множество городов нефтяников в Татарии, Поволжье. Скоро такая же участь ждет и города Западной Сибири. Если начнут разваливать Газпром, если его постигнет участь «Главтюменнефтегаза», то это будет продолжением того самого псевдореформаторства «по Гайдару», который в 1992 году сказал Алтунину: ищите деньги для инвестиций где хотите. Все это ведет к развалу российской промышленности в целом. Может быть, сознательно? Чтобы нефтегазовые предприятия работали не на государство, а на неизвестно чьи карманы?

— А то! — со знанием дела откликнулся Алексей.

— А теперь возьмем вариант развития событий по Богомякову, — продолжил Чишинов. — Он тоже экономист, привык верить цифрам и фактам. В

Тюменской области потенциальные запасы природного газа составляют не менее 130 триллионов кубических метров. А сколько добыто на сегодняшний день? Около десяти триллионов, где-то восемь — десять процентов от имеющихся запасов. Мы пока откусили только край пирога. Разработали пока только сеноманскую залежь, немного коснулись волажинина. А есть на Уренгое, как и вообще почти на всех ямальских месторождениях, более глубокие горизонты, они и разведаны-то не полностью — тоже не успели: перестройка, будь она неладна, подкосила прежде всего геологов!

Но и без того ясно, что запасы на более глубоких горизонтах огромные. И с нефтью также. Потенциальные запасы — 50-60 миллиардов тонн, добыли в Тюменской области 8 миллиардов. Да, с Самотлором дело плохо, его эксплуатировали варварски. Пятилетка 1986-1990 годов была провалена. Потому что прекратились инвестиции. Богомяков предупреждал Горбачева, что если инвестиции прекратятся хотя бы на полгода, то к 1990 году недоберем 30-35 миллионов тонн нефти. Но этому «заводному болтуну» было на все плевать. И Богомяков оказался прав. Только недобрали гораздо больше. По большому счету это был крах управления нефтяной отраслью страны. А ведь когда Самотлор начинался, его сравнивали с Саудовской Аравией, где нефтяные скважины давали по несколько тысяч тонн нефти в сутки. Открывались совершенно иные, невиданные горизонты нефтедобычи в Западной Сибири! Но даже сейчас, если пробурить ряд скважин от Сургута до Нижневартовска, почти в каждой будет нефть. Иной вопрос, что это другая нефть, не Самотлорские дебиты в 100-200 тонн или даже больше, а 5—10 тонн в юрских отложениях. Но нефть есть, и современная технология позволяет ее добывать. Ну, будет обходиться себестоимость добычи такой нефти, скажем, не в 5 рублей за тонну, а в 50, и что? Добывают

же в Штатах нефть себестоимостью в 10 долларов за баррель — и ничего. И с северными городами не все так скверно. Богомяков считает, что и Нижневартовск, и Сургут, и Нефтеюганск, и Ноябрьск — это города, которые по своей численности еще недостаточны для того, что можно и необходимо делать в этих районах. Потому что Россию через пять — десять лет ждет всплеск ее производительных сил. Нужно вновь начать вкладывать деньги в геологоразведку, в производство. Но делать эти инвестиции ради государства, а не ради отдельных Абрамовичей. И тогда нефтяная и газовая Тюмень еще многие годы будет приносить огромную прибыль стране. В этом, я думаю, Богомяков с Алтуниным полностью согласны. Солидарны они и в том, что нефтегазовая промышленность была целенаправленно развалена. Опять повторю: был бы жив Муравленко — он бы этого не допустил. Но есть еще и третья точка зрения.

— Какая? — заинтересованно спросил Леша. До начала футбольного матча оставалось сорок пять минут, но оба они как-то даже подзабыли об этом. А ведь готовились с самого утра! Но в их планы мощно вмешалась какая-то невиданная сила из прошлого. Нефть, Тюмень, Муравленко, люди, месторождения...

— Ее изложил Василий Быковский, мэр города Муравленко. Он считает, что природный, имущественный и человеческий капитал у нас в стране падает. А всё это триединство и составляет национальное богатство страны. А если национальное богатство падает, то мы идем в никуда. Весь топливно-экономический комплекс гробит экономику России. У добычи нефти и газа есть свои плюсы и минусы. Во-первых, нефть и газ развращают экономику страны. Развращают правительство. Правительство думает, что оно работает, а на самом деле нет, идет время упущенных возможностей. Последний

нефтеперерабатывающий завод был построен в 1982 году. Других заводов тоже нет, нет текстильной промышленности и так далее. Всё носим импортное. Едим импортное. Перекроют канал — и мы умрем голыми и голодными. Потому что идет разврат России легкой нефтью и газом. Но и они не вечны, иссякают. С Самотлора сняты все сливки. Эффективности в добыче нефти и газа не будет. Поэтому у таких городов, как Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск, даже у его любимого города Муравленко большого будущего нет. Если страна не хочет дальше затягивать на себе сырьевую петлю, то она должна развивать ресурсы.

По теории Быковского существуют пять этапов жизни нефтяных месторождений и нефтяных городов. Каждый этап примерно по тридцать лет. Первый — это 1933–1963 годы: поиск нефтяных месторождений, геологоразведка. Второй — 1964–1994 годы: интенсивное обустройство месторождений и городов. В это время себестоимость при поиске была высокая, при обустройстве высокая, но она снижалась. Третий этап, допустим, с 1994 по 2024 год. Режим обалденный, можно и деньги не вкладывать, и сливки снимать. Но придет время, лет через пятнадцать, — на что будет жить Россия? Десять лет уже потеряно. Даже больше. С 1990 по 2006 год ничего не сделано. Хотя цены на нефть все время росли. И мы этой ситуацией никак не воспользовались. Прошляпили. Создали какой-то стабилизационный фонд, который лежит в чужих банках и работает на чужую экономику. Это преступление.

— А четвертый и пятый этапы? — спросил Леша.

— Об этом и говорить не стоит. Трагедия, мертвая зона, — Чишинов покачал головой. — Правда, на пятом этапе может вновь начаться подъем, но это будет уже другая, новая энергия, иные люди, возможно, уже совсем иное человечество. Но мы с тобой совсем уж в далекое будущее ушли, как фантасты. Хотя ты, может

быть, всё своими глазами увидишь. Будешь сидеть со своими внуками и правнуками и рассказывать им о таком забавном старичке-соседе — дяде Коле Чишинове, который жил в Атлантиде — Советском Союзе.

— Я им буду рассказывать о Муравленко, — сказал Алексей.

— Дай-то бог! — ответил Николай Александрович. — Этого мне довольно.

И тут Леша добавил странную фразу:

— Потому что прадеда своего мои внуки и так не забудут.

— Чего-чего? — переспросил дядя Коля, насторожившись.

— До футбола осталось тридцать минут, — сказал Леша. — Я тебе после матча объясню. А пока успею прочитать еще одну главу из твоей рукописи.

— Ну, давай, — согласился Чишинов. — Если что будет неясно, отвечу на любые вопросы.

— В этом не сомневаюсь, — кивнул Алексей, еще раз взглянув на старые фотографии на стене, которые будто бы тоже прислушивались к их разговору. А может быть, так оно и было на самом деле? Хочется в это почему-то верить.

Человек рождается не для того, чтобы умереть, а чтобы жить дальше...

2

Две цитаты:

«Образно говоря, все мы, нефтяники-сибиряки, да и не только мы, — «птенцы гнезда муравленковского». Виктор Иванович был очень известным в стране человеком. И любили его, и уважали. С его мнением считались и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, и Председатель Госплана СССР

Н. К. Байбаков, а в ЦК КПСС к нему относились с неподдельным уважением и даже почтением — явление само по себе для этой организации уникальное. Почему? Ответ мой прост — Муравленко был таким человеком, не уважать которого было нельзя. Его личность — совокупность особых человеческих качеств.

Во-первых, он умел слушать людей. Он сочетал в себе принципиальность и твердость руководителя с отеческой мягкостью... Он любил свое окружение, своих товарищей. И, знаете, очень редко среди нефтяников встречались мерзавцы. Просто среда и профессия отторгали таких людей. Отторгали условия жизни и работы — жили в балках и бараках, общежитиях, мерзли на зверском холоде, подставляли плечо друг другу в сложнейших ежедневных ситуациях. Это были условия не для пакистанской публики! Не доверять людям было нельзя. И приходили к Виктору Ивановичу, как на исповедь к батюшке, все до капли рассказывали. Но знали, что не всегда можно было рассчитывать на «отпущение грехов». Вот в таком отеческом подходе к людям и был весь Виктор Иванович Муравленко. И в больших, и в малых делах».

(В. И. Грайфер, последний руководитель «Главтюменнефтегаза» с 1985 по 1990 год)

«Дорогой Виктор Иванович! От всей души поздравляю со славным 50-летием! Я, как и все нефтяники страны, знаю Вас как неутомимого и принципиального работника, отдающего все силы развитию нефтяной промышленности. Особенно много Вы сделали для создания «второго Баку». Ваша кипучая и плодотворная деятельность всегда являлась примером для специалистов-нефтяников, особенно молодых кадров. Знаю Вас как скромного и обаятельного друга, всегда готового подать руку товарищу в тяжелую минуту жизни. Желаю крепкого-крепкого здоровья,

счастья в личной жизни, еще больших успехов в Вашей трудовой деятельности на благо нашей Родины!

Пользуясь случаем, поздравляю с Новым годом, желаю, чтобы он стал новой светлой страницей в Вашей жизни.

С глубоким, искренним уважением

Н. Байбаков.

Декабрь 1962 года».

Сухие факты и хроника:

1988 год. Коллективом НГДУ «Федоровскнефть» добыта двухмиллионная тонна нефти.

НГДУ «Сургутнефть» добыло стомиллионную тонну нефти на Западно-Сургутском месторождении со дня его эксплуатации.

Начата эксплуатация Покамасовского месторождения. Введены в опытно-промышленную эксплуатацию Ургут-ское, Западно-Ургутское, Киньяминское месторождения.

1989 год. Создано совместное советско-канадское предприятие «Юганскфракмастер».

1990 год. Коллектив НГДУ «Лянторнефть» добыл за год десять миллионов тонн нефти.

НГДУ «Майскнефть» достигло максимального уровня добычи нефти — 10 миллионов 675 тысяч тонн.

Введено в эксплуатацию Средне-Асомкинское месторождение нефти.

1991 год. НГДУ «Черногорнефть» вышло из состава ПО «Нижневартовск».

Ликвидация «Главтюменнефтегаза».

Распад Союза Советских Социалистических Республик.

Создание Урайского управления магистральных нефтепроводов.

1992 год. Добыта 400-миллионная тонна мегионской нефти. В НГДУ «Майскнефть» добыта 50-миллионная

тонна нефти.

15 лет со дня смерти В. И. Муравленко.

Динамика добычи нефти в Мегроне:

1964 год — 59,3 тыс. тонн.
1965 год — 312,3 тыс. тонн.
1966 год — 516,4 тыс. тонн.
1967 год — 714,1 тыс. тонн.
1968 год — 1046,1 тыс. тонн.
1969 год — 3817,0 тыс. тонн.
1970 год — 8219,3 тыс. тонн.
1971 год — 11437,9 тыс. тонн.
1972 год — 5730,2 тыс. тонн.
1973 год — 7593,8 тыс. тонн.
1974 год — 9070,0 тыс. тонн.
1975 год — 10698,0 тыс. тонн.
1976 год — 12430,5 тыс. тонн.
1977 год — 8490,6 тыс. тонн.
1978 год — 14704,8 тыс. тонн.
1979 год — 23585,6 тыс. тонн.
1980 год — 26227,4 тыс. тонн,
1981 год — 27445,0 тыс. тонн.
1982 год — 27526,4 тыс. тонн.
1983 год — 26680,9 тыс. тонн.
1990 год — 17268,0 тыс. тонн.
1991 год — 16713,0 тыс. тонн.
1992 год — 14588,0 тыс. тонн.
1993 год — 13231,7 тыс. тонн.
1994 год — 13128,0 тыс. тонн.
1995 год — 12840,0 тыс. тонн.
1996 год — 12473,0 тыс. тонн.
1997 год — 12276,1 тыс. тонн.
1998 год — 11755,8 тыс. тонн.
1999 год — 11900,0 тыс. тонн.
2000 год — 12100,0 тыс. тонн.

Из выступления В. И. Муравленко:

«Пора свой совхоз, свое подсобное хозяйство заводить. Местные ресурсы! Это крайне важно. Может быть, на базе колхоза. Пусть у нас будет свое свежее живое молочишко, сметанка для детишек, да и не только для них. Рабочему человеку такое тоже полезно. Свои коровы, свои птицефермы! Свой картофель, а может, и огурчики свои. Почему бы нет! Некоторые полагают, что доставлять сюда самолетом овощи, молочные продукты, яйца дешевле и проще, чем производить на месте. Проще-то проще, конечно, меньше хлопот... А вот качество, качество... Пусть сложнее для нас и поначалу дороже, но потом окупится. И главное, людям, людям нашим на пользу пойдет. Надо нам научиться все, что возможно, на месте производить... Устроим свои парники, теплицы. Введем в штат агрономов, зоотехников. На этом экономить нельзя. Экономия на бытовых нуждах — самое убыточное, самое невыгодное дело».

Два взгляда из прошлого на российскую Сибирь и Север:

«К северу от Вологды идут необъятные пространства, где еще *царит* патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

(В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 228)

«Красота и великолепие Севера заключаются прежде всего в разнообразии и полной разнохарактерности его окраин и отдельных районов тысячеверстного пространства. В Сибири и на Севере нет трафарета в окружающей природе, и глаз ежеминутно замечает всё новые и новые картины северной природы, то суровой и мрачной, грозной в беспросветную полярную ночь и злую жгучую вьюгу полярной зимы, то очаровательной, как незаходящее

полуночное солнце, как полное глубокого таинственного смысла северное сияние, как шум великих северных лесов...»

(Исследователь Российского Севера и Сибири А. А. Жилинский. «Крайний Север Европейской России». Пг., 1919)

3

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«Типичный европеец по складу своего ума, вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин отказывал Сибири и Крайнему Северу в праве на цивилизованную жизнь, считал эти места дикими и варварскими, использовал с этой целью другое ругательное слово — «патриархальность», хотя чем оно плохо? Патриархальность — это традиция, спокойствие, чистота, порядок, нравственное брение, наконец. И, между прочим, именно Тюмень приютила его бранные останки во время Великой Отечественной войны, которые были вывезены из Мавзолея в 1941 году. Данные об этом были рассекречены совсем недавно. Сибиряки сохранили их, а потом вернули в Москву. Зла не помнят. А сами сибиряки — это особая общность, народ, который состоит из разных национальностей. Многие нефтяники, приехавшие вместе с Муравленко в этот огромный край, так тут и остались до конца жизни, прикипели к Тюмени душой и сердцем.

Назову еще несколько его ближайших соратников, все они примерно одного возраста, с 1925–1930 годов рождения, приехали в Западную Сибирь из разных концов страны.

Феликс Григорьевич Аржанов — с Украины, застал войну юнгой-радистом на Северном флоте. Прошел

непростую школу жизни, начинал бурильщиком Мухановского нефтепромысла, был директором конторы «Первомайбурнефть». И восемь лет возглавлял инженерную службу в «Главтюменнефтегазе». Муравленко наделил своего главного инженера всеми полномочиями для решения любых вопросов. Аржанов обладал взрывным характером, действовал энергично, но никогда не помнил зла, быстро остывал и, как правило, после взрыва эмоций начинал смеяться и шутить. Интересно, что он очень бережно хранил ту тельняшку, в которой служил юнгой в далекие военные годы, а порою, в кругу близких людей, мастерски демонстрировал и матросскую чечетку. Был настоящим бойцом по жизни. Это — воспитание морем. Однажды произошел такой случай, который характеризует личные качества и Муравленко, и Аржанова.

Жарким июльским днем 1972 года на имя Виктора Ивановича пришло официальное письмо. Оргкомитет по проведению юбилейной встречи выпускников школы юнг Военно-Морского Флота просил откомандировать участника Великой Отечественной войны Феликса Аржанова на Соловецкие острова — для торжественной закладки памятника погибшим юнгам. А в это время главный инженер «Главтюменнефтегаза» по поручению Муравленко находился в Нижневартовске, на нефтяных промыслах. Там стояла сухая жаркая погода, горела тайга, огонь угрожал объектам. Аржанов занимался организацией работ по тушению лесных пожаров. Каждый день, утром и вечером, он звонил в Тюмень и докладывал Виктору Ивановичу о состоянии дел, советовался по целому ряду возникающих проблем. И вдруг слышит:

— Сегодня передай руководство работами своему заместителю и вылетай в Тюмень.

— Что случилось? — спрашивает Аржанов. — Еще два-три дня и мы стабилизируем обстановку. Разрешите

остаться до окончания намеченных работ.

Муравленко не разрешил. Обычно в аналогичных ситуациях он соглашался, но тут сказал, что есть срочный вопрос, не объясняя причин. К концу дня Аржанов уже находился в кабинете Виктора Ивановича. Муравленко показал ему письмо председателя оргкомитета и сказал, что надо ехать.

Аржанов возразил:

— Положение на Севере пока остается сложным. Как же я поеду?

— Ничего, справимся без тебя, — ответил Виктор Иванович. — Я же помню, с какой любовью ты рассказывал мне об этой школе, и теперь, когда появилась реальная возможность вновь окунуться в тот мир, отказаться? Нет, это же судьба. Ты потом никогда ни себе, ни мне не простишь эту упущенную возможность встретиться с юностью. Поэтому никаких возражений. Решение принято, и не будем больше возвращаться к этому вопросу.

Феликс Григорьевич после вспоминал, как умел этот мудрый человек вникать в жизнь, в судьбы людей, и люди платили ему своей любовью и уважением, делились с ним самым сокровенным. И он приводил слова Виктора Ивановича, сказанные тогда в кабинете: «Личные вопросы — это те же производственные вопросы. Судьба человека! Что может быть важнее...»

Вот данные на Феликса Григорьевича Аржанова из его характеристики, которые, может быть, прозвучат несколько казенно, но они отражают его профессиональную суть:

«...Высококвалифицированный специалист, умелый организатор производства, инициативный, энергичный, требовательный к себе и подчиненным. Внес большой вклад в подбор, укомплектование, обучение и воспитание кадров нефтяников, в изучение и внедрение в производство новой техники и технологии, передовых

методов труда, в разработку и обустройство новых месторождений.

Впервые в Западной Сибири при непосредственном участии т. Аржанова Ф. Г. были применены блочные кустовые насосные станции для закачки воды в пласт, что позволило обеспечить своевременную закачку воды для поддержания пластового давления в необходимых объемах, используя при этом воды сеноманского горизонта. Также впервые в стране на Федоровском месторождении проведен промышленный эксперимент по совместной подаче нефти и природного газа по одному трубопроводу, что дало возможность обеспечить дешевым топливом Сургутскую ГРЭС.

Кроме того, создан промышленный полигон на Усть-Балыкском центральном парке, где проведены большие экспериментальные работы по получению нефти экспертной кондиции. Внедрение этого прогрессивного эксперимента на всех термохимических установках западносибирских месторождений способствовало значительному улучшению качественной подготовки нефти и получению сверхплановой ее реализации.

Также освоен сложный нефтепромышленный комплекс по внедрению весьма эффективного газлифтного способа эксплуатации нефтяных скважин, что дает большую перспективу на получение высоких технико-экономических показателей не только в условиях Западной Сибири, но и на других месторождениях. Эти мероприятия способствовали значительному перевыполнению плана добычи нефти...»

Сделанного хватит не на одну жизнь. А вот простые и теплые человеческие слова, сказанные о нем в день его смерти Фаиной Мавлютовой-Сафиуллиной, женой его друга:

«Феликс Григорьевич — морская душа, в свое время много плавал. Я где-то читала, что моряки любят поговорить, охотно беседуют, поскольку на судне — на

небольшом ограниченном пространстве, среди одних и тех же людей они скучают по общению и наверстывают упущенное, оказавшись на берегу. Случалось, делегации нефтяников наносили визиты экипажам советских кораблей. Ф. Г. Аржанов обычно подолгу смотрел на далекий голубеющий горизонт. Он ведь связывал свою судьбу с морем. А она сложилась иначе. И сложилась, я бы сказала, не худшим образом. Всем с ним было легко, особенно детям. На отдыхе ребяташки окружали его постоянно. Вместе с ними он смеялся — громко, заразительно.

Теплый он был человек. Принято говорить: люди уходят, а их мысли, чувства, идеи остаются с нами. Да, что-то остается. Но, к несчастью, многое, очень многое они навсегда уносят с собой...»

Так сложилось, что судьба Феликса Григорьевича была долгое время самым промыслительным образом связана с судьбой Муравленко, даже в какой-то степени и после смерти Виктора Ивановича — ведь в 1977 году он стал его преемником на посту начальника «Главтюменнефтегаза». А до этого, в начале пятидесятых годов, был студентом Куйбышевского индустриального института, где преподавал Муравленко, который, как председатель государственной комиссии, вручал Аржанову диплом инженера-нефтяника. Потом — совместная работа в системе объединения «Куйбышевнефть», где десять лет начальником был Виктор Иванович.

Муравленко же и увлек его за собой в Тюменскую область на освоение нефтяных богатств Западной Сибири. Учитель и ученик. Ученик, достойный Мастера.

Но проработал он на должности начальника «Главтюменнефтегаза» всего три года. Не сложилось. Были и интриги. Как-то натянуто складывались отношения и с первым секретарем Тюменского обкома партии. Что ж, бывает и так. А можно сказать и иначе:

после смерти Виктора Ивановича Муравленко «корабль» начал давать течь, хотя еще и оставался на плаву. Но моряк и нефтяник Аржанов делал всё, чтобы плавание этого гигантского «сибирского лайнера» продолжалось.

А умер он после развала Советского Союза, страны, которую во время войны, не щадя жизни, защищал с оружием в руках. У многих тогда не выдержало сердце...

Директором Усть-Балыкской конторы бурения, а затем начальником Нефтеюганского управления буровых работ и генеральным директором «Урайнефтегаза» — важнейших тюменских промыслов — работал горный инженер и буровик (имевший еще и военную профессию корабельного штурмана — тоже моряк!) Александр Николаевич Филимонов. Приехал он в Западную Сибирь из Башкирии. Высадился с самолета Ан-2 на усть-балыкскую землю в числе первых нефтяников. Было это зимой 1964 года. Рассказывал, что пришлось столкнуться с такими трудностями, что в отдельные моменты хотелось все бросить к чертовой матери и уехать, куда глаза глядят.

Говорит правду: «Очень много было и неоправданных жертв. Из сотни смертей — только две естественные. Кто видел бурового мастера, плачущего в бессилии от комариного гнуса? Кто видел мгновенно провалившегося в болото бульдозериста на ДЭТ-250 и выкарабкивавшегося из лап смерти, всего в болотной тине и водорослях? Кто видел, как в сорокаградусный мороз сгорает за 25 минут шестнадцати-квартирный дом, да еще и с людьми?! Жена, приехавшая в июле ко мне в отпуск, плача, на коленях умоляла меня уехать из этого ада. Лето было жаркое, до 38 градусов в тени. Комаров, слепней и мошки столько, что не передать. В Нефтеюганск летали только гидросамолеты, в салоне на полу люди корчились от болтанки. Их рвало. Сами они даже выйти не могли из самолета. Их выводили под руки. А какво спать, когда в помещении гудят комары?

Ведь даже марлевые повязки не спасали. Прежде чем ложиться спать, разжигали на противне костер из солянки и зеленой травы, чтобы дымом выгнать комаров. Промучившись ночь, не выспавшись, днем тоже видишь мало радости. Десятки проблем, которые надо решать. Знаешь, что кроме тебя и твоих подчиненных никто их не решит».

Филимонов выдержал, выстоял и решил все поставленные перед ним задачи. Стал Героем Социалистического Труда. В постперестроечные годы многие либеральные демократы, не зная, как еще куснуть советских нефтяников, хихикали и ёрничали, говоря, что в муравленковское время в Тюмени создавались какие-то псевдонаучные «отделы по борьбе с комарами» — вот, дескать, куда уходили государственные деньги. Отделов таких не было, но перед НИИ была поставлена задача найти эффективное средство против мошки и гнуса. А как вы хотели? Вот бы любителей поболтать на эту тему да в те болота, чтобы они на своей лощеной шкуре испытали все тяготы трудов первых нефтяников.

В 1966 году министр нефтяной промышленности Шашин проводил совещание в Сургуте. На полном серьезе обсуждались предложения ученых и практиков строить на месторождениях морские эстакады по типу бакинских. Рыть каналы, буровые устанавливать на баржах и таскать их по рядам скважин по схеме. Было предложение и сезонного бурения, то есть зимой бурить на Севере, а на лето уходить на Большую землю, хотя бы в Оренбургскую область, где тогда были открыты газовые месторождения. Муравленко, сидевший рядом с министром, предложил выслушать Филимонова, с которым уже «обкатал» одну идею. Тот поставил под сомнение предложение о морских эстакадах: где взять столько металла? Завоз, монтаж — всё это дополнительные затраты. Он предложил другой

вариант, самый простой — отсыпка. Сказал, что уже пробурили куст из четырех скважин путем отсыпки местным грунтом. (Даже не песком, как это делается сейчас, а именно используя местный грунт.) А где болота — кладем лежневку. Филимонов перенес опыт времен Отечественной войны под Ленинградом, там тоже укладывали лежневки и немного отсыпали. Об этом он знал из истории военного искусства, не зря был курсантом военного училища, корабельным штурманом.

Муравленко и Филимонов понимали друг друга с полуслова. По предложению Виктора Ивановича стали применять железнодорожные тележки на рельсах, что позволяло за считанные минуты передвинуть установку на следующий ствол. В начале семидесятых годов был применен чудодейственный дискретный способ передвижения бурстанка с помощью надувных прорезиненных мешков с использованием своего же компрессора КСЭ-5М с рабочим давлением шесть атмосфер. Этот способ позволял в незатопляемых зонах экономить на металле (рельсы, железнодорожные тележки), значительно сокращать время монтажа. Муравленко дал «зеленый свет» дискретному способу, поскольку сам был буровиком от Бога. Еще в 1966 году он специальным приказом запретил монтаж буровых с одним буровым насосом. И это было грамотное решение не чиновника, а профессионала-нефтяника.

Бывали между Муравленко и Филимоновым и разногласия. Одно из них касалось такого вопроса, как «движение за «маяками»». Когда создавались все условия для одной-двух бригад в коллективе, они вырывались вперед, а остальные как бы двигались за ними, подтягивались. Метод этот был широко распространен в шестидесятые и семидесятые годы. Филимонов доказывал, что с помощью одной бригады можно насадить в коллективе ненависть и зависть. Для одних стоит готовая буровая, а другие ждут. Филимонов

в категоричной форме требовал для всех равных условий, чтобы побеждал тот, кто работает грамотно, безаварийно, дисциплинированно. Но решающее слово осталось тогда за Виктором Ивановичем. И только в мае 1977 года, за 38 дней до смерти, Муравленко сказал Филимонову, что тот был прав, доказывая необходимость минимального разрыва между передовой бригадой и отстающей, что своей настойчивостью тогда вызвал большое уважение с его стороны. И это тоже редкое личностное качество. Сильный человек умеет признавать свои ошибки, слабый — цепляется за них до конца.

Почти анекдотический эпизод связан с приездом в Тюмень Косыгина: тогда Филимонов «выменял» у премьер-министра СССР импортную мебель для нефтяников в обмен на... миллион тонн нефти. Началось с того, что Филимонов узнал о визите высокого гостя 1 января 1968 года — от своего друга, начальника аэропорта, а тот услышал об этом по «Голосу Америки». Никто еще в Тюмени ничего не знал, даже Муравленко, а американцы уже всё пронюхали. Видно, у них уже тогда в Кремле завелись хорошие «кроты», типа будущего «архитектора» перестройки «академика» Яковлева. Ну да черт с ними! Филимонов звонит Виктору Ивановичу: не ожидаются ли высокие гости? «Нет, спи спокойно». Но на третий день информация до Тюмени дошла. Стали готовиться. Приезжает Косыгин, его везут на Сингапайский остров, в бригаду к Сергееву. При этом премьер-министр как-то косо посматривал на Филимонова, видно, принял его за одного из охранников из команды Лобанова, тогдашнего председателя КГБ Тюменской области. Но когда Муравленко представил Косыгину Филимонова как директора конторы бурения, взгляд второго человека в государстве потеплел.

Впереди — овраг. Филимонов берет Косыгина под ручку, чтобы тот ненароком не подскользнулся (в

ботинках все-таки, а не в унтах), и думает: «Ну где же фотографии? Единственный раз в жизни под руку с премьер-министром!» А вслух говорит: «Нам бы побольше вот таких бульдозеров ДЭТ-250, они очень хорошо зарекомендовали себя в наших болотах». Косыгин отвечает, что их производится всего 50 штук в год, но обещает помочь. Потом Филимонов просит помочь с мебелью, желательно импортной. Косыгин говорит: «Дайте миллион тонн нефти, мы ее продадим и купим вам мебель». Так и «сторговались».

Конечно, разговор был шуточный — методы планирования были совсем иные, но порою приходилось выбивать необходимое оборудование и даже обычные вещи и таким образом. Но ведь ни Муравленко, ни Филимонов, ни Аржанов, ни Крол, ни Фаин не требовали это для себя, а исключительно для производства, для нужд людей, для улучшения условий их быта. И это поразительная особенность того времени, в отличие от нынешнего.

Заместителем Виктора Ивановича по капитальному строительству был фронтовик, победитель над фашистской Германией и Японией, украинец Александр Степанович Пара-сюк. Приехал в Тюмень, да так тут и остался. Это как волшебный магнит, который притягивает к себе самых талантливых людей и больше не отпускает. А ведь строительство здесь, в крае, предполагалось огромное. Но ситуация складывалась не простая. Возьмем, к примеру, Сургут. Нефть дала возможность получить ему в 1965 году городской статус. Но не было еще ни генерального плана застройки, ни централизованного бытового обслуживания. Поселки геологов, нефтяников, строителей существовали по принципу «каждый сам по себе», как удельные княжества. Каждое ведомство строило свою котельную, свой водопровод, свою электростанцию, свою баню и пекарню.

Муравленко тогда впервые публично заявил, что будущее всех городов на Тюменском Севере — в централизованном капитальном многоэтажном строительстве. Его в этом вопросе поддержал первый секретарь райкома партии Бахиров. Нужна была своя строительная база, и в Сургуте появился собственный домостроительный комбинат. А ведь город этот имеет ключевое значение для региона — он находится в самом центре нефтяного Приобья, на перекрестке главных дорог, ведущих к крупным месторождениям: Усть-Балыкскому, Правдинскому, Мамонтовскому, Западно-Сургутскому, Нижневартовскому, Мегионскому, наконец, к самому Самотлору. Сургут стал плацдармом для наступления на нефтяную целину. Муравленко, оценив стратегическое значение Сургута, предложил революционный план преобразований. Сюда, поближе к производству, он решил перевести объединение «Тюменнефтегаз», трест буровых работ, дирекцию строительства нефтепровода Усть-Балык — Омск.

Кадры Виктор Иванович всегда подбирал очень тщательно. У того же Парасюка был большой опыт нефтепромыслового строительства в Башкирии, поэтому, когда Муравленко позвонил ему и предложил должность своего зама, тот без колебания согласился. Хотя с сибирскими условиями он практически не был знаком. Но авторитет Муравленко был действительно очень высок, он уже тогда слыл живой легендой, работать вместе с ним считалось за высокую честь. Правда, партийное начальство тогда довольно ревниво следило за тем, чтобы авторитет крупных производственных руководителей не рос чрезмерно. Боялись, наверное, что кто-нибудь из них станет народным кумиром. А не было бы, наверное, большого греха в том, если бы Муравленко стал народным лидером, поскольку он умел главное — делать дело, спланировать вокруг себя людей. Может быть, и на самом

высшем посту в стране он принес бы неоценимую пользу своему народу. (К слову сказать, в последние месяцы своей жизни Виктор Иванович грустно шутил: «Устал я, надоело все выбивать и за все отвечать. Устроиться, что ли, уполномоченным по делам религии?») А ведь в шутке этой есть и потаенный смысл: если религия призвана «строить» душу, то этой созидательной деятельностью Муравленко занимался всю жизнь. Он был действительно Строителем с большой буквы — и на практике, и в духовной сфере.

Но вернемся к делам реальным. Обустройство нефтяных месторождений, возведение будущих городов и рабочих поселков в тайге и тундре осуществлялось силами, конечно же, не одного только «Главтюменнефтегаза», но с привлечением многих министерств. Они сооружали технологические объекты, резервуарные парки, дожимные насосные станции для перекачки нефти, кустовые насосные станции для закачки воды в продуктивные пласты, водозаборы, компрессорные станции, трубопроводы, жилые дома, объекты культуры и быта. Последние порою стояли на первом месте. Работа велась гигантская.

Должность Парасюка входила в номенклатуру обкома, все перемещения подобного рода были связаны с партийными органами. И Александр Степанович опасался только одного: не будут ли чинить препятствий для его перехода в главк? Он тогда еще не знал, что для Муравленко препятствий нет. Если ему нужен на должности зама именно Парасюк — значит, так и будет. Кроме того, существовало специальное постановление ЦК партии, чтобы на местах не чинили никаких препятствий тем, кто пожелает ехать в Тюмень. Подобных постановлений в истории СССР, кажется, почти не было. Но и так, наверное, Виктор Иванович смог бы своей энергией и настойчивостью достать хоть Луну с неба, если бы захотел... А на ознакомление с

предприятиями и организациями главка отпустили Парасюку всего один месяц. И Александру Степановичу пришлось сразу же окунуться в работу.

Этот почти двухметровый сильный человек освобождал в свое время Будапешт, Бухарест, Прагу, закончил войну не 9-го, а 17 мая, потому что приходилось добивать фашистов в Чехии. Теперь у него началась новая битва, мирная — за северные города. Когда у ветеранов «Главтюменнефтегаза» спрашивают: «Что строил Парасюк?», они удивляются: «Вы лучше спросите, что он не строил!» В Тюмени — по инициативе Муравленко — Дом техники «Нефтяник», жилой микрорайон в поселке Парфеново, поликлинику и больницу нефтяников в Патрушево, на Черноморском побережье — пансионат отдыха «Нефтяник Сибири» на 800 мест, признанный одной из лучших здравниц в Краснодарском крае, пионерский лагерь «Юный нефтяник», сотни социально значимых объектов — всего не перечислишь. Виктор Иванович помогал решать все возникавшие проблемы в Госплане и строительных ведомствах. А когда понадобилось пробурить артезианскую скважину для больницы в центре Тюмени — пожалуйста, вот вам буровая установка (такого жители этого сибирского города еще не видели, чтобы прямо под их окнами нефтяники бурили скважину — не ради нефти, а для бальнеологических ванн).

Ежегодно строился один миллион квадратных метров жилья, более пятисот километров дорог с железобетонным покрытием. Царский размах. Или: размах по-муравленковски. Этим масштабам дивились все иностранные делегации, приезжавшие в Тюменский край.

Конечно, добыча нефти была первична, по марксистской идеологии, как «материя»: план любой ценой. Но Муравленко постоянно продавливал в правительстве вопросы об отсутствии в нефтяных

районах области жилья для людей и соответствующей инфраструктуры. И именно благодаря ему в 1975 году было принято совместное постановление ЦК и Совмина о привлечении к строительству жилья в Тюменской области союзных республик. Это стало уже настоящим прорывом. Украинские, белорусские, узбекские, прибалтийские строители хлынули в Западную Сибирь. Темпы строительства выросли многократно. Но и тогда четвертую часть всех объемов выполняли собственные строительные подразделения «Главтюменнефтегаза».

К великому сожалению, увидеть полный расцвет Тюменского края Виктор Иванович Муравленко уже не успел. Но он задал главное направление, с которого уже нельзя было свернуть. Парасюк, который продолжал работать с преемниками Муравленко на посту начальника «Главтюменнефтегаза», также считает, что распад этой мощнейшей организации был инициирован сверху. И откровенно говорит, что лучшие годы его жизни связаны с Муравленко, с тем временем, когда они работали вместе. Тогда не было такого сепаратизма в делах, который наступил позже. Вот его слова, касающиеся тех лет:

«Зная настойчивость Виктора Ивановича и его умение решать сложнейшие вопросы в правительстве и Госплане, с уверенностью могу сказать, что он, безусловно, сделал бы все для сохранения сформированного им главка. Муравленко был политиком и государственным деятелем. И на корню пресекал всякие мысли о сепаратизме.

На начальном этапе становления «Главтюменнефтегаза» пользовался даже правами совнархоза, а позднее все материальные ресурсы и объемы капитальных вложений для главка планировались в Госплане отдельной строкой, минуя министерство. Вот и высказал как-то Виктору Ивановичу один из замов предложение: а пусть главк подчиняется

непосредственно правительству. Муравленко его сразу же приструнил: «Не ту песню, Матвей, запел. Смени мотив и больше этот вопрос нигде не поднимай». Знаю, что многие проблемы Главтюменнефтегаза» Виктор Муравленко решал у Косыгина и секретарей ЦК с учетом интересов всего министерства. Кто-то из министров с пониманием относился к подобной расстановке сил, а кому-то такая самостоятельность не нравилась... А потом к власти в нефтяных компаниях пришли люди, доселе в глаза не видевшие нефти, но с задатками коммерсантов... Молодое поколение должно знать тех людей, которым оно обязано своим будущим, которые создали нефтяную страну Тюмению».

Вот ради того и пишется эта книга. Иначе само будущее станет лишь миражом.

Четвертым руководителем «Главтюменнефтегаза» (и третьим — после Виктора Ивановича Муравленко) был очень нестандартный человек — Роман Иванович Кузоваткин, которого величали так: «Самотлор Иванович» или еще проще — «Самотлорыч». Здесь как бы слились воедино название самого мощного и знаменитого месторождения на тюменской земле с именем одного из крупнейших и, в то же время, скромнейших и человеческих организаторов нефтяной промышленности в Западной Сибири, достойного ученика и последователя Муравленко. Родом он из Ульяновской области, окончил Сызранский нефтяной техникум, а затем Московский институт нефтехимической и газовой промышленности. Начинать трудовой путь оператором на Яблоковском промысле в «Куйбышевнефти» (уже под эгидой Муравленко), был начальником Мухановского промысла. А в 1968 году Виктор Иванович позвал его в Тюмень.

Кузоваткин приехал в Нижневартовск, стал начальником НПУ «Мегион нефть», потом руководил НГДУ «Нижневартовскнефть». Но всё это лишь этапы

служебной лестницы, а жизнь его гораздо многогранней, расцвечена яркими красками. Начиная с того, как у этого высокого семнадцатилетнего деревенского паренька, потерявшего на фронте отца, шла учеба в Сызрани. Тяжелейшие послевоенные годы, из одежды — отцовский китель, под ним лишь застиранная майка, на ногах — старые пимы с галошами. В общаге заваривали мерзлую картошку, только тем и спасались от голода. Карточный паек — 500 граммов хлеба в сутки.

Самое важное событие для студентов (да что там для студентов — для всех жителей страны!) — произошло 27 декабря 1947 года. В этот день отменили карточную систему: радость была невероятная, теперь можно было, сэкономив деньги, купить хлеба, сколько хочешь, и есть его без всякой нормы. Настоящее счастье! Но вот что самое поразительное. При таких невероятных трудностях и социальной бедности мысли и чувства у людей, особенно у молодежи, были чистыми и светлыми, цели — ясными, планы — грандиозными, а жизненная энергия буквально была ключом. Как фонтан нефти. Это и было, если говорить образно, главным месторождением страны — ее люди, молодежь, поколение победителей, их неукротимая энергетика, направленная на созидание. Где и как теперь отыскать подобное «месторождение», где бы на волю вырывалась не злая и себялюбивая сила, сгорающая в собственной ненависти и эгоизме, а фонтаны доброты и любви к своему Отечеству, людям? Какие подземные пласты надо поднять, чтобы вновь пробиться к человеческой всеобщей сердечности, бывшей объединительным знаменем того времени? Это вопрос первой важности. Если его не решить, процесс разрушения души народа станет необратимым.

Кузоваткин начинал с низовых «нефтяных звеньев», и везде у него складывались самые добрые отношения с

людьми, поскольку он умел работать, стремился познать больше, был инициативен и отличался хорошим юмором. Позже признавался: «Родители приучили меня к труду с малолетства. Я очень люблю работать, причем добросовестно, хорошо и много. И, верите, я никогда не стремился сознательно занять должностную ступеньку повыше. Как-то само собой все получалось». Да, получалось, но по справедливости. В пятидесятые годы шли коренные изменения в технологии и технике разработки нефтяных месторождений, и на промыслах он стремился использовать новое отечественное оборудование для эксплуатации скважин. К тридцати шести годам он стал заведовать крупнейшим Мухановским нефтепромыслом, чему способствовал Виктор Иванович Муравленко, давно приметивший молодого и умелого руководителя. Оба они придерживались изречения гениального тобольчанина Д. И. Менделеева: «Без светоча науки и с нефтью будут потемки». Поэтому вполне естественно, что Кузоваткин оказался вместе с Муравленко и в Западной Сибири (правда, на три года позже).

Будем придерживаться истины: первоначально Сургут Роману Ивановичу резко не понравился — погода минус 41 градус, сбивающий с ног ветер, свинцовые тучи над головой, резкий контраст с «насиженным» Куйбышевом. В голове одна мысль: не бежать ли обратно? Позже в кабинете заместителя Муравленко по геологии Фаина он увидел лежащую на столе карту Самотлорского месторождения. И сразу для себя решил, что поедет только сюда, — настолько было потрясено его воображение. Еще не видя Самотлор воочию, он уже полюбил его, словно «Златая Айни» приворожила его из глубин озера. Он еще не знал, что и Муравленко решил отправить его именно на Самотлор, — приказ был уже заготовлен. Желания обоих совпали без предварительной договоренности.

Для самого Виктора Ивановича Самотлор имел особое, решающее значение, так же притягивал и манил, как всех нефтяников. Но он трезво оценивал его роль. Муравленко говорил: «Разработка этого гиганта, который принесет высокий технико-экономический эффект в добычи нефти и позволит поднять темпы роста добычи, требует специальной проработки в организации и технологии ведения всех работ. В этом году (шел 1969 год. — *Н. Ч.*) мы уже начали работы по освоению Самотлора и ставим задачу добыть миллион тонн нефти... Самотлор — это великолепное будущее нашей области. Именно это месторождение утвердит Тюменскую область главным нефтяным центром страны. Самотлор — это высокая экономика нефтяной промышленности. Высокие дебиты, малые удельные капиталовложения приведут нас к самой дешевой нефти в стране... На Самотлор мы направили лучших людей, лучшую технику. Десятки ученых уже работают над проблемами освоения Самотлора. Я призываю молодежь взять в свои руки разработку этого месторождения, проявить мужество, высокую ответственность и организованность в преодолении имеющихся там трудностей. Лучшие страницы летописи будут принадлежать им».

Как стратег Виктор Иванович видел далеко вперед: он прозревал даже ту летопись, которая со временем будет создана на освоении Самотлора. Роман Иванович Кузоваткин стал «живой легендой Самотлора». Многим бросалось в глаза какое-то неуловимое и тем не менее явственное сходство Кузоваткина с его главным шефом — Муравленко.

Тюменский журналист Виктор Горбачев объясняет это тем, что оба они были немногословны и основательны в суждениях, ни тот ни другой, в отличие от многих иных руководителей, что называется, не лезли в кадр в телевизионных программах, не рекламировали

себя, но главное — имели по-настоящему сильный и темпераментный мужской характер. «Мачо», как сказали бы теперь, обозначив этим модным словом не только мужскую привлекательность, но именно мужскую надежность и силу. За ними люди чувствовали себя, как за каменной стеной.

Можно ли было считать Кузоваткина фаворитом Виктора Ивановича? Любимцев у Муравленко не было, это отмечали все. Но если уж толковать о том, кого он выделял прежде всего, то это был, пожалуй, несомненно Кузоваткин. Хотя они и спорили порою буквально до хрипоты — Роман Иванович был строптив. Референт Муравленко Галина Павловна Запорожец часто была свидетельницей таких сцен, когда ее шеф выставлял Кузоваткина за дверь, но потом, успокоившись, говорил: «Вот ведь какой спорщик, но ведь умен, шельмец!» Своей эрудицией, знанием ситуации и обстановки Роман Иванович вызывал уважение и восхищение не только у Муравленко, но и у министра нефтяной промышленности Шашина.

Конечно, и Шашин, и Муравленко были надежной опорой Кузоваткина. Без них, после их смерти, начались какие-то непонятные гонения на этого талантливоего, творческого человека. Сначала его «сослали» в Нефтеюганск. В то время уже начинали растаскивать главк на производственные объединения, дробить целостную структуру, созданную Муравленко. Кузоваткин, несправедливо отлученный от Самотлора, конечно же тяжело переживал. Он вообще мог написать заявление об уходе, как это однажды случилось в 1971 году.

Тогда в Нижневартовске первый секретарь райкома Бахиллов созвал первых руководителей предприятий и предложил им заняться санитарной уборкой улиц: всякого строительного мусора в городе скопилось действительно немало. За Кузоваткиным закрепили

улицу Чапаева. Но для него это было совсем некстати. До весенней распутицы оставались считанные дни, необходимо было подготовить нефтяные промыслы, обезопасить насосные и дожимные станции, которые на длительный срок уйдут под воду, а тут: мусор на улице Чапаева! Где взять людей, а главное — время? И Роман Иванович, в свойственном ему стиле, просто проигнорировал это, в общем-то, разумное предложение райкома.

Прошло несколько дней. Бахилов звонит Кузоваткину и спрашивает: почему тот не выполняет партийное поручение? Приглашает его на заседание бюро райкома. Кузоваткин пришел, но не стал ни каяться, ни оправдываться, а сам перешел в наступление. В итоге ему объявили строгий выговор, предупредив, что если улица не будет очищена, то его вообще исключат из партии и снимут с должности. Тогда Кузоваткин звонит Муравленко и говорит, что пишет заявление об уходе. Характер у него был сибирский, хотя и родился в Ульяновской области. Виктор Иванович летит в Нижневартовск, чтобы разобраться со всем на месте. Бахилов ведет его на улицу Чапаева и показывает ему не только груды мусора, но и вырвавшиеся из лопнувших канализационных труб нечистоты. Теперь уже Муравленко приходит в ярость. Он устраивает Кузоваткину разнос и говорит: «Роман, мало тебя райком партии наказал, ты хочешь, чтобы люди здесь жили вместе с фекалиями?!» Через пару дней инцидент был исчерпан — улица Чапаева очищена.

Да, приходилось заниматься и такими вопросами. В том же Нижневартовске, когда туда приехал Председатель Совета министров СССР Косыгин, проводилось производственное совещание. Вечером высокий гость решил пройтись по улицам города. А освещения почти нет. Косыгин спрашивает: почему нет светильников? Или рассчитываете на факелы

Самотлора? Ему отвечают, что не можем нигде достать эти проклятые светильники. И Косыгину пришлось сделать нужный звонок в «соответствующем направлении». Светильники через несколько дней появились. Дефицит, конечно, был во всем, и на это уходила масса времени. Основной работе это, разумеется, сильно мешало.

Но вот Кузоваткин оказался в Нефтеюганске, став особенно незащищенным после смерти Виктора Ивановича. Кроме того, здесь начала падать добыча нефти. На него продолжали «давить», пытались заставить любой ценой давать больше нефти, хотя это возможно было сделать только при грубейшем нарушении режима разработки. То же самое продолжалось и тогда, когда Кузоваткин был назначен начальником «Главтюменнефтегаза» (в ранге заместителя министра). Коллектив главка воспринял это назначение с облегчением, поскольку Романа Ивановича все знали, он проработал в Сибири уже пятнадцать лет, был «своим». Но проработать ему на этой должности пришлось недолго. Не дали. Отстранили за то, что он открытым текстом сказал правду: нельзя каждый день увеличивать план по добыче нефти. А без него разодрали и Самотлор, и в конечном счете уничтожили и главк.

Он был не политиком, а хозяйственником, знал, что такое истинный патриотизм. Видел, куда ведет развал экономики страны и нефтяной промышленности. Тяжело переживал это. Негодовал по поводу того, что все нефтяные потоки, а следовательно, и деньги идут мимо Тюмени в Москву, что нефтяная промышленность Среднего Приобья приватизирована и попала в руки совершенно посторонних лиц, далеких от нефти. Он сразу увидел, что под демократической болтовней скрывается разворовывание народной собственности, а под покрывалом «демократии» скрываются обычные

спекулянты и откровенные бандиты. Ведь это именно им дали свободу действий. Не свободу даже, а дикую волю: грабь побольше и вывози мешками на Запад. Вот и стали они обогащаться за счет ограбления народа. Они лишили ветеранов пенсий и сделали беспризорниками миллионы детей. Насадил в обществе культ денег, порочных страстей, лжекультуры, создали глиняных идолов, пропитанных бездуховностью, тщеславием и самодовольством. Называют себя «новыми русскими», хотя к России не имеют никакого отношения, поскольку для них она — «эта страна».

Но их время проходит. Они подобны тому мусору и нечистотам, которые запрудили улицу Чапаева в Нижневартовске. И нужны, просто насущно необходимы такие люди, как Муравленко, Бахилов, Кузоваткин, чтобы решительно очистить от них, раз и навсегда, всю Россию. Вернуть ей не только недра, но и социальную справедливость, уважение к человеку труда и государственную державность...»

Глава девятая

1

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«Время, когда под руководством Виктора Ивановича Муравленко создавался и развивался нефтегазовый комплекс Западной Сибири, было и временем созидания по всей стране, а вовсе не периодом стагнации и застоя, как любят уверять перекройщики истории, похожие на хитроумных портных, умеющих шить лишь «голые платья для короля». Эти портняжки способны только на то, чтобы действительно оставить всю Россию голой. Подкреплю свои слова широко известными достижениями советской науки, промышленности и культуры в те годы, поскольку о многих из них уже начинают забывать, а молодое поколение и вообще ничего не знает, представляя прошлое своих отцов и дедов как один сплошной негатив, этакий большой «Черный квадрат» Малевича. На ум приходят самые разнообразные события, беру их в хронологическом порядке, как страницы героической летописи, о которой говорил сам Муравленко.

1966 год. Страна отстраивает Ташкент после разрушительного землетрясения силою 7,5 балла. Вот где поистине проявляется настоящее подлинное братство народов СССР — в отличие от «перестроечных кровопролитий». На воздушные трассы выходит новый самолет «Як-40», летавший на средние и близкие расстояния. Авиакомпания «Аэрофлот» и американская компания «Пан Ам» заключают соглашение, открывшее воздушное сообщение между СССР и США.

Отечественные часы «Ракета» экспортируются в тридцать стран мира и пользуются большой популярностью. Начинается освоение Южно-Якутского угольного бассейна. Открыто Оренбургское газоконденсатное месторождение. Деревянный церковный ансамбль в Кижях становится национальным историко-культурным заповедником. Теплоход «Александр Пушкин» открывает водную трассу Ленинград — Монреаль. Москву впервые посещает Шарль де Голль — толпы приветствующих на улицах. «Луна-9» совершает мягкую посадку на Луну, доставляя туда вымпел с гербом Советского Союза — на несколько месяцев раньше американской станции «Сервей-ор-1»: в космической гонке наши конструкторы по-прежнему впереди. *И сразу же очередной успех* — советская станция «Венера-3» доставляет вымпел и медаль на поверхность Утренней звезды, впервые рукотворный объект оказывается на другой планете! Журнал «Москва» публикует роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», ставший сразу же культовым. А Василий Белов выходит к читателям с повестью «Привычное дело», которая тоже становится классикой. В Советском Союзе создается первый в мире цирк на льду, появляется чрезвычайно популярная телевизионная передача «Кабачок «13 стульев»», на улицах крупных городов, как дань всеобщей автоматизации, появляются автоматы с «газировкой», которые теперь являются милым ностальгическим воспоминанием. Сняты фильмы «Андрей Рублев» Андрея Тарковского, «Обыкновенный фашизм» Ромма, «Берегись автомобиля» Рязанова, «Никто не хотел умирать» Жалакявичюса.

Но в этот же год страна понесла тяжелую утрату — умер генеральный конструктор советской космической техники Сергей Королев. Их не зря сопоставляют как людей одного уровня, одной великой цели — Королева и Муравленко.

1967 год. Построена Братская ГЭС — символ эпохи. В Москве сооружен мемориал Могила Неизвестного Солдата с Вечным огнем (после развала СССР «додумаются» даже до того, что отключат его, якобы из «экономии»). Открыта постоянная экспозиция Алмазного фонда в Кремле. Открыт Калининградский университет. Создан Северо-Осетинский заповедник. Художник Михаил Савицкий выставляет «Партизанскую мадонну». В Латвии, на месте немецкого концлагеря близ Риги, построен Саласпилсский мемориал. (Теперь в Прибалтике сносят памятники советским воинам-освободителям и проводят марши эсэсовских ветеранов.) В Москве сооружается знаменитая полукилометровая Останкинская телебашня, ставшая на то время высочайшим сооружением в мире (при ее сооружении использовалась особая, «безфундаментная» технология). В Волгограде на Мамаевом кургане возводится мемориал защитникам Сталинграда с гигантской фигурой Родины-матери (скульптор Евгений Вучетич, архитектор Яков Белопольский). В Ереване построен стадион «Раздан», в Пицунде — курортный комплекс. И первая жертва в космосе: при возвращении на Землю нового советского корабля «Союз-1» гибнет космонавт Владимир Комаров...

1968 год. В Институте атомной энергии имени Курчатова советские ученые создали первые экспериментальные термоядерные установки «Токамаки». С конвейера сошел первый «Москвич-412». На севере Тюменской области открыто Русское газонефтяное месторождение. Была запущена беспилотная станция «Зонд-5», облетевшая Луну и вернувшаяся на Землю. Совершена первая в мире автоматическая стыковка спутников «Космос-186» и «Космос-188», а Георгий Береговой в космосе сблизился и успешно совершил маневры с неуправляемым «Союзом-2». На телевидении появилась программа

новостей «Время», ставшая на долгие годы официальным источником телеинформации. Родилась еще одна популярная передача — «В мире животных». В Минске построен Дворец спорта, в Москве — Новый Арбат, начато строительство мемориального комплекса в Хатыни. Новое здание получил МХАТ. Симфонический оркестр Ленинградской филармонии возглавил Юрий Темирканов. В Большом театре с триумфом прошла премьера балета Хачатуряна «Спартак» (с Екатериной Максимовой, Владимиром Васильевым и Марисом Лиепой; в области балета, как пелось в песенке, мы «впереди планеты всей»). Событиями в области киноискусства стали фильмы «Мертвый сезон», «Доживем до понедельника» и искрометная комедия «Бриллиантовая рука». И самая трагическая утрата — гибель во время испытательного полета первого космонавта планеты Юрия Гагарина (вместе с ним разбился инструктор, полковник Владимир Серегин).

1969 год. В космосе была проведена состыковка кораблей «Союз-4» (Шаталов) и «Союз-5» (Волынов, Елисеев, Хрунов). Чуть позже прошел одновременный полет уже трех кораблей (с космонавтами Шониным, Кубасовым, Филипчен-ко, Волковым, Горбатко, Шаталовым и Елисеевым). Во время этого полета впервые в открытом космосе были проведены сварочные работы. Чемпионом мира по шахматам стал Борис Спасский. В СССР были основаны сразу три университета — Красноярский, Куйбышевский (ныне Самарский) и Северо-Осетинский. Образован Припятский заповедник в Белоруссии. Правительство приняло государственную программу охраны озера Байкал. Вышел роман Бориса Васильева «А зори здесь тихие...». Издательство АПН выпустило мемуары маршала Жукова (общий тираж — 7 миллионов экземпляров). Появились две любимшие стране песни: «Журавли» Френкеля и «Огромное небо» Фельдмана. Взлет отечественной мультипликации:

«Бременские музыканты», «Винни-Пух», сериалы «Ну, погоди!», «Чебурашка и Крокодил Гена»... Умерли популярнейший певец и актер Марк Бернес, а также один из сталинских «соколов» — маршал Клим Ворошилов.

1970 год. Автоматическая станция «Луна-17» доставила на поверхность нашего спутника «Луноход», а «Венера-7» впервые в истории совершила мягкую посадку на поверхность другой планеты Солнечной системы. Проведена Всесоюзная перепись населения, торжественно отмечено 100-летие со дня рождения Ленина. Впервые разыграна общенациональная лотерея «Спортлото». Физик Юрий Денисюк получил Ленинскую премию за разработку принципов объемной голографии. Открыты еще два новых университета: Калмыцкий и Кубанский. Валентин Распутин публикует свой выдающийся роман «Последний срок», Василь Быков ~ повесть «Сотников», Чингиз Айтматов — «Белый пароход», Федор Абрамов — «Деревянные кони». (В самиздате появляется скандальная повесть Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки».) Выходит суперпопулярный фильм Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни», который, пожалуй, не устареет никогда. Еще две картины оставляют заметный след в советском киноискусстве: эпопея «Освобождение» Озерова и «Адъютант его превосходительства» с Юрием Соломиным в главной роли.

1971 год. Советская станция «Марс-2» совершила облет «красной планеты», а спускаемый аппарат со станции «Марс-3» осуществил мягкую посадку на ее поверхность. Трагически завершилось возвращение из космоса корабля «Союз-II»: произошла разгерметизация и все три космонавта — Добровольский, Волков и Пацаев погибли... Брежнев выступил с инициативой одновременного роспуска НАТО и Варшавского договора. Был принят девятый пятилетний план,

предусматривавший, в отличие от всех предыдущих, рост выпуска потребительских товаров. На очередном съезде КПСС объявлено о построении в СССР «развитого социализма». Выпущен классный отечественный грузовик БелАЗ грузоподъемностью 75 тонн. Самым массовым легковым автомобилем в СССР стали «Жигули», собиравшиеся на автозаводе в Тольятти. Выходят книги Виктора Астафьева «Пастух и пастушка» и Гавриила Троепольского «Белый Бим Черное ухо». Построены мемориальный комплекс «Брестская крепость» и новый столичный цирк на проспекте Вернадского. На фронте московского Театра кукол установлены знаменитые «сказочные» часы. Написана последняя, 15-я симфония Дмитрием Шостаковичем, струнный квартет — Софией Губайдулиной, балет «Икар» — Сергеем Слонимским. У советских солдат появляется своя главная строевая песня «Не плачь, девчонка» Шаинского, а в эстрадном оркестре Лундстрема начинает выступать юная солистка Алла Пугачева. На экраны выходят фильмы: «Белорусский вокзал» Смирнова, «Король Лир» Козинцева, «Бег» Алова и Наумова, «Джентльмены удачи» Данелия. В Москве появляются первые универсамы... Трагически обрывается жизнь великого русского поэта Николая Рубцова. Тихо кончат свои дни «персональный пенсионер» Никита Сергеевич Хрущев.

1972 год. Триумф советского спорта на Олимпийских играх в Мюнхене: 50 золотых медалей (у американцев на 17 меньше). Чемпионами стали спринтер Валерий Борзов (дважды), прыгуны Виктор Санеев и Юрий Тармак, десятиборец Николай Авилов, гимнастки Людмила Турищева и Ольга Корбут. Наши баскетболисты вырвали победу у американской команды за 3 секунды до финального свистка (легендарный бросок Александра Белова вошел в историю спорта). Состоялся первый в истории официальный визит американского президента

в Москву. В результате переговоров Никсона с советскими руководителями были заключены исторические договоры об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1). Было торжественно отмечено 50-летие образования СССР (кто тогда знал, что до его распада остается всего 21 год?). В армии и флоте вновь были введены звания прапорщиков и мичманов. Тюменская область, благодаря мощной деятельности «Главтюменнефтегаза» под руководством Виктора Ивановича Муравленко, становится главным нефтеносным резервуаром страны, в значительной степени обеспечивает бюджет всей страны. Открываются четыре новых университета: Карагандинский, Марийский, Симферопольский и Сыктывкарский. Среди книжных новинок наибольший интерес вызывают «Хатынская повесть» Алеся Адамовича, роман «Дата Туташхиа» Чабуа Амирэджиби, «Затеей» Астафьева. В Москве открывается Камерный музыкальный театр. Выходит «Солярис» Андрея Тарковского. Советские хоккеисты проводят победную серию игр с канадскими профессионалами, где блистают Харламов, Михайлов, Петров, Третьяк и другие наши мастера.

1973 год. Состоялся визит Леонида Ильича Брежнева в США, во время которого Генеральный секретарь ЦК КПСС обратился к присутствующим со словами: «Холодная война окончена, дорогие товарищи!» Увы, это было далеко не так, она лишь на время притаилась — «холодная война» со стороны Запада против СССР — России не окончится никогда (планы уничтожения и разделения России вынашивались и в древние века, и в Смуту, Наполеоном и Гитлером, Черчиллем и Рейганом, обоими Бушами; не откажутся от этих планов и те, кто будет приходить им на смену). В столице прошла Всемирная универсиада — спортивный форум

студенчества. Открылись три новых университета: Алтайский, Кемеровский и Тюменский (где до конца жизни преподавал профессор В. И. Муравленко). Был построен музей-панорама Сталинградской битвы. Вышла книга Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Хитом года стал шлягер Давида Тухманова «Мой адрес — Советский Союз». Популярнейшим телесериалом всех последующих поколений становится фильм Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» с Вячеславом Тихоновым в роли Штирлица (реплики из этой картины так же, как ранее из легендарного «Чапаева», расхватаны на «цитаты»).

Надо бы еще добавить, что именно в этом году, хотя это и не имеет никакого отношения к СССР, в Нью-Йорке завершено строительство двух 110-этажных башен Центра международной торговли, взрыв которых в результате воздушного теракта 11 сентября 2001 года стал поводом для силового, одностороннего передела мира, установления геополитического диктата США — такого «нового, демократического фашизма»; сама акция будет очень напоминать пресловутый «поджог Рейхстага» со всеми вытекающими последствиями и несомненными преимуществами для самих провокаторов.

1974 год. Началось строительство Байкало-Амурской магистрали, значение которой было огромно и в промышленном, и в идеологическом плане. Наверное, это было последнее всесоюзное строительство подобного масштаба. Были основаны Пинежский заповедник и Омский университет. Вышла повесть Валентина Распутина «Живи и помни», роман Виля Липатова «И это всё о нем...». Создано общество «Книга». В Вильнюсе завершилось строительство Театра оперы и балета. На экраны вышел последний фильм Василия Шукшина «Калина красная», скончавшегося в этом же году на съемках картины «Они сражались за

Родину». С большим успехом прошел новый советский телесериал «Тени исчезают в полдень». Умер великий полководец Георгий Жуков. Из страны выслали Александра Солженицына.

1975 год. Шахматная корона вновь вернулась в СССР — двенадцатым чемпионом мира был признан Анатолий Карпов. Нобелевским лауреатом стал ученый-ядерщик, «отец» советской водородной бомбы, будущий правозащитник Андрей Сахаров. Символическими стали совместный полет и стыковка в космосе двух кораблей: советского — «Союз-19» (Леонов и Кубасов) и американского — «Аполлон-18» (Стаффорд, Брэнд и Слейтон). В СССР произошел редчайший случай: мятеж в Балтийском море на военном корабле под руководством капитана Саблина. Начато строительство газопровода «Союз». Созданы Зеравшанский и Кызылсуйский заповедники в Узбекистане, Кардиологический центр в Москве. Построен мемориал «Героическим защитникам Ленинграда» (скульптор Аникушин). Тухманов написал знаменитую песню «День Победы». Вышел на экраны фильм Тарковского «Зеркало».

А в Хельсинки был подписан исторический акт по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тридцать три европейских государства, включая СССР, США и Канаду, обязались уважать независимость и национальные особенности друг друга, воздерживаться от применения силы при решении спорных вопросов, соблюдать нерушимость сложившихся после Второй мировой войны границ, а также уважать права и свободы человека, в том числе свободу мысли, совести, убеждений. (Не пройдет и двадцати пяти лет, как НАТО во главе с США начнет ковровые бомбежки Югославии, показав тем самым свое истинное лицо и реальное отношение ко всем подобным соглашениям и договорам.)

1976 год. Еще один триумф советских спортсменов — на Олимпиаде в Монреале (Виктор Санеев выиграл

третьи Игры подряд, гимнаст Николай Андрианов завоевал 7 медалей). На зимней Олимпиаде в Инсбруке отличились наши фигуристы Пахомова и Горшков, Роднина и Зайцев. Были построены атомный ледокол «Арктика» и батискаф «Оса». Открылся новый университет в Нукусе. Среди литературных достижений можно назвать роман Распутина «Прощание с Матёрой» и книгу Астафьева «Царь-рыба» — сибирская тема в них приобрела мировое звучание. Фильм «Дереу Узала» получил «Оскара», а под самый Новый год на телевидении появился не подверженный старению хит — «Ирония судьбы, или С легким паром!». Правозащитника Владимира Буковского обменяли на арестованного в Чили лидера местных коммунистов Луиса Корвалана...

1977 год. В Советском Союзе была принята новая Конституция, четвертая по счету, названная в народе «брежневской». В ней говорилось о построении «первого в мире развитого социалистического общества», об «общенародном государстве», о «новой исторической общности». Была принята новая редакция Государственного гимна СССР, из которого были убраны слова о Сталине. Леонид Брежнев, оставаясь во главе партии, одновременно занял и пост Председателя Президиума Верховного Совета. Был построен новый атомный ледокол «Сибирь», а его старший брат — «Арктика» — впервые в истории мореплавания достиг Северного полюса, пробившись через вечные льды. В Ростовской области пустили первую очередь завода «Атоммаш», а в Москве открыли Онкологический центр. Был налажен серийный выпуск первого советского гражданского джипа — «Нива». На Крайнем Севере ученые обнаружили внутри ледяной глыбы хорошо сохранившееся тело мамонтенка, возраст которого составлял 40 тысяч лет. На ВДНХ прошла I Международная книжная ярмарка. В Театре на Таганке

поставлен спектакль «Мастер и Маргарита». В Прибалтике состоялся первый в стране фестиваль дискотек. На экраны вышли «Древо желания» Тенгиза Абуладзе, «Неоконченная пьеса для механического пианино» Никиты Михалкова, «Восхождение» Ларисы Шепитько (она потом трагически погибнет в автокатастрофе).

Этот год станет последним и в жизни выдающегося деятеля советской нефтегазовой промышленности Виктора Ивановича Муравленко.

Двенадцать лет, в течение которых он возглавлял «Главтюменнефтегаз», были у него самыми интенсивными и насыщенными: ни минуты покоя. Всегда в движении, в неустанном поиске лучших оптимальных решений, он даже ходил так быстро, что за ним едва поспевали подчиненные, — об этом хорошо знает его постоянный помощник и референт Галина Павловна Запорожец, проработавшая в «Главтюменнефтегазе» с самого его основания до ликвидации. Кто, как не она, может дополнить психологический и личностный портрет Виктора Ивановича Муравленко? Ведь у нее, образно говоря, хранились ключи от всех «тайн мадридского двора», она была ближайшим доверенным лицом руководителя главка, надежным тылом, своеобразным «серым кардиналом при короле». Ведь даже вся почта, приходившая в главк на имя Муравленко, минуя обязательное вскрытие и регистрацию в канцелярии, попадала именно к ней. Она поставила дело так, чтобы посторонние не совали свои длинные носы в личную переписку Виктора Ивановича. Муравленко отдал ей гербовую печать главка и два факсимиле — свое и Филановского, главного инженера; она последней визировала и подписывала все документы. За ней оставалась вся входящая и исходящая документация, она распределяла ее на исполнение по замам и осуществляла контроль.

Практически все поручения Муравленко проходили через нее, она же должна была и проверять их выполнение. Словом, держала руку на пульсе всего «Главтюменнефтегаза». Труд этот, ответственный и напряженный, оказался Галине Павловне под силу — была личностью яркой, талантливой, красивой женщиной, умным и образованным человеком. А кроме того (что немаловажно), верила в Бога. В то атеистическое время это все-таки было большой редкостью. Но, думается, при Муравленко обязательно должен был находиться человек, исповедующий Христа. Думаю, и сам он в глубине души был «у врат Церкви». Ведь все творимые им дела, отношение к людям, к близким, сам образ жизни — всё это было пронизано христианским смыслом, заповедями любви и добра. Можно быть человеком не воцерковленным, но оставаться таковым внутри себя. Жить нравственно, отдавать себя общему делу, как делал это Муравленко. А многие ли нынешние (да и недавние) руководители государства, стоящие напоказ в храмах во время церковных праздников, исполнены подобной же заботой и любви к собственному народу? Для них это всего лишь мода, пиар, но не суть жизни.

Однажды Виктору Ивановичу «подказали», что Запорожец не член партии. В общем-то, для работы на таком уровне это было недопустимо, хотя и «не преступление». Муравленко пригласил Галину Павловну в кабинет (там уже сидел Крол, его заместитель) и сказал, что сейчас они с Матвеем Марковичем дадут ей рекомендации, а от нее требуется лишь написать заявление для приема в партию. Надо заметить, что членство в партии давало ощутимые блага и преимущества. Многие из кожи лезли, лишь бы получить заветную красную книжицу.

Запорожец стала приводить аргументы, напомнила, что у нее и муж, и мама — партийные, и этого, мол,

достаточно. Доводы Виктора Ивановича и Крола не убедили. Тогда она сказала, что верит в Бога. А это уже был аргумент повесомей, с марксистской идеологией шел вразрез. (Хотя многие коммунисты, как ни странно, были действительно искренно верующими людьми, особенно на фронте.) На следующий день Муравленко предпринял еще одну попытку переубедить Запорожец. Он дал ей почитать «распечатку» брошюры Фридриха Ницше «Антихрист». Она была вся в карандашных пометках Виктора Ивановича, видно, и сам он читал ее очень внимательно. А в работе этой проводятся мысли, созвучные с идеей Достоевского: если Бога нет — тогда всё позволено. Куда, к какому нравственному, мировоззренческому, цивилизационному кризису приводят подобные «теории», мы знаем.

Следует сказать, что подобная литература для широкого пользования была запрещена, кроме диссидентов, с нею могли ознакомиться лишь люди высокопоставленные, но кто из руководителей подобного ранга вообще находил время на чтение? А Муравленко интересовался и этим. Через несколько дней он спросил у Галины Павловны: ну как, не передумала? Запорожец ответила еще более решительно: нет! И Виктор Иванович навсегда закрыл тему «о пополнении рядов Коммунистической партии еще одним членом». Через несколько лет при встрече с иностранной делегацией Муравленко, представляя своего референта, говорил:

— Вот мой помощник, она знает всё, но — не член партии.

Заморские гости дивились и, наверное, не верили: они ведь тоже считали, что все в Союзе сплошь большевики, чекисты и безбожники, — их пропагандистская машина работала похлеще советской.

А Галина Павловна «в ответ» подарила Виктору Ивановичу на день рождения альбом с рисунками

датского карикатуриста Бидструпа, очень популярного в то время. Мало того, что рисунки были действительно смешны и забавны, — в творчестве Бидструпа отчетливо прослеживались и грустные нотки, особое внимание к одиноким и беззащитным людям, то есть был некий нравственно-философский стержень. И он полностью совпал с внутренним миром самого Муравленко. Ведь он также был, несмотря на всю свою общительность и коммуникабельность, энергичность и подвижнический энтузиазм, в какой-то степени и одиноким, и беззащитным. Просто не допускал, чтобы это вырывалось наружу. А альбом Бидструпа держал в столе в своем рабочем кабинете, часто вынимал, рассматривал рисунки и смеялся. Как говорит Галина Павловна, «с чувством юмора у него было все в порядке, смеяться мог, как ребенок, до слез». Вот эта сохраненная «детскость», чистота чувств, возможность искренно удивляться и радоваться миру — тоже редкое качество человека, делающее его всегда молодым, не стареющим в душе.

Будучи родом из Витебска, Галина Павловна оказалась в Тюмени в пятидесятых годах, одно время работала преподавателем в Ханты-Мансийске. До приезда Муравленко занималась буровым оборудованием в «Тюменнефтегазе» — предтече главка. Но с Виктором Ивановичем познакомилась во время командировки еще в Москве, у министра Шатина. Случайно, в общем-то. В Тюмени тогда уже ждали нового «большого начальника», гадали, кого пришлют. Говорили: если приедет Муравленко, то небо с овчинку покажется, «уж больно строг мужик». Привыкли к тишине и покою, как в омуте. Но прибыл именно Муравленко. И завертелось. С его приездом сутки стали намного короче. Аппарат главка формировался быстро и только высококвалифицированными кадрами.

Виктор Иванович поначалу привез с собой лишь главного бухгалтера — Владимира Игнатьевича Деринговского. Затем появились Крол, Павлов, Филановский, Сафиуллин, Постнов, Коломацкий. У последних троих был опыт работы на Кубе, в Китае, в Индии. Среди первых руководящих сотрудников главка — Шаевский, непререкаемый авторитет у геологов, Цимберов и Голдырева, отвечавшие за заработную плату, главный энергетик Росляков, Кленова, занимавшаяся комплектацией объектов, финансист Кин, «твердый фундамент главка», Межлумов, Осинцев, Платонов. В скором времени аппарат стал насчитывать 225 человек.

Сам Муравленко говорил: «Через день после приезда я уже знал экономику объединения — то есть освоение денег по направлениям. Понимал, что нет жилья и ехать с семьями некуда, но дело шло к зиме, грузы на зимник уже формировались, и упустить этот момент значило упустить год работы, что было непозволительно. Спасибо ребятам, приехали быстро. Филановского поселили в отведенную мне квартиру, а мы жили в гостинице 'Заря'. Хорошее было время: 24 часа в сутки — работа. Обсуждали, решали, планировали...»

Будучи хорошим психологом, Виктор Иванович знал, что для человека самое страшное — это потерять доверие, стать изгоем, а для руководителя это особенно недопустимо. Основой его управления людьми было именно доверие, и все также дорожили этим. Аппарат главка Муравленко считал своей семьей, говоря так: «Это элита нефтяной промышленности». В числе самых первых в главке оказалась и Галина Павловна Запорожец. Когда Муравленко предложил ей совместную работу — в должности помощника, она сначала как-то даже опешила: «А что я делать буду?» Виктор Иванович ответил, что и сам пока не знает этого. Эта откровенность ей сразу понравилась. Она, правда,

попросила время на размышления, но, когда вернулась в свой буровой отдел, ее начальник сказал, что надо оформлять перевод, с завтрашнего дня она уже числится помощником у Муравленко. Такой у него был «фирменный стиль» — реализовывать принятые решения быстро. А в Галине Павловне он, видимо, сразу разглядел преданного и нужного для дела человека.

Все в главке быстро уяснили истинные масштабы дела, которым теперь предстояло заниматься, — «тихий омут» заканчивался. Муравленко сократил должность заместителя по экономике и подчинил экономические службы только себе. Через месяц на столе у него уже стоял телефон ВЧ. Он начал напрямую общаться с высшими руководителями страны, с Косыгиным, с Байбаковым. Создав диспетчерскую службу, он организовал ее работу таким образом, что днем ее сотрудники работали в своем кабинете, а вечером и ночью — в приемной. Баринова, начальника конторы связи, строго предупредил: «Если спрашивает диспетчер — это спрашиваю я. Связь в первую очередь, информация только достоверная». Это было неукоснительным правилом. Диспетчерская служба знала всё: метры проходки по мастерам, показатели добычи, положение дел на объектах строительства, где находятся в данный момент руководители подразделений и их замы. Врать, обманывать нельзя было даже по мелочам. (Да мелочей и не могло быть в таком деле!) Как-то раз у одного из руководителей отдела главка разбилась машина. Он отлучился на часок в ремонтную мастерскую, а в отделе сказал, что идет в обком. И вдруг он срочно понадобился Муравленко. Стали искать в обкоме — нет, нигде не могут найти. Скандал вышел невероятный. Этот руководитель потом сам пришел к Виктору Ивановичу и покаялся, рассказал, где был. Муравленко в наказание снял с него персональную надбавку к зарплате.

Работа диспетчеров была очень тяжелой, нервной, за ночь они собирали сводки со всего Севера, а к утру оставались буквально «без голоса». Однако сводки, как бутерброд к завтраку, были всегда готовы, и у всех начальников управлений рабочий день начинался именно со сводок. Можно сказать, что диспетчерская служба формировала дисциплину в главке.

Сама Запорожец прошла месячную стажировку в секретариате одного из заместителей председателя Совета Министров СССР. Это стало для нее хорошей школой, там ее научили мудрому правилу аппаратного работника: «Ничего не бери, ничего не давай и никого не продавай». Последнее было важно в любом общем деле, ведь жизнь сурова и беспощадна ко всяким проявлениям малодушия, к обману, к самоутверждению за чужой счет. Сам Виктор Иванович никогда никого не предавал и не продавал, но мог быть жестким, требовал быстрого и четкого выполнения своих распоряжений, а если этого не происходило, то тогда бывал и беспощаден — головы летели независимо от положения их владельцев. Двигали им не эмоции, а в первую очередь разум. Он мог сдержать свое раздражение или изменить решение, когда понимал, что не прав. Но если был прав — назад ходу не было. Собственное мнение не всегда было определяющим. Если в каком-то вопросе чувствовал себя не твердо — созывал совет, выслушивал компетентные доводы.

Когда в главке шло совещание по вопросу строительства «белых городов» в Тюменской области, он произнес «золотые слова»: «Каждый проект делать, рассматривать и принимать индивидуально! Второй Западной Сибири на планете нет!» Это раскрывает всю степень его ответственности за будущее края, стремление избежать ошибок, строить не на годы, а на века.

Документооборот в главке увеличивался, как девятый вал, и всё это лежало на плечах хрупкой женщины с такой грозной мужской фамилией — Запорожец. Рассмотреть каждую бумажку Муравленко не смог бы чисто физически, многое, что приходило с почтой, ему вообще не докладывалось: Галина Павловна оберегала его от пустой траты времени. И это было естественно — мелкие вопросы решали сами. Но Виктор Иванович в обязательном порядке рассматривал документы, которые касались финансовых вопросов, внешних связей, личные обращения к нему и, разумеется, официальные письма, приказы, запросы. Запорожец докладывала ему, хотя бы коротко, по каждому из документов, сообщала, если нужно, мнения соответствующих специалистов и работников аппарата. И все знали главное правило Муравленко: вопросы Севера решать в течение часа, в крайнем случае — в течение суток. Сам он работал с бумагами допоздна, уходя из главка чуть ли не последним.

Однажды произошел такой случай: Виктор Иванович приехал из командировки, а документов на его рабочем столе накопилось особенно много. Сидел он над ними, ломал голову, а потом... Потом, когда утром Галина Павловна пришла на работу, то увидела, что все бумаги и документы лежат... в урне. Не выдержал, не стерпел, вот и сгреб их со стола одним решительным жестом. Это, конечно, был единичный случай, Муравленко, разумеется, понимал, что ни от бумаг, ни от проблем уйти невозможно, всё равно достанут. А на минутную слабость имеет право каждый человек.

Зато цифры из тех же бумаг и документов он знал назубок. Выступая на совещаниях или на собраниях партхозактива, Муравленко практически никогда не заглядывал в подготовленные тексты, свободно оперировал данными. Да, он был самолюбив, но у него было и повышенное чувство собственного достоинства.

Он любил, когда его хвалили за конкретное дело — за новую школу в каком-нибудь поселке нефтяников, за подсобное хозяйство на промысле, но подхалимов не переносил на дух. Не терпел грубости, хамства. Как-то раз его заместитель Крол накричал на Галину Павловну. Запорожец пришла к Муравленко и сказала, что кричать на себя никому не позволит. Виктор Иванович нажал на селектор, вызвал Крола и твердо заявил: «Матвей Маркович, вы позволили себе накричать на Галину Павловну. Это должно быть в последний раз — она мой помощник, а я на нее голос не поднимаю никогда». Крол извинился. И больше подобного не повторялось.

Но однажды пробежала «черная кошка» и между ними: начальником главка и его помощником. Дело было так. Одного из высоких гостей из Москвы надо было отправлять обратно в столицу. Муравленко поручил это Галине Павловне. Но рейса в тот день не было. Гостя, чтобы не пропадало зря время, повезли показывать красоты окрестностей. Виктор Иванович, когда узнал, что этого человека «держали» в Тюмени чуть ли не целые сутки, страшно разозлился. Он не разобрался в ситуации, вызвал в кабинет Запорожец, сам разговаривал на повышенных тонах, а потом предложил написать заявление об уходе. Галина Павловна — человек с характером. Она тут же написала это заявление и ушла в отдел, как говорится, собирать вещи. Но через полчаса в отделе появился сам Муравленко. Ему уже доложили, как и что было по существу. Пришел с извинениями. И это тоже было очень по-мужски, по-человечески. Мир между ними восстановился и уже более не нарушался никогда.

В заботу Галины Павловны входила и доставка необходимых для его здоровья лекарств, а многие из них были дефицитом. Приходилось договариваться, встречать рейсы, а то и ездить за тем же астмапеном в Москву. А Муравленко мог на следующий день отдать

лекарство какому-нибудь другому человеку, который, на его взгляд, нуждался в этом еще больше. Оберегал «своих». А «своими» были все работники главка, все сотрудники трестов, управлений, объединений, даже те, кто уходил на другое место работы — на повышение в Москву или в обком партии, где был создан отдел нефти, газа и геологии. Все они были единомышленниками, общались и жили, как одна большая дружная семья. Чужие не задерживались. Муравленко объяснял это так: «Если кто «не тот», его сама среда вытеснит и очень быстро». Вот почему он был не только руководителем, но и «батей», как его уважительно называли в главке. Чего стоит такая трогательная забота о женщинах, как открытие в главке дамской парикмахерской — это о чем-нибудь да говорит! А он просто хотел видеть всех сотрудниц красивыми. Может быть, красота, гармония, тяга к прекрасному, к высшему преображению и были самой содержательной гранью его жизни.

...После смерти Муравленко в главке был глубокий траур — потеряли самого близкого человека. Даже громко не разговаривали. Через семнадцать дней новым начальником был назначен Феликс Григорьевич Аржанов, началась реорганизация. Не по воле Аржанова, а по решению сверху, из министерства. Министр Мальцев разговаривал с новым руководителем «Главтюменнефтегаза» только на повышенных тонах и нередко через мат, чего он никогда бы не позволил в отношении Муравленко. Все обиды, накопившиеся на главк за его самостоятельность, «вылились» на Аржанова. Он оказался словно буфером между блестящим прошлым и неизвестным будущим.

Впрочем, не таким уж оно было и неизвестным. Феликс Григорьевич был замечательным главным инженером, технарем-теоретиком, но у руководителя должен быть несколько иной талант. Прежде всего — воля, дипломатия, самостоятельность, абсолютный

авторитет. Муравленко знал и вникал во все: в экономику, строительство, сельское хозяйство, медицину, торговлю. У Аржанова не было времени учиться всему этому. Каждый, входящий к нему в кабинет, невольно сравнивал его с Муравленко. И сравнение это было не в пользу Феликса Григорьевича. Надо признать: как начальник главка он не состоялся.

В 1980 году вместо него был назначен Ришад Тимиргалиевич Булгаков. Это был человек математического склада ума, интеллигент в третьем поколении, трудоголик. Его страстью были редкие книги, он их не только собирал (все букинисты в Москве знали его в лицо), но и внимательно читал, анализировал. Назначение это тоже оказалось ошибочным, но, может быть, оно было и сознательным — кому-то надо было еще больше подтолкнуть главк к пропасти. При Булгакове главком пытались руководить едва ли не все управления министерства. Иные высокие гости, приехав в Тюмень в командировку, пытались самостоятельно открывать и закрывать скважины — это же смешно! Но Булгаков ни во что не вмешивался. Потом «ушли» и его. Сменивший Булгакова Кузоваткин был конечно же «своим» в главке. Ему даже повысили статус, сделав заместителем министра. Но дерзость и напористость не помогли «Самотлору Ивановичу», а порой даже мешали ему. Все генеральные директора объединений были теперь вполне самостоятельными руководителями, но единой организации, когда «все пальцы сжаты в кулак», как при Муравленко, уже не было. И что толку, что ты — заместитель министра, всего лишь «первый из равных»... А планы добычи всё росли и росли.

Виктор Иванович, по свидетельству многих, хотел видеть своим преемником Валерия Исааковича Грайфера. О нем следует сказать особо. Они были близки по характеру, по темпераменту, по трудолюбию,

по видению перспективы, по требовательности, по организационным талантам да и по отношению к людям. Грайфер родился в «нефтяном Баку», это словно бы предопределило и всю его дальнейшую судьбу. Он окончил Московский нефтяной институт имени Губкина, работал на промыслах в Татарии, в семидесятые-восьмидесятые годы занимал должность начальника планово-экономического управления Министерства нефтяной промышленности СССР. С Муравленко по роду работы поддерживал самую тесную связь. Это был энергичный, мудрый руководитель, именно он и возглавил в 1985 году «Главтюменнефтегаз», но пришел, к сожалению, на уже разваливающуюся структуру.

В том году в Тюмень приехал только что избранный новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев и буквально умолял Грайфера: «Валерий, сделай так, чтобы страна не нуждалась в нефти». Необходимо было как можно скорее вводить новые месторождения. Только свежие запасы нефти могли заполнить образовавшийся пробел в добыче. Был такой оптимистический лозунг: «Мы найдем в Западной Сибири еще одну Западную Сибирь». Но во «вторую» Западную Сибирь следовало вкладывать огромные деньги. С увеличением темпов освоения месторождений требовалось все больше капиталовложений: по экономическим подсчетам, необходимо было ежегодно увеличивать их в 1,6–1,8 раза, а денег таких в стране не было. Еще один лозунг «Максимум добычи — минимум затрат» на практике привел к масштабному кризису в нефтяной отрасли, а потом и в экономике страны в целом.

Еще в середине семидесятых годов Муравленко предвидел эту ситуацию, препятствовал, как мог, распространению упрощенного подхода к освоению недр. Он понимал, что оно должно быть сопряжено со

строительством городов и поселков, созданием социальной инфраструктуры. Он не отделял нефть от строительства. Такой же линии придерживались и все его преемники: Аржанов, Булгаков, Кузоваткин, Грайфер. Все они в той или иной степени были «муравленковцами». Но на долю Грайфера выпала самая тяжелая ноша. Именно в 1985 году высшее руководство страны стало осознавать, что нефтяные запасы не беспредельны. Будучи начальником главка, Грайфер запретил себе показывать высокому начальству только достижения: новые школы, Дома культуры, отличные столовые. Он возил комиссии по загаженным кварталам балков, демонстрировал скудные прилавки магазинов, тяжелые бытовые условия промыслов. И это действовало на контролирующих отрезвляюще.

После визита Горбачева в Тюмень вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совмина. Триста работников ЦК разъехались по заводам-поставщикам, и главк в течение нескольких месяцев получил требуемые фонды. Необходимое оборудование, материалы позволили вводить в эксплуатацию одно месторождение за другим. По двадцать пять месторождений в год. В чем же причина разрушения главка, этого гигантского корабля, первым капитаном которого был Виктор Иванович Муравленко, а последним — Валерий Исаакович Грайфер?

Стоит предоставить слово ему самому: «Причину ликвидации Главтюменнефтегаза» я видел в следующем: Министерство нефтяной промышленности усматривало в главке определенного конкурента. В силу удаленности от Москвы мы были вынуждены вести дела самостоятельно, без ненужных согласований по пустякам со столицей. И вот в министерстве стали говорить, что руководство главка рвется к власти и вообще у них много амбиций. Именно ревностное отношение к нам и нашей работе проявилось при

подготовке решения о ликвидации главка. Вероятно, в Москве думали, что тем самым удастся поднять престиж самого министерства. С другой стороны, у некоторых наших директоров производственных объединений на местах тоже было желание освободиться от лишних, как им казалось, начальников. Поэтому в некоторых объединениях формировалось такое мнение: тюменское начальство надо убирать. Поскольку Москва далеко и руки у министерства до всего не дойдут, властвовать на местах будем сами. Причем, приезжая в Тюмень, эти директора отчаянно защищали главк, но в телефонных переговорах с министром занимали противоположную позицию».

Все эти проблемы Муравленко также предчувствовал. Он понимал, что если будут созданы производственные объединения, то в какой-то момент они захотят избавиться от опеки главка и работать с министерством напрямую. В откровенных беседах с Грайфером он говорил: «Года через полтора я уйду на пенсию. Валерий, сделай все, чтобы не создавать пока объединений». После его смерти главк просуществовал еще более десяти лет. Но мог ли он все-таки сохраниться? Грайфер считает: нет. Предоставим ему слово вновь:

«...Почему умер Муравленко? Он с этим бардаком не мог уже ладить. И вина Грайфера только в том, что он не умер. Вот и все. Виктор Иванович чувствовал и понимал, что в лице объединений появляются могильщики главка. Именно эта постоянная тревога, забота о нефтяном будущем Западной Сибири и подорвала его здоровье. Он ведь был еще относительно молод. Я был очень близок с ним в этот момент. После его смерти изменилась не только структура нефтяной промышленности, мы стали жить в другой стране, с изменившимся политическим устройством, рыночной экономикой. И вряд ли главк смог бы остаться в прежнем виде. И ничего бы

Муравленко в этой ситуации не сделал. Не было уже Косыгина, Байбакова, через которых он мог решать в Москве все вопросы. У нас не осталось защитников. Был ликвидирован отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС, с должности первого секретаря Тюменского обкома партии был освобожден Богомяков. К тому времени уже умер Щербина, поддерживавший нас в правительстве. Я писал письма в ЦК КПСС, лично Горбачеву, но он уже их не читал. Это был глас вопиющего в пустыне. Вот так мы и орали, но никому до нас дела не было.

К сожалению, к нам не прислушались, и состоялось то, что состоялось. Не уверен, что кому-нибудь в тех условиях удалось бы сохранить главк. Никто в тот момент ничего сделать бы не смог. Было совсем другое время. Время перестройки, когда всё крушилось, ломалось. И ни перед чьим авторитетом никто не останавливался. Авторитет и влияние партии были уже утрачены. По вопросу сохранения главка мы собирались с нефтяными генералами минимум двадцать раз. Но большая беда была в непостоянстве тогдашних руководителей. Ни один из них ни разу мне не сказал, что главк не нужен, а уходя с этих совещаний, они занимали совершенно противоположную позицию. Ликвидация главка была неизбежной. Главтюменнефтегаз не прекратил своего существования, он был уничтожен. Уничтожен при прямом участии тогдашних руководителей Министерства нефтяной промышленности, которые видели в нем прежде всего соперника по влиянию на положение дел в отрасли, а не структуру, обеспечивающую эффективную работу одного из крупнейших в мире топливно-энергетических комплексов. Горечь от этого остается до сих пор».

А вслед за главком росчерком пера было ликвидировано и государство. Что к этому можно добавить? Обратного пути нет, нужно двигаться дальше,

история России еще не кончилась. Добавить можно и такую фразу одного из трезвых политиков: «Только мерзавец не жалеет о распаде Советского Союза. Но только неумный человек желает его возродить»».

2

Из выступления В. И. Муравленко:

«Город в деревянном исполнении... Как-то обидно звучит для наших населенных пунктов. Да, есть такой термин у архитекторов. Разумеется, дело не в дереве. Дерево — отличный строительный материал, если хотите, традиционный для нашего Севера. Дело в исполнении. Исполнение больно казенное, без души. Те же сборные дома могут быть интереснее, веселее. Дом, в котором живет человек, должен радовать, иметь свою душу, что ли».

Некоторые сравнительные показатели

Таблица № 1

Район добычи	Среднемесячный дебит скважин (в тоннах)				
	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
СССР, в том числе:	370,6	509,8	589,0	652,2	621,1
Тюменская область	—	4724,4	3191,0	4122,6	2839,3
Остальные районы	370,6	508,0	545,9	477,2	353,2

Производительность труда в нефтедобыче и заработная плата

Таблица № 2

Темпы роста (в процентах)	1971 г.	1975 г.	1980 г.
Производительность труда	5,2	8,2	8,1
Заработная плата	3,5	5,4	—

Таблица № 3

Район добычи	Производительность труда (т/чел.)		
	1971 г.	1975 г.	1980 г.
Вся территория, подведомственная Миннефтепрому	3552	4787	4479
Западная Сибирь	9613	24069	19334

Таблица № 4

Показатель	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Объем капиталовложений в добычу нефти (млн. руб.)	353,8	787,3	2371,0
Капиталовложения на 1 тонну новой мощности (руб.)			
Западная Сибирь	22,4	14,8	39
Миннефтепром	29,3	22,7	46

Таблица № 5

Район добычи	Фондоотдача (руб.)	
	1975 г.	1980 г.
Вся подведомственная Миннефтепрому территория	440,4	322,5
Западная Сибирь	862,2	601,8

Несколько цитат:

«С первых дней работы «Главтюменнефтегаза» под руководством В. И. Муравленко у нас установились прочные деловые взаимоотношения. Во всех подразделениях Главка начала функционировать стройная научно-обоснованная система охраны труда и постоянного технического контроля за его безопасностью. Руководители отделов проводили в

жизнь комплексные планы по охране труда и санитарно-гигиеническим мероприятиям, направленным на снижение и ликвидацию производственного травматизма... Виктор Иванович один из немногих руководителей, который чутко, внимательно, по-государственному вникал во все тонкости медицинского обслуживания работников нефтяной промышленности, оперативно решал вопросы материально-технического обеспечения учреждений травматологического профиля необходимым, часто дорогостоящим оборудованием и аппаратурой. Он постоянно заботился о здоровье своих сотрудников... Проведение форума травматологов именно в Тюмени явилось также высочайшей оценкой заслуг многотысячного коллектива «Главтюменнефтегаза» под руководством легендарного нефтяника Виктора Ивановича Муравленко».

Т. Д. Сатюкова, врач высшей категории, Герой Социалистического Труда

«Своими решительными действиями Муравленко добился высокого авторитета как в области, так и в Москве. Его мнение уважали, а инициативу, как правило, поддерживали... Мне могут возразить, что и на солнце бывают пятна, но сегодня, оценивая вклад Виктора Ивановича в Западную Сибирь, можно уверенно утверждать, что этому району просто повезло — появление Муравленко было очень своевременным. А его опыт и знания, правильная оценка возможностей своих подчиненных заслоняли некоторые человеческие слабости, которые, в конце концов, можно простить. Его имя, я считаю, навечно вписано в историю развития гигантского нефтяного региона, заслуги его бесспорны, а жизнь и дела заслуживают самого пристального внимания...»

Л. Д. Чурилов, бывший министр нефтяной промышленности СССР, главный редактор журнала

«Нефтяное хозяйство»

«Впечатления от первой встречи с Муравленко у меня были очень хорошие. Я увидел человека разносторонне талантливого, очень общительного, обаятельного. Человека, который сразу располагал к себе любого, кто с ним беседует или просто стоит в стороне. Виктор Иванович от природы был рожден лидером, вождем в лучшем понимании этого слова. Люди за ним шли, люди ему верили. И он это понимал. Сознал, какое влияние он оказывает на людей... У него вообще все было связано с людьми. Когда он пришел в Западную Сибирь, в «Главтюменнефтегазе» работало несколько тысяч человек. А уже к концу его жизни численность работающих измерялась сотнями тысяч...

Он прилагал очень много усилий для того, чтобы пересмотреть в сторону повышения тарифные ставки, территориальные коэффициенты. Он искренне гордился тем, что буровые мастера у него зарабатывают больше, чем министры. Муравленко старался, чтобы люди Главка были отмечены наградами и званиями. Он буквально организовывал выдвижение работ на Государственную премию, на Ленинскую. Как вообще его хватало на всё это? Секрет прост: он был очень работоспособный человек. И потом, он создавал вокруг себя такую атмосферу... Я бы даже сказал, что его аура создавала такую атмосферу, что в подавляющем большинстве случаев его приказания и указания не повторялись. Каждый считал, что его работа — это само собой, а выполнить поручение Виктора Ивановича — это дело чести. Вокруг него такой психологический настрой был, что люди работали на полную катушку. Я всегда в этом смысле по-доброму завидовал Муравленко.

Еще одна черта Виктора Ивановича, о которой я нигде не высказывался. Погиб его старший сын. Естественно, всем это было очень трудно воспринять,

пережить. Летели телеграммы с соболезнованиями. И получилось так, что я через несколько дней приехал в Тюмень и, конечно, первое, что сделал, — высказал ему соболезнование. Он очень спокойно его принял, заговорил о деле. Я стал наблюдать за ним. Понимаете, по этому человеку не было видно, что он потерял сына. Он обладал огромной волей, а такие люди в подобных случаях не показывают своих переживаний, потому что это плохо влияет на окружающих и мешает работе... На фоне других нефтяных начальников Виктор Иванович Муравленко не выделялся. Он вообще не любил свои проблемы вытаскивать на обсуждение в присутствии других руководителей.

Он никогда «крутым» себя не показывал, что больше других добывает. Он был в этом отношении скромн. Но, с другой стороны, само дело, которое он вел, сами результаты были таковы, что не надо было ничего показывать. Все и так понимали, что в Тюмени делается дело, не имеющее себе равных. История развития промышленности на нашем земном шаре таких примеров, как развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири, пока не знает. Я думаю, что и не будет другого примера».

Ш. С. Донгарян, в 1965–1989 годах — заместитель министра нефтяной промышленности СССР

«Диплом я получал как раз из рук Муравленко и Щербины, поскольку они были председателями госкомиссии. Они и лекции нам читали. Представьте, насколько это было значимо для молодого человека, который, скажем, на 5-м курсе слушает первого секретаря обкома или начальника Главка... Когда Муравленко не стало, то все мы, даже молодые, осознали, что потеряли очень много. Я хорошо помню свое ощущение: потеря огромная для всех нас — конкретных нефтяников, рабочих, инженеров. Я не

говору даже про страну, про область, а про свое НГДУ, поскольку видел объемы работ, ответственность огромную и точно сознавал, что нового руководителя такого уровня, такого масштаба просто взять и назначить нельзя. Можно назначить исполнителя — организатором нужно родиться и вырасти.

В нем сочетаются и образное мышление, и точное понимание целей и механизмов реализации. Причем механизмов как тюменских, так и московских. Это совокупное качество очень ценное и очень редкое. Это я понимаю с позиций уже сегодняшних. У Виктора Ивановича, на мой взгляд, были весьма достойные преемники, но такую личность полностью заменить в те годы не смог бы, пожалуй, никто. Да и не только в те годы... В современной истории человечества после атомной бомбы и покорения космоса не было более значимого проекта, чем создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — более значимого по объему средств, по количеству людей, по темпам и срокам и, в конце концов, по результатам. А еще по влиянию на судьбу страны, и не только страны: до сих пор пол-Европы «привязано» к нам нефтяными и газовыми трубами, проложенными за два десятилетия...

Россия всегда требует большой цели, большого проекта — она самая большая. Сейчас все сетуют, что нет уже людей масштаба Виктора Ивановича Муравленко. Мне кажется, это неверный посыл. Просто, если нет великой цели — нет и личностей, ей соответствующих. Но если страна найдет в себе разум и силы смело заглянуть вперед, осмыслить путь — такие личности обязательно появятся, они будут востребованы временем. История, в том числе и наша нефтегазовая, это уже доказала на примере Виктора Ивановича Муравленко».

Ю. К. Шафраник, в 1993-1996 годах — министр топлива и энергетики Российской Федерации

«Виктор Иванович был очень светлым человеком, он принес огромную пользу нашей стране. Он получил множество наград и званий, был высоко оценен государством, однако прошло время, и в наши дни, бывая в Тюменской области, я с грустью замечая, что даже сами нефтяники и геологи все реже вспоминают о тех, кто открыл Самотлор, о его «отцах» — Муравленко и Эрвье. Эти люди смотрели вперед и беспокоились о судьбе страны. Невозможно сегодня представить Россию без Тюменской области, без Ямало-Ненецкого округа, без нефти и газа — без всего, что было создано Виктором Ивановичем Муравленко. Таких людей вообще мало рождается — и в том, прежнем нашем государстве их было немного, а сегодня тем более».

Иосиф Кобзон, народный артист СССР

3

Минут за десять до начала долгожданного матча Алексей вновь появился в квартире своего старшего соседа. Тот сидел перед телевизором в костюме, свежей рубашке и галстук.

— Ответственное дело-то, — пояснил он. — Как бы не проиграть. Надо сосредоточиться.

— А это не тот галстук, который тебе подарил Виктор Иванович? — вспомнил Леша.

— Тот, — кивнул дядя Коля и поправил узел. Галстук был уже старый, выцветший, темного цвета, далеко не модный. Очевидно, Чишинов доставал его из своих закровов редко и надевал только в исключительных случаях. Наверное, он для него являлся талисманом.

— Дашь мне его на свадьбу? — неожиданно попросил Леша.

— А ты жениться надумал? — удивился сосед.

— Да как бы.

— И что у вас за манера такая: все время вставлять дурацкие обороты — «как бы», «вроде», ничего прямо сказать не можете. Просто — «блин» какой-то! — усмехнулся Николай Александрович.

— Ну, мы, типа, развиваем великий и могучий русский язык, — рассмеялся в ответ Леша. — Так дашь?

— Нет, — отрезал Чишинов. — Зальешь соусом.

— Я в такой ответственный момент вообще ничего есть не буду. — Помолчав, Алексей добавил: — Не выходит у меня из головы то, что ты, дядя Коля, сегодня весь день рассказывал. О Муравленко. О Западной Сибири. О нефти. Просто как заноза в мозгу сидит. Не поверишь — даже футбол не хочется так смотреть, как еще послушать! Типа другим человеком заделался. Как в реке искупался и смыл что-то липкое. Самому странно. Мистика какая-то.

— Никакой мистики, — ответил сосед. — Хотя... Многие уже после смерти Виктора Ивановича словно бы ощущали его присутствие в кабинете, в главке. Будто он продолжает оберегать их. Но это понятно: когда человека столь сильно любят и уважают, он мысленно и *живет* рядом. Магия великих людей — это реальность. Физически они уходят, но влияние на ход истории остается. Хотя бы через последователей, учеников. Через идеи, достижения. Их биографии — это уже готовые учебники жизни, пособия для начинающих. Может быть, я неверно выразился. Не учебники и пособия, а увлекательные и познавательные романы, книги на каждый день. Типа путеводителей. Ну вот! — расстроился дядя Коля. — И я твое слово-сорняк подхватил. *Типа* заразился. Лучше, пока еще есть время, кое-что еще расскажу. Как раз о футболе. Виктор Иванович был ведь страстным болельщиком.

— Сейчас бы, наверное, болел за итальянцев в этом матче, — подсказал Леша.

Дядя Коля оставил его инвективу без внимания.

— И еще любил розыгрыши, — продолжил он. — Галина Павловна Запорожец рассказывала, что в душе он был как мальчишка. И вот однажды они пошли на футбол: Муравленко, его главный бухгалтер Деринговский, главный механик Коломацкий и еще один заместитель Виктора Ивановича по снабжению — Николай Кузьмин. А стадион был напротив главка, можно даже из окон смотреть. Надо сказать, что у Кузьмина была красавица-жена. Он ее очень любил, но перед друзьями порою мог прихвастнуть, что, дескать, «я в доме самый главный». Решили, не сговариваясь, его проучить.

Пришли, значит, на стадион, сели в правительственной ложе. Виктор Иванович спрашивает у Кузьмина: «А тебя, Коля, Нина-то отпустила на футбол?» — «Да я... — отвечает тот. — Да чтобы мне! Да куда хочу, туда и иду!» Заговорщики перемигнулись, а потом, пока шел матч, каждый из них на некоторое время отлучался и звонил Нине, жене Кузьмина. Сначала Деринговский позвонил, спрашивает: «А где Николай Николаевич-то? Мы его на стадионе ждем, договаривались...» Потом Коломацкий звонит и спрашивает: «Куда Коля делся?» И Муравленко то же самое: где твой муж, дескать, исчез куда-то... Самое смешное началось потом. Утром Кузьмин является в кабинет к Виктору Ивановичу, и вид у него как у побитой собаки. Говорит, чуть не плача: «Нина вчера такой скандал устроила, даже домой не пустила. Позвоните ей хоть вы, скажите, что я вместе со всеми был на футболе! Иначе опять погонит». — «То-то, — отвечает Муравленко, — не будешь больше хвастаться, что тебя жена боится!» Такие вот были забавные розыгрыши. Умели и работать, и отдыхать весело.

Все помнят, когда сдавали Дом культуры — какой праздник был! Муравленко всех женщин заранее

отпустил с работы, чтобы они были нарядными и красивыми, автобус выделил, каждую сотрудницу персонально домой отвозили. А когда решался вопрос, как назвать построенный Дом отдыха в Туапсе, долго ломали голову с названием. Предлагали разные варианты. Но окончательное слово осталось за Виктором Ивановичем, это он придумал: «Нефтяник Сибири». Не Тюмени, а именно всей Сибири. И название сразу понравилось, прижилось. Под Тюменью была построена база отдыха Лебяжье. В городе была прекрасная филармония, теперь она носит имя Юрия Гуляева, потому что он сам тюменский, учился в ней. А сколько артистов со всего Союза, из Москвы к нам приезжало! Как говорила Антонина Александровна Жарко, старший инженер техсовета, между всеми нами, молодыми, энергичными, дерзкими, установилось некое духовное родство, потому что были общие интересы; коллектив был дружный, единый, легко работалось, легко и отдыхалось. Все праздники — вместе, часто на природе. Словом, действительно родная семья.

— Сейчас это слово, дядя Коля, приобрело зловещее значение, — вставил Алексей. — Сразу вспоминается «семья» Ельцина.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — замахал руками Чишинов и перекрестился. — Не к ночи будет помянут. Сгинь, нечистая сила!.. Нет, у нас была семья бессребреников, людей здоровых душой. А если Виктор Иванович и был ее «крестным отцом», то только в самом лучшем, духовном смысле слова. Его, между прочим, безгранично уважал Иосиф Кобзон, часто приезжал в Тюмень, поскольку очень любил сибирских зрителей, и они его тоже. И всякий раз по приезду обязательно встречался с Виктором Ивановичем, любил с ним посидеть, поговорить, попить чайку. Он и теперь, когда бывает в Тюмени, всегда навещает его могилу на кладбище. А ведь однажды чуть не погиб там, на гастролях.

— Как это? — заинтересовался Алексей.

— Дело было... не помню, в каком году, где-то в конце шестидесятых. Но Саяногорск уже бурно развивался, — начал рассказывать Чишинов. — Кобзон ждали всегда, из Тюмени он летал в разные города: Нефтеюганск, Сургут, Нижневартовск, — а еще на новые месторождения, где тоже устраивали концерты. Муравленко понимал, что буровикам, рабочим нужна духовная пища, они страдали без телевидения, кино, музыки. А когда на дальнее месторождение прилетает известный артист из Москвы и выступает непосредственно ради них, чумазых и уставших после смены, — это дает людям мощный эмоциональный заряд, подпитку. Как-то раз после концерта приходит Муравленко к Кобзону за кулисы, открыли шампанское. «Куда теперь?» — спрашивает Виктор Иванович. «Домой», — отвечает Иосиф Давыдович. «А можешь на пару недель задержаться? У меня там геологи...» — «Но со мной коллектив, ансамбль», — говорит артист. «Вот и хорошо, с ансамблем и полетишь. Передай своим ребятам, что я вам буду платить в два раза больше, чем по тарификации, потому что условия там, предупреждаю заранее, очень тяжелые».

И они сделали несколько вылетов прямо в геологические партии. Инструменты подключали прямо к работающему двигателю вертолета, концерты давали на буровых, нередко всего для 15–20 человек. Но Муравленко считал, что в этом-то и заключается главная ценность: чтобы каждый геолог и буровик знал: артисты прилетели в такую даль именно ради него. А вот на обратном пути произошел почти трагический случай. Кобзон с ансамблем выступил еще в Салехарде, потом пошли к самолету. Их было всего несколько человек. Пилоты в Ил-14 обомлели, спрашивают: «А что, больше пассажиров не будет? Это из-за вас-то всего и лететь?» — «Так получилось», — извиняется Кобзон. Он еще не

знал, что летчики так разозлились «на этих пиджонов, которым выделили отдельный самолет», что решили в отместку не включать в салоне отопление. А температура за бортом — минус сорок. И в салоне почти такая же. Пассажиры могли попросту замерзнуть, привезли бы одни ледышки. Так, собственно, чуть и не случилось, Кобзон по приезду не сдержался, позвонил Виктору Ивановичу, пожаловался, что они чуть жизни не лишились из-за этих летчиков, которые всё сделали специально.

— И? — спросил Леша.

— Муравленко вскоре прислал Кобзону копию приказа, что летчиков-разгильдяев уволили из отряда. Хорошо, что всё обошлось тогда, а то бы ты сейчас песни народного артиста не слушал...

— А я всё равно других «народных артистов» слушаю: Гомана, Подольскую, Билана, Стоцкую, — сказал Алексей. — Катю Лель, Глюкозу.

— Глюкозы у тебя в мозгу маловато, — посетовал дядя Коля и продолжил: — Можно сказать, что Нижневартовск — это Тюменский край в миниатюре. И надо было не только качать нефть, развивать инфраструктуру, но не забывать и о коренных жителях — национальных меньшинствах. Была разработана программа по улучшению их социально-бытовых условий. За каждым национальным поселком закрепили коллективы нефтяников, геологов, строителей, которые возводили жилье, дороги, объекты соцкультбыта, подводили электроэнергию, помогали орудиями труда и инструментами. Участвовали в национальных праздниках, знали их традиции и обряды. В Нижневартовске, кстати, начинал свою трудовую биографию сын Виктора Ивановича — Сергей. В его работе и жизни были свои сложности, связанные, прежде всего, с фамилией.

— Почему?

— Фамилия Муравленко была как знак качества, она сама по себе приковывала повышенное внимание окружающих. Попробуй-ка, поноси ее, чтобы не уронить! Сергей находился, говоря образно, словно под увеличительным стеклом. Все как будто пристально следили за ним и ждали: вдруг оступится, сделает что-то не так. Но младший Муравленко таких «ожиданий» не оправдал. Работал не просто как все, а вдвое лучше, соответствуя той высокой планке, которую поднял для него отец. Стал комсомольским лидером. А сколько отпрысков больших начальников скатилось вниз! К примеру, сын нашего сибирского академика Трофимука просто спился и бесследно исчез. Эти бездарные дети получали должности и материальные блага только за счет своих родителей, быстро проматывали их и вылетали «в трубу». Как в басне Крылова «Стрекоза и Муравей». Вот Сергей был именно Муравьем, не только по отношению к труду, к жизни, но и по своей знатной фамилии.

— И что, Виктор Иванович так уж и не помогал никак своему сыну? — недоверчиво спросил Лёша.

— Он, безусловно, волновался за него, — ответил Чишинов. — Ведь Сергей оставался последним, Валерия к тому времени уже не было. Виктор Иванович постоянно интересовался его делами, но справедливо считал, что Сергей должен пройти все низовые ступени, проявить свои профессиональные и личностные качества. Никогда ему не протезировал. Не было такого случая, чтобы Муравленко-старший торопил начальника Сергея — Кузоваткина с продвижением того по служебной лестнице. Только после смерти Виктора Ивановича Сергей стал главным инженером, начальником НГДУ, генеральным директором ПО «Юганскнефтегаз», а потом — председателем совета директоров нефтяной компании «ЮКОС». Но все это уже было в другие годы. Однако видится здесь не только

семейная традиция, но родовые гены. Будь жив Валерий, он, не сомневаюсь, тоже достиг бы больших высот в нефтяной отрасли. Одно исчерпывающее слово — «Муравленко», оно много значит.

Николай Александрович подошел к столу, взял один из своих черновиков и, полистав, продолжил:

— Хочу привести тебе слова самого Сергея Муравленко о том времени. Он чувствовал свою ответственность, никогда не хотел подводить ни отца, ни Кузоваткина. Считал, что производственные показатели — это одно, а отвечать за воспитательный нравственный, духовный климат в коллективе, за быт и досуг — это совсем другое. Это был именно муравленковский настрой, стиль и ритм жизни. Вот, слушай: «Ребята были счастливы тем, что у них отличная, нужная стране работа. Тогда мы были очень молоды и за здоровьем не следили. Однажды в сорокаградусный мороз прорвало нефтепровод. Вырыли котлован. Нужно было залезть туда и закрыть задвижку. Витя Таут разделся, нырнул в холодную нефть и закрыл. Никому тогда не надо было приказывать. На сутки нужно было оставаться, на двое — оставались. Никто не роптал. Был подлинный подъем... И я сам позже почувствовал, что стал намного сильнее физически, приобрел опыт. Работал как вол и при этом получал огромное удовлетворение. Именно на КСП — комплексном сборном пункте по подготовке нефти и газа — я сформулировал цель жизни: посвятить себя нефтяной отрасли, продолжить дело отца». И всей своей последующей жизнью и работой Сергей Муравленко доказывал свою профессиональную и личностную состоятельность, свое право носить известнейшую фамилию. И несет ее с честью.

А рядом с ним в Нижневартовске в то время жили и трудились такие замечательные люди, о которых просто нельзя не вспомнить. Ведь этот город действительно

стал символом воплощения идей Виктора Ивановича Муравленко. По его настоянию Совет Министров СССР утвердил генеральным застройщиком Нижневартовска Министерство промышленного строительства. При самом активном участии Муравленко в Нижневартовске не только решалась острейшая проблема жилья, но и были построены кинотеатр, детская школа искусств, стадион, гостиница, пансионат нефтяников. Можно с полным правом сказать, что Нижневартовск — это живой памятник Муравленко.

Школу Муравленко прошли и выдержали временем и сегодняшние «нефтяные генералы», президенты и председатели советов директоров — Городилов, Богданов, Вершинин, Путилов, Филимонов, Алекперов, Медведев, Сивак, Маричев, Отт и другие. Они — его ученики и продолжатели его дела. А из нижевартовцев нужно непременно назвать Бахилова, Абазарова, Кузоваткина, Пикмана, Малинского, Михайлова, Шереметьева, Москаленко, Рыкуна, Исянгулова, Хлюпина, Дунаева, Луценко, Мазура... Да просто перечисление одних фамилий займет целый том. А о каждом хотелось бы сказать что-то важное.

— Ну и скажи, — посоветовал Леша. Они так увлеклись, что совсем забыли о времени. Произошло нечто странное — то, чего с таким напряжением ждали весь день, — как-то забылось и отодвинулось на второй план. Прошлое заслонило собой футбол. Жизнь победила Игру. Это была та самая «магия» Муравленко и его времени...

— Вот сегодня в сознание людей намеренно вбивается стереотип, что во всех проблемах виноваты коммунисты, — продолжил Николай Александрович. — Но именно коммунисты были на самых трудных участках освоения тюменской земли. Что, Муравленко разве не был коммунистом? Или Кузоваткин, Телепнев, Чирсков, другие преданные своему Отечеству люди? Таким был и

Василий Васильевич Бахилов — фронтовик, командир огневого взвода зенитной батареи, коренной сибиряк, родившийся в Ишиме. Его было за что уважать — своей порядочностью, надежностью в работе и жизни он резко выделялся среди иных чванливых партработников, не терпел имитаторов и подхалимов.

Сначала он работал в Ханты-Мансийском окружкоме, потом его избрали первым секретарем Сургутского райкома партии. Под его руководством осваивалась и обустраивалась югорская земля. Тогда седьмая пятилетка была именно пятилеткой геологоразведчиков. Один за другим открывались новые месторождения — Шаимское, Усть-Балыкское, Мегионское, Правдинское, Самотлорское. Василий Васильевич сам исходил по бездорожью сотни километров. Он не давал никому расслабиться, настойчиво требовал выполнения порой невыполнимых решений, мобилизовывал все имеющиеся ресурсы. Дисциплина и порядок при нем были железными.

Геологи любили его. И именно они на пленуме Сургутского горкома партии настояли на представлении Бахилова к званию Героя Социалистического Труда. Он оказался в числе первых в областной партийной организации, удостоившихся этого высокого звания. Потом были годы работы в Нижневартовске. Этот район уже вышел на первый план по добыче нефти, и тут нужен был именно такой партийный боец, прошедший школу Сургута, лидер. Время требовало от руководителей всех рангов невероятного напряжения сил, воли, большой самоотдачи и мужества, они все были коммунистами и патриотами. А в нефтяной промышленности есть специфическая черта — общий успех здесь, как в эстафете, зависит от каждого «участника». Бахилов объединял людей, неоднократно подчеркивал, что вранье одного работника может обернуться неприятностями и недоверием к делам всех,

принизить роль партаппарата среди населения. А партийные организации города и района сыграли, без преувеличения, решающую роль в создании крупнейшего Нижневартовского нефтяного региона. При Василии Васильевиче произошли многие позитивные изменения: построены хлебозавод и молокозавод, благоустроены жилые микрорайоны, улицы Нижневартовска стали избавляться от грязи, пришло освещение. А однажды он совершил настоящий подвиг.

— Как это? — любопытно спросил Алексей.

— Произошло это летом, Василий Васильевич находился на Самотлоре. Сюда вертолетом Ми-8 доставляли конструкции ЛЭП-500 для строящейся линии электропередачи к Белозерному товарному парку и нефтеперерабатывающему заводу. Так уж случилось, что на его глазах вертолет начал терять высоту из-за сильно раскачивающегося подвесного груза. В таких ситуациях, как правило, командиром принимается решение о сбросе аварийного груза. Вертолет упал в болото на расстоянии 300–400 метров от дороги. Василий Васильевич с шофером, утопая по пояс в болотной топи, бросились спасать экипаж. У командира вертолета была сломана нога. Они вынесли его на руках и доставили в городскую больницу. Так что это был далеко не «кабинетный работник». Ему принадлежат «золотые слова»: «Есть простая истина: если люди из-за тебя теряют время попусту, с тобой работать нельзя». Под этой фразой мог бы подписаться и Муравленко, потому что у него был точно такой же стиль работы. А умер Василий Васильевич Бахилов тоже рано — в шестьдесят три года. Подобные люди сердце свое не щадили. Но они стояли у истоков экономического подъема Тюменской области, создавали Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Жили и работали на будущее, а не для себя.

Николай Александрович бросил взгляд на свою «фотографическую стенку», словно черпая из старых снимков силу, обретая воспоминания, и продолжил:

— Таким был и главный буровик Нижневартовска — Валентин Иванович Хлюпин. Даже его, кадрового нефтяника, поражала удивительная работоспособность Муравленко, умение ориентироваться в сложнейшей обстановке, видеть все сразу: кадры, техническую политику, технологию бурения, нефтедобычу, обустройство месторождений, дорожное строительство, быт людей. Он мог вынести Хлюпину выговор за простой бурового станка, но в то же время и создать все условия для бесперебойной работы. Виктор Иванович умел, по словам Хлюпина, соединять мелочи, связывать их в крупный узел, находить комплексные решения. И этому же учил других. Именно учил работать и руководить людьми, часто повторял тому же Валентину Ивановичу: «Вы — государственные люди и должны видеть не только свою кочку, не только свою узковедомственную пользу, а соблюдать государственный интерес. Только так можно руководить предприятием, коллективом». И ему верили, за ним шли, потому что сами видели, что о нефтяных делах он думает днем и ночью, из рабочего ритма не выходит круглые сутки.

Чишинов снова взял со стола один из своих черновиков.

— А вот послушай, что Виктор Иванович говорил о буровом мастере Левине, которого сам приглашал в Тюмень, и не ошибся — тот стал в 1971 году Героем Социалистического Труда, а позже вырос до начальника Управления буровых работ «Сургутнефтегаза» и является одним из самых прославленных нефтяников нашей отрасли: «В этом человеке удивительно гармонично сочетаются мужская красота и профессиональное мастерство, юношеский задор и

зрелое понимание своего долга, рабочая честь, большая скромность и доброта».

В 70-е годы это был стахановец в бурении, человек-символ. Не было тогда в Западной Сибири популярнее нефтяника, за исключением, может быть, самого Виктора Ивановича Муравленко. Они были знакомы еще по Сызрани. А Левин привез за собой в Тюмень целую бригаду. По распоряжению Муравленко им построили двухэтажный дом, чтобы жили семьями. Между прочим, медаль Героя он получил будучи беспартийным. Это к тому, что каждый рабочий мог достичь высот и наград за свой самоотверженный, рекордный труд...

Высоко ценил Муравленко и руководителя «Нижневартовскспецстроя» Ефима Аркадьевича Луценко. Тот тоже, как и Аржанов, был юнгой, участвовал во время войны в морских сражениях, имел орден Суворова. А у Виктора Ивановича к морякам было особое отношение еще с периода работы на Сахалине, он восхищался их мужеством и героизмом. От Луценко и Яна Михайловича Малинского, управляющего трестом «Нижневартовскжилстрой», зависела судьба выполнения напряженных планов по вводу в городе объектов жилья и соцкультбыта. Эти два темпераментных строителя порою схватывались и доказывали до хрипоты свою правоту, но то были не личные амбиции, а желание решить задачи быстрее и качественнее. У Луценко была лучшая художественная самодеятельность, лучшие футбольная и хоккейная команды, которые занимали первые места не только в городе и округе, но и в области. Сам он напоминал аристократа, даже на праздниках пил только шампанское. Однажды за столом Муравленко, шутя, сказал ему: «Ефим, сколько лет живешь на Севере, а так и не научился пить водку». При Малинском, начиная с 1972 года, ежегодно вводилось в эксплуатацию по две школы — темпы строительства были очень высокими. Но

ведь и прибывало в Нижневартовск каждый год до полутора тысяч детей школьного возраста. Народное образование в городе по праву стояло на первом месте в округе и области.

К сожалению, Малинский попал в автомобильную аварию, вышел из больницы с тростью, но в тот же день приступил к работе. Его уговаривали какое-то время отдохнуть, но куда там! Он и представить не мог свою жизнь без труда, о покое и слушать не желал. Так и шли хтройки — с утра до вечера. А ночью страшные боли. Через год началась гангрена. Сначала лишился одной ноги, затем — второй. Болезнь приковала этого жизнелюбивого деятельного человека к постели. Однако в общении он по-прежнему оставался добрым, мудрым, сердечным. Рано умер. Но остался в памяти строителем-созидателем, слился воедино со всеми, кто создавал на Тюменском Севере богатство и будущее страны.

— Сами-то пожить как следует не успели, — задумчиво проговорил Леша.

— А что ты вкладываешь в это — «как следует»? — спросил Николай Александрович. — Бесконечный отдых на Лазурном Берегу или хождение по ночным клубам? Так то самая пустая и никчемная жизнь, вроде отбывания «тюремного срока» на земле. Это не веселье, а скука, пресыщенность. Напоминает шевеление червей в навозной куче. Сами они ничего не производят, питаются только мертвой плотью, потому что сами мертвы с рождения. Мне жалко таких людей. Я их презираю. Муравей в природе — вот образец неустанного труда, «умного делания». Да, жизнь его коротка и опасна, но он тянет порой непосильную ношу и упорно движется к цели. А надо будет — и с червяками разберется, чтобы не мешали строить.

Помолчав немного, Николай Александрович продолжил:

— Уходили действительно очень рано. Как, например, Николай Петрович Дунаев, главный инженер «Главтюменнефтегаза». В сорок один год. Он был высококвалифицированным специалистом, прошел Усть-Балык и Мегион, был просто человеком красивым, уверенным и веселым. Спортивен, с большими карими глазами, открытым лбом, доброй улыбкой. Щедро наделенный талантами. Настоящий нефтяник. Он никогда ни на что не жаловался, был постоянно целеустремлен и заряжен на работу. Но это была работа «на износ». Он не раз рисковал своей жизнью в Отрадном, Нефтеюганске, Нижневартовске при ликвидации пожаров на месторождениях. Однажды на промысле при обходе объекта в зимнюю ночь он провалился в яму, заполненную нефтью. Вытащили его в страшном виде и на «Урале» доставили домой отмываться. Сердце у него было больное. Вот как-то раз и не выдержало, в самую пору расцвета.

Но некоторые уходили иначе, что, может быть, еще горше. Летчик Герой Социалистического Труда Юрий Александрович Редькин, нижневартовский ас, мужественный и душевный человек, был просто кумиром молодежи во всей Тюменской области и за ее пределами. О нем писали газеты, с ним дружила знаменитая Марина Попович, он часто выступал по телевидению. Редькин летал и на самолетах Ан-2, и на вертолетах Ми-4 и Ми-8. Его авиаотряд считался лучшим в области. Однажды он управлял вертолетом, в котором летели партийное начальство и летчик-космонавт Лебедев, дважды побывавший в космосе. Лебедев попросился за штурвал. Сказал, что из космоса хорошо видны факелы Самотлора, и еще там, во Вселенной, он поставил перед собой задачу: обязательно побывать на этом гигантском месторождении, а если получится — то и самому пролететь над ним, держа штурвал в руках. Как было отказать гостю, коллеге, ведь они были одной

крови, космонавт и летчик. Умер Юрий Александрович Редькин трагически, уже в постперестроечное время, в Ленинградской области, практически в нищете и безвестности, у его близких даже не было средств на похороны. Людское беспамятство — самое страшное, может быть, оно сродни повальному сумасшествию. Когда общество забывает своих героев — их у него может больше никогда не быть. Вот опять же можно поставить в пример Муравленко и его время.

Алексей внимательно слушал, больше не перебивая.

— ...Сам Виктор Иванович ходил буквально по лезвию бритвы, не щадил себя, зачастую действовал на пределе физических и психологических возможностей. Но о других помнил постоянно, всегда интересовался их здоровьем. Начальником медицинско-санитарной части «Главтюменнефтегаза» был опытный врач Анатолий Гдальевич Духанов. Муравленко постоянно спрашивал у него: как чувствует себя такой-то, может быть, надо отправить его подлечиться, какие нужны лекарства? Он вообще уделял здоровью людей самое большое внимание. Особенно профилактике. Конечно, аварий на производстве не избежишь, на промыслах в Западной Сибири их хватало: и буровые взрывались, и вертолеты падали в топи болот, и автомобили сталкивались в условиях бездорожья. Медицинская помощь оказывалась постоянно, работали больницы, поликлиники, травматологические службы, подведомственные Министерству здравоохранения СССР. Но нужна была еще и своя собственная медсанчасть в «Главтюменнефтегазе». По замыслу Муравленко, это должен был быть настоящий цех здоровья. Вот эту структуру и возглавил Духанов, загоревшийся идеей Виктора Ивановича.

Вначале он был один: ни коллектива, ни здания. Но корпус уже начал строиться. Тут Муравленко не жалел средств, сам живо интересовался деталями в ходе

строительства, спрашивал, сколько на объекте рабочих, как организован их труд, в чем ощущается нужда. Наконец 22 января 1968 года была перерезана красная ленточка, медсанчасть начала свою благотворную деятельность. Муравленко предложил: а почему бы не создать, помимо всего прочего, бассейн с минеральной водой, обеспечить и бальнеологическое лечение? Слов на ветер он не бросал. Откуда-то с Севера доставили буровую установку, с ювелирной точностью втиснули сорокаметровую громадину на пяточок среди жилых домов. Где-то на глубине полутора километров нашли водоносный горизонт, и проблема решилась. Потом Виктор Иванович достал через Госплан огромные уникальные ванны из какого-то особого фарфора для бальнеологических процедур — минеральная вода не оставляла на них никаких следов. Такие были только в санаториях для членов ЦК партии. А тут — для простых нефтяников. Ну, разумеется, и все самое современное оборудование, не только отечественного, но и японского производства — все это тоже заслуга Виктора Ивановича. Затем началось строительство больницы нефтяников в Патрушеве. Это в пригороде Тюмени.

— А почему не в центре города? — спросил Алексей.

— Муравленко был дипломатом, — с улыбкой ответил Чишинов. — Он вообще не имел права строить эту больницу, она не проходила ни по каким титульным спискам. С него ведь в первую очередь требовали одно: нефть. И соответствующие объекты: буровые, промыслы, трубопроводы, дороги. Если бы он начал строить больницу именно в Тюмени, то каждый проверяющий сразу же бы сообразил, что это его рук дело. А так объект где-то за чертой города, лишний раз в глаза не бросается. Так что он всё делал правильно, с умом. Обеспечил медсанчасть главка необходимым количеством автомашин, чтобы помощь люди могли получить в любое время и быстро.

Не без его влияния было осуществлено еще одно большое и важное дело. На всех предприятиях и в подразделениях «Главтюменнефтегаза», расположенных в областном центре — это заводы «Нефтемаш», «Электрон», РЭБ флота, УТТ, ремонтно-механические мастерские, институт «Гипротюменнефтегаз» и другие, — были созданы своеобразные мини-медсанчасти. Прекрасно была налажена патронажная служба. Все работники главка — больные и здоровые — находились у Духанова на учете, состояние здоровья каждого было известно. И всё, заметь, абсолютно бесплатно, это тебе не нынешняя «зурабовщина», когда нет ни лекарств, ни, собственно, самой медицины, а министр здравоохранения применяет к ветеранам термин «сроки дожития». Можно ли быть более бессердечным к людям? К тем, трудами которых всё создано?

— Да что о нем говорить! — плюнул Алексей.

— А в то время, благодаря Духанову и Муравленко, заботами всех тамошних врачей смертность в Тюмени от инфарктов снизилась в 3-4 раза. Но сам Виктор Иванович был уже серьезно болен. Свое-то сердце он не жалел. А после его смерти строительство больницы в Патрушеве затормозилось на долгие годы. При последующих начальниках главка были то всплески, то спады. Сдали объект в эксплуатацию уже много позже. Но у кого теперь есть деньги лечиться? Проще умереть.

— Ой! — воскликнул вдруг Алексей и схватился за сердце.

— Ты чего? — встревожился дядя Коля.

Юноша с трагическим выражением лица молча ткнул пальцем в сторону телевизора.

— Включаем! — решительно произнес летописец.

Глава десятая

1

Из рукописи Николая Александровича Чишинова «Нефтяник № 1»:

«Если использовать старую терминологию первых советских лет, то комиссаром при Муравленко — секретарем парткома «Главтюменнефтегаза» — был коренной тюмонец, хорошо знавший условия жизни и работы в Западной Сибири Виктор Павлович Бирюков. Партком был создан в 1971 году, в него входило пятнадцать первичных парторганизаций. При знакомстве с Бирюковым (раньше они встречались только на различных пленумах и совещаниях) Муравленко сказал: «Судьба свела нас, двух Викторов, вместе. Надеюсь на вашу помощь. Аппарат главка, на мой взгляд, подобрался довольно сильный. Специалисты неплохие, многие по уровню не ниже министерского. Но, как говорится, в семье не без урода. Первая наша с вами задача, чтобы аппарат работал дружно, слаженно и творчески. Впереди очень сложные задачи по наращиванию темпов добычи нефти, каких еще не знала страна... Решить это без творческого, новаторского подхода к делу просто невозможно. При этом нужна четкость, слаженность всех звеньев аппарата, своевременная информация и контроль за выполнением тех решений, которые вырабатываются в главке».

Потом Виктор Иванович в свойственном ему стиле стал расспрашивать Бирюкова о семье, об условиях проживания, о личных нуждах. И очень скоро тот понял, что здесь работает очень дружный, слаженный коллектив, во главе которого стоит умелый организатор,

поддерживающий инициативу и самостоятельность в любых вопросах — без мелочной опеки, но с высокой требовательностью и вниманием к людям.

Кадры в «Главтюменнефтегазе» были действительно высокого класса — и это тоже заслуга Виктора Ивановича Муравленко. Кроме уже упомянутых Рослякова, Аржанова, Дунаева, Коломацкого, Парасюка, Запорожец, Горкавенко, Крола, Деринговского и других, следует назвать буровиков Криста, Ставрианиди, Муллагалиева, начальника отдела вышкостроения Воеводу, его заместителя Варнацкого, старшего инженера Венева, начальника отдела добычи Резника, руководителя отдела автоматизации производства Петрова, старшего инженера этого же отдела Смакова, старшего инженера по сбору и утилизации газа Баикина, начальника отдела по капитальному и подземному ремонту скважин Шейнцвита, ведущих геологов Погоняйлова, Черноусова, Патера, Павлова, Кувшинова, строителя Бессолова, начальника технического отдела главка Борисенко, Жарко, Голдырева, сотрудников экономической службы и бухгалтерии Двухжильного, Кина, Кузьмину, юриста Цимберова, кадровиков Шибакина, Матросова, Козлова, Мякишева, Якушева, Ярославцева, Журавлева, начальника управления автомобильного транспорта Коровина и его сотрудников Ермолаева, Горского, начальника управления производственно-технического обслуживания и комплектации Кветкина, Санникова, Дуля, подлинных мастеров-новаторов Шакшина, Сергеева, Аллоярова, Агафонова, Шейнбергера, Ахмадишина, Леванова, Петрова, Ягафарова, Бабларьяна, Арефьева, Тимченко, Краснова, Трощенко, Ваганова, заместителя Муравленко по кадрам и быту Михайлова и многих других. Все эти люди — со своими особенностями и характерами, даже разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры, мордва, евреи, был и грек, и эстонец,

но все они были увлечены одним делом и задачами, которые аккумулировал Муравленко. И национальный вопрос никогда не стоял, никто его не обострял, даже малейшего недоразумения не возникало на этой почве.

По словам Бирюкова, Виктор Иванович был прежде всего «человеком на земле», со всеми его достоинствами и присущими ему слабостями, но что бесспорно — это была личность, непростая, многогранная, он был созидателем. Муравленко помнил по имени-отчеству сотни, если не тысячи, рабочих, был прост и доступен каждому, кто хотел с ним встретиться. Он строго следил за тем, чтобы в аппарате главка не было лишних людей, не допускал его «разбухания». Когда кто-то из начальников отделов, допустим, просил дополнительную «единицу», жаловался, что много работы, Виктор Иванович парировал: «Зачем тебе лишнего человека? Он же только мешать будет. Начнет задавать вопросы, ставить проблемы. А чтобы разгрузить себя и владеть обстановкой, меньше надо запрашивать сведений, бумаг с мест, больше нужно бывать самому на промыслах». И в то же время он решительно шел на создание новых отделов, структур, если того требовала обстановка.

Виктор Иванович не был большим и красноречивым оратором, что свойственно, как правило, искусным демагогам, но все его выступления отличались глубиной мысли, анализа, деловитостью и как бы отвечали настроениям тех, кто его слушал, а потому и воспринимались с большим вниманием. Люди слышали живую речь, а не доклад по бумажке. Разумеется, он владел полной информацией о состоянии дел на промыслах, умело использовал знания и опыт специалистов, в необходимых случаях выносил ту или иную проблему на коллективное обсуждение. Но при этом в полной мере использовал свое право лично руководить разработкой основ направлений развития

нефтяной промышленности Западной Сибири, определять стратегию, искать наиболее эффективные инженерные и организационные решения. И, видя его целеустремленность, волю, требовательность, за ним шли массы людей — шли не беспорядочной толпой, а как организованное войско.

Вообще, Муравленко любил делать добро людям, это доставляло ему какое-то личное удовольствие. Он искренно радовался успеху того или иного работника, коллектива. Ни один рекорд в бурении или достижение в добыче, в других отраслях не оставался незамеченным. В адрес «виновников» обязательно шли поздравительные телеграммы, а чаще всего сам Виктор Иванович звонил и поздравлял с успехом. Его отличала постоянная забота о вверенных ему десятках тысяч людей. Он старался, чтобы тюменские нефтяники были обеспечены всем необходимым по существующим в то время стандартам, а то и сверх них (чего стоит только то, что он сумел «выбить» у Косыгина ежегодные поставки двух тысяч легковых автомобилей для рабочих).

В доверительных беседах с Бирюковым — «оком» партии — Муравленко касался и положения в стране, в мире. Он владел обширной информацией, читал книги политических противников — Абдурахманова, Бжезинского, Солженицына. Ему не нравилось прогрессирующее восхваление Брежнева. И он не боялся говорить об этом со своим «комиссаром»: «Вы знаете, это добром не кончится. Ну зачем ему эти звезды, маршальское звание в мирное время? Неужели он не понимает, что в народе всё это оборачивается против него? Анекдоты ходят — противно слушать. А Политбюро? Это же настоящий дом престарелых! Представляю, как тяжело в этих условиях Косыгину. Ему же не дают развернуться».

Сотрудники КГБ, очевидно, знали о подобных разговорах, но у Муравленко была надежная защита в Москве — те же Байбаков, Косыгин, Шашин, Оруджев, к тому же «Главтюменнефтегаз» в те годы находился на вершине славы, имел огромный вес в экономике страны, и от самого Генерального секретаря ЦК КПСС шли в его адрес приветственные телеграммы по случаю трудовых достижений. Но однажды произошел случай, который характеризует отношение Муравленко к людям, попавшим в беду. В системе главка в Тюмени на руководящей должности работал Ганюшкин — человек незаурядных способностей, с двумя высшими образованиями, изобретатель. Его рабочие как-то раз отравились техническим спиртом. Наказали Танюшкина, сместили с должности, перевели на Север. Он «сломался», начал пить. Дальше — больше. Под влиянием стресса стал разрабатывать «Программу Социалистической партии с целью изменения существующего строя». А это уже политическое дело. Естественно, им занялись органы КГБ, и он был, как говорилось, «профилактирован».

Виктор Иванович тяжело переживал случившееся, говорил Бирюкову: «Танюшкина я знаю хорошо, последнее время он действительно вел нездоровый образ жизни. Может, и на самом деле у него произошел «сдвиг по фазе», иначе какой дурак, не имея необходимой базы, единомышленников, наконец, стал бы рассылать свои «творения» кому попало. Оставил жену, троих детей на произвол судьбы. Я думаю, Марью Ивановну, его супругу, нельзя оставлять в беде. Надо ее передвинуть на другую, вышеоплачиваемую должность, оказать ей материальную помощь, оплатить все квартирные и другие долги».

Так и было сделано. А что же с Танюшкиным? Если кто ждет сейчас «ужасающих» подробностей его дальнейшей судьбы, то напрасно: он не был «замучен в

застенках КГБ», не был отправлен в психиатрическую лечебницу к врачам-садистам, даже не попал в тюрьму. Напротив, работал два-три года в каком-то закрытом конструкторском бюро. А когда вернулся в Тюмень, воссоединился с семьей. Муравленко предложил ему должность экономиста в отделе анализа ЦНИЛа. Так что этот случай никак не подходит для сказок про страшное тоталитарное прошлое. Да, государство защищало свою идеологию, но какая страна этого не делает? Может быть, демократическая Америка? Тогда приведу такой пример: когда где-то в начале девяностых годов два американских студента, скорее в шутку, выступили в печати с инициативой отделения от США Техаса и возвращения его Мексике, то они были немедленно арестованы и отданы под суд. Им грозила смертная казнь, но они «отделались» всего-навсего пожизненным заключением. Это к вопросу о правах человека и «двойных стандартах».

Приятно хотя бы мысленно вернуться в то время, где жил Муравленко. Где и солнце светило ярче, и люди были честнее и добрее. Хотя, конечно, не все и не всегда — случилась, например, одна неприглядная история, которая была связана с руководителем жилищно-коммунальной конторы при «Главтюменнефтегазе» Ермаковым. До Муравленко доходили слухи, что тот злоупотребляет своим служебным положением. Он и сам обращал внимание на то, что этот Ермаков носит чуть ли не на каждом пальце по золотому перстню внушительных размеров. А человек был партийным, к тому же фронтовиком. Как-то всё это не вязалось, и Виктор Иванович поручил секретарю парткома Бирюкову разобраться. Выяснилось, что Ермаков устроил к себе на работу своих родственников, они получают большие деньги, но на службе почти не появляются. Сам он построил себе роскошную дачу, квартиру отделал полированным деревом, всюду ковры, хрусталь, две

машины, высокому начальству бесплатно делает ремонт, а расходы относит на производство. Когда Муравленко выслушал факты, то сказал: «Этого следовало ожидать, создавайте комиссию и рассматривайте дело в парткоме». Но у Ермакова оказались сильные защитники — и по партийной, и по административной линии. Заседание парткома вылилось чуть ли не в обвинение против самого Бирюкова.

Коррупция зарождалась уже в те годы, она как ржа разъедала партийные и советские органы, дошла и до некоторых руководящих слоев области. Муравленко Бирюкова поддержал. Ермакова все-таки исключили из партии. Нов тюрму не посадили. Тогда ответственная должность вкупе с членством в партии была вроде индульгенции от ареста. Он просто исчез из области, обосновался где-то на другом месте. Но ясно одно: такие, как этот Ермаков, и подтачивали изнутри страну, как жуки-древоточцы. Теперь, если не он, то дети его наверняка ходят в «новых русских», пользуются плодами чужих рук.

Бирюков столкнулся и с другим случаем. В одном из управлений главка руководил небольшим отделом некий Конаков. Тоже участник войны, с целым «иконоostasом» орденов и медалей. Но из отдела кадров пришел сигнал: оказывается, Конаков отбывал срок по приговору военного трибунала за кражу парашюта. Стали разбираться и были просто шокированы: никакого участия в военных действиях он не принимал, никаких наград не имеет. Бирюков рассказал обо всем Муравленко. Виктор Иванович вызвал к себе в кабинет Конакова. Вошел высокий, стройный, солидный человек, с обилием орденовских планок на левой стороне костюма.

— У вас есть наградные документы на все эти ордена и медали? — прямо спрашивает Муравленко.

— Нет, у меня их украли вместе с чемоданом, когда я ехал домой после демобилизации, — отвечает Конаков.

— А у нас есть сведения из Центрального архива Советской армии, что вы не воевали и никаких наград не имеете.

Конаков побелел, покраснел, потом едва не повалился в ноги. Ему дали воды, чтобы он успокоился. Затем он обо всем чистосердечно рассказал и покаялся. Из партии его конечно же исключили. Но вот что интересно. Виктор Иванович не стал его наказывать слишком строго, даже оставил в прежней должности, потому что работник он был все-таки хороший, дело свое знал. Это с самой лучшей стороны характеризует отношение Муравленко к людям, пусть даже сильно провинившимся.

Девятая пятилетка (1971-1975 годы) стала решающей в создании крупнейшей в стране топливно-энергетической базы. За большой вклад в развитие нефтяной промышленности СССР и достижение высоких производственных показателей при выполнении заданий и социалистических обязательств «Главтюменнефтегаз» был награжден орденом Ленина. Этой же высокой награды были удостоены еще тридцать нефтяников Западной Сибири, в том числе и Муравленко. Торжества проходили в недавно введенном в строй Доме техники и культуры. Зрительный зал был переполнен, сюда съехались передовики производства нефтяных промыслов, ветераны, прибыли руководители Тюменской и Томской областей. Открывал собрание начальник «Главтюменнефтегаза» Виктор Иванович Муравленко. Это был звездный час всех нефтяников Западной Сибири. Министр нефтяной промышленности СССР Валентин Дмитриевич Шашин зачитал Указ Президиума Верховного Совета страны и под бурные аплодисменты зала прикрепил к знамени главка высшую награду Родины. Как еще выразить ту атмосферу радости и гордости за свой край, которая переполняла сердца собравшихся? То, что было ими сделано и делалось,

иначе как настоящим подвигом не назовешь. А возможны ли были такие грандиозные успехи и в столь короткие сроки в иных, нынешних условиях? Сомневаюсь.

(Но, кроме реальных наград, были и другие, из области розыгрышей, идею которых часто подавал сам Муравленко. Так, например, когда в одном из подразделений случился небольшой пожар, а в тушении его принимал участие управляющий Довгополук, ему на следующий день позвонили и сообщили, что он награжден медалью «За отвагу на пожаре». Звонили якобы из Центрального райкома партии. Довгополук быстро собрался, приехал на черной «Волге». Поднялся в приемную райкома, выяснить, где получить награду. А через пару минут выскочил из здания красный как рак, втиснулся в свою «Волгу» и под хохот толпы мужиков из главка умчался. Но после этого еще в течение дня выслушивал по телефону поздравления с «награждением».)

Самоотверженный труд и веселый, радостный отдых — вот что ярко характеризует то время, самой примечательной чертой которого был особый подъем настроения у людей, поистине деловая, творческая атмосфера, стремление как можно лучше делать свое дело, внести как можно больший вклад в развитие области и укрепление экономики всей страны. Да, были ошибки, были при советской власти перекосы и злоупотребления. Но страна за эти годы превратилась в могучую державу мира, с ней считались. И жизнь миллионов советских людей с каждым годом хоть и медленно, может быть, не так, как они заслуживают, но улучшалась. А в КПСС уже было две партии: коммунистов и карьеристов. И даже у истинных коммунистов не хватило мужества выступить против губительной политики «перестройки», которую проводили Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе и им

подобные фарисеи и перевертыши. (Это же просто смешно: Горбачев и Яковлев потом заявляли «за бугром», что они всю жизнь боролись с КПСС и были антикоммунистами.) И сейчас страна стала чуть ли не полуколонией, а самое страшное — разложился человек, растлился нравственный климат в России. Не видит этого только слепой. Но больше всего жалко молодежь, которой еще предстоит вырваться из плена самообольщения и пустых иллюзий.

Муравленко все негативные явления в стране и партии ощущал остро. Вот еще одно из его откровенных высказываний: «Посмотрите, что делается в высших эшелонах власти. Попал я как-то в Академию наук, а там одни старики — средний возраст, наверное, лет восемьдесят. Ну что такой человек может решить, когда он и ширинку-то забывает застегнуть?.. А Леонид Ильич уже и готовую бумажку прочитать не может. Ну как он не додумается уйти на пенсию? Память бы о себе в народе хорошую оставил. А так останутся одни анекдоты». Как в воду глядел Виктор Иванович. Сам он, в принципе, тоже подумывал о пенсии. Десятая пятилетка, возможно, в его активной творческой деятельности могла быть последней. Слишком устал, да еще и череда инфарктов. Он признавался тому же Бирюкову: «Вот доработаю эту пятилетку и подаю в отставку. Уеду в Куйбышев, у меня там дача на берегу Волги, буду селекцией заниматься, цветы выращивать». Но это, пожалуй, были желанные, но неосуществимые мечты, мысли его постоянно возвращались к производству, к стране, к людям, потому что иначе он жить не мог (какое уж тут цветоводство!).

«Вот были мы недавно в Чехословакии, — говорил Муравленко. — Люди там лучше живут. И все же в 68-м году восстали, хотели еще лучше. А чем мы хуже чехов? Таковую войну выиграли! А жизнь как следует наладить не можем. И все потому, что в верхах не всё продумывают.

Некому! Больше заботятся, как бы дольше продержаться у власти. Надо двигать на высшие руководящие посты молодых, талантливых, сочетать их с такими, как Алексей Николаевич Косыгин, разбавлять опытных работников молодыми, способными, перспективными».

Эти слова Виктора Ивановича выдают в нем натуру критическую, трезво относящуюся к положению дел в стране, в обществе. Вот и некоторые другие его высказывания: «Надо срочно менять структуру нашего производства. Ну зачем нам держать такую армию в условиях разрядки международной напряженности? А сколько предприятий, ученых работают на оборону? Сколько чиновников сидят в кабинетах многочисленных министерств и ведомств? Сократить наполовину и всех направить в народное хозяйство. Страна от этого только выиграет, народ будет жить лучше, так как товаров будет больше».

Когда теперь говорят, что все коммунисты-руководители в то время дружно «брали под козырек» и хором исполняли гимн, — это неправда. Были среди них разные люди. Одни слепо шагали «в ногу», другие «держали в кармане фигу», третьи пытались как-то исправить положение. А под следующим монологом Виктора Ивановича мог бы подписаться даже любой оппозиционер-диссидент:

«Кто сделал человека пьяницей, бездельником? Мы сами. Это издержки общества, его болезнь. Надо заинтересовать человека, создать условия, чтобы он мог жить достойно, раскрыть свои способности. Вот здесь и нужны все формы собственности, в том числе и частная (это вообще шло вразрез с основополагающими постулатами марксистско-ленинской идеологии. — *Н. Ч.*). Ну почему сапожник не может быть частником? Или парикмахер, или, скажем, зубной врач? Пусть берет патент, платит налоги, как и на производстве, и работает в свое удовольствие. Будет здоровая

конкуренция. Люди пойдут туда, где лучше делают. Вообще, сфера обслуживания у нас безобразно организована, и здесь мы безнадежно отстали от западных стран. Выход один — отдать ее в основном в руки частного. И не надо этого бояться. Основное же производство, промышленность должны быть в руках государства, только предприятиям надо предоставить большую самостоятельность, возможность маневрировать, а значит, и план доводить не на «всю катушку», а оставлять какую-то часть возможностей производства для маневра».

Практически — это платформа радикальных реформ, которые были необходимы стране в то время. А сказано это в середине семидесятых годов, за год до смерти. За подобный «манифест» у Тянушкина, как уже говорилось, были серьезные неприятности. Муравленко же был фигурой слишком высокого ранга, чтобы к нему могли применить подобные меры. Но ведь могли хотя бы прислушаться! А теперь представим, что было бы, если бы Виктор Иванович прожил еще лет десять-пятнадцать. Он бы наверняка принял участие в преобразованиях середины и конца восьмидесятых годов, но перестройка могла бы пойти по совершенно иному пути. Были бы введены все формы собственности, но приватизация протекала бы не «по Чубайсу». Не было бы той социальной несправедливости, как сейчас. Это видно из размышлений Муравленко. Возможно, страна бы двигалась по китайскому пути развития: многоукладное[^], мощная экономика, неуклонный рост ВВП, сохранение цементирующей идеологии, территориальная целостность и единство нации. Не было бы бессмысленного разбазаривания недр, дикой коррупции и преступности, наркомании и порнографии. Не было бы всего того, что тянет экономику и культуру страны в пропасть. Не было бы и демографического падения, вымирания народа. Вот какого человека, к

несчастьем, лишилось общество. Стоящего сотни Гайдаров. Но... Пришли к управлению государством младшие научные сотрудники и лаборанты с ограниченным кругозором мышления, оборотистые дельцы, и мы имеем то, что имеем.

Возвращаясь к производственным делам, надо сказать, что в последние два года жизни Муравленко «Главтюменнефтегаз» испытывал определенное давление со стороны областного партийного руководства. В «Литературной газете» появилась статья Богомякова, где он прогнозировал добычу нефти в Западной Сибири в ближайшие годы до 500 миллионов тонн в год и более. Это явно насторожило и обеспокоило Виктора Ивановича. В конце декабря 1975 года состоялось собрание областного партийного актива, который рассматривал перспективы развития области в десятой пятилетке. В докладе первого секретаря обкома прозвучали такие слова:

«У нас есть отдельные работники, которые проявляют узковедомственный, конъюнктурный подход к обоснованию годовых и перспективных планов. Если вникнуть в сущность «доводов» товарищей Фаина — главного геолога «Главтюменнефтегаза», Сесина — начальника технико-экономических обоснований и перспективного планирования «Типротюменнефтегаза» да и некоторых их сподвижников и вдохновителей всех рангов (это был «камешек» в огород Муравленко. — Н. Ч.), то область, по существу, не имеет возможностей довести добычу нефти к 1980 году до 300 миллионов тонн, а за пределами десятой пятилетки развитие нефтедобычи практически надо прекращать». Дальше пошла речь о так называемых «предельщиках» — термин, который пытались применить к Виктору Ивановичу:

«Мы немало и с гордостью говорим о первооткрывателях, и это хорошо. Но партийные

организации не должны забывать о том, что в любом деле могут появиться и «закрыватели». Предельщина, деячество давно осуждены партией, однако еще встречаются среди некоторой части работников...» И т. д. — пошла «писать губерния».

Ясно было одно: кольцо вокруг Муравленко сужается. Постоянной критике подвергался его ближайший сотрудник, заместитель Фаин, которому в обкоме тоже приклеили ярлык «предельщика». Получил инфаркт и вынужден был уехать из Тюмени другой его заместитель — Крол. Сгущались тучи над секретарем парткома «Главтюменнефтегаза» Бирюковым.

Сам Муравленко очень болезненно воспринимал эту несправедливую критику. Он говорил своим доверенным людям:

— Это давление я чувствовал давно. Но не думал, что оно выльется в такую оскорбительную форму — наклеивание ярлыков. Разве мало мы делаем для области, для страны, чтобы заслужить такую оценку? Конечно, мы можем «задрать» добычу хоть сегодня, «изнасиловать» Самотлор, теоретически — выйти на полмиллиардную добычу в год. А дальше что? Таких месторождений, как Самотлор, не предвидится и их не будет. Это же хищническое разграбление национального богатства страны. Уже сегодня мы сжигаем в факелах 12 миллиардов кубометров попутного газа ежегодно. В переводе на нефть это в два раза больше, чем добывает вся Томская область. Загрязняем атмосферу, губим природу. Все больше отстаем с рекультивацией земель, в спешке загрязняем нефтью окружающую местность. Что скажут о нас потомки? И неужели Геннадий Павлович (Богомяков. — *Н. Ч.*) как ученый, кандидат наук, не понимает всех этих последствий?

Они действительно не понимали друг друга в этих вопросах. А Муравленко привык идти до конца,

отстаивая свою правоту. О каком отдыхе можно было говорить? Он не любил ни перед кем оставаться в долгу, тем более — перед страной, перед потомками. И его постоянно точила забота о своем деле. Именно тогда произошло деление нефтяников на так называемых «оптимистов» и «пессимистов». Первые — герои, те, кто ратует за то, чтобы быстро взять всю нефть Западной Сибири, не думая о том, чтобы соблюсти методы и способы добычи. А вторыми считались те, кто на самом деле заботился о рачительном хозяйствовании, о бережном отношении к недрам и людям, о сохранении природы в первозданном виде. «Оптимистов» осыпали наградами, «пессимистов» старались задвинуть куда подальше.

Самого Муравленко все же побаивались трогать, но били именно по окружению, по близким людям. Но и стратегия его уже получила соответствующую негативную оценку в верхах. Давление шло со стороны и партийных и советских органов власти. Прежде всего потому, что идея «оптимизма» была очень выигрышной и выгодной. Выдвинутый лозунг «Мы будем добывать в год миллиард тонн сибирской нефти и триллион кубометров газа!» как бы подразумевал, что остальная страна может расслабиться и не работать. Муравленко же понимал: это прямой и самый короткий путь к катастрофе. Но его не желали слушать, а потихоньку начали оттеснять от любимого дела.

Однако он, будучи дипломатом, человеком мудрым и опытным, не предпринимал резких ходов. Прямая конфронтация с теоретиками экономического «оптимизма» могла привести к его фактической изоляции, к потере рычагов управления и возможностей влиять в конечном счете — к еще большему разрушению отрасли. По свидетельству Грайфера, для того чтобы иметь доступ в правительство и ЦК партии, где решались все основные вопросы жизни страны (а

поддержки там у него было всё меньше и меньше), Виктор Иванович был вынужден терпеть и продолжать работать в такой невыносимо тяжелой атмосфере. И это была работа на износ, поскольку он находился между многими «жерновами». Он продолжал бороться, практически осознавая безнадежность положения. Последние месяцы его жизни окрашены самыми драматическими, если не сказать, трагическими обстоятельствами. Смерть буквально ходила возле него...

В мае 1977 года неожиданно умирает от инфаркта министр нефтяной промышленности Валентин Дмитриевич Шашин, всегда поддерживавший и понимавший Муравленко. Это был талантливый организатор и высококвалифицированный инженер, хорошо знавший ключевые проблемы развития отрасли. Потеря оказалась невозполнимой. Кандидатов на этот пост было несколько, в том числе и сам Виктор Иванович Муравленко. По словам Владимира Григорьевича Чирскова, бывшего руководителя «Главсибтрубопроводстроя», а впоследствии — министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, он отказался потому, что прекрасно понимал: около 60 процентов нефти добывается в Западной Сибири, — и считал, что ему гораздо полезнее находиться не в Москве, а в гуще событий, в Тюмени. К тому же Муравленко никогда не был «паркетным генералом» (выражение полководца Суворова) и никогда не смог бы им стать. Ему нужен был реальный запах нефти, и он уже стал настоящим сибиряком: удобное кресло в Москве было не для него.

Пришел другой человек. Министерский пост в нефтяной промышленности занял Мальцев. О нем и его роли в судьбе Муравленко и, собственно, «Главтюменнефтегаза» я скажу ниже, пока же ограничусь лишь словесной характеристикой (в

изложении Бирюкова): «Первый же приезд Мальцева в Тюмень произвел на многих работников главка не очень приятное впечатление. Внешне не то что толстый, а несколько грузноватый, с мясистыми чертами лица, он чем-то походил на У. Черчилля. Грубый в обращении, он, казалось, все брал «с напора», то есть был прямой противоположностью интеллигентному В. Д. Шашину. И, несмотря на всю «гибкость» в обращении с людьми, присущую В. И. Муравленко, у него сложились натянутые отношения с новым министром, хотя, несомненно, Мальцев не мог не считаться с положением и авторитетом Виктора Ивановича».

С приходом Мальцева вновь начались расчеты и перерасчеты в сторону максимально возможного увеличения добычи нефти сверх принятых объемов. Приведу еще одну важную деталь: по количеству инфарктов руководство «Главтюменнефтегаза» занимало первое место в системе Миннефтепрома. Скорбный показатель, говорящий лишь о большом напряжении в плане добычи, нефти по Западной Сибири. У Муравленко уже было три инфаркта, у Крола — два, у Дунаева тоже два. Косыгин, когда ему докладывали об этом, даже дал указание начальнику Четвертого управления Минздрава СССР Чазову об организации интенсивного лечения руководителей главка в санаториях соответствующего профиля, но смертность среди «нефтяных генералов» не уменьшилась. Многие руководители из «команды» Муравленко не выдерживали, как и он сам, невероятных физических и психических нагрузок, что приводило к фатальному исходу.

Так умер Николай Петрович Дунаев — главный инженер «Главтюменнефтегаза». Случилось это 5 июня 1980 года. (По какому-то мистическому стечению обстоятельств за три года до этого почти в то же время и точно так же погиб — иного слова не подберешь — и

сам Виктор Иванович Муравленко.) Несчастье произошло тоже в Москве, в вестибюле гостиницы, «Россия». Все повторилось как в дурном сне. Накануне, за день до смерти, состоялось расширенное заседание коллегии Министерства нефтяной промышленности. Николай Петрович был основным докладчиком и ответчиком. Рассматривались задачи тюменских нефтяников на очередную пятилетку. Обстановка была напряженной, нервной. Мальцев устроил разнос Дунаеву. Он грубо обозвал нефтяников «Главтюменнефтегаза» бездельниками. Никогда бы он не позволил себе сказать такое, будь перед ним Муравленко. Но Виктора Ивановича уже не было в живых, Дунаев побледнел, лицо его покрылось каплями пота (так уже было в 1978 году, после второго инфаркта, и тоже не без участия нового министра- «запредельщика»). Но он встал и твердо, с достоинством ответил: «В Главтюменнефтегазе» нет и никогда не было бездельников». Эта коллегия стоила ему жизни. Сорок лет, пора расцвета... Как же не сказать, что это была не просто смерть, а гибель на самом переднем крае?

Но был ли в этом (и в других преждевременных уходах из жизни) виновен именно Мальцев? Некоторые насчитали чуть ли не одиннадцать смертей на его совести. Не знаю. Думаю, не стоит делать «козлом отпущения» только одного человека, представлять эту фигуру в каком-то зловещем виде. Нужно вновь обратиться к некоторым свидетельствам. Есть объективная оценка, данная министру Геннадием Иосифовичем Шмалем:

«У меня с Н. А. Мальцевым были сложные отношения. Человек он характера непростого, его отношения к людям были лишены душевности, к партнерам, в том числе и к нам, строителям, относился без уважения, часто давал необъективные оценки положения. Но дело знал и руководить умел».

А вот слова Федора Маричева, председателя совета директоров ОАО «Самотлорнефтегаз» и ОАО «Тюменнефтегаз»: «Министерство постоянно интересовалось делами у нас. Я по себе знаю, что это такое. Министр Мальцев по телефону доводил Кузоваткина до того, что тот в кабинете терял сознание — сказывались нервные перегрузки. С преемником Муравленко Аржановым новый министр разговаривал только на повышенных тонах и нередко через мат».

А что сказать о последних днях жизни Виктора Ивановича? По свидетельству Бирюкова, он выглядел неважно: землистый цвет лица, круги под глазами. Но бодрился, на вопросы о здоровье отвечал с оптимизмом:

— Знаете, встал сегодня легко, голова как стеклышко и сердце совсем не чувствую, как будто его и нет совсем.

«Как будто его и нет совсем»... Эти слова стали горько пророческими. Оставалось совсем мало времени до отъезда в Москву.

К последним неделям жизни Виктора Ивановича подметалось еще одно обстоятельство, которое не прибавило ему ни здоровья, ни радости. В газете «Советская Россия» на первой странице была помещена статья «Энергия творчества» за подписью бурового мастера, кандидата в члены ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда М. И. Сергеева. Собкор Михальков (реальный автор статьи) описывал «новаторские» методы в бурении скважин. Чтобы разобраться в тонкостях, предоставим слово Александру Николаевичу Филимонову, в то время — начальнику Нефтеюганского управления буровых работ, сподвижнику Муравленко:

«За тринадцать лет работы на Севере мы убедились, что новаторскими как раз являются те методы, которые в статье опорочены. Суть дела: кому осваивать пробуренные скважины — буровой бригаде или бригаде

освоения? Ну разве можно назвать новаторским метод, когда скважина осваивается с бурстанка? Когда используется 10 процентов мощности станка? В статье инженерный корпус главка показан недопонимающим простых вещей. Но это уже прямая клевета... Виктор Иванович спросил у Сергеева: «Как же вы подписали такую статью?» Тот ответил, что статью ему по телефону читал собкор Михальков, когда он после бессонной ночи (спуск, заливка колонны, передвижка, бурение и спуск кондуктора) приехал домой отдыхать. Лег спать — звонок. Проснулся утром — телефонная трубка на подушке, то есть уснул и даже не вспомнил, о чем тот говорил».

Филимонов предложил Муравленко отправить опровержение на злополучную статью на имя главного редактора «Советской России». Им был Луковец. Так и сделали. Нельзя было больше терпеть всяких пасквильных статей, которых стало появляться все больше и в местной, и в центральной печати. С такими, например, вызывающими названиями: «Метр на пьедестале» («Правда»), «Просчеты в расчетах», «Когда цветы увяли», «Цветы растоптаны», «Кто не смотрит вперед — отстает» («Тюменская правда»), «Лично удобен» и многие другие. Мальцев реагировал на эти статьи самым сногшибательным образом. Уже после смерти Муравленко он приказом по министерству отобрал у главных специалистов, начальников управлений, работающих на месторождениях, легковые автомобили «УАЗ-469», которые и так еле ездили. Отомстил, что называется. Потом он направил в Тюмень своего первого зама Игrevского, чтобы тот на месте расправлялся с ослушниками. А Муравленко уже не было. И встать на защиту нефтяников от произвола уже никто не мог.

Еще одно свидетельство тех дней — Валерия Исааковича Грайфера, лауреата Ленинской премии,

почетного академика РАЕН, последнего руководителя «Главтюменнефтегаза»:

«Многие до сих пор задаются вопросом: как, почему ушел из жизни так рано и так внезапно этот неординарный человек — Виктор Иванович Муравленко? Некоторые даже называют фамилии непосредственных, как им кажется, виновников его смерти. Бог им судья. Я же осуждаю такой легковесный и несправедливый подход. Понимаете, в чем дело: Виктор Иванович был крайне огорчен грядущими изменениями в «Главтюменнефтегазе», когда последний, если так можно выразиться, терял свое лицо как единое целое предприятие. Предполагалось самые крупные, ключевые нефтегазодобывающие управления преобразовать в производственные объединения. Главк как бы отсекали от производства. Муравленко же полагал, что торопиться с этим не следует... Не побоюсь упреков в высокопарности, но когда не стало Виктора Ивановича, нам казалось, что он рядом. Только вот за советом к нему уже нельзя было обратиться. А его предсказание в отношении освоения Западно-Сибирской нефтеносной провинции, ее обустройства и перспектив сбылось и живет по сей день. Убежден, что до сих пор остается влияние личности В. И. Муравленко на жизнь сибирских нефтяников».

Смерть Виктора Ивановича действительно потрясла всех. Не только близких, соратников, нефтяников, но всех, кто имел какое-то представление об этом выдающемся человеке. Единомышленники, ученики, друзья Муравленко были просто подавлены. Валентин Иванович Хлюпин произнес пророческую фразу: «Знаете, такого начальника главка у нас больше никогда не будет». Не будет больше и такого человека, потому что каждая масштабная личность неповторима.

Иногда мне хочется, хотя бы мысленно, собрать всех участников того великого, героического, трудного и

радостного времени, живых и мертвых, всех близких, соратников и даже недругов Муравленко, чтобы они сидели за одним столом и рассказывали. Или шли по сибирским просторам и вспоминали свои дела. Или стояли на берегу их нерукотворного памятника — Самотлора, этого «золотого сердца Айни», ведя неторопливую беседу о российском чуде двадцатого века. Ведь жизнь продолжается...

И продолжение — следует».

2

Цитаты-воспоминания:

«Непререкаемым авторитетом у нефтяников Западной Сибири был В. И. Муравленко. Это был поистине государственный человек, взваливший на свои плечи огромный и ответственный груз — сибирский нефтяной комплекс, а также прекрасный и душевный человек... Все они были разными людьми, но всем были присущи самоотдача и самовыражение, они были преданы своей профессии и любили жизнь. Для каждого из них Западная Сибирь стала родным домом».

В. Н. Коломацкий, главный механик «Главтюменнефтегаза»

«С первых дней работы в главке я считала, что здесь трудятся самые красивые, умные люди. Мужчины высокие, подтянутые, аккуратные, а женщины настолько очаровательные, умеющие со вкусом одеваться, в туфлях на высоких каблуках — всех можно отправлять на конкурсы красоты, жаль, что в то время их еще не придумали. Когда проводились торжественные мероприятия, создавалось такое впечатление, что собралась красивая, большая, дружная семья. Обидно, что сегодня чувство коллективной

работы, сопричастности к одному большому делу из нашей жизни постепенно уходит... Мы выполняли свое дело честно, с наивысшими результатами. Плохо работать не умели. Плохо работать было стыдно. Сейчас уже нет того братства, взаимовыручки, а тогда это было нормой. С Виктором Ивановичем я проработала многие годы и всегда чувствовала отеческое отношение со стороны «грозного» начальника. С виду суровый, он был чрезвычайно чутким человеком».

Г. С. Гаркавенко, секретарь начальника «Главтюменнефтегаза»

«К сожалению, нынешние руководители России, как показывают их слова и дела, живут лишь сегодняшним днем. В правительстве и Министерстве промышленности нет ни одного специалиста нефтяной отрасли! Ограниченные Садовым кольцом «стратеги» думают, что нефтедоллары будут все так же катиться в казну еще долгие годы. Они не понимают, что резкое снижение добычи углеводородного сырья возможно уже в ближайшие годы. Сейчас страна в основном обеспечивается запасами и мощностями, созданными в период работы «Главтюменнефтегаза» и его легендарного руководителя В. И. Муравленко».

Н. П. Захарченко, главный инженер «Главтюменнефтегаза»

«Вообще он был очень непростым человеком. У него было очень развито чувство собственного достоинства. Не любил, а может быть, просто не мог ни у кого просить для себя лично. У него все занимала работа. Он мог вечером уйти из своего кабинета, прервав деловой разговор на какой-нибудь фразе, а утром начать рабочий день с этого предложения... При нем все кипело, потом стало понемногу затухать».

Г. П. Запорожец, референт начальника
«Главтюменнефтегаза»

«Отец любил и ценил всех толковых, преданных делу, инициативных и порядочных людей. Думаю, не случайно собрался уникальный, легендарный штаб «Главтюменнефтегаза» — там каждый был личностью, другие не удерживались, стандарт был высоким. Сейчас не существует единой нефтяной отрасли, *началось это не* вчера, а с ликвидацией «Главтюменнефтегаза». Раньше мы жили одной семьей, имели единую политику, решали одни проблемы. Пытались поправить дело созданием нефтяных компаний, в какой-то степени, возможно, это удалось. Но сейчас все равно каждый живет сам по себе. А это трудно пережить — не так воспитывался... *Для меня отец*, память о нем — святы. Говорю это не потому, что я его сын, — такие люди рождаются редко. Он со мной всегда...»

С. В. Муравленко, депутат Государственной думы
Российской Федерации

3

Футбол закончился. Николай Александрович и Алексей успели посмотреть второй тайм, дополнительное время и серию послематчевых пенальти. Обсудили игру, остывая после накала, и сошлись во мнении, что самым зрелищным в матче был удар головой Зинедина Зидана в грудь Марко Матерацци. Вот так: не мячом по воротам, а лбом в корпус. Что ж, француза удалили с поля, и его команда проиграла, но и победа итальянцев выглядела не слишком убедительно. Впрочем, Алексей был доволен, а дядя Коля не слишком-то и огорчился. Игра рано или поздно забудется, а жизнь — продолжается. Так он,

Чишинов, и сказал, выключая телевизор. А Леша неожиданно решил открыть «страшную тайну»:

— Знаешь, дядя Коля, на ком я женюсь-то? На Лене, внучке твоей. Ты уж извини...

— А чего извиняться? — улыбнулся Николай Александрович. — Я уж давно догадался. И Лена мне все уши прожужжала. Так что, Бог в помощь.

— А я думал, ты сердиться будешь.

— Зачем же? Вы — молодые, вам жить. Сами решайте. Честно говоря, ты мне и так как внук. Лучшего жениха для нее и не надо. Дури бы тебе только поменьше в голове. Ну ничего, поможем, вытряхнем. Вот съездим в Западную Сибирь на рыбалку. Куда-нибудь в Нижневартовск или на Самотлор, или в город Муравленко...

— А когда?

— Да хоть завтра!

— А что? Поехали, — не задумываясь, согласился Алексей. — Ты мне столько уже сегодня нарасказал, что я готов. Иду собирать вещи.

— Постой, — снова усмехнулся Чишинов. — Хочу тебе кое-что подарить. На свадьбу.

Он стал развязывать галстук, снял его, протянул Алексею. И добавил:

— Как ты и просил. А это у меня, считай, самое памятное. Теперь ты храни и надевай только в самых исключительных случаях. Своим детям передашь, И помни, какому великому человеку он принадлежал. Без таких, как он, не было бы Российской державы.

Алексей молча принял подарок, аккуратно свернул его и положил в нагрудный карман рубашки.

— Спасибо, — сказал он почти торжественно.

Алексей задумался, глядя в открытое окно на темный массив Лосинового Острова. До рассвета было еще далеко. Но слишком много он сегодня узнал, словно уже отступил сумрак ночи и забрезжила неведомая ясность.

— Вижу, ты загрустил, — сказал Николай Александрович. — Давай-ка перейдем от трагедии и слов скорбных к делам более оптимистическим. Ведь у тебя же на носу свадьба. По этому поводу можно и по рюмке коньяка выпить. А попутно расскажу тебе о некоторых забавных случаях, которые случались с разными изобретателями в главке.

Чишинов достал из серванта початую бутылку молдавского коньяка, две рюмки и блюдечко с уже порезанным лимоном. Но наливать не спешил. Начал говорить:

— Вместе с талантливыми учеными и действительно изобретателями в Западную Сибирь в то время хлынули дельцы от науки — в поисках легких заработков. И чего только они не предлагали Виктору Ивановичу! Слава богу, и сам он был отличным инженером, разбирался, к тому же собственных патентов немало, а то бы они дел натворили. Предлагали, например, устроить дороги, по которым тележки и сани двигаются с помощью канатных лебедок — в условиях бездорожья. Предлагали закачивать в нефтяной пласт уксусную кислоту в огромном объеме. Этак вся пищевая промышленность работала бы только на изготовление уксуса, домохозяйкам на холодец ничего бы не осталось. Предлагали финансировать так называемые экранолеты — низколетящие летательные аппараты. Или построить трубные пневматические линии для перемещения в капсулах сухих грузов. Либо, совсем уже смешно, применять плоды каштанов для стабилизации промывочных растворов при бурении. Даже Госплан СССР присылал для заполнения кипы бумаг — перспективные планы применения роботов в процессах бурения и добычи нефти.

Все эти прожекты отнимали очень много времени у всех производственных служб. Но иногда, чего греха таить, проскакивали авантюрные, никому не нужные

проекты, темы, разработки по которым затем многие годы пылились на полках. Так, главк в течение двух лет финансировал тему группы ученых Уфимского нефтяного института, основанную на чистой фантазии. Предлагалось в системе ППД использовать для повышения нефтеотдачи огромное количество оксидата — продукта окисления легких углеводородов. Впоследствии оказалось, что нам предлагали закачивать в пласт продукт более дорогой, чем бензин, а в Госплане выяснилось, что сырья для получения оксида в ближайшие 15-20 лет не предполагается. Договор пришлось расторгнуть, но ошибка обошлась главку в 70 тысяч рублей.

Виктор Иванович, будем справедливы, тоже один раз пошел на поводу у коллектива конструкторов под управлением Шибанова. Они разрабатывали новую бурильную установку, а все, что было связано с бурением, для Муравленко являлось любимой темой. Эти конструкторы многие годы содержались за счет бюджета главка. Нет, дело свое они сделали, СССР даже запатентовал это изобретение в Канаде, но на практике дело не пошло. Не оправдались крупные материальные затраты, денежные средства в рублях и валюте. Ну, что поделаешь? Эйнштейн тоже признал свою ошибку, указанную Фридманом.

Лицо Алексея оставалось сосредоточенным, он продолжал размышлять о чем-то. Юноша вообще как-то изменился за эти сутки. Стал более серьезным, что ли. Николай Александрович вздохнул, наполняя коньяком рюмки.

— А вот это событие я запомнил очень хорошо, на всю жизнь, — тихо произнес он. — Торжества происходили в облисполкоме, в 1966 году. Сорок лет назад! Актальный зал был переполнен. Всюду — молодые, радостные, улыбающиеся лица. И член ЦК КПСС, первый секретарь Тюменского обкома Борис Евдокимович

Щербина вручает на сцене правительственные награды нефтяникам. Каждую минуту раздаются аплодисменты. Гул оваций. Трудно передать те чувства, которые тогда всех нас обуревали. Не важно — на сцене ты или в зале, получаешь поздравления или нет. Это был общий праздник. Потом Щербина пригласил Виктора Ивановича Муравленко. Вспышки фотоаппаратов, съемки на кинокамеры... Это затем передавали в телевизионной хронике. Я даже и себя увидел, в толпе. А может, и не я был? Но все мы были похожи. Ведь счастливые семьи, как еще Толстой отметил, все одинаковы...

А затем вдруг произошла заминка. Щербина никак не мог прикрепить Золотую Звезду Героя и орден Ленина на пиджак Муравленко. Слышно было, как Виктор Иванович пошутил: «Борис Евдокимович, вы мне новый костюм испортите». На что прозвучала ответная реплика: «Если бы мне дали Звезду Героя, я бы и семи костюмов не пожалел!» Кто-то пришел на выручку, дал Щербице перочинный ножичек, в котором было шило. И правительственная награда наконец-то засияла на груди Виктора Ивановича. Тогда овации достигли предела. А на сцене стояли два простых и великих, счастливых и тоже волнующихся человека. Это было незабываемо.

Чишинов приподнял свою рюмку и добавил:

— За всех истинных Героев России! Светлая память им. Наше счастье, что такие люди были.

Спустя некоторое время, в полной тишине, когда казалось, что слышна сама струящаяся ночь, прозвучал последний вопрос Алеши:

— Но почему же он все-таки поехал в Москву на это чертово совещание к министру, разве не знал, что у него больное сердце, не мог побережь себя?

— Нет, не мог, — подумав, ответил Чишинов. — Нужно было для дела. А про возможность четвертого инфаркта он конечно же знал. Дело в том, что буквально

за день до отъезда в столицу Виктор Иванович находился в Лебяжье. Проходил профилактический осмотр. Был, собственно, уже в режиме больного. И лечащий врач, профессор Николай Иванович Карданов, по требованию самого Муравленко, рассказал ему все о состоянии его здоровья, ничего не утаивая. Полную правду. Сказал, что эта поездка в Москву может оказаться последней. Ехать нельзя. По сути это был смертный приговор. Подписанный собственными руками. Так что у Виктора Ивановича, в принципе, был выбор. Он сидел, выслушивая Карданова, очень задумчивый. Представляю, какая внутренняя борьба в нем шла. А когда он о чем-то напряженно думал, решал какую-то сложную для себя проблему, у него была привычка ерошить волосы и слегка покусывать большой палец правой руки. Вот так он и сидел, раздумывая, облокотившись на стол. Потом твердо сказал:

— Надо ехать! — И остановить его в этот момент не смог бы никто. Нет таких сил в природе. Можно остановить сердце, но не человеческую душу, которая принадлежит Истине.

Они и не заметили, как рассвет, подобно алому парусу, начал тихо и неумолимо подниматься над Лосиным Островом, приветствуя торжество Жизни.

ЭПИЛОГ

Машина ждала на обочине дороги, а человек углубился в лес, чтобы глотнуть свежего воздуха, почувствовать неповторимый сибирский хвойный запах, умирить приступ астмы. И вновь задержался возле огромного муравейника, как двенадцать лет назад. Только тогда было начало осени и, кажется, накрапывал дождь. А тот ли это муравейник или другой — какая разница? Главное, никуда они не деваются, не исчезают эти труженики леса, неутомимые проворные работяги, для которых весь смысл существования — в созидании. Так же и человек, призванный на эту Землю, должен быть делателем и творцом. Если только он не «куколка» в коконе из дорогих и бесполезных побрякушек... Нахлынули вдруг воспоминания о прошедших годах. За спиной — целый учебник географии огромной страны: Кубань, Грозный, Баку, Сызрань, Сахалин, Хабаровск, Самара, Тюмень, вся Западная Сибирь. Москва, конечно, тоже. Что его ждет там сегодня? Что будет завтра? Об этом не знает никто. Но есть любимое дело, семья, близкие, друзья, соратники. Есть чистая совесть и выполненный перед Отечеством долг. Есть богатство, которое не оценить никаким банкирам: вот оно.

Человек окинул взглядом вековые сосны, ясное небо над головой, мягкую землю под ногами. Разглядел серьезных, деловито копошавшихся муравьев — строителей, фуражиров, кормильцев, воинов. И улыбнулся, поправляя галстук. «Ну, друзья-братцы, прощайте!» — подумал он. Шофер деликатно посигналил в машине. Надо успеть в аэропорт. Но время еще есть. Жизнь продолжается. Не остановить никому.

— Виктор Иванович! — позвал из-за деревьев обеспокоенный Валентин.

— Иду! — откликнулся Муравленко.

И зашагал по тропе назад. Твердо, как всегда это умел делать, быстро. Нет, не назад — вперед, только вперед. Но это были уже шаги в Вечность.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. МУРАВЛЕНКО

1912, 25 декабря — родился в станице Незамаевской Павловского района Краснодарского края в семье сельского врача Ивана Васильевича и Анны Ивановны Муравленко.

1930 — начало трудовой деятельности; моторист нефтяных промыслов Чечено-Ингушской АССР.

1931-1936 — учеба в Грозненском нефтяном институте.

1936— бурильщик Лок-Батайской конторы бурения в Баку.

1936-1937 — курсант военной школы РККА в Ленинкане.

1937-1940 — начальник буровой Сызранской конторы бурения в Куйбышевской области, директор конторы бурения треста «Сызрань-нефть».

1938 — родился сын Валерий.

1940 — вступил в ряды КПСС.

1940-1943 — начальник нефтеразведки на острове Сахалин.

1944-1945 — главный инженер треста «Дальнефтеразведка» на Сахалине.

1945-1946 — начальник отдела добычи и бурения «Дальнефтекомбината» в Хабаровске.

1946-1950 — директор конторы бурения, управляющий трестом «Ставропольнефть» в Жигулевске Куйбышевской области.

1949, 1958, 1966, 1976 — награжден орденами Ленина.

1950 — родился сын Сергей.

1950-1960 — начальник объединения «Куйбышевнефть».

1950-1977 — участвует в преподавательской деятельности; профессор Куйбышевского госуниверситета.

1960-1965 — заместитель председателя Куйбышевского СНХ, начальник управления нефтяной промышленности Средне-Волжского СНХ.

1965-1977 — начальник Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности («Главтюменнефтегаз»).

1966 — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1970 — лауреат Ленинской премии.

1972 — лауреат Государственной премии.

1974 — защитил докторскую диссертацию.

1977, 15 июня — скоропостижно скончался на 65-м году жизни. Похоронен в Тюмени.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

***Отец В. И. Муравленко — Иван Викторович с сыном
и дочерью Тamarой***

В. И. Муравленко. Снимок предвоенных лет

***В. И. Муравленко в период работы на Сахалине.
1940-е гг.***

***Виктор Иванович с женой Клавдией Захаровной.
1940 г.***

***Среди самых близких. С матерью Анной Ивановной,
женой, сыновьями Сергеем и Валерием. Начало
1950-х гг.***

Сыновья Сергей и Валерий

Сын Валерий с друзьями

С сыном Сергеем

С коллегами по «Куйбышевнефти» в пятидесятые годы. На нижнем снимке В. И. Муравленко — третий слева

На заседании Верховного Совета РСФСР. 1965 г.

У карты нефтяных месторождений

***«Три кита» нефтегазового комплекса. Слева
направо: начальник «Главтюменнефтегазстроя»
А. С. Барсуков, начальник «Главтюменнефтегаза»
В. И. Муравленко и начальник
«Главтюменьгеологии» Ю. Г. Эрвье***

Н. С. Хрущев и В. И. Муравленко на встрече с нефтяниками Западной Сибири

***Первый секретарь Тюменского обкома КПСС
Б. Е. Щербина вручает В. И. Муравленко Звезду
Героя Социалистического Труда. 1966 г.***

После вручения награды

***Американские специалисты в Тюмени на заводе
«Нефтемаш»***

С шахом Ирана в Нефтеюганске. Конец шестидесятых годов. В. И. Муравленко — в верхнем ряду второй слева

***Делегация Тюменской областной парторганизации
на съезде КПСС. В. И. Муравленко — крайний слева
в нижнем ряду***

Участники съезда на Красной площади

***На торжественном собрании коллектива
«Главтюменнефтегаза»***

***Муравленко с министром нефтяной
промышленности СССР Шашиным***

Династия нефтяников. Старший сын Валерий — студент Куйбышевского политехнического института. Валерий Муравленко, инженер-буровик

С сыном Сергеем на Самотлоре

В стенах родного главка

***С соратниками. В центре: первый секретарь
Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина и
В. И. Муравленко***

***С председателем Совета Министров СССР
Н. А. Косыгиным, заместителем председателя
Совета Министров СССР В. Э. Дымшицем,
министром нефтяной промышленности СССР
В. Д. Шашиным и министром газовой
промышленности СССР С. А. Оруджевым.
Нижневартовск. Самотлор. 1971 г.***

***Во время поездки первого секретаря ЦК ВЛКСМ
Е. М. Тяжельникова по Ханты-Мансийскому
автономному округу. В нижнем ряду —
В. И. Муравленко, Е. М. Тяжельников, летчик-
космонавт Б. В. Воынов, Б. Е. Щербина***

В рабочем кабинете

В минуты отдыха

***С председателем Совета Министров СССР
А. Н. Косыгиным и Б. Е. Щербиной. Нижневартовск.
Самотлор. 1971 г.***

У могилы легендарного борца за независимость Латинской Америки Симона Боливара. 1972 г.

На встрече с президентом Венесуэлы

В Венесуэльском парламенте

***На Самотлоре. В. И. Муравленко, Б. Е. Щербина,
управляющий трестом «Мегионгазстрой»
Г. И. Пикман, главный инженер НГДУ
«Нижневартовскнефть» Н. П. Дунаев. 1972 г.***

С делегацией из США в Западной Сибири

На Самотлоре

Во время встречи с американскими коллегами

Тюменская земля с высоты птичьего полета

Разговор по душам

У нас много общего. Американские нефтяники в гостях у В. И. Муравленко

Встреча с руководителями чехословацкого завода «Татра»

На дружеском ужине с зарубежными друзьями

***На буровой у Героя Социалистического Труда Г. М.
Левина***

Встреча зарубежных коллег в аэропорту

Хорошая шутка — помощник в работе

С иностранными специалистами на Самотлоре

Во время выступления на Тюменском телевидении

Почти как на субботнике

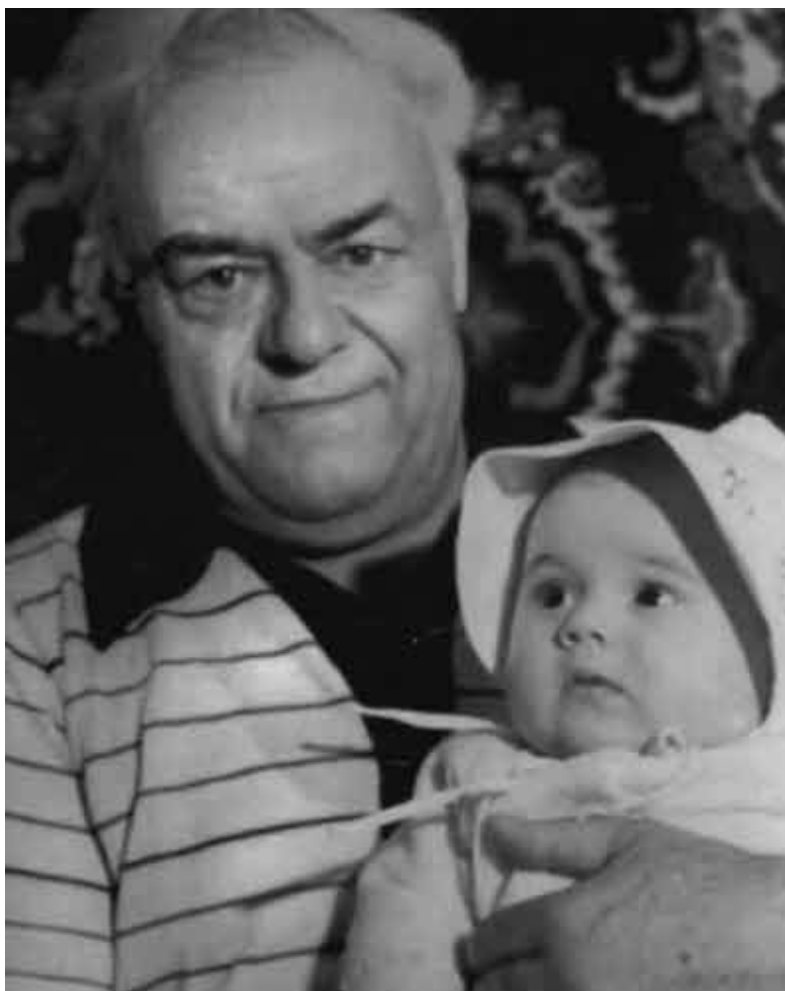
Встреча с автомобилестроителями

С гостями на природе

***С начальником объединения «Татнефть»
В. Г. Валихановым. Москва. 1970-е гг.***

С внучкой Машей

Буровая установка

Обсуждение проблем бурения

***С министром нефтяной промышленности СССР
А. Д. Шашиным в США***

***Друзья. С начальником «Главтюменьгеологии»
Ю. Г. Эрвье***

Внучка Маша

Внучка Виктория

Сын Виктора Ивановича — Сергей среди буровиков

Правнучка Катя

Пансионат «Нефтяник Сибири»

***Встреча с мастерами искусств в городе
Муравленко***

Западная Сибирь: взгляд с самолета

Отец и сын

***С. В. Муравленко с женой Ниной Львовной,
дочерями Машей и Викторией***

Сергей Викторович на открытии памятника отцу

С любимыми дочерями

Депутат Государственной думы С. В. Муравленко

Плавучая буровая установка имени В. И. Муравленко

***Самолет, названный именем Виктора Муравленко.
2007 г.***

Памятник Виктору Ивановичу в городе Муравленко

INFO

Трапезников А. А.
Т 65 Виктор Муравленко / Александр
Трапезников. — М.: Молодая гвардия,
2007.-317(3] с.: ил. — (Жизнь замечательных
людей: сер. биогр.; вып. 1105).

ISBN 978-5-235-03101-2

УДК 622.32(470+571)
ББК 33.36(2Рос)4

Трапезников Александр Анатольевич
ВИКТОР МУРАВЛЕНКО

Главный редактор *А. В. Петров*
Редактор *А. П. Житнухин*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *В. В. Пилкова*
Корректоры *И. В. Аветисова, Т. И. Маляренко,*
Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 24.10.2007. Подписано в
печать 16.11.2007, Формат 84x108/з2. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
«Таймс». Усл. печ. л. 16,8+2,52 вкл. Тираж
3000 экз. Заказ 74796.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес
издательства: 127994, Москва, Сущевская ул.,

21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail:
dse1@gvardiva.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес
типографии: 127994, Москва, Суцневская ул., 21.

notes

Примечания

1

В изложении А. Трапезникова. — *Прим. ред.*